

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 6 (86)

Scientific journal

*Historical Sciences.
Regional and local history Series*

Moscow 2012

ВЕСТНИК РГГУ
№ 6 (86)

Научный журнал

Серия «Исторические науки.
Региональная история. Краеведение»

Москва 2012

УДК 908(05)
ББК 63я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Редакционная коллегия серии «Исторические науки.
Региональная история. Краеведение»

С.О. Шмидт – ответственный редактор
В.Ф. Козлов – заместитель ответственного редактора
Е.Л. Чернова – ответственный секретарь
Э.Г. Истомина
М.П. Мохначева
Ю.А. Веденин
А.Г. Смирнова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
-------------------	----

Теория и история исторического краеведения

<i>С.О. Шмидт</i> Вступительное слово на Первом всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11–14 сентября 2007 г.)	15
<i>М.Н. Громов</i> Теоретические принципы структурирования русского краеведения	25
<i>Н.Ю. Юдина</i> Краеведение в Финляндии. Историко-культурный обзор	34
<i>А.М. Пашков</i> Историческое краеведение конца XVIII – начала XX в. как социокультурное и историографическое явление (на примере Карелии)	45
<i>А.Г. Смирнова</i> Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.)	58
<i>М.П. Мохначева</i> Регионалистика и историческое краеведение в России в 1991–2005 гг.: некоторые итоги и перспективы развития	78
<i>А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский</i> На родине Болховитинова. Хроника новейшего воронежского краеведения	91

Церковное краеведение

<i>Р.М. Короткевич</i> Об источниках материального обеспечения духовных школ Московской епархии в конце XVIII в.	101
---	-----

<i>В.В. Якименко</i>	
Из истории возникновения первых московских епархиальных женских училищ	116
<i>В.Ф. Козлов</i>	
К вопросу об изучении и издании документов о судьбах культурного наследия Русской православной церкви в 1918–1930-е годы	127
<i>Е.Л. Чернова</i>	
Распространение обновленчества в Москве в 1920-е годы: топографический аспект	135
Методика и практика краеведческих исследований	
<i>С.И. Баранова</i>	
О заказчиках изразцового декора церквей в Заяузье XVII в.	145
<i>А.И. Раздорский</i>	
Конские таможенные книги XVII–XVIII вв. как источник по изучению региональной социально-экономической истории России	167
<i>В.Б. Киор</i>	
Иммиграционная политика царской администрации в Поволжье (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)	176
<i>В.И. Первушкин</i>	
Археологические исследования Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний учеными архивными комиссиями	192
<i>М.Д. Ковалева</i>	
Историко-краеведческий метод в исследованиях графа С.Д. Шереметева о Смутном времени как новый подход к разработке проблем эпохи	201
<i>А.Н. Ларина</i>	
Иллюстрированная открытка: вопросы атрибуции	214
<i>В.В. Павленко</i>	
Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы	225

А.М. Алфёрова

Источники по изучению социокультурной среды научного города второй половины XX в. (на примере Зеленограда)	235
---	-----

Историографическое наследие

А.В. Мельников

Малоизвестная статья П.Н. Савицкого «Русское научное краеведение» начала 1930-х годов	245
Abstracts	290
Сведения об авторах	299

CONTENTS

Introduction	13
--------------------	----

Theory and history of local studies

S.O. Schmidt

Opening speech at the First All-Russian Congress of Regional Historians in Saint-Petersburg (11–14 September 2007)	15
--	----

M.N. Gromov

Theoretical principles of structuring of Russian local studies	25
--	----

N.Yu. Yudina

Local history in Finland. Historical and cultural overview	34
--	----

A.M. Pashkov

The local history at the end of XVIII – the beginning of XX centuries as social, cultural and historiographical phenomenon (by the example of Karelia)	45
--	----

A.G. Smirnova

From the history of Russian school of excursion: Petrograd Institute of Excursions (1921–1924)	58
--	----

M.P. Mokhmacheva

Regional and local history in Russia in 1991–2005: some conclusions and future prospects	78
--	----

A.N. Akinshin, O.G. Lasunsky

In Bolhovitinov's motherland. Chronicle of the latest Voronezh local studies	91
--	----

Church local history

R.M. Korotkevich

The sources on material support for religious schools of Moscow Diocese at the end of XVIII century	101
---	-----

<i>V.V. Yakimenko</i>	
From the history of the beginning of the first Moscow eparchial women's schools	116
<i>V.F. Kozlov</i>	
Studies and publication of documents on the Russian Orthodox Church cultural heritage and its destiny in 1918–1930	127
<i>E.L. Chernova</i>	
Proliferation of «obnovlenchestvo» in Moscow in 1920-s: topographical aspect	135

Methodology and practice of local history studies

<i>S.I. Baranova</i>	
About the customers of ceramic tile decoration for the churches in Zayauz'e in XVII century	145
<i>A.I. Razdorsky</i>	
Horse customs books of XVII–XVIII centuries as a source on studying of regional, social and economic history of Russia	167
<i>V.B. Kior</i>	
Tsar Administration in the Volga region and its Immigration Policy (late XVIII – early XIX centuries)	176
<i>V.I. Pervushkin</i>	
Archeological researches of the Tambov, Saratov and Penza provinces by scientific archival commissions	192
<i>M.D. Kovaleva</i>	
Local historical method in researches of count S.D. Scheremetev of the Time of Troubles as a new approach to decide the problems of the age	201
<i>A.N. Larina</i>	
An illustrated postcard: terms of investigation	214
<i>V.V. Pavlenko</i>	
Celebrations dedicated to 200-year anniversary of the Poltava Battle in Russia	225

A.M. Alfjorova

The sources on the study of social and cultural environment of scientific city in the second half of XX century (by the example of Zelenograd)	235
--	-----

Historiographical heritage

A.V. Melnikov

The little known article of P.N. Savitsky «Russian scientific regional studies» of early 1930s years	245
Abstracts	290
General data about the authors	299

ПОЗДРАВЛЕНИЕ
Заслуженному профессору РГГУ,
академику РАО, Советнику РАН,
Почетному председателю Союза краеведов России
С.О. ШМИДТУ

Уважаемый Сигурд Оттович!

От имени всех краеведов России поздравляем Вас с 90-летием!
Вы известны в нашей стране и за ее пределами как выдающийся
ученый, организатор и популяризатор науки, историк Москвы.

Трудно переоценить Вашу научно-организационную деятельность в возрождении отечественного краеведения, в продолжении его лучших традиций. Созданный Вами в 1950 г. в Историко-архивном институте научный студенческий кружок источниковедения стал настоящей кузницей историков, в том числе и активно занимающихся региональной историей и краеведением. В трудные 1990-е годы Вы возглавили Союз краеведов России, были инициатором его программ, благодаря Вам и Вашим ученикам в русской провинции появились центры по изучению края.

Мы, краеведы, живущие в разных уголках нашей страны, считаем Вас своим учителем. Вы создали педагогическую историко-краеведческую школу и ныне возглавляет уникальную кафедру москвоведения Российского государственного гуманитарного университета. Вы сохраняете и развиваете лучшие научно-просветительские традиции российской интеллигенции, Ваши многочисленные труды, выступления по телевидению, в печати воспитывают патриотизм, ответственную гражданскую позицию, желание принести пользу своей Большой и Малой Родине.

Дорогой Сигурд Оттович! Ваш вклад в изучение и развитие отечественного краеведения, в придание ему высокого научного уровня чрезвычайно высок.

Мы горячо поздравляем Вас со славным юбилеем и от всего сердца желаем Вам здоровья, творческой активности, бодрости, новых творческих успехов на благо отечественной гуманитарной науки, на благо развития и укрепления отечественного краеведения!

С глубоким и искренним уважением и любовью,
Краеведческое сообщество России

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый выпуск «Вестника РГГУ» новой серии «Исторические науки. Региональная история, краеведение» составлен усилиями преподавателей Отделения краеведения и историко-культурного туризма. Научно-образовательное направление в области исторического краеведения и регионалистики существует в Московском государственном историко-архивном институте – Российском государственном гуманитарном университете давно. Еще в МГИАИ на ряде кафедр, в первую очередь архивоведческих, вспомогательных исторических дисциплин, истории государственных учреждений и общественных организаций местная историческая тематика была довольно популярна. Краеведческая проблематика была также широко представлена на заседаниях научных студенческих кружков: отечественной истории (руководители Н.В. Устюгов, а затем А.И. Комиссаренко) и источниковедения (руководитель С.О. Шмидт). По краеведческой тематике защищались дипломные работы и кандидатские диссертации, делались научные доклады. На возникшей в МГИАИ в 1989 г. кафедре музейного дела и охраны памятников впервые стали читаться специальные краеведческие курсы. Профессор МГИАИ С.О. Шмидт был в 1990 г. избран председателем Союза краеведов России. Уже в рамках РГГУ в 1996–1997 гг. были созданы учебно-научный центр исторического краеведения и москвоведения (руководитель С.О. Шмидт) и кафедра региональной истории и краеведения (заведующий В.Ф. Козлов). В 2003 г. при кафедре была открыта специализация «Краеведение и исторический туризм» с отдельным набором студентов. В 2007 г. на базе кафедры региональной истории и краеведения была создана кафедра москвоведения (заведующий С.О. Шмидт). В том же году на базе двух краеведческих кафедр и учебно-научного центра было образовано Отделение краеведения и историко-культурного туризма. В 2008 г. создан новый Центр экскурсионного дела и изучения исторических памятников Москвы (руководитель А.Г. Смирнова).

Быстро развивающееся в университете образовательное краеведческое направление подкрепляется значительной по масштабам научной и научно-общественной деятельностью.

С созданием кафедры региональной истории и краеведения в РГГУ постепенно переместились организационные центры Союза краеведов России и Московского краеведческого общества. Краеведческие кафедры и учебно-научные центры в течение многих лет являются инициаторами проведения совместно с Союзом краеведов России и другими организациями ряда крупных научных конференций по проблемам изучения исторического краеведения и региональной истории: Всероссийских краеведческих семинаров (2004, 2005), ежегодных Всероссийских краеведческих чтений (с 2007 г.), межрегиональных студенческих конференций, именных Барановских и Скворцовских чтений и т. д. С 1997 г. в актовом зале Историко-архивного института РГГУ проводятся ежемесячные конференции по представлению новой литературы по краеведению и москвоведению «Встречи на Никольской». Многочисленные сборники докладов и выступлений на конференциях, семинарах и чтениях, организуемых краеведческими кафедрами, хорошо известны всем, кто занимается проблемами исторического краеведения и региональной истории. Таким образом, РГГУ превратился в один из признанных научно-образовательных краеведческих центров России.

В настоящий выпуск «Вестника РГГУ» вошли 20 статей, написанных преподавателями вузов, музейными и библиотечными работниками. Авторы представляют известные своими историко-краеведческими традициями регионы России: Москву, Петербург, Воронеж, Пензу, Петрозаводск. Более всего статей объединено в раздел «Теория и история исторического краеведения». Несколько статей вошло в рубрику «Церковное краеведение». Наконец, в самый значительный по объему раздел «Методика и практика краеведческих исследований» вошли различные работы, посвященные изучению локальных явлений в краеведении: отдельных памятников и их групп, городов, населенных пунктов и т. п. Обозначена рубрика «Историографическое наследие».

Объем сборника не позволяет представить весь широкий спектр современного исторического краеведения и региональной истории. Надеемся восполнить пробелы в следующих сборниках.

Редакционная коллегия

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ИСТОРИКОВ-РЕГИОНОВЕДОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (11–14 СЕНТЯБРЯ 2007 г.)

Выступление С.О. Шмидта посвящено современным проблемам теории и методики исторического краеведения и регионоведения, состоянию и перспективам краеведческого движения. Особое внимание уделено вопросам изучения и преподавания краеведения в вузах, определению понятий и границ «краеведения», «регионоведения».

Ключевые слова: историко-культурное краеведение, регионоведение, региональная история, краеведческие конференции, Союз краеведов России.

Организация Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов – явление показательное не только в плане развития научных знаний, но и как характерный фактор современной жизни, свидетельство возрастающего внимания к проблематике краеведения и в среде ученых, и у общественности, и в органах управления.

После разгрома историко-культурного краеведения на рубеже 1920–1930-х годов, когда репрессировали во многих больших и малых городах виднейших краеведов и шельмовали традиции и результаты многолетней краеведческой работы, Первую Всесоюзную конференцию по историческому краеведению удалось провести лишь в 1987 г. в Полтаве; а в 1990 г. в Челябинске состоялся Учредительный съезд Союза краеведов России. Ныне, в год двадцатилетия конференции 1987 г., организуются уже два масштабных научных форума с секциями многообразной тематики: в апреле в Москве, в Российском государственном гуманитарном

© Шмидт С.О., 2012

Этот текст с незначительными изменениями напечатан в кн.: Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов. Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 г. Т. I. СПб., 2010. С. 27–38.

университете состоялись Первые всероссийские краеведческие чтения с участием связанных с нами общей работой специалистов из Украины и Беларуси. Сегодня открываем в Санкт-Петербургском государственном университете Первый Всероссийский съезд историков-регионоведов.

В обоих случаях соорганизатором выступает Союз краеведов России. Как председатель этого Союза выражаю глубокую признательность организаторам Съезда и гостеприимным хозяевам – и прежде всего ректору Университета академику РАО Людмиле Алексеевне Вербицкой, а также руководящим деятелям Университета и деканата Исторического факультета, обеспечившим возможность нашей встречи. И понимаю, конечно, что если в Москве в апреле основная тяжесть организации научного форума, выработки его программы пала на плечи преподавателей кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ, то в СПбГУ мы должны с особой благодарностью отметить самоотверженную работу коллектива кафедры исторического регионоведения, возглавляемой профессором Ю.В. Кривошеевым.

В 1990-е годы на краеведческой деятельности, конечно, сказалось сокращение возможностей государственной поддержки. Но возрастающий интерес к познанию своего края, его природного и культурного наследия, к вкладу местных жителей и уроженцев в летопись содеянного соотечественниками отражал происходившие в стране изменения, когда регионы становились значительно более независимыми от центра и могли самостоятельно планировать программу культурного развития, и получала распространение демократическая идеология. В то же время тем самым была обусловлена неравномерность проявления краеведческой инициативы в разных регионах и городах.

Однако в целом почти везде обнаруживалось стремление к перестройке экспозиций краеведческих музеев (где до того обязаны были следовать навязанному сверху стандарту), к восстановлению памяти о достойном в истории и культуре дореволюционного периода и о жертвах репрессий в советские годы, особое внимание к творческому наследию краеведов XIX – первой трети XX столетия. Возросло число изданий и диссертаций по проблематике историографии краеведения. Повсеместно стали проводиться конференции краеведческой тематики и издаваться их материалы, появились продолжающиеся (а иногда и периодические) краеведческие журналы и альманахи. Повысился научный уровень путеводителей, книг и буклетов о местных достопамятностях. Краеведческая литература на местах становится столь многообразной и показательной, что Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям уже не первый год успешно проводит Всероссийский конкурс таких изданий – «Малая Родина».

Существенно и то, что интерес именно к краеведной тематике (к истории своей местности, своих родственников) преобладает в сочинениях школьников на всероссийских конкурсах работ исследовательского типа. Лучшие из них изданы в сборниках, подготовленных в обществе «Мемориал» в Москве; работы школьников по петербурговедению издаются регулярно в Петербурге. И радует, что ссылки на материалы таких изданий встречаем в трудах специалистов, отягощенных учеными степенями. У лауреатов таких конкурсов и авторов печатных работ нет пока преимуществ при поступлении в вуз, полагающихся победителям олимпиад по другим областям знаний. Но убежден, что именно это следует в первую очередь учитывать при приеме в вуз подобных абитуриентов, а не формальные показатели пресловутого ЕГЭ – иначе мы потеряем лучших из нашей потенциальной смены.

Во многих регионах, в некоторых городах и в районах с сельским населением стали готовить солидные справочные издания, даже энциклопедии, осуществление которых возможно только при организационной и материальной поддержке властных структур.

Это заметно и в реализации программ Союза краеведов России, не обладающего материальными ресурсами: части большой программы изучения культуры российской провинции XVIII–XX вв. (конференции – чаще всего в Пензе, издания), программы изучения малых городов, в организации в РГГУ конференций по методике преподавания краеведения в вузах. Всероссийские семинары краеведов о современном состоянии и перспективах развития краеведения в Зарайске в 2004 г. и в Воронеже в 2005 г. были проведены по инициативе и при участии Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронова.

Существенно важно то, что инициаторами и организаторами обоих больших форумов 2007 г. являются университеты классического типа. Ранее краеведение вызывало интерес преимущественно в пединститутах (некоторые из них обрели в недавнее время статус университетов). Ибо познание мира начинается с представления о самом близком окружающем, доступном наблюдению, и только затем, в сопоставлении с новоузнаваемым, возникают понятия об общем и особенном, повторяющемся, типическом, о ценностных категориях и т. п. Потому-то элементы того, что позднее определяют как краеведение, изначально присутствовали в школьном обучении. Именно средней школе и краеведческим музеям мы обязаны сохранением методики, а в какой-то мере даже и исследовательской тематики не только географического, но и историко-культурного краеведения после его беспощадного преследования вульгаризаторами обществоведения, поддерживаемыми высшими партийными

инстанциями. Некоторые добрые традиции уцелели благодаря прикрытию определением «школьное краеведение», широко используемым в практике. Ныне в университетах классического типа перестают относиться к краеведению и регионоведению как к отраслям знания, вспомогательным при подготовке специалистов разного профиля, создаются программы и даже кафедры такой специализации, как памятниковедение.

Это отражает не только изменения, произошедшие в нашей стране, но и в исторических науках, социологии, культурологии, и других – к концу XX столетия. Преобладающий интерес к явлениям государственно-политической истории, к наиболее значимому в плане социально-экономической истории, истории культуры сменился особым вниманием к истории повседневности, к локальной истории, микроистории, особенностям исторической психологии, соотношению этого всего с изучением все более осязаемого процесса глобализации и его предпосылок. И у зарубежных ученых, сохраняющих интерес к изучению прошлого России и содеянного в науке нашими соотечественниками, в последнее десятилетие внимание сосредоточивается при организации международных конференций на подобной, ранее казавшейся менее привлекательной, проблематике. Сошлюсь на программы двух конференций, в которых у меня еще хватило сил выступить с заглавными докладами. Это – организованная в Парижском университете Сорбонне по почину проректора профессора Ф. Конта конференция «Краеведение в России (1890–1990): истоки, кризис, возрождение» в 2000 г. и конференция в Вене, организованная в 2003 г. профессором университета А. Каппелером, «Россия XVI–XVII вв. в перспективе развития ее регионов» (труды обеих конференций изданы отдельными книгами).

Важно указать на то, что проблематика конференции в Сорбонне определялась в основном повышенным интересом к методике научной работы наших краеведов – и не только потому, что в нашей огромной стране разнообразие природных особенностей, культурных традиций и что Россия многонациональное, многоконфессиональное государство, но и оттого, что наши ученые еще в первой трети XX в. разработали тематику и апробировали практикой междисциплинарного характера методику конкретных исследований повседневности в различных ее проявлениях и в разных историко-географических условиях, зачастую предвосхитив то, что вызывало особый интерес у западной науки последующего времени. А в связи с признаваемым ими «возрождением» краеведения в современной России особо познавательным им показался доклад В.Ф. Козлова «Роль местных периодических изданий в изучении местной истории и культуры в

последние десятилетия XX в.» (к тексту его напечатанного доклада приложен перечень таких изданий).

А историографы осознали и то, что путь в науку большинства выдающихся историков, даже тех, кто затем прославился трудами с запоминающимися обобщениями, начинался с работ конкретной и чаще всего локальной тематики, которые становились для них школой овладения приемами исследовательского мастерства. Это совершенно очевидно и при знакомстве со списками печатных трудов моих предшественников по руководству возрожденной в 1956 г. Археографической комиссии Академии наук. Первые работы академика М.Н. Тихомирова – книга о Псковском восстании 1650 г., статьи по истории старинного подмосковного города Дмитрова и его окрестностей и Самарского края, и последняя – монументальная монография «Россия в XVI столетии» на стыке региональной истории и краеведения. Член-корреспондент Академии наук В.И. Шунков начинал с краеведческих изысканий о Сибири XIX в. и методических трудов о преподавании «школьного краеведения», а завершил масштабными исследованиями о Сибири. Знаменитый петербургский историк академик С.Ф. Платонов, заведовавший кафедрой в Университете и создавший именно здесь прославленную научную школу, темой последней своей книги (1927 г.) избрал то, что четко отражено в ее названии – «Далекое прошлое Пушкинского уголка». По определению автора, это «исторический очерк» «пространства всего 20–25 км», где расположены вблизи реки Сороть помещичьи усадьбы (Михайловское, Тригорское и другие) и Святогорский монастырь, ставший местом захоронения Пушкина. Нередко приводят выражение, характеризующее актерскую игру: «Не бывает маленьких ролей, бывают маленькие актеры». Применительно к сочинениям историков допустимо сказать: «Нет маленьких тем, есть маленькие исполнители». И потому-то одна из задач и краеведения, и историографии – выявление трудов краеведной тематики в наследии видных ученых и определение их места и в творческой биографии ученого, и в обогащении методики краеведной работы.

Это тем более важно, что среди историков находятся и такие, которые всякие сочинения краеведной тематики пренебрежительно относят к работам второго сорта. Мало осведомленные в истории краеведения, не осознающие его теснейшую взаимосвязь с проблематикой изучения повседневности, примитивно сводящие круг интересов краеведов к рассмотрению «достопримечательностей», они слишком склонны к приспособлению модных зарубежных терминов для обозначения устоявшихся понятий и даже к небезобидному для распространения краеведных знаний теоретизированию обличительной направленности.

Уже приходилось приводить пример такого рода: в статье 2005 г. «Новая локальная история в системе университетского образования» характеризуется традиционный тип «локальной истории», названный по аналогии с «психическими типами» «интровертным», «как не требующий особых исследовательских усилий». Там читаем: «Такая история зачастую все еще сохраняет эрудитский характер, свою задачу видит в накоплении разнообразных фактов по истории локуса, а свою научность определяет через установление достоверности фактов путем “критики исторических источников”». И далее снисходительное замечание: «Не будем здесь оспаривать ценность таких подходов. Они, по-видимому, имеют право на существование». А затем и декларация: «Однако, хотя такая “местная” история может быть востребована массовым сознанием, она представляется мне весьма опасной. В первую очередь – своей нацеленностью в прошлое, что мешает не только стремиться в будущее, но и адекватно ориентироваться в настоящем. Во-вторых, тем, что создает угрозу ксенофобии». Автор, видимо, не знаком с писаниями тех, кто громял историко-культурное краеведение в начале 1930-х годов, иначе бы вряд ли решился столь откровенно повторять их соображения. К сожалению, эта статья написана заведующим кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ М.Ф. Румянцевой и помещена в сборнике Материалов XVII научной конференции с обязывающим названием «Образ науки в университетском образовании». Полагаю своим долгом старейшего по стажу профессора РГГУ, преподающего с 1949 г. в Историко-архивном институте, ставшем для меня, выпускника истфака МГУ, уже давно родным, заметить, что такие суждения отнюдь не отражают представления тех, кто там преподает и не соответствуют высокому уровню научных конференций, ежегодно организуемых кафедрой с 1989 г. И довольно странно выглядит, когда попытка показать несостоятельность традиционных краеведческих представлений и якобы потребность внесения изменений в устоявшуюся терминологию имеет место (при поддержке тех же, ранее никогда не занимавшихся такой проблематикой, москвичей) в Ставрополе, где, кстати, подготовлено одно из лучших в России на сегодняшний день изданий историографо-краеведческого плана «Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет» (1344 страницы).

Действительно, краеведение – это сфера не только научной, но и культурно-просветительской, памятникоохранительной, общественной деятельности, преимущественно, силами местных жителей. Но такого рода работа все в большей мере опирается на научную основу, а наблюдения лиц, даже не имеющих специальной подготовки, оказываются зачастую необходимыми и полезными для серьезных

научных выводов. И потому сейчас для развития краеведения дилетантизм в практике краеведения, пожалуй, менее опасен, чем безответственный и самоуверенный дилетантизм в теории.

Краеведение многоуровнево по своему научному потенциалу и предназначению научных знаний, и существенно важно, чтобы в сферах учебной и просветительской оно опиралось на достижения научного знания. Однако при обращении к широкой публике – и к «аборигенам», и особенно к приезжим – такие данные преподносятся обычно в, так сказать, облегченном виде – и в популярных изданиях, и устно. Следует иметь в виду, что информация об особенностях местного культурного и природного наследия, о «достопамятностях» наиболее привлекательна для туристов. Ныне во всем мире историко-культурный туризм стал характерной чертой общественной жизни и культуры и все более процветающей индустрией, а иногда и определяющим фактором экономического потенциала. Подготовка экскурсоводов становится, тем самым, перспективной специализацией. И именно ученые-краеведы призваны вносить научные знания в подготовку подобного рода специалистов, ограждая их от недостоверной и легковесной информации.

Важно, чтобы определенный набор информации по тематике историко-культурного краеведения обязательно включался в программы подготовки в вузах специалистов в сфере средств массовых коммуникаций и в сфере обслуживания – сервиса и туризма. Желательно, чтобы университеты подготовили пособия и программы для экскурсоводов по своему краю. В РГГУ готовы составить рекомендации, облегчающие такую работу и консультировать авторов подобных изданий.

Наконец, знаменательно то, что конференция происходит в Петербурге, где на протяжении почти трехсот лет ведется осязаемая во всей России разносторонняя и результативная работа в сфере краеведения. У истоков нашего краеведения как сферы комплексного научного знания стоят знаменитые «академические» экспедиции XVIII в., академические «анкеты», приглашающие к изучению своего края и местных жителей, академические издания. Показательно, что первым членом-корреспондентом Академии наук стал (в 1759 г.) уральский краевед П.И. Рычков; в 1786 г. этого звания был удостоен знаток Архангельского края и видный местный общественный деятель В.В. Крестинин. Тогда уже сформировалась традиция тесной взаимосвязи академической (а затем и университетской) науки с краеведением, что особенно характерно именно для нашей страны. Иначе на ее огромной территории трудно было бы вести природные наблюдения, узнать о прошлом многочисленных народов и отличительных чертах их культуры, получить пригодные для научной (и прежде всего статистической) обработки и сопоставления данные

о социально-экономическом положении различных регионов государства и об их историко-культурных особенностях. В Петербурге находились учреждения и общества, инициировавшие работу краеведной направленности на местах, обеспечивавшие ее методическими рекомендациями – и Вольное экономическое общество, возникшее еще в 1765 г., и образовавшиеся в XIX в. Археографическая комиссия, Русское географическое общество и другие.

Как никогда ни ранее, ни позднее тесной была взаимосвязь Академии наук и краеведов в первое тридцатилетие XX в. и особенно в послереволюционные годы, воспринимаемые ныне как «золотое десятилетие» нашего краеведения. Центральным бюро краеведения (далее – ЦБК) руководил непреходящий секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург (востоковед и культуролог). Его заместителями были тоже академики языковед и археолог Н.Я. Марр и геолог А.Е. Ферсман, а местоположением Ленинградского отделения ЦБК – Мраморный дворец. В книге о деятельности Академии наук, подготовленной в 1927 г. к десятилетию Октябрьской революции, сочли необходимым поместить статью и о достижениях в области краеведения. Петроград стал центром совершенствования экскурсионной методики в историко-культурном краеведении, что запечатлено в переиздающихся печатных трудах профессора И.М. Гревса (памяти которого была посвящена научная конференция СПбГУ в 2006 г.) и Н.П. Анциферова.

С возрождением краеведения именно в Петербурге в 2000 г. был проведен Международный семинар по методологии региональных исторических исследований (в Мраморном дворце), а в 2003 г. инициированный Российской национальной библиотекой Международный практический семинар «Проблемы создания региональных энциклопедий». В Петербурге ведется неустанная работа по привлечению к краеведческим изысканиям школьной молодежи, являющаяся образцом для всей России. С середины 1990 г. вручаются Анциферовские премии за печатные труды по петербурговедению по нескольким номинациям, в том числе и авторам из зарубежья. В работе жюри в процедуре присуждения премий действенное участие принимал академик Д.С. Лихачев. В бытность руководителем Фонда культуры он придавал большое значение развитию краеведения, изданию литературы соответствующего профиля, и очень отраднo, что образованный после его кончины «Фонд им. Д.С. Лихачева» следует этой доброй традиции.

Оба научных форума 2007 г. многотемны и во многом близки по проблематике. Некоторым даже представляется, что между тем, что обозначают терминами «краеведение» и «регионоведение» (или «региональная история»), и «краевед» и «регионовед» по существу

мало различий. На самом деле это не так. И, хотя уже приходилось не раз и писать, и говорить об этом, позволительно снова кратко напомнить о том, в каком понимании употребляют такую терминологию в Союзе краеведов России и в РГГУ, что, соответственно, отражено было и в программе Первых всероссийских краеведческих чтений, и в формулировках заглавий докладов и сообщений.

Термин «краеведение» закрепился в русском языке лишь на рубеже XIX и XX вв. для обозначения деятельности определенной тематики: познание и распространение знаний о прошлом и настоящем какого-либо «края» – от сравнительно крупного региона до отдельных города и деревни, монастыря, усадьбы, завода, даже улицы, храма, дома, школы и т. д. Термин «регион» чаще всего обозначает часть территории (и обычно немалую), отличающуюся от других совокупностью устойчивых природных, социоэкономических, государственно-политических, исторических, культурных особенностей развития. «Регионоведение» (схожего значения термины «регионология», «регионалистика») подпитывается краеведением, и потому-то справочные издания, называемые региональными энциклопедиями, тоже насыщены собственно краеведной тематикой и информацией и могут рассматриваться как результат работы и краеведов.

И краеведение и регионоведение – сферы междисциплинарной научной деятельности даже в тех отраслях, которые выделяются как самостоятельные: исторической, географической и других. В краеведении преобладает интерес к наследию – историко-культурному и природному. Регионоведение же обязательно включает познание современного состояния местности, освоение данных политологии, экономической географии, демографии. Регионоведение – комплекс более широких и обобщенных знаний, чем краеведение, сосредоточенное преимущественно на местных особенностях и достопамятностях – природных, исторических, художественных, собственно мемориальных, то есть напоминающих о выдающихся событиях, уроженцах, местных деятелях, монументах и т. п. Краеведение особенно тесно соприкасается с памятниковедением и с проблематикой биографики. Существенна его взаимосвязь с источниковедением и близкими к нему специальными (или вспомогательными) дисциплинами. Без владения методикой таких научных дисциплин невозможно атрибутировать памятники истории и культуры, извлекать из них полновесную информацию.

Региональная история – лишь часть более широкой сферы, относящейся к регионоведению. В то же время при занятиях региональной историей (историческим регионоведением) не ограничиваются обычно территорией собственно региона: важны взаимосвязи с другими регионами, со столицей, определение места региона в территориальной

структуре всей страны, в общегосударственной (или даже межгосударственной) системе социоэкономических, политических, культурных отношений. Важнейшая задача регионоведения – выявлять и характеризовать «общее», для краеведов – «особенное». В регионоведении наибольшее внимание уделяется определению путей в будущее; в краеведении – использованию прошлого в настоящем и в будущем.

Регионоведение – сфера научных знаний, овладение методикой которых требует специальной подготовки. Краеведение изначально имело и просветительскую направленность, допускающую вовлечение в эту деятельность широкой общественности. И потому-то краеведение явственнее, чем регионоведение (более нейтральное, как всякое формализованное научное знание), отражает особенности менталитета (и общества в целом, и отдельных его группировок – больших и малых) и вкусовые предпочтения той или иной эпохи. Относящееся к краеведению, усваиваемое с юных лет (включенное в программы школьного обучения) оказывает непосредственное воздействие на формирование не только первичных научных представлений, но и общественного сознания – воспитательное значение краеведения общепризнано.

И различия краеведения и исторического регионоведения прослеживаются в программах научных форумов 2007 г., даже в наименовании их секций. В Москве было много пленарных докладов, а затем работа была распределена по одиннадцати секциям: I. Преподавание краеведения и региональной истории; издание краеведческой литературы; II. История и современное состояние краеведения. Краеведческое движение; III. Краеведческие программы. Краеведение и культурное наследие; IV. Краеведение и архивы; V. Краеведение и музеи; VI. Экскурсионно-туристическая деятельность и краеведение. Некрополеведение; VII. Методика краеведческих исследований. Усадьбоведение; VIII. Городская и сельская социокультурная среда: проблемы изучения; IX. Церковное краеведение; X. Москвоведение; XI. Историография и источниковедение краеведения и локальной истории.

Для собравшихся сейчас в Санкт-Петербургском университете важнее всего то, что сближает краеведение и регионоведение, тем более что внимание к использованию таких сближающих элементов отражено в учебных программах вузов и в практике совместной работы и с хранилищами памятников истории и культуры – музеями, библиотеками, архивами, и с учреждениями разного профиля. Хочется пожелать, чтобы будущие историографы оценивали 2007 год как значимую веху в развитии и регионоведения и краеведения, в расширении творческих и человеческих контактов специалистов в обеих отраслях знания.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ*

Автор, анализируя познавательный характер краеведения, характеризует его с позиций трех уровней: эмпирического, теоретического и философского. В плане теоретического осмысления эмпирического материала краеведения выдвигается семь принципов: многовекторность, многофакторность, контекстуальность, примат первоисточника, генетический подход, непрерывность развития, открытость. Каждый из этих фундаментальных принципов краеведения автор анализирует, приводя примеры из историко-философской и краеведческой практики.

Ключевые слова: фундаментальные принципы краеведения, научное краеведение, историко-культурное наследие, региональные интерпретации культурно-исторического процесса.

Изучение отечественного историко-культурного наследия неразрывно связано с краеведением и россиеведением. Если последнее не имеет еще определенного статуса и подходы к нему – самые различные, от конкретно-эмпирического до философско-обобщающего, то краеведение во всем многообразии его проявлений существует с незапамятных времен. Интерес к родной природе, минувшим событиям, сохранившимся памятникам прослеживается со времен Древней Руси. Бытует мнение, что первым русским музеем стала основанная Петром Великим Кунсткамера в Санкт-Петербурге. Однако первые собрания реликвий, раритетов, произведений искусства стали собираться в монастырских ризницах задолго до этого. Именно они должны считаться первыми

© Громов М.Н., 2012

* Текст подготовлен в рамках проекта Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

музейными собраниями. Примером является церковно-археологический музей Троице-Сергиевой лавры, имеющий сотни единиц хранения, начиная с раннего Средневековья и заканчивая нашим временем.

Если касаться генезиса и типологии отечественной культуры как многовекового непрерывного процесса, уходящего своими истоками в эпоху еще дохристианской Руси, то и созданное тогда первоначальное архаическое наследие не должно быть отвергнуто. Все пласты культуры, как материальной (о чем хорошо знают археологи), так и духовной (о чем не всегда помнят культурологи), должны быть учтены без какого-либо их изъятия из национальной памяти.

Обращаясь к краеведению, прежде всего отметим, что оно является исключительно важной сферой практической и теоретической деятельности, включающей научный, общественный, воспитательный аспекты. Без знания отечественной истории и культуры, без понимания сложившихся традиций, без уважения к своему наследию невозможно воспитать достойного гражданина России. Все это накладывает особую ответственность на представителей краеведческой науки и практики, тесно связанных друг с другом в рамках единой актуально необходимой работы.

Вначале рассмотрим научный аспект краеведческой деятельности. Как многие современные науки, краеведение, с одной стороны, приобретает широко разветвленный специализированный характер в рамках региональных, местных, тематических изысканий. Углубленное изучение каждой исторической области, каждого конкретного региона, каждого отдельного города и определенной местности, безусловно, необходимо, ибо все они обладают собственной самобытностью и неповторимостью, которые не должны нивелироваться в угоду неким установленным стандартам. Кроме специализации по территориальному принципу существует специализация профильного характера, когда выделяют хозяйственный, культурный, этнографический, конфессиональный, социальный и иные компоненты краеведческих исследований.

Можно привести массу примеров, когда специализированное краеведение добывает и представляет нашему вниманию ценнейшие сведения, скажем, по истории Тверской и Ярославской областей, по традициям поморского населения Русского Севера и донского казачества на юге страны, по красносельскому ювелирному промыслу и судоходству по реке Волге, по колоколотейному делу и развитию коневодства, по истории старообрядчества и освоения Сибири, по множеству других направлений. Важно понимать при этом, что каждый регион, каждая профессия, каждое конфессиональное

направление имеют свою позицию, свой взгляд, свою интерпретацию событий прошлого и настоящего, которые необходимо уважать и учитывать как проявление мозаичного характера общероссийской культурно-исторической картины, характерной для нашей страны с древних пор до сего дня.

С другой стороны, краеведение при всей своей разветвленности и специализированности требует интеграционного подхода, выработки общих фундаментальных принципов организации как единого, всеохватывающего знания о стране, о ее истории, культуре, традициях. Дифференциация и интеграция, будучи двумя противоположными принципами существования системы, взаимодополняют и уравнивают друг друга. В этом плане необходимо понимать, что частные региональные интерпретации культурно-исторического процесса, при всем к ним уважении, не должны заслонять общероссийской, общенациональной, общегосударственной его трактовки. Мы имеем в данном случае философскую проблему соотношения единичного и общего, решение которой предполагает объективный и взвешенный подход при учете всех компонентов, факторов и обстоятельств развития данной системы.

Рассуждая далее о познавательном характере краеведения, постараемся выявить внутреннюю его субординацию как достоверного знания. В науке принято выделять три уровня отношения к рассматриваемым феноменам: *эмпирический, теоретический, философский*. Первым и начальным является эмпирический, когда происходит поиск, выделение, накопление первичных данных. Для ботаника это сбор гербария, для геолога – отыскание минералов, для лингвиста – накопление языковых выражений. Краевед в подобной ситуации собирает разные сведения в рамках своих профессиональных интересов. Наибольшую ценность в данном случае имеют подлинные памятники былого или их фрагменты: результаты археологических раскопок, произведения искусства, ремесленные изделия, рукописные и печатные свидетельства, фотографии, рисунки, различные вещи изучаемой эпохи. Они первичны и наиболее важны. Затем следуют материалы вторичного характера: исследования, позднейшие копии, современные воспроизведения, параллельные свидетельства, различные косвенные данные, обогащающие первичный материал. Вся совокупность имеющихся вербальных и невербальных источников будет подвергаться затем комплексному, междисциплинарному, интегральному изучению в целях выработки цельного знания о рассматриваемом феномене.

На втором уровне собранный эмпирический первичный материал систематизируется, классифицируется, идентифицируется. На основе его упорядоченности делаются некие выводы, обобщения,

выстраивается концепция и как вершина аналитического подхода создается теория процесса, иногда принимающая форму закона. В краеведении в отличие от физики, химии, биологии выработка наиболее общих закономерностей затруднена, но не исключена, имея при этом свою специфику. Главная проблема состоит не в сопротивлении эмпирического материала, а в преодолении субъективизма интерпретаторов. При всем стремлении к объективности и непредвзятости всегда будут оставаться до конца непреодолимые культурные, исторические, конфессиональные и иные различия в среде интерпретаторов, по-разному толкующих одни и те же факты.

Например, знаменитые крестовые латинские походы всегда будут различно трактоваться западными христианскими учеными и их восточными исламскими коллегами. Никогда не придут к общей оценке реформ патриарха Никона церковные историки новообрядческого и старообрядческого толков. Наша гордость, непобедимый полководец Александр Васильевич Суворов вряд ли будет любим поляками за взятие Варшавы и пленение Тадеуша Костюшко. Точно также объект польской гордости король Стефан Баторий всегда будет выглядеть для нас иноземным завоевателем, хотевшим захватить Псков. Еще в большей степени это относится к Чингиз-хану и Бату-хану, которыми гордится монгольский народ. Подобные примеры можно взять из новой и новейшей истории, когда по-разному трактуются значение Великой французской и Октябрьской революций, роль Наполеона и Сталина, итоги Второй мировой войны, современная элитарная и массовая культуры.

Вместе с тем, объективный и взвешенный анализ прошлого, если его тактично и умело применять, помогает преодолению устойчивых стереотипов, присутствующих не только в непросвещенной, но и в образованной среде. Например, распространено мнение, что создателем азбуки кириллицы является равноапостольный первоучитель Константин-Кирилл Философ. На самом деле он вместе с братом Мефодием создал глаголицу, не получившую широкого распространения по причине сложного написания. Кириллица же создана по образцу греческого алфавита учениками славянских просветителей и названа в честь одного из них. Главная же заслуга солунских братьев состоит в создании фундамента духовного просвещения славян (и не только их) на основе византийской образованности. Они перенесли высокий гуманитарный синтез филологии, философии и богословия, выработанный в Византии, наиболее развитой и культурной державе раннего Средневековья, на славянскую почву.

Вопреки распространенной упрощенной схеме «Запад–Россия–Восток» главным цивилизационным фактором в отечественной ис-

тории еще с дохристианского периода и особенно после крещения Руси был южный, действовавший до падения Константинополя в 1453 г. Лишь после крушения Византии Россия поворачивается в сторону Западной Европы. И первым западником был не император Петр Великий, возлюбивший все немецкое, и не его отец царь Алексей Михайлович, равнодушный к польскому, а государь Иван III, женившийся на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог, пригласивший итальянских зодчих для строительства нового ансамбля Московского Кремля, который визуальным выражает пластическим языком архитектуры доктрину Третьего Рима. Византия являлась хранительницей античного наследия и восприемницей культурных достижений цивилизаций Восточного Средиземноморья, оказавшей благотворное влияние не только на Русь, но также на страны Балкан и Кавказа.

В плане теоретического осмысления эмпирического материала необходимо применение более глубоких моделей его истолкования. В нашем случае уместно применение принципов *многовекторности* и *многофакторности* в интерпретации культурно-исторического процесса. В отношении первого принципа, кроме упомянутого южного, следует отметить северный вектор, связанный с норманнским влиянием. Да и сам термин «Запад» нуждается в расшифровке. Если под ним подразумевать Европу, то она предстает не как некий монолит, а как сложное многообразие. Есть протестантская Швеция, есть католическая Польша, есть православная Греция, отношения с которыми были важными и многообразными для России. Столь же сложен Восток – от Турции до Индии и Китая. Россия, являющаяся евразийским государством, испытывала воздействие и сама оказывала влияние по многим векторам и направлениям.

Что касается принципа многофакторности, то под ним следует понимать учет всех действующих внутренних и внешних сил без исключения, а не избирательное к ним отношение. Социум развивается под воздействием множества причинно-следственных связей. Однобокая их трактовка в духе экономического материализма, приоритетного выделения религиозного или этнического факторов, акцентировки воздействия процесса глобализации или противостоящего ему стремления к национальной самоидентификации, чрезмерного подчеркивания роли государства или навязчивого утверждения либерально трактуемых прав личности дают неполную и неаутентичную панораму социума в его динамичном развитии.

Лишь понимая тип общества и культуры, порождением которых предстает конкретное эмпирическое свидетельство, можно дать сравнительно объективное и ценностное его истолкование. Никакой источник невозможно интерпретировать исходя только из

него самого. Для этого нужно представлять и по возможности знать весь макрокосм социума и культуры, отражением и плодом которого является отдельный эмпирический факт, отдельное творение культуры, отдельный цивилизационный фрагмент. Этот принцип можно обозначить как принцип *контекстуальности*, то есть принцип интерпретации отдельного эмпирического свидетельства через установление его связи с общим культурно-историческим и социальным контекстом.

Одновременно необходимо подчеркнуть и важность обратной зависимости. Только на основе хорошего знания подлинных памятников, свидетельств, источников можно выработать целостное представление о культуре и обществе, продуктом которых они являются. В этом смысле можно говорить о принципе *примата первоисточника* перед его последующими интерпретациями и построенными на их основе обобщениями. Начальный эмпирический и следующий за ним теоретический уровни оказываются тесно связанными и взаимодополняющими друг друга. Когда мы говорим, например, о подъеме национального самосознания русского народа в эпоху Куликовской битвы, то перед нами сразу встают конкретные образы преподобного Сергия Радонежского, иконописца Андрея Рублева, агиографа Епифания Премудрого и сохранившиеся памятники культуры того времени: архитектурные, литературные, изобразительные, взятые в их совокупности, в том числе Московский Кремль и Троице-Сергиева лавра в их ансамблевом содержании.

Обратимся к третьему уровню осмысления реальности. Надежная, выверенная источниковая база, ее высокопрофессиональный теоретический анализ создают отдельные реконструкции неких частей общей картины с позиций разных наук и исследовательских направлений. Терминология, используемая в рамках отдельной теоретической дисциплины, работает только в пределах этой дисциплины. Например, специалист по военной истории России и специалист по русскому исихазму, равно как историк отечественной математики и историк религиозной жизни пользуются различными терминами, схемами и тем, что сейчас называют дискурсом. Как объединить разрозненные знания и предположения в целостное представление об обществе, культуре, эпохе? Этим призвана заниматься философия, выступающая в качестве обобщения второго порядка и своеобразного интегратора теоретического и прикладного знания.

Оперируя с предельно абстрагирующими понятиями «время», «пространство», «абсолют», «движение», «субстанция», «общество», «человек», «культура» и другими, философия помогает построить как универсальное представление о социуме, цивилизации, эпохе, так и выстроить систему наук, совместно изучающих бытие

с разных позиций. Недаром в «Источнике знания» Иоанна Дамаскина, одном из наиболее авторитетных византийских источников, среди шести дефиниций философии присутствует ее определение как «науки наук» и «искусства искусств», каковой она была еще с античной поры. В Новое время в условиях крайней дифференциации науки философия была урезана чуть ли не до теории познания, ныне она начинает вместе с процессом интеграции знания возвращать утраченные позиции.

Более того, на наш взгляд, настоящий специалист в любой области должен в идеале эффективно работать на всех трех уровнях. Предполагается, что он хорошо знает эмпирическую базу, умеет делать обоснованные теоретические выкладки и вписывать достижения своей науки в универсальное знание о мире. Таких творческих личностей немного, появляются они редко, но каждый из них является лидером, творцом, создателем новых направлений. Таковыми были великий энциклопедист Михаил Ломоносов, выдающийся химик Дмитрий Менделеев, недавно ушедший от нас блестящий литературовед Дмитрий Лихачев. Дмитрий Сергеевич был лучшим специалистом по древнерусской литературе и прекрасно представлял весь космос культуры не только Древней Руси, но и России Нового времени, высказывал глубокие философские мысли о характере русской культуры в целом. Многие он сделал для сохранения памятников культуры, для краеведения. Академик Лихачев не был ученым педантом, он был ярким общественным деятелем, неустанным работником на ниве отечественной культуры, видя в ней высшую воспитательную миссию.

Для фундаментального изучения историко-культурного наследия важно учитывать также принципы *генетического подхода* и *непрерывности развития*. Какой бы эпохой ни занимался исследователь, он должен ясно представлять всю без изъятия эволюцию рассматриваемого феномена от его начала до современного состояния, поскольку любые социальные явления, даже революционные катаклизмы, носящие взрывной характер, имеют свою предысторию, свое зарождение, свой генезис, а в целом историко-культурный процесс носит постепенный, последовательный, непрерывный характер созидания материальных и духовных ценностей, их утраты, восстановления, появления новых элементов, забвения некоторых старых – все это можно образно уподобить плавному течению великой реки, стремящейся уже не одно тысячелетие от забытого истока к неведомому устью.

В качестве примера обратимся к преобразованиям Петра Первого, вызывающим споры до сего дня. Чтобы оценить их значение, нужно знать, что собой представляла допетровская Россия, какова

была специфика древнерусской культуры, какие ценности были дороги человеку и обществу старой Руси. И здесь одним XVII в. нельзя ограничиться, ибо становление государственных форм старой России происходило в XVI в., духовная культура высокого Средневековья формировалась в XV столетии, основы же ее были заложены при христианизации Киевской Руси.

Отзвук петровских реформ доходит до нашего времени. Не случайно философ Николай Бердяев назвал Петра Великого «первым большевиком» за насильственную мобилизацию всех сил и ресурсов страны ради имперского величия. Однако и Пётр I, и Иван Грозный, и Владимир Святой и многие другие исторические деятели всегда будут с нами, как бы мы к ним ни относились.

Сейчас мы изучаем историю Российской Федерации, когда-то это была часть Советского Союза, а еще ранее – Российской империи, Московского царства, Владимиро-Суздальской, Новгородской и Киевской Руси. А еще ранее, в догосударственный период, территорию, на которой мы живем, осваивали наши далекие предки, основывая города и села, прокладывая дороги, давая названия тем местам, где мы ныне обитаем. Если же учесть все славянские, угро-финские, балтские, тюркские и иные племена, составившие древнерусский этнос, то отечественная история уходит в неведомые архаические времена, о которых мало что известно, но не учитывать которые нельзя. Таким образом, генезис отечественной истории и культуры не имеет строго определенной точки отсчета, носит растянутый и трудно определяемый характер, что не снимает актуальности его изучения.

Среди фундаментальных принципов краеведения, перечень которых можно продолжить, отметим еще один – принцип *открытости* историко-культурного процесса, включенности отечественной культуры в мировую цивилизацию. Прослеживаемый на лингвистическом и археологическом материалах уже архаического периода, он прекрасно виден на примерах вхождения в русскую культуру высоких творений византийской книжности, церковного искусства, сакральной архитектуры после крещения Руси и во все последующие периоды, о чем любой историк может поведать много интересного и поучительного. Постепенно нарастает и обратный процесс воздействия отечественной культуры на отдельные культуры соседних стран и на мировую культуру в целом. Избегая крайностей славянофильской и западнической оценок, отметим, что именно в признании гармоничного сочетания уникальности и открытости русской культуры состоит сущностное ее понимание.

В завершение подчеркнем основную мысль, высказанную в начале. Подлинное краеведение, наращивая свой научный потенциал,

расширяя теоретические и прикладные исследования, совершенствуя музейную и экспозиционную деятельность, призвано в конечном счете служить воспитанию гражданина и патриота Отечества. Музейные экспозиции предстают при этом не как кладбище омертвевших экспонатов ушедших эпох, но как живое свидетельство неразрывной связи времен, преемственности поколений, непрерывной многовековой созидательной работы наших предков, в которую мы призваны внести свой посильный вклад.

КРАЕВЕДЕНИЕ В ФИНЛЯНДИИ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЗОР

В статье содержится обзор развития краеведения в Финляндии с XVII в. до настоящего времени. С учётом историко-культурного контекста выделяются основные этапы развития краеведения, характеризуется деятельность основоположника научного краеведения в Финляндии Р. Болдта, других знаменитых краеведов, основных краеведческих объединений.

Статья адресует не только специалистам, но и всем интересующимся краеведческими исследованиями в Финляндии.

Ключевые слова: финское краеведение, Роберт Болдт, финские краеведческие объединения, краеведы Финляндии, Хенрик Габриэль Портан.

Знаком настоящего времени является взрыв интереса к проблемам культурной идентичности и механизмам идентификации, к числу которых можно отнести изучение истории и культуры родного края. Историческое краеведение становится своеобразным путем «к себе», способом познания мира и определением своего места и роли в нем.

Поиск новых форм проведения краеведческих работ приводит к изучению опыта народов, не желающих остаться лишь на страницах исторических исследований. В этом плане определенный интерес представляет история и современное состояние краеведения в Финляндии, которое сами финны понимают как изучение и охрану окружающей среды. Согласно Конституции Финляндии каждый гражданин несет ответственность за ее сохранение, а структуры государственной власти являются гарантами права каждого на жизнь в здоровой окружающей среде. Окружающая среда понимается здесь в самом широком смысле слова: в ее формировании помимо природных богатств участвуют и памятники исторического ландшафта, и па-

мятники истории и культуры, и сохраняющиеся народные традиции, и фольклор¹. Охрана окружающей среды находится в компетенции Министерства окружающей среды. Развитие и охрана культурного наследия регламентируется законами страны о землепользовании и строительстве, а также законом об охране древностей².

Истоки современного краеведения и отношения к культурному наследию в Финляндии начинаются в XIX в., когда, согласно заключенному 5 (17) сентября 1809 г. между Россией и Швецией мирному трактату, страна вошла в состав Российской Империи на правах Великого княжества. 10 (22) марта – 7 (19) июля 1809 г. в г. Борго (современный г. Порвоо) было созвано сословное собрание (сейм) представителей Финляндии, на котором было утверждено автономное положение Финляндии в составе России³.

Либеральная политика Российской империи того времени позволила Финляндии сохранить привычные для страны гражданские институты: официальный шведский язык, старую шведскую систему гражданского и уголовного права, густавианскую систему правления, приспособленную к условиям Финляндии, лютеранское вероисповедание. Вместе с тем, у Финляндии сохранялись свои центральные органы власти во главе с сенатом и собственный сейм в составе представителей четырех сословий. Все это на деле означало рождение автономного финляндского государства⁴.

Основание и сохранение финских учреждений, поддержание особого статуса Финляндии способствовало активному развитию финского национального самосознания. В 1863 г. финский язык получил формально равные права со шведским, был введен в школьное и университетское преподавание, на нем стали печататься газеты, журналы, художественная литература. Появляется целый ряд писателей, которые в своих работах воспевали чувство национального единства Финляндии, описывали народ с его самобытными культурными традициями. Конец XIX в. стал временем расцвета финской культуры, тогда же краеведение стало развиваться в научном русле.

Первые сведения о местных исследованиях на территории Финляндии относятся к XVII в. Для восполнения утраченного во время русско-шведских войн в 1666 г. в г. Упсале (Швеция) была создана Антикварная коллегия (*Antikviteettikollegio*). Сбором древних памятников культуры не только в Швеции, но и в Финляндии занималось духовенство, а землеустроители составляли описания различных волостей. На рубеже XVII–XVIII вв. в Финляндии, входившей в состав Швеции, возникает культурное течение, известное под названием феннофильства. Феннофильская идеология, как ранняя форма пробуждения национального самосознания, противопоставляла себя идеологии шведского великодержавия.

Девизом авторов-феннофилов была «любовь к финскому», стремление прославить и возвысить финский народ, сделать его известным культурному миру. Предпринимались первые попытки создания грамматики финского языка и словарей, описания прошлого и настоящего страны. Видным просветителем этого движения был Хенрик Габриель Портан (1739–1804), историк, этнограф, один из основателей культурно-просветительского общества «Аврора» (в 1770 г.) и первой финляндской газеты (в 1771 г.; на шведском языке). Х.Г. Портана называют «отцом финской историографии», причем в исторических исследованиях он считал необходимым использовать также язык и народную поэзию. Взгляды Х.Г. Портана на историю народа и его культуры означали отказ от теологических представлений⁵.

После перевода Антикварной коллегии в университет г. Або (современный Турку) тема сохранения культурных традиций малой родины, столь необходимая для формирования финского национального самосознания, разрабатывалась не только в практическом, но и в теоретическом аспекте.

Проводя активную работу в Коллегии, Х.Г. Портан опубликовал в центральной газете г. Або инструкцию по составлению описаний волостей и городов, результатом чего в той же газете немногим позже появилось большое количество таких описаний.

В 1831 г. на волне национально-романтического подъема было основано Финское литературное общество, одной из задач которого была организация и проведение сбора и описания памятников национальной культуры. В последние десятилетия XIX в. по результатам полевых работ стали возникать краеведческие музеи в городах Раахе (1862), Турку (1881), Куопио (1884), Пори (1888), а также в Выборге, Раума, Кякисалми, Уусикаупунки, Вааса и Оулу (1890-е годы).

Практически все возникшие в конце XIX в. музеи существуют и поныне. В настоящее время коллекция музея г. Куопио насчитывает 60 тыс. предметов, которые отражают повседневную жизнь во всех ее проявлениях и представляют выдающихся жителей округа. Помимо этого в музее хранится обширная коллекция фотографий (740 тыс.), самые ранние датируются 1860-ми годами. В 1906 г. музей расположился в построенном городом здании, которое делил несколько десятилетий с Обществом друзей природы и городской библиотекой. До 1967 г. коллекция музея принадлежала Обществу краеведения, затем была передана г. Куопио, с 1987 г. коллекция находится в полном владении города и является частью собрания историко-культурного и художественного музеев г. Куопио. После передачи коллекции Общество краеведения получает ежегодную

субсидию из городского бюджета, что позволяет вести активную деятельность в настоящее время.

В конце XIX – начале XX в. музеи возникали не только для систематизации местных материалов, собранных во время полевых работ. В 1902 г. был объявлен конкурс на проект здания для Национального музея Финляндии (Suomen kansallismuseo). Победителями в конкурсе стали молодые финские архитекторы Г. Геселиус, А.Э. Линдгрэн и Э. Сааринен. Здание, построенное по их проекту в 1905–1910 гг., стало первым образцом нового стиля в финской архитектуре – национального романтизма.

Национальный музей впервые открылся для посетителей в 1916 г. Сегодня в музее работает постоянная экспозиция, которая разделена на 5 основных частей. В «Сокровищнице» представлены коллекции оружия, монет, орденов, медалей, изделий из серебра и т. д. «Доисторическая Финляндия» – это самая крупная в стране выставка археологических находок. Экспозиция «Царство» освещает историю финской культуры и общества от Средних веков до середины XX в. «Земля и народ» повествуют о патриархальной сельской Финляндии прошлого. «Прошлое столетие» рассказывает о Финляндии в эпоху независимости. В Национальном музее часто проводятся временные выставки, основная тематика которых – краеведение, этнография и культурное наследие Финляндии.

В 1923 г. был основан Союз музеев Финляндии (Suomen museoliitto), объединивший усилия музейных работников по ведению научной, исследовательской, просветительской, педагогической и краеведческой работы. Коллекции музеев Финляндии демонстрируют все сферы жизни народа⁶.

Особый интерес представляет опыт организации церковных музеев, в том числе местных. Финляндия – единственная европейская страна, где две ветви христианства (лютеранство и православие) имеют статус государственных церквей.

Во многих лютеранских приходах есть местные музеи, возникшие во второй половине XX в. Силами музеев проводится большая исследовательская и поисковая работа по изучению вопросов истории и культуры жизни приходов.

Становлению и развитию православной культуры Финляндии посвящен Музей православной церкви (Suomen kirkkomuseo) в г. Куопио, открытый в 1957 г. Сначала музей работал в скромном помещении, в подвале дома священника, а в 1969 г. переехал в новое здание. В этом же здании находится Управление православной церкви Финляндии, канцелярия Архиепископа Карельского и Всея Финляндии Лео (Макконена) и швейная мастерская, в которой изготавливаются церковные облачения для православных прихо-

дов. Музей своей работой продолжает работу епархиального древлехранилища памятников церковной старины, открытого в 1911 г. при Валаамском Спасопреображенском монастыре. В фонд древлехранилища вошли старинные рукописи, книги, древние предметы ризницы и церковная утварь, хранившиеся в ризнице и библиотеке Валаамского монастыря. Коллекцию хранилища должны были пополнить предметы старины, рассеянные по разным православным церквям Финляндии, фотографии лиц, «особо ревностно послуживших делу православия в крае своими трудами, или же пожертвованиями; отчеты епархиальных братств и учреждений; предположено также иметь подробную карту епархии, с обозначением монастырей, церквей, часовен и школ»⁷.

На протяжении всей истории развития краеведения в Финляндии особую активность, в практическом исследовании родного края проявляло студенчество, о чем можно прочесть в труде финского историка и археолога Арне Михаэля Тальгрена (1885–1945), известного специалиста по бронзовому и раннему железному векам Восточной Европы, неоднократно принимавшего участие в археологических раскопках в различных районах России.

Организационно все студенты в Финляндии были объединены в землячества, одним из направлений работы которых было краеведение. В начале деятельности землячеств их родиноведческие изыскания сосредоточивались на изучении положения народного просвещения. Был исследован ранее не изученный вопрос о распространении финского и шведского языков на территории страны и составлены карты⁸.

В 1907–1908 гг. для упорядочения краеведческой работы были организованы специальные комитеты, в некоторых землячествах введена система уполномоченных по приходам. Из краеведческих работ, которые выполняли студенты, необходимо отметить помощь музеям и собирание экспонатов для них, накопление больших коллекций фотографий своего края, организацию съездов и собраний, издательскую деятельность, а также собирание материалов и изучение семейных преданий, местной топонимики, истории крестьянских семейств, фольклора, флоры, фауны и т. д.

Основоположителем научного краеведения Финляндии стал Роберт Больдт (1861–1923). В 1881 г. Р. Больдт окончил университет со званием кандидата философии и с 1886 по 1893 гг. работал преподавателем в школе, сначала в Хельсинки, затем в г. Пори. Став в 1913 г. лектором реального лицея, он оставался на этой должности до конца жизни.

В конце XIX в. в Финляндии активизировалась деятельность сторонников национальной идеи, считавших необходимым при-

влечение широких народных масс к изучению истории и культуры родного края. В конце 1880-х годов образовался кружок младофиннов, в который входили молодые интеллектуалы, интересовавшиеся политическим либерализмом и желавшие «распахнуть окно» в Европу. В этом сказывалась не только их восприимчивость к иностранным идеям политического и социального реформаторства, но и подлинный интерес к культуре либерализма и ее практическому воплощению в жизни своей страны. В то время сильные изменения претерпели русско-финские отношения. В официальных кругах Петербурга возобладала консервативно-национальная ориентация и та атмосфера космополитизма, которая отличала русско-финские отношения в первые десятилетия прошлого столетия, но в конце века безвозвратно ушла в прошлое⁹.

Р. Больдт, как сторонник идей младофиннов, видел в пробуждении у народа интереса к своей истории и культуры единственную возможность выступить против распространения в Финляндии «русскости». Р. Больдт считал, что чувство любви к отечеству можно воспитать только из чувства любви к малой родине, постоянного системного изучения ее истории и современности. Поэтому по инициативе и при активном участии Р. Больдта были образованы местные краеведческие общества в городах Лохья (1894), Пори (1901), Хельсинки (1906) и ряд краеведческих обществ в шведоязычных районах провинции Уусимаа.

Р. Больдт разработал комплексную программу изучения родного края. Исходя из этого, краеведение в Финляндии понималось как всестороннее изучение относительно небольшой территории в разных аспектах: природно-географическое изучение путем метеорологических наблюдений, исследования флоры и фауны края, его поверхности, вод и т. д.; культурно-историческое изучение путем ознакомления с историческими и доисторическими памятниками, архивами и т. д.; общественно-экономическое изучение путем исследования населения и его деятельности¹⁰.

Весной 1894 г. около 30 человек, проживавших в г. Лохья и его окрестностях, объединились под руководством Р. Больдта в общество с целью изучения истории и культуры родного края. Было основано первое краеведческое общество «Друзья краеведения Лохья» (Lohjan Kotiseutututkimuksen ystävät)¹¹. Работа Общества развивалась в разных направлениях. Для ведения метеорологических наблюдений в 1901 г. на средства Общества была основана лаборатория метеорологии, где проводились климатические исследования и наблюдения за снеговым покровом; гидрографические исследования были направлены на составление карты глубин озер района; изучение флоры и фауны позволили собрать большую фло-

ристическую коллекцию и составить карту топографии растительности; историко-археологические исследования были посвящены изучению стоянок бронзового и железного веков, составлению каталога предметов каменного века, публикации рукописи описания г. Лохья 1766 г., описанию старых дворянских имений прихода. Полученные материалы обрабатывались, результаты публиковались в печатных изданиях.

Основанное Р. Больдтом в г. Лохья Общество в 2004 г. отметило 120-летний юбилей. Из активной жизни Общества за все годы его существования можно выделить следующие события. 15–16 июля 1901 г. состоялось празднование Дней родного края в г. Лохья, в рамках которого был основан музей. В 1923 г. Общество организовало празднование 600-летнего юбилея прихода г. Лохья, в котором приняли участие около 1000 человек. В 1963 г. отмечался 70-летний юбилей Общества и приуроченное к нему празднование дней родного края. В 1994 г. состоялось празднование 100-летнего юбилея Общества. Учитывая историческую роль Общества в развитии краеведения в Финляндии, Союз краеведения провел в это время Государственные дни родного края. В рамках масштабного празднования был основан институт Роберта Больдта; в 2001 г. был отмечен 100-летний юбилей музея г. Лохья.

В целях дальнейшего развития краеведения в 1908 г. по инициативе Р. Больта было основано Центральное бюро родиноведения Финляндии (Suomen Kotiseutututkimuksen Keskusvaliokunta). Основатель Бюро оставался членом правления до конца жизни. Бюро становилось связующим звеном между местными обществами и оказывало им всестороннюю помощь: для систематизации ежегодных отчетов создавался центральный архив, разрабатывались инструкции и методики исследований разного рода, созывались ежегодные конгрессы краеведов, как профессионалов, так и любителей. Для популяризации деятельности Бюро планировалось основать библиотеку по родиноведению в Финляндии и за рубежом, а также основать печатный орган¹². С организацией Бюро краеведческая работа в Финляндии поднялась на новый уровень деятельности, что получало отражение в основанном в 1909 г. периодическом издании – краеведческом журнале «Kotiseutu» («Родной край»).

В первые годы после получения независимости краеведческая работа в Финляндии сводилась к исследованиям, проводимым Союзом музеев, центральными архивами, некоторыми местными обществами и основанным в 1939 г. Фондом крестьянской культуры.

Ситуация изменилась в середине XX в., когда восстановление экономики и культуры страны после Второй мировой войны требовало активной работы всего населения. На это время пришелся

расцвет краеведения в Финляндии. Сама организация работы требовала определенной реорганизации, именно поэтому в 1949 г. был организован Союз краеведения Финляндии (Suomen kotiseutuliitto), возглавивший всю краеведческую работу в стране. В основу работы Союза были положены принципы деятельности Центрального бюро родоноведения.

В настоящее время Союз является одной из крупнейших общественных организаций Финляндии и объединяет местные краеведческие организации, общины, муниципальные союзы, государственные организации и объединения, научные общества и фонды. Членами Союза является около 600 местных краеведческих обществ, 150 общин, 18 союзов сельских общин, 11 иных краеведческих обществ и 15 государственных объединений¹³.

Союз краеведения Финляндии, организатор и руководитель краеведческой работы на государственном уровне, содействует сохранению и развитию национальной культуры через изучение культуры региона. Все мероприятия Союза направлены на реализацию этой задачи. Для активизации полевых изысканий Союз проводит работы по привлечению к изучению культуры малого региона широких слоев населения. Членом Союза может стать частное лицо, вступившее в местное краеведческое общество.

В числе прочих направлений деятельности Союза – активное содействие охране природной и культурной среды; организация краеведческих исследований; развитие международных контактов в области краеведения, в первую очередь со странами Северной Европы и Эстонией. В целях реализации перечисленных задач и улучшением условий проведения краеведческих работ вносит предложения по изменению законодательных актов, касающихся краеведения¹⁴.

Деятельность Союза краеведения финансируется в основном государством. В процессе построения в Финляндии «государства социального благоденствия» скандинавского типа в 1960-х годах было законодательно закреплено государственное финансирование учреждений культуры. Этот процесс «огосударствления» культурной жизни Финляндии продолжался вплоть до 1990-х годов. Основными элементами культурной политики наших дней являются принципы государственной собственности и совместной финансовой ответственности центральной власти и муниципалитетов, наметилась тенденция к уменьшению роли государства и возникновению новых форм партнерства в области культуры¹⁵.

Таким образом, бюджет Союза краеведения помимо государственного финансирования составляют членские взносы и средства целевого финансирования отдельных проектов.

Союз ведет активную информационно-издательскую деятельность. Центральный информационный орган Союза – официальный сайт, где публикуется актуальная информация о деятельности Союза. Работа сайта направлена на оперативное распространение информации и популяризацию краеведческой работы. На эти цели направлены и публикации о деятельности Союза в средствах массовой информации. Помимо этого Союз создает электронный иллюстрированный архив.

Важнейшим периодическим изданием Союза с 1994 г. является журнал «Hiidenkivi», выходящий 6 раз в год. Издание основали Союз краеведения, Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) и Лингвистический центр языков страны (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus), объединив журналы «Kotiseutu», «Elias» и «Kieliposti». В 2009 г. раздел краеведения журнала посвящен 100-летию журнала «Kotiseutu».

Помимо этого Союз выпускает периодические издания совместно с Министерством окружающей среды.

Большого внимания заслуживают монографические издания, публикуемые Союзом, посвященные краеведческим исследованиям в Финляндии: «Краеведческое движение в Финляндии 1894–1944» (2007 г., 500 с.), «Краеведческое движение в Финляндии 1945–2000» (2004 г., 494 с.), «Путеводитель по краеведческому архиву» (2007 г., 152 с.), «Краеведческая работа в Финляндии в 1990-е годы» (1996 г., 160 с.).

Высоко оценивая работу своих активных членов, Союз удостоивает их почетными наградами. Высшим знаком отличия Союза краеведения Финляндии является Почетная медаль за краеведческую работу, утвержденная в 1953 г. Медаль вручают на собрании Союза за заслуги в области краеведения на государственном или муниципальном уровне или за выдающиеся принципиальные заслуги в работе на местном уровне. В 1966 г. учреждена медаль за особые заслуги в проведении местной краеведческой работы. Медаль на собрании местного краеведческого объединения вручает член правления Союза. Почетный знак Союза краеведения вручается местными краеведческими объединениями для поощрения членов объединения. За плодотворную длительную краеведческую работу присваивается звание советника краеведения. Решение о присвоении этого звания находится в компетенции президента Финляндии.

Главным событием Союза краеведения являются ежегодные Государственные дни краеведения, в рамках которых проводится собрание Союза. Во время проведения Дней подводятся итоги работы за год и формулируются задачи на следующий, происходит представление темы, объединяющей проведение Дней в данном году.

После вхождения Финляндии в Европейский Союз в 1995 г. Союз краеведения проводит активную работу по интеграции в общеевропейские проекты по охране культурного наследия и окружающей среды. Совместно с союзом архитекторов заключен договор о сотрудничестве с институтом *Euroпа Nostra*, европейской организацией, основанной в 1993 г. для защиты европейского архитектурного и природного наследия. Институт ведет международную деятельность в области охраны природы и памятников старины, проводя исследования, конференции, издавая материалы и реализуя проект по присуждению наград за деятельность в области охраны природы и памятников старины. Институт дает свои рекомендации Совету Европы и Европейскому Союзу. Сейчас институт насчитывает 225 членов из разных стран Европы. До последнего времени Финляндия не являлась активным участником проекта. Союз краеведения и Союз архитекторов стали самыми значимыми финскими членами института.

Ежегодно во всех странах Европы проводятся Дни архитектурного наследия Европы. В Финляндии Дни проходят в конце второй недели сентября. Организаторами являются все заинтересованные в сохранении и развитии архитектурного наследия объединения разного уровня. К участию приглашаются все желающие устроить выставку, организовать семинар или экскурсию по теме. Ежегодно по всей Европе в Днях принимает участие около 20 млн человек. Целью проекта является распространение знаний о культурном наследии Европы; популяризация исторической и культурной ценности окружающих строений. Задачей проекта является привлечь сограждан к сохранению и охране архитектурного наследия, познакомить другие страны с культурным наследием Финляндии.

Проведенный историко-культурный обзор позволяет выделить два крупных периода развития краеведения в Финляндии. Первый период связан с формированием национального самосознания финнов и активным стремлением Финляндии к независимости, сначала от Швеции, затем от Российской Империи. Данный период длился с момента основания Антикварной коллегии (1666 г.) до получения Финляндией независимости (1918 г.) и характеризовался динамичным развитием краеведения, как в практическом, так и теоретическом аспектах.

Второй период начался после получения Финляндией независимости и длится до настоящего времени. Современное краеведение в Финляндии находится на высоком уровне благодаря последовательному, планомерному и системному развитию традиций, поддержке государства, вовлечению в работу широких слоев населения. Такой опыт достоин изучения и может быть использован в организации краеведческой работы в России.

- ¹ Suomen perustuslaki [Электронный ресурс] // Valtion säädöstietopankki. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/1999/19990731> (дата обращения: 15.05.2011).
- ² Muinaismuistolaki [Электронный ресурс] // Valtion säädöstietopankki. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/1963/19630295> (дата обращения: 15.05.2011).
- ³ Законы Империи [Электронный ресурс] // Rus-sky.org. URL: <http://rus-sky.org/history/library/documents.htm> (дата обращения: 15.05.2011).
- ⁴ *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005.
- ⁵ *Карху Э.Г.* Финская литература // История всемирной литературы: В 8 Т. М., 1983–1994. Т. 5. С. 271–273.
- ⁶ Museoliitto.fi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museoliitto.fi> (дата обращения: 15.05.2011).
- ⁷ Русский инок. Джорданвилль. 1911. № 48 // Сайт журнала «Русский инок» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian-inok.org/books/ri48.html> (дата обращения: 15.05.2011).
- ⁸ *Тальгрэн А.М.* Родиноведение в Финляндии: Задачи, история и современная его организация. СПб., 1913.
- ⁹ *Сунни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982; *Паасивирта Ю.* Северный бастион [Электронный ресурс] // Карельский перешеек. URL: <http://karelkurs.narod.ru/files/bastion.en.html> (дата обращения: 15.05.2011).
- ¹⁰ *Больдт Р.* Организованное исследование родины в Финляндии. СПб., 1910; *Касперович Н.И.* Краеведение за границей. Краеведение в Финляндии // Краеведение. 1928. Т. 5. № 8. С. 38.
- ¹¹ Сайт общества истории старейших мест Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kotiseutuyhdistys.lohja.fi> (дата обращения: 15.05.2011).
- ¹² *Больдт Р.* Указ. соч.
- ¹³ Suomen kotiseutuliitto [Электронный ресурс]. URL: <http://www.suomenkotiseutuliitto.fi> (дата обращения: 15.05.2011).
- ¹⁴ Toimintasuunnitelma vuodelle 2009 [Электронный ресурс] // Suomen kotiseutuliitto. URL: <http://www.suomenkotiseutuliitto.fi/kotiseutuliitto/sivut/pdf/Toimintasuunnitelma%202009.pdf> (дата обращения: 15.05.2011).
- ¹⁵ Культурная политика в Европе: выбор стратегии и перспектива. М., 2002. С. 202–221.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
(НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛИИ)*

Статья посвящена истории развития краеведческой историографии в дореволюционной России на примере Карелии. Автор выделяет шесть направлений краеведческих исследований и дает характеристику шести группам краеведов (чиновники, православное духовенство, педагоги, горные инженеры, политические ссыльные и этнические карелы).

Ключевые слова: историческое краеведение, провинциальная культура, интеллигенция, Карелия, историческое самосознание.

Местное самосознание, исполненное чувством гордости за свой край, – явление весьма древнее. Но историко-научное изучение своего края, основанное на местном самосознании, зародилось сравнительно недавно, в эпоху Просвещения. В России этот период приходится на середину и вторую половину XVIII в. В разных странах изучение своего края называется по-разному: в Германии – *Heimatkunde*, в Великобритании и США – *Regional (Local) History*, во Франции – *Etudes regionales* или *Etnografia regionale*, в Польше – *krajoznawstwo*, а в России – краеведение. В последние годы кроме термина «краеведение» активно используются близкие ему по значению понятия местная, локальная, региональная история или историческая регионалистика. В России краеведческие исследования успешно развивались в дореволюционный период, особенно в 1861–1917 гг., а также в годы нэпа, но в конце 1920-х годов, после обрушившихся на краеведов репрессий, краеведение как массовое общественное движение перестало существовать. В последние годы

© Пашков А.М., 2012

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, совместный конкурс РГНФ – Академии Финляндии 2010 г., проект № 10-01-00631 а/ф «Народ, разделенный границей».

в отечественной и мировой историографии усиливается интерес к истории краеведения в России. Возрождение краеведения в СССР как массового общественного движения началось в середине 1980-х годов под влиянием политики перестройки и гласности. В 1987 г. в Полтаве состоялась Первая Всесоюзная конференция по историческому краеведению, по итогам которой был издан сборник «Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики»¹.

В конце 1980 – начале 1990-х годов в СССР было создано множество краеведческих обществ и организаций, началась широкая публикация краеведческих изданий. Перечислить все проведенные в этот период краеведческие конференции и все издания, выходявшие в СССР и России с 1987 г. до настоящего времени, не представляется возможным в силу их огромного количества. В 1992 г. вышло учебное пособие С.О. Шмидта «Краеведение и документальные памятники»². Известную роль в пропаганде краеведческих знаний играл выходивший в 1990 – начале 2000-х годов краеведческий альманах «Отечество»³. Одним из главнейших направлений деятельности краеведов в этот период стало освоение богатого наследия, выразившееся в изучении истории краеведения. Реформы 1990-х годов нанесли серьезный урон краеведению, деятельность краеведческих обществ замерла, значительно сократилось число краеведческих изданий. Однако с конца 1990-х годов начался новый подъем краеведческого движения, и вновь изучение истории краеведения вышло на первый план. Особенностью этого этапа стало обращение российских краеведов к методологическим вопросам⁴ и в связи с этим к опыту краеведческого движения в странах Западной Европы и США. Проявилось и усиление интереса зарубежных исследователей к российскому краеведению. Так, на рубеже XX–XXI вв. состоялось несколько международных научных форумов, посвященных этой проблеме: «Региональная история в российской и зарубежной историографии»⁵ (Рязань), «Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России»⁶ (Москва), «Процесс модернизации в русской провинции в XX в.»⁷ (Финский институт русских и восточноевропейских исследований, Александровский институт, Хельсинки), «Краеведение в России (1890–1990): истоки, проблемы, возрождение»⁸ (Университет Париж – Сорбонна) и «Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт»⁹ (Балтийский гуманитарный фонд, Russian Studies Princeton University, Kennan Institute, Петербург). Помимо историков осмыслением регионального самосознания успешно занимаются филологи¹⁰.

В 1996–1997 гг. в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (далее – ИАИ

РГГУ) были образованы Центр исторического краеведения и москововедения (руководитель С.О. Шмидт) и кафедра региональной истории и краеведения (заведующий кафедрой В.Ф. Козлов), активно проводящие научные чтения, конференции, семинары и встречи историко-краеведческого характера. С начала XXI в. ИАИ РГГУ стал и центром, где сконцентрирована деятельность общественных Союза краеведов России и Московского краеведческого общества.

Осенью 2002 г. в рамках межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» был создан межвузовский центр «Новая локальная история». Создатели центра (М.Ф. Румянцева, С.И. Маловичко и другие) ставили перед собой задачу привнести современные методы исторических исследований в изучение местной (локальной) истории. В последующие годы этот центр провел ряд конференций и издал несколько сборников¹¹.

В это же время начинают появляться написанные на хорошей методологической основе монографии, среди которых работа А.А. Севастьяновой о русской провинциальной историографии второй половины XVIII в.¹², В.А. Бердинских об истории провинциальной историографии в Волго-Вятском регионе¹³ и М.А. Орешинной о научно-краеведческих обществах Русского севера¹⁴.

На рубеже XX–XXI вв. одним из координирующих центров краеведческого движения России стал Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачева, деятели которого видят в краеведческом движении форму проявления гражданского общества в России¹⁵.

Актуальность этой проблематики кроется в усилении роли и значения регионов в жизни современной России. В связи с этим представляет большой интерес изучение формирования и развития регионального исторического самосознания, в процессе которого значительную ценность имеет краеведческая историография.

Возрождение в нашей стране краеведческого движения обусловливает актуальность выявления и изучения закономерностей и особенностей возникновения и развития исторического краеведения в России как социокультурного и историографического явления в жизни русской провинции. Изучение краеведческого наследия необходимо для понимания региональных особенностей исторического развития отдельных областей России, его результаты могут быть использованы в музейной работе, в преподавании в школах и вузах, в создании привлекательного для туристов и инвесторов имиджа региона. Проиллюстрировать это положение можно на примере развития исторического краеведения дореволюционной Карелии (большая часть территории современной Карелии входила до 1920 г. в состав Олонецкой губернии).

Объектом исследования в данной публикации является развитие исторического краеведения Карелии со времени его зарождения в конце XVIII в. до 1917 г. Основное внимание уделяется анализу краеведческой историографии как социокультурного и историографического явления жизни русской провинции на материалах Карелии. Предметом изучения является выяснение социокультурных предпосылок зарождения и развития краеведения, характеристика основных профессиональных групп краеведов. Особое внимание будет уделено проблеме соотношения общероссийских закономерностей и региональных особенностей развития исторического краеведения Карелии.

Другим направлением исследования будет изучение краеведения как историографического явления, анализ деятельности крупнейших краеведов.

В имеющейся научной литературе отсутствует не только обстоятельный обзор развития краеведческой историографии Карелии, но даже неизвестны или малоизвестны многие ценные краеведческие сочинения, крайне скудны биографические сведения о многих краеведах и т. д. Единственная работа по сходной проблематике, книга В.В. Пименова и Е.М. Эпштейна¹⁶, вышла более 30 лет назад и имеет многочисленные ошибки, неточности и лакуны. Практически обстоятельная история краеведческих исследований Карелии в настоящее время отсутствует и это серьезно сдерживает успешное развитие исторической науки в Карелии, создает почву для разного рода псевдонаучных сенсаций и политических спекуляций. Вместе с тем необходимо отметить появление близких по проблематике работ в соседних с Карелией регионах, например, работы А.А. Куратова «История и историки Архангельского Севера»¹⁷.

Зарождение исторического краеведения в Карелии, как и в России в целом, произошло во второй половине XVIII в. под влиянием идей Просвещения. Это проявилось в правительственной политике по изучению населения, природных ресурсов и экономики различных регионов страны, то есть в насаждении краеведения «сверху», а также в возникновении у формирующейся российской интеллигенции общественной и научной потребности изучения своего региона, то есть в появлении ростков краеведения «снизу». Поэтому краеведение развивалось в России в рассматриваемый период в процессе взаимодействия и противостояния «казенного» и общественного элементов.

Большинство краеведов Карелии не были профессиональными историками, и их научные интересы и проблематика исследований определялись влиянием их основной профессии или рода деятельности. В историческом краеведении Карелии данного

периода можно выделить два направления: типичное для всего провинциального краеведения России и характерное только для небольшого числа регионов.

К первому типу принадлежали чиновничье, православно-церковное и школьное направления краеведения. В рамках чиновничьего краеведения краеведческой деятельностью занимались чиновники, служившие в различных губернских учреждениях. Они создавали работы общего характера, посвященные статистике, истории, этнографии, фольклору, культуре и быту населения Олонецкой губернии в целом, а также отдельных уездов, волостей, городов и деревень. Центрами их активности были Олонецкий губернский статистический комитет (основан в 1835 г.) (далее – ОГСК), редакции газеты «Олонецкие губернские ведомости» (выходила с 1838 г.)¹⁸, (далее – ОГВ), «Памятных книжек Олонецкой губернии» (выходили в 1856–1869 и 1902–1916 гг.)¹⁹ (далее – ПКОГ) и «Олонецких сборников» (вышло 4 выпуска в 1876–1902 гг.). Наиболее активными краеведами среди губернских чиновников были А.И. Иванов (1820–1890)²⁰ и И.И. Благовещенский (1836–1924)²¹.

Школьное историческое краеведение можно выделить по нескольким причинам. Оно было тесно связано с развитием народного образования в Олонецкой губернии и возникло после 1786 г. Школьным краеведением, главным образом, занимались педагоги. Они изучали историю народного образования в губернии, историю своих гимназий²², училищ, школ и т. д. Важным аспектом их деятельности стало введение элементов краеведения в учебные программы и издание учебных пособий, посвященных «Родиноведению», то есть своему региону²³. Среди педагогов, внесших наибольший вклад в развитие краеведческих исследований, можно отметить Ф.Н. Фортунатова²⁴ и К.М. Петрова²⁵. Кроме того, необходимо отметить множество публикаций, посвященных истории отдельных сельских школ, а также этнографии, фольклору, повседневной жизни и быту отдельных волостей и деревень, авторами которых были сельские учителя. Роль учебных заведений в жизни населения была настолько важной, а их деятельности придавалось такое значение, что работы краеведческого и мемуарного характера, касающиеся их истории, писали не только педагоги, но и чиновники, священники, крестьяне и другие.

Главной предпосылкой возникновения православно-церковного краеведения²⁶ было развитие церковной организации, выразившееся в создании новых епархий и открытии новых монастырей и приходов. Другой предпосылкой было повышение общеобразовательного уровня духовенства, открытие духовных училищ и семинарий²⁷. Среди крупнейших церковных краеведов Карелии можно

назвать первого епископа (с 1835 г. – архиепископа) Олонецкой епархии Игнатия Семенова²⁸, занимавшего кафедру в 1828–1842 гг., а также многочисленных преподавателей и выпускников основанной в июне 1829 г. Олонецкой духовной семинарии (далее – ОДС). Из среды преподавателей ОДС вышел Е.В. Барсов²⁹, который начал свою научную деятельность в 1861–1870 гг. как церковный краевед Карелии, но затем перерос рамки региональных исследований и стал одним из известных дореволюционных историков. Среди выпускников ОДС одним из самых известных краеведов стал исследователь старообрядчества Д.В. Островский³⁰.

Центром православно-церковного краеведения был журнал «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее – ОЕВ), выходивший в 1898–1918 гг. В нем помещалось множество историко-краеведческих статей различной направленности. По разновидности тематики их можно разделить на работы, посвященные истории Олонецкой епархии в целом, написанные преподавателями ОДС, а также истории отдельных сел и приходов, авторами которых были местные приходские священники; были также путевые очерки, написанные авторами из духовенства, и собственно церковно-краеведческие статьи, посвященные истории духовных учебных заведений, изучению церковных древностей, этнографии и другим вопросам. Особое место на страницах ОЕВ занимают публикации агиографического характера. Среди авторов публикаций были представители различных слоев местного духовенства, от приходских священников и студентов духовных академий до епископов.

Православно-церковное краеведение было настолько значительным явлением, что оно вовлекало в свою орбиту не только представителей духовенства, но и светских краеведов. Заметный вклад в изучение истории православия на Севере внес К.А. Докучаев-Басков³¹.

Православно-церковное, чиновничье и школьное разнообразие краеведения и направления краеведческих исследований были характерны для всех губерний царской России. Помимо них можно выделить несколько разновидностей краеведения, типичных для небольшого числа губерний, среди которых в Олонецкой губернии можно назвать краеведческую деятельность политических ссыльных, краеведение как форму проявления этнического самосознания карел и горнозаводское краеведение.

До 1917 г. Карелия была регионом, куда царизм ссылал своих политических противников. Многие из ссыльных были хорошо образованными молодыми людьми и по своему культурному и общеобразовательному уровню превосходили местных чиновников. Краеведческими изысканиями занимались отбывавшие ссылку в

Петрозаводске поэт и мемуарист, участник Отечественной войны 1812 г. и движения декабристов Ф.Н. Глинка³², друг М.Ю. Лермонтова С.А. Раевский, сосланный за распространение стихотворения «Смерть поэта»³³ петрашевец А.П. Баласогло³⁴, участник студенческих кружков в Москве П.Н. Рыбников, который был даже секретарем ОГСК. Хотя наибольший вклад П.Н. Рыбников внес в изучение русского былинного эпоса, он занимался и изучением истории, демографии и этнографии Олонецкой губернии³⁵.

В пореформенный период краеведческими исследованиями стали заниматься ссыльные народники. Особо следует выделить краеведческую деятельность А.С. Пругавина³⁶. В мае 1871 г. за участие в студенческом движении в Москве он был выслан на родину и с мая по сентябрь 1872 г. жил в Кеми, где состоялось его знакомство со старообрядчеством. Интерес к изучению этого могучего народного религиозного движения оказался настолько велик, что А.С. Пругавин вскоре стал одним из крупнейших в России знатоков старообрядчества.

Крупнейшим ссыльным краеведом Карелии начала XX в. был А.А. Каменев³⁷, сосланный в 1906 г. в Сумский посад. Здесь он активно занимался краеведческой, журналистской и общественной деятельностью. Его жизнь трагически оборвалась 2 июля 1918 г., когда он был расстрелян английскими интервентами.

Итак, на протяжении 1825–1917 гг. политические ссыльные были весьма активными краеведами на Русском Севере. Однако в имеющейся литературе существуют преувеличенные оценки вклада ссыльных в краеведческое изучение Карелии. Во-первых, нужно отметить, что из общего числа ссыльных лишь некоторые из них добились успехов в краеведении. Целые группы ссыльных, например, поляки, краеведческими изысканиями не занимались. Наибольший вклад в изучение Карелии внесли ссыльные 1825–1861 гг. Это было связано как с высоким культурным и образовательным уровнем ссыльных того времени, так и с почти полным отсутствием местной интеллигенции, которая тогда только еще формировалась. Кроме того, многие ссыльные дворяне видели в местных изысканиях способ продемонстрировать свою лояльность и добиться скорейшего освобождения из ссылки. В пореформенный период (1861–1900) роль ссылки изменилась. Ссыльные по-прежнему были хорошо образованны, но их работы носят не нарративный, а публицистический характер. Характерно, что свои краеведческие сочинения ссыльные народники печатали не в Петрозаводске, а в столичной либеральной и народнической периодике. Кроме того, в это время все большую краеведческую активность проявляли представители местной интеллигенции (чиновники, священники, учителя и дру-

гие). Поэтому вклад ссыльных в краеведение Карелии серьезно уменьшился. И, наконец, в начале XX в. деятельность краеведов из числа ссыльных стала очень незначительной из-за характерного для многих из них низкого образовательного и культурного уровня, а также ориентации не на изучение существующих ценностей, а на их ниспровержение.

В первой половине XIX в. в России зародился интерес к изучению этнических меньшинств и одновременно происходил рост этнического самосознания у просвещенных выходцев из этих меньшинств. Основными этническими меньшинствами Олонецкой губернии были карелы и вепсы. Со второй половины XIX в. стали появляться написанные этническими карелами сочинения, посвященные истории, этнографии и фольклору карел. Главными представителями этого направления в краеведении являются этнические карелы И.В. Кондратьев³⁸, И.Е. Тихонов³⁹, М.Н. Смирнов, Н.Ф. Лесков⁴⁰ и В.П. Крохин. Деятельность этих авторов вполне укладывается в теорию чешского ученого М. Хроха, изучавшего процесс образования наций в Центральной и Восточной Европе. По мнению М. Хроха, национальное движение там проходило три стадии, названные им А, В и С. При этом на стадии А «энергия активистов национального движения была прежде всего направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и на закреплении этих фактов в сознании современников»⁴¹. Карельские краеведы прошли путь от смутного осознания своей этнической самобытности до требований к власти принять меры по развитию языка и культуры карельского народа. Но, за исключением Н.Ф. Лескова, все карельские краеведы считали, что карелы развивались под мощным воздействием русского этноса и православия, и считали это влияние благотворным для карел.

Еще одним фактором, оказавшим влияние на развитие исторического краеведения Карелии, стало наличие на территории края мощных металлургических и горнодобывающих предприятий. Одним из последствий бурного развития горной промышленности стало появление новой сословной группы чиновничества – горнозаводских чиновников (или горных офицеров). С середины XVIII в. до 1867 г. горные чиновники были наиболее привилегированной частью гражданского чиновничества. Неудивительно поэтому, что состоятельные и образованные горные офицеры внесли заметный вклад в русскую культуру второй половины XVIII – первой половины XIX в.

В 1774–1861 гг. появилось множество исследований по истории Олонецких заводов, частью не опубликованных и написанных не историками, а специалистами в области горного дела и статистики,

металлургами и артиллеристами. Все эти сочинения были написаны в жанре «горной истории», то есть обширный исторический очерк предвзял описание современного состояния заводов.

Крупнейшими горнозаводскими краеведами Карелии можно считать Т.В. Баландина⁴², К.И. Арсеньева, И.К. Чудинова, А.С. Ярцова, братьев Н.Ф. и К.Ф. Бутеневых, В.Ф. Полякова, П.Е. Холостова, Б.Н. Михайлова, Л.А. Мошанского, В.П. Мегорского и других⁴³. Их произведения имеют большое познавательное значение, так как содержат множество фактов об истории заводов, их значении для снабжения орудиями и боеприпасами русской армии и флота, а также об их роли в производстве гражданской и художественной продукции, внедрении и использовании передовых технологий, роли и значении иностранных специалистов и их деятельности, соотношении частного предпринимательства и государственного регулирования в горнозаводской промышленности, положении мастеровых и приписных крестьян и т. д. Особое значение этим трудам придает то обстоятельство, что они написаны специалистами – артиллеристами, металлургами, инженерами, чиновниками-управленцами и преследуют практические цели – охарактеризовать и оценить деятельность заводов.

На примере жизни и деятельности дореволюционных краеведов Карелии хорошо видно, в каком направлении развивалось краеведение к началу XX в. В то время в краеведении появлялось много людей, родившихся в провинции, иногда в «глубинке», но получивших хорошее университетское образование, которые имели возможность получить дополнительное образование, включающее навыки работы с архивными источниками, знание палеографии и т. д., объединяться в исторические общества, а также широкие возможности для публикации своих исследований в различных столичных и провинциальных изданиях. У исторического регионоведения были очень хорошие перспективы, но революция 1917 г. перечеркнула все эти надежды. Намечившиеся в начале XX в. тенденции дали последний всплеск в 1920-е годы, а затем, почти на полвека, до конца 1980-х годов, краеведческое движение, понимаемое как самостоятельное изучение истории своего региона, было уничтожено.

Изучение истории краеведения в дореволюционной России было многоплановым и разнообразным в своих проявлениях явлением. Оно развивалось как проявление административных функций государственных учреждений, профессионального, конфессионального и этнического самосознания, а также форма педагогической деятельности и общественно-политической активности такой социально-правовой группы, как политические ссыльные. Но большую часть краеведов составляла интеллигенция, которая

понимала свои задачи очень широко и в изучении края зачастую выходила за рамки служебных и профессиональных инструкций. Изучение истории дореволюционного краеведения и его наследия имеет большое познавательное значение. Во-первых, краеведы обычно изучали локальные объекты (города и селения, заводы и рудники, церкви и монастыри, школы и т. д.) и собрали большой и уникальный материал. Без привлечения краеведческих материалов невозможно изучать историю региона в целом, а в ряде случаев и каких-то сюжетов из общероссийской истории. Краеведческое наследие также имеет большое значение для исследователей историографии отечественной истории, поскольку краеведение и историческая наука развивались в тесном взаимовлиянии, а в ряде случаев труды краеведов становились явлениями историографии. Во-вторых, краеведение можно считать явлением в культурной жизни русской провинции, проявлением формирования провинциальной интеллигенции и роста регионального самосознания и патриотизма. Особо следует отметить большое воспитательное значение истории дореволюционного краеведения в современных условиях. Наследие дореволюционных краеведов должно быть использовано на уроках истории в школах и при чтении лекционных курсов в вузах, поскольку является очень эффективным средством формирования «культурной оседлости».

Примечания

- 1 Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики. Киев, 1991.
- 2 Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.
- 3 Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1 / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1990.
- 4 Гомаюнов С.А. Местная история в контексте краеведения // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 55–63; *Он же*. Местная история: Проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163; *Он же*. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996.
- 5 Региональная история в российской и зарубежной историографии / Под ред. А.А. Севастьяновой. Рязань, 1999.
- 6 Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1999.
- 7 Modernization in the Russian provinces / N. Bashmokoff, P. Fruer (ed.) // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 2000. Т. 17.
- 8 Cahiers slaves. № 6. Civilisation russe. Les études régionales en Russie (1890–1990): origines, crise, renaissance. P.: Université de Paris-Sorbonne, 2002.
- 9 Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт / Сост. А.В. Кобак, С. Коткин, А.А. Севастьянова. СПб., 2000.

- ¹⁰ См., например: Русская провинция: миф–текст–реальность / Сост. А.Ф. Белоусов. М.; СПб., 2000.
- ¹¹ Новая локальная история / Отв. ред. С.И. Маловичко. Вып. 1–4. Ставрополь; М., 2003–2009. Подробнее о центре см.: Сайт Межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/> (дата обращения: 1.03.2010).
- ¹² *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1990; *Она же.* Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998.
- ¹³ *Бердинский В.А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX в. М.; Киров, 1995; *Он же.* Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003.
- ¹⁴ *Орешина М.А.* Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000; *Она же.* Русский север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003; *Она же.* Из архивного наследия деятелей русской культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX в. М., 2006.
- ¹⁵ Краеведение и гражданское общество / Сост. Б. Гладарев, О. Лейкинд. СПб., 2004.
- ¹⁶ *Пименов В.В., Эшттейн Е.М.* Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв. Петрозаводск, 1969.
- ¹⁷ *Куратов А.А.* История и историки Архангельского Севера. Архангельск, 1999.
- ¹⁸ См.: Сайт газеты «ОГВ» [Электронный ресурс]. URL: <http://ogv.karelia.ru> (дата обращения: 1.03.2010).
- ¹⁹ Новейшую библиографию публикаций в «Памятных книжках» губерний Европейского севера см.: Памятные книжки губерний Российской империи. Указатель содержания. СПб., 2002. Т. 1. Европейский Север (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии).
- ²⁰ Биографические сведения о нем см.: *Благовещенский И.И.* Александр Иванович Иванов (биография) // ОГВ. 1890. № 14; *Воронов А.П.* Иванов Александр Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. «Ибак–Ключарев». С. 14–15.
- ²¹ Биографические сведения об И.И. Благовещенском см.: *Пашков А.М.* Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 47–49.
- ²² *Фортуатов Ф.Н.* Историческая записка о 50-летию Олонецкой гимназии // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Ч. 49. Отд. 3. С. 17–38; *Петров К.М.* История Олонецкой дирекции до 1808 г. // Там же. 1866. № 12 (отд. оттиск: СПб., 1866. 66 с.); *Он же.* Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. // Там же. 1874. № 11 (отд. оттиск: СПб., 1874) и другие.
- ²³ *Андреев А.* Записки об Олонецкой губернии. СПб., 1855; *Петров К.М.* Краткое описание Олонецкой губернии (Родиноведение). Петрозаводск, 1881.
- ²⁴ Биографические сведения о нем см.: *Пашков А.М.* Ф.Н. Фортунатов и изучение краеведения в учебных заведениях Олонецкой губернии во второй половине XIX в. // Традиции образования в Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 54–56.

- 25 Биографические сведения о нем см.: *Пашков А.М.* К.М. Петров – исследователь Вытегорского края // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 351–374.
- 26 Подробнее о православно-церковном краеведении дореволюционной Карелии см.: *Пашков А.М.* Православно-церковное краеведение Карелии XIX – начала XX в. // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 97–106.
- 27 Об истории православной церкви на севере России см.: *Камкин А.В.* Православная церковь на севере России. Вологда, 1992.
- 28 Биографические сведения о нем см.: *Иринеи (Боголюбов).* Воспоминание об Игнатии, архиепископе Воронежском и Задонском. СПб., 1851; Игнатий Семенов // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. «Ибак–Ключарев». С. 49–51; *Артоболовский С.А.* Игнатий, архиепископ Воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность. Уфа, 1905.
- 29 Биографические сведения о Е.В. Барсове и библиографию его трудов см.: *Цветаев Д.В.* Записка об ученых трудах Е.В. Барсова. М., 1887; *Чистов К.В.* Народная поэтика И.А. Федосова. Петрозаводск, 1955. С. 64–80; Барсов Елпидифор Васильевич // Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования. М., 1915. Т. 2. С. 21–24; *Алексеева О.Б.* Барсов Елпидифор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 163–164.
- 30 Биографические сведения о Д.В. Островском см.: *Семенов В.Б.* Об одном забытом музее и его создателе // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 126–132; *Пашков А.М.* Д.В. Островский и изучение старообрядчества в Олонецкой епархии в 1898–1905 гг. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 71–85.
- 31 Биографические сведения о нем см.: *Крылов В.И.* К.А. Докучаев-Басков (к 40-летию его историко-литературной деятельности) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. № 2–3. С. 197–202; К.А. Докучаев-Басков (Некролог) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 7; *Опущина И.В.* Каргопольский краевед К.А. Докучаев-Басков и его наследие (к 150-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 160–165 (с. 164–165 – список печатных трудов К.А. Докучаева-Баскова); *Куратов А.А.* Докучаев-Басков Карп Андреевич // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. История Архангельского севера. С. 144; *Орешина М.А.* Русский Север начала XX в. и научно-краеведческие общества региона. С. 238–239.
- 32 Подробнее о Ф.Н. Глинке и его петрозаводской ссылке см.: *Пашков А.М.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1–2. Петрозаводск, 2000–2001.
- 33 Подробнее о С.А. Раевском и его петрозаводской ссылке см.: *Пашков А.М.* Друг М.Ю. Лермонтова в Петрозаводске // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 88–102.

- 34 Подробнее об А.П. Баласогло и его петрозаводской ссылке см.: *Тхоржевский С.С.* Портреты пером. М., 1986. С. 113–218.
- 35 Подробнее о П.Н. Рыбникове и его петрозаводской ссылке см.: *Разумова А.П.* Из истории русской фольклористики. М.; Л., 1954.
- 36 Биографические сведения об А.С. Пругавине см.: *Пашков А.М.* Старообрядчество Русского Севера в трудах А.С. Пругавина (1879–1880 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы V научно-практической конференции. М., 2000. С. 163–173; *Он же.* А.С. Пругавин – исследователь старообрядчества (по публикациям в журнале «Русская мысль») // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VI научно-практической конференции. М., 2002. С. 12–22.
- 37 Биографические сведения об А.А. Каменеве и литературу о нем см.: *Пашков А.М.* А.А. Каменев и газета «Речь» // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С. 108–117.
- 38 Биографические сведения о нем см.: *Пашков А.М.* У истоков карельского этнического краеведения: И.В. Кондратьев и его сочинения // Новый топонимический журнал. 2006. № 1 (14). С. 29–53.
- 39 Биографические сведения о нем см.: *Пашков А.М.* И.Е. Тихонов – малоизвестный карельский краевед и просветитель // Педагогический вуз в XXI в. Материалы международной конференции. Петрозаводск, 2002. С. 114–118.
- 40 Биографические сведения о Н.Ф. Лескове см.: *Пашков А.М.* Из истории краеведческого изучения Олонца // Олонец. Историко-краеведческие очерки. Петрозаводск, 1999. Т. 2. С. 151–154.
- 41 *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 125.
- 42 Подробнее о Т.В. Баландине и его трудах см.: *Пашков А.М.* Т.В. Баландин – малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 16–29; *Он же.* «В стране знатнейших северных холмов...» (Т.В. Баландин – первый историк Петрозаводска) // Север. 1997. № 6. С. 122–130.
- 43 Подробнее см.: *Пашков А.М.* Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX в. Петрозаводск, 2007.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКСКУРСИОННОЙ ШКОЛЫ:
ПЕТРОГРАДСКИЙ (ЛЕНИНГРАДСКИЙ)
ЭКСКУРСИОННЫЙ ИНСТИТУТ
(1921–1924 гг.)

В начале 1920-х годов в Петрограде (Ленинграде) был предпринят опыт создания экскурсионного института научно-исследовательского характера (1921–1924 гг.), что обуславливалось востребованностью экскурсии как образовательного и как исследовательского метода, как формы просветительской работы в русле общих тенденций развития краеведения в «золотое десятилетие». В создании и в работе Экскурсионного института приняли участие виднейшие экскурсионисты Петрограда И.М. Гревс, Б.Е. Райков, Н.П. Анциферов, Г.Э. Петри и другие. Опираясь на предшествующий опыт развития отечественной экскурсионной школы, соединяя его с новыми формами и методами экскурсионной работы, Петроградский экскурсионный институт внес весомый вклад в развитие теории и методики отечественной экскурсии, в изучение и популяризацию экскурсионного метода, в изучение историко-культурного и экскурсионного потенциала Петрограда, его ближайших окрестностей и других российских территорий.

Ключевые слова: отечественная экскурсионная школа, экскурсионное дело, экскурсия, экскурсионная тематика, экскурсионная методика, экскурсионный метод, Петроградский экскурсионный институт, краеведение, школьная экскурсия, историко-культурная экскурсия, семинарий, И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Г.Э. Петри, Б.Е. Райков.

1920-е годы в историю отечественного краеведения прочно вошли как «золотое десятилетие». Подобной же характеристики с полным правом этот период может удостоиться и в отношении развития отечественной экскурсионной школы (что во многом взаимообусловлено). Блестящая плеяда экскурсионистов, широчайший размах экскурсионной работы, ее массовое распространение в среде экскурсантов, расширение экскурсионной тема-

тики, совершенствование методики экскурсии, применение экскурсионного метода и как образовательного, и как исследовательского (в том числе и в краеведческой деятельности) – вот далеко не полный перечень всех тех достижений в области отечественной экскурсии, которые характеризуют этот период. И, пожалуй, одним из самых значительных мероприятий в этой области, не имевшим аналогов в дореволюционной практике и не получившим, к большому сожалению, развития в будущем, стало создание в двух крупнейших экскурсионных центрах страны – Москве и Петрограде, где сложились два оригинальных направления в рамках отечественной экскурсионной школы, – экскурсионных институтов научно-исследовательского характера. Сегодня подлинные свидетельства их существования можно отыскать в московских и петербургских архивах и почерпнуть из очень немногих документальных публикаций.

В Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) в фонде Главнауки¹ сохранились документы Петроградского экскурсионного института (далее – ПЭИ). Он был создан практически одновременно с московским Центральным музейно-экскурсионным институтом (далее – ЦМЭИ) в октябре 1921 г. Не только практическое внедрение экскурсионного опыта, накопленного за предшествующие десятилетия и в начале 1920-х годов получившего широчайшее применение в рамках новой трудовой школы, в просветительской работе и в краеведческих исследованиях, но и чрезвычайно плодотворная работа в области теории и методики экскурсионного дела стали результатами деятельности этих двух научных учреждений. Однако приходится признать, что до сих пор нет специальных исследований, посвященных не только экскурсионным институтам, но и в целом отечественной экскурсионной школе, сложившейся в первой трети XX в.²

Ликвидация экскурсионных институтов как самостоятельных научно-исследовательских учреждений к середине 1920-х годов, исключение экскурсионного метода из образовательной сферы, перевод экскурсии преимущественно в плоскость политико-просветительной работы, жесткая идеологическая корректировка экскурсионной тематики означали к началу 1930-х годов сворачивание широкой научно-исследовательской работы в экскурсионной области. Опыт экскурсионных институтов во многом был предан забвению³. Тем ценнее сохранившиеся сегодня документальные свидетельства, позволяющие расширить наши представления о формах и методах экскурсионной работы в первой трети XX в.

Документы ПЭИ в составе фонда Главнауки сформированы в одно дело⁴. Его составляют машинописные копии нормативных, организационно-распорядительных документов (штатные распи-

сания, персональные списки сотрудников, годовые отчеты, планы работ и прочее), рукописные материалы персональных отчетов сотрудников, методических разработок экскурсий, переписка с Главнаукой. Хронологически документы охватывают период с февраля 1922 г. по июль 1924 г. (почти все время деятельности Института). Большой интерес представляют «Отчет о деятельности Петроградского экскурсионного института за первую половину 1922 г.»⁵, «Годовой отчет» (1922 г.)⁶, «Программа занятий экономико-технического отдела Экскурсионного института на 1923/1924 академический год»⁷, «План работ естественно-исторического отдела на 1923/1924 гг.»⁸, «План работ, намеченных гуманитарным отделом на 1923/1924 гг.»⁹, программы семинариев¹⁰, «Персональный список сотрудников Ленинградского¹¹ экскурсионного института»¹². Все эти материалы позволяют представить не только организационную структуру ПЭИ, но и направления его деятельности, результаты теоретических и практических экскурсионных разработок, персональное участие в работе отдельных сотрудников, отношение к институту со стороны Главнауки и многое другое.

Существенными дополнениями к этим архивным данным служат сведения, содержащиеся в документальных публикациях наследия двух крупнейших представителей и в значительной степени основоположников петроградской (ленинградской) экскурсионной школы, сотрудников ПЭИ профессора Петербургского университета И.М. Гревса¹³ и его ученика и последователя Н.П. Анциферова¹⁴.

Решение о создании ПЭИ было принято Государственным ученым советом (далее – ГУС) 11 октября 1921 г.¹⁵ Петроградский Институт как научно-исследовательское учреждение находился в ведении Академического центра (далее – Акцентр)¹⁶. Основными его задачами было: «1) дать методическую проработку экскурсий различного типа для школьников, внешкольников, дошкольников; 2) дать экскурсионное описание Петроградского района с указанием главных пунктов и маршрутов для экскурсий с разработкой примерных планов и программ экскурсий; 3) подготовить путем семинарских занятий кадры руководителей экскурсиями и 4) практически провести показательные экскурсии»¹⁷.

Один из главных инициаторов создания и вдохновителей работы ПЭИ И.М. Гревс общую цель Экскурсионного института обосновал следующим образом: «Экскурсирование стало интегральной частью школьного и внешкольного обучения, одной из общепризнанных методов, требуемых для его правильной постановки. Даже если это положение часто пока остается теоретическим, надо радоваться и такому достижению. Во всяком случае, из него вытекает, что экскурсионное дело должно быть одной из важнейших задач при

подготовке учителей и работников просвещения вообще. Потому необходимо его самостоятельное изучение, а затем и установление в нем единства: должны систематизироваться разрозненные усилия отдельных организаций, обществ и лиц. Таковую цель инициативы в направлении и объединении работ по экскурсиеведению ставит себе Ленинградский¹⁸ Экскурсионный институт. Это учреждение исследовательское, объектом его является научное штудирование, широкое, свободное и беспристрастное, всего экскурсионного – всестороннее его изучение: построение теории, выработка методы, познание материала, опыты практики, постройительные и показательные, наставление новых работников»¹⁹.

Фактическая деятельность ПЭИ началась с января 1922 г. (с началом его финансирования). Положение об Институте дорабатывалось еще в декабре 1922 г., при этом была значительно расширена исследовательская составляющая его деятельности²⁰.

В составе Института были созданы административный, гуманитарный, экономико-технический, естественноисторический отделы и секции: методическая, консультативно-справочная, издательская, библиотечная. Первоначально утвержденный штат Института включал 60 сотрудников²¹. С апреля 1922 г. при ПЭИ открылась читальня для сотрудников института и приезжих экскурсантов²². По мысли И.М. Гревса структура ПЭИ была организована «по-университетски», широко охватывая различные области знания и научные циклы, «дифференцируя их около главных центров, по “факультетскому” принципу, но и заботясь о сближении их для взаимной поддержки»²³, чему способствовало создание естественного, гуманитарного и экономико-технического научных отделов. Их взаимосвязь и взаимодополняемость должны были стать основой научной, исследовательской и образовательной деятельности всего Института: «Первый экскурсионно изучает природу, второй – человеческую культуру, третий – специально одну из отраслей культуры – хозяйство и производительный труд, совместное познание которых требует своеобразного подхода, но также нуждается в содействии данных из наук, разрабатываемых двумя первыми отделами. Все три отдела равноправны и равноценны...»²⁴.

Документы позволяют рассмотреть персональный состав руководства Института и его отделов. Директором Института и одновременно председателем консультативно-справочной секции была Эмма Васильевна Краснуха, «старая партийная работница», которую, по словам Н.П. Анциферова, сначала не оценили «должным образом»²⁵, но которая немало сделала для ПЭИ. Во главе экономико-технического отдела стоял профессор Владимир Владимирович Дмитриев, обязанности секретаря выполнял Алексей Иванович

Зазерский. Естественно-историческим отделом руководил Михаил Михайлович Тетяев, секретарем был Лев Валентинович Бианки. Гуманитарным отделом заведовал профессор Иван Михайлович Гревс, а секретарская работа была возложена на Ядвигу Адольфовну Влядих. Обязанности управделами в Административном отделе выполняла Вера Михайловна Стругкоф²⁶.

Работа сосредоточивалась в основном в Петрограде, расширению географического диапазона мешали трудности финансового характера, в том числе дороговизна транспорта. Для сотрудников ПЭИ главным направлением работ становилось изучение Петрограда и выявление экскурсионных объектов для экскурсий гуманитарного, естественно-исторического и технического характера. Одним из важнейших итогов этой работы должно было стать издание фундаментального путеводителя.

Деятельность Института практически с самого начала стала встречать затруднения. Прежде всего – это два взаимосвязанных негативных фактора: недофинансирование (или иногда нефинансирование) и, соответственно, сокращение штатов. Поскольку в связи с целями и задачами работы ПЭИ утвержденное штатное расписание на 60 человек было оптимальным, то даже сокращение штатов до 52 человек подвело работу института к критическому рубежу, дальнейшие потери штатов грозили срывом работ. Поэтому в Институте было принято решение добровольно делить официальное число ставок (и соответственно окладов) на необходимый для успешной работы минимум сотрудников (52 человека), таким образом поступали даже тогда, когда штатное расписание было доведено до цифры 28 единиц²⁷. Работая за половину зарплаты, сотрудники фактически сохраняли Институт жизнеспособным, не давая парализовать его работу в связи с кадровыми потерями. Однако такие серьезные сокращения штатов, а соответственно и финансирования работ сделали невозможным существование ряда подразделений. Через два месяца после начала работы ПЭИ пришлось отказаться от методической секции, которой заведовал Б.Е. Райков, что значительно затрудняло общеметодическую работу по развитию экскурсионного дела. Закрылась библиотечная секция, заведующая которой Л.И. Олавская занималась составлением экскурсионной библиотеки Института. Внутри экономико-технического отдела пришлось отказаться от организации сельскохозяйственной и кооперативной секций, в естественно-историческом отделе закрыли ботаническую, зоологическую, геологическую и методическую секции, однако вся работа по этим направлениям по-прежнему сосредоточивалась в отделе²⁸.

Оказалась практически свернутой издательская работа, запланированная Институтом и возглавляемая В.А. Зеленко. В 1922 г.

вышел единственный номер «Экскурсионного вестника», задуманного как периодическое издание ПЭИ.

Все эти административно-финансовые осложнения заставляли сотрудников Института работать с увеличенной нагрузкой, выполнять одновременно различные работы, наряду с научными занятиями осуществлять административные функции. В отчетных документах говорится о значительных перегрузках работников различных отделов. Так, например, на каждого члена гуманитарного отдела в год приходилось 45 всевозможных заседаний, не менее 50 дней семинарских практикумов, каждым готовилось не менее 1 большого научного доклада и 3–4-х научных работ (статьи, путеводители, брошюры)²⁹.

Экскурсионный институт развернул исключительно многоплановую интенсивную работу, в которой участвовали все подразделения. Методическая секция, просуществовавшая недолго, была очень важным звеном в работе ПЭИ. В рамках общеинститутских задач сотрудники секции разрабатывали библиографию по экскурсионным вопросам, занимались подготовкой библиографической выставки, исследовали общетеоретические вопросы экскурсионного дела. Б.Е. Райковым изучалась тема «Современные течения в экскурсионном деле», И.М. Гревсом – «Воспитательная и образовательная роль дальних экскурсий», В.В. Дмитриевым – «О конструкции технических экскурсий», В.А. Гердом – «Экскурсионное дело в начальной школе», И.С. Канегисером – «Эволюция организации производственного предприятия как экскурсионный материал», Я.А. Влядих – «Гуманитарные экскурсии в природу»³⁰.

Консультативно-справочная секция осуществляла связи ПЭИ с организациями и общественными объединениями, готовила справочные материалы по экскурсионному делу для Петрограда и провинции, устанавливала связи с обществами краеведов. Представитель секции состоял в Центральном бюро по краеведению (далее – ЦБК). К концу 1922 г. сотрудниками секции были собраны сведения о 25 музеях, 17 научных обществах, 3 институтах, 6 экскурсионных станциях (все эти материалы составляли своего рода музейную экспозицию ПЭИ)³¹.

Кроме того, члены секции выполняли и индивидуальные задания. Библиографическая работа и составление каталогов экскурсионных объектов были важнейшими направлениями деятельности секции, сотрудницей гуманитарного отдела Т.М. Черепниной было разработано более 2 тыс. карточек на экскурсионные объекты Петрограда, его пригородов и Северной области³². Кроме того, ею же собиралась библиография по экскурсионному делу, которая должна была стать практическим подспорьем в экскурсионной работе

сотрудников Института. Разрабатывался перечень литературы по памятникам, местностям, предприятиям и прочим экскурсионным объектам. Материал собирался в Музее города, в Государственной академии истории материальной культуры, в отделе древнегреческого искусства Эрмитажа, использовалась периодическая печать, сведения, полученные в Северной экскурсии-экспедиции о постановке экскурсионного дела на местах. В основном это были материалы гуманитарного характера. А.Ю. Якубовский занимался сбором сведений об экскурсионном деле в школах, по собранным материалам им была организована выставка³³.

Э.В. Краснуха как руководитель секции проводила специальные консультации по вопросам экскурсионного дела³⁴.

Значительные задачи стояли и перед экономико-техническим отделом, где основные работы велись в направлении выявления экскурсионных объектов, совершенствования методики и создания циклов экскурсий. Заведующим В.В. Дмитриевым подробно разрабатывалась методика экономико-технической экскурсии, причем опыт этот был абсолютно нов. Сотрудники отдела занимались внедрением экскурсионного метода для ознакомления с организацией производства и научной организацией труда на предприятиях (И.С. Каннегисер) и для изучения истории благоустройства населенных мест, в том числе Петрограда (А.И. Зазерский). Кроме того в отделе была начата работа по созданию и методическому обеспечению цикла энергетических экскурсий (С.М. Брагин)³⁵. В планах отдела намечалась экскурсионная разработка ремесел и кустарной промышленности Петроградского района, изучение роли кооперации в экономическом развитии этих территорий³⁶.

Естественно-исторический отдел подробно занимался методическими вопросами в связи с ботаническими, зоологическими, почвенными экскурсиями. В качестве важнейших мероприятий было намечено описание Петрограда и его окрестностей, в том числе, экскурсионная разработка Петроградского района, составление примерных планов и программ экскурсий. Основной упор делался на индивидуальные исследовательские работы сотрудников отдела и на семинарскую форму работы. Были составлены списки-минимумы экскурсионных тем для школ первой и второй ступеней. Занимаясь разработкой экскурсионного материала, сотрудники отдела подготовили энтомологическую экскурсию на Смоленское кладбище (Г.Г. Якобсон), экскурсию «Пешком по Петроградской губернии» (В.Ю. Фридолина), сделали описания острова Осиновца на Ладожском острове (П.Е. Васильковский), Петергофа (В.А. Догель), Елагина острова, Саблина и окрестностей (Л.В. Бианки, Н.И. Прохоров)³⁷, Лахтинского разлива, Петроградской губы, Ладожского озера

и других территорий и природных объектов³⁸. Попутно собирался коллекционный материал, и был поставлен вопрос об организации естественно-исторического музея при ПЭИ³⁹. Сотрудниками отдела были сделаны экскурсионные описания, и на их основе предложены экскурсии по Летнему и Таврическому садам (Б.А. Федченко), по парку Главного ботанического сада (К.К. Косинский)⁴⁰.

Естественно-историческим отделом были организованы дальние экскурсии-экспедиции по соответствующей тематике: Б.А. Федченко в Череповецкую губернию, Н.И. Прохоровым на Кольский полуостров⁴¹.

Но, пожалуй, наиболее мощно развернул свою деятельность возглавляемый И.М. Гревсом гуманитарный отдел, направлениями работы которого являлись «методология и методика, учение о природе экскурсионности, о принципах экскурсиеведения, формах и способах экскурсионного образования; классификация, определение категорий и типов экскурсий, группировка областей и заданий экскурсий в культуру; фактическое исследование объектов, собственное шествие специалистов к познанию самого экскурсионного материала»⁴². Определив таким образом вектор научно-методических занятий гуманитарного отдела, И.М. Гревс впервые прямо поставил задачу оформления «существенной новой дисциплины – теории, методологии, психологии, дидактики и техники экскурсиеведения»⁴³.

Сотрудники гуманитарного отдела одновременно работали по нескольким направлениям: по проблемам экскурсионной методики, рассмотрению вопросов общекультурного характера, по обследованию города и его окрестностей, а также экскурсионному освоению Русского Севера, по изучению материалов местных музеев. Еще в 1922 г. И.М. Гревс рассматривал возможность осуществления на базе отдела (как гуманитарного факультета, по существу) широкой образовательной работы, в связи с чем им была задумана брошюра «Гуманитарный факультет», где он сформулировал цель: «1) содействовать окончательной научной и практической подготовке преподавателей гуманитарных предметов, владеющих экскурсионным методом, для школ различных ступеней и типов; 2) вырабатывать специалистов – руководителей школьными экскурсиями, историческими, художественными, литературными, этнографическими и бытовыми, и экскурсионных деятелей в различных внешкольных просветительских организациях; 3) подготавливать работников на гуманитарных экскурсионных станциях; 4) образовывать ученых исследователей по собиранию и разработке данных в области “краеведения”, то есть изучения развития современного состояния культуры отдельных местностей России в ее различных сторонах и явлении-

ях...»⁴⁴. Учебный цикл был рассчитан на 2 года и включал разделы педагогики, экскурсионной методики, теории искусств, эстетики, русского языка и литературы, методики истории, истории культуры, музееведения, этнографии, городоведения, географии и прочего.

В гуманитарном отделе сложился блестящий коллектив специалистов, среди прочих И.М. Гревс привлек к работе своих учеников и давних и близких сотрудников О.А. Добиаш-Рождественскую, К.В. Ползикову-Рубец, В.А. Голованя, Ф.Ф. Зелинского, Г.Э. Петри, супругов Вейнерт, Т.В. Сапожникову, О.М. Рындины⁴⁵, Н.П. Анциферова. Сам Николай Павлович писал о работе тех лет: «Работали мы с тем энтузиазмом, который отличал работу старых интеллигентов в первые годы Революции. Мы разрабатывали и совместно обсуждали циклы экскурсий по городу, по его окрестностям, по дворцам, по музеям. Мы издавали экскурсионные сборники»⁴⁶.

Только за первую половину 1922 г. гуманитарным отделом были подготовлены и проработаны методические доклады «Опыт классификации материала для гуманитарных экскурсий» (Г.Э. Петри), «Типы гуманитарных экскурсий с точки зрения отношения к материалу» (Н.П. Анциферов), «О гуманитарных экскурсиях в природу» (Я.А. Влядих), «О дальних экскурсиях» (И.М. Гревс), «О теоретических экскурсиях» (Б.П. Брюллов), «Как подойти к египетскому искусству с экскурсионной точки зрения» (Н.Д. Флитнер), «Программа гуманитарных экскурсий для школ первой и второй ступеней» (Я.А. Влядих). Исследовательская работа отдела сосредоточилась вокруг таких тем, как «Монументальные памятники Петербурга (обзор материала и его экскурсионное использование)» (Н.В. Вейнерт) и «Старые Пески (историческое и экскурсионное использование материала)» (А.В. Карлсон). Н.П. Анциферов начал собирать и систематизировать литературный материал для хрестоматии по Петрограду.

В области экскурсионной теории сотрудниками отдела разрабатывались вопросы классификации экскурсий (Н.П. Анциферов «Классификация историко-культурных экскурсий»), систематизации материала гуманитарной экскурсии (Г.Э. Петри), методики художественных экскурсий (Т.В. Черепнина «Исторические экскурсии на художественном материале», О.М. Рындина «Основное положение в ведении художественных экскурсий», Б.П. Брюллов «Интерпретация художественного произведения») и гуманитарных экскурсий в природу (О.М. Рындина «Экскурсии в природу как метод эстетического воспитания», Я.А. Влядих «Гуманитарные экскурсии в природу») и другие⁴⁷.

Одновременно велись работы по экскурсионному изучению Петрограда, в результате чего появились книга Н.П. Анциферова

«Душа Петербурга» и его же экскурсия по Петербургу Достоевского. А.Г. Ярошевым была разработана экскурсия «Петербург XVIII и первой половины XIX в.», Е.А. Лютером – «Допетровская живопись в петербургских церквях», А.Ю. Якубовским – экскурсия «В мечеть», А.В. Карлсон готовила исторические экскурсии по Охте, Пескам и Летнему саду (материал предназначался для печати), Н.В. Вейнерт работал над темами «Монументальные памятники Петербурга и Александринский театр как объекты экскурсий» и «Три момента в петербургском строительстве»⁴⁸.

Сотрудники гуманитарного отдела О.Ф. Вальдгауэр, Н.Д. Флитнер, Г.Э. Петри, О.М. Рындина, В.Г. Конради, Л.Н. Пескова, Е.А. Лютер, Н.П. Черепнина, Я.А. Влядих вели раздел работ по изучению местных музеев (Эрмитажа, Этнографического, Русского музеев) и созданию экскурсий и экскурсионных путеводителей по их экспозициям⁴⁹.

Изучая окрестности Петрограда, Н.П. Анциферов занимался научной разработкой тем «Павловск в поэзии Жуковского», «Отражение классицизма и сентиментализма в Павловской живописи: декоративной и станковой», А.Я. Влядих для печати были подготовлены работы «Камерон в Павловске», «Античность в Павловске», «Путеводитель по Павловску», научные изыскания Г.Э. Петри были связаны с темой «Личность Петра I по материалам Павловска»⁵⁰.

В 1922 г. был осуществлен интереснейший опыт сотрудничества двух экскурсионных институтов – московского и петроградского, знаменовавший собой уникальную практику единения усилий лучших представителей двух направлений отечественной экскурсионной школы: экскурсия-экспедиция в Северный край (по маршруту Вологда – Галич – монастыри Русской Фиваиды).

После завершения экспедиции гуманитарный отдел уделял большое внимание обработке полученных материалов и дальнейшему исследованию Севера с экскурсионной точки зрения. Изучением и обобщением экспедиционных данных занималась также и справочно-консультационная секция. В журнале «Север» появилась статья И.М. Гревса «К живым образам истории и культуры Русского Севера»⁵¹. Материалы экспедиции систематизировались, анализировались и изучались с точки зрения выявления экскурсионного потенциала северных территорий и разработки экскурсионных маршрутов в Вологду, Галич, Мурманский край. Н.П. Анциферовым были разработаны темы «Архитектурный пейзаж Вологды», «Экскурсия в пустынь Нила Свирского», Н.В. Вейнертом – «Архитектура и резьба по дереву в Вологде», Н.П. Черепниным – «Спасо-Приморский монастырь», А.Ю. Якубовским – «Экскурсионные возможности в Кирилло-Белозерском монастыре», А.Г. Ярошев-

ским – «Бытовой материал Пскова с экскурсионной точки зрения», Е.А. Лютером – «Старая Ладога как материал для экскурсий», Т.Н. Черепниной был подготовлен цикл экскурсий в Ферапонтов монастырь. Л.Н. Пескова собирала и систематизировала библиографию по Вологде и Русскому Северу, занималась изучением вологодских библиотеки, музея, заводов, фабрик, посада Ферапонтова монастыря и Рыбачьей слободы в Галиче как экскурсионных объектов⁵².

К середине 1923 г. ПЭИ подготовил сборник по экскурсионному изучению Севера, его составителями были сотрудники гуманитарного отдела А.Ю. Якубовский и Н.П. Анциферов⁵³.

Н.П. Анциферов, вспоминая о работе в гуманитарном отделе, писал, что петроградцы работали «в тесном контакте с московской группой экскурсионистов... Москвичи посещали нас, мы москвичей, обменивались опытом нашей работы. Мне кажется, что ни в одной области москвичи и ленинградцы (тогда еще петроградцы) не работали так дружно, как работала московская и наша группа экскурсионистов. И я могу сказать с уверенностью, что этому в значительной мере содействовал Иван Михайлович – тем моральным авторитетом, которым он пользовался как у нас, так и у москвичей. Глава московской группы А.Я. Закс – изумительный организатор, пламенный экскурсионист и прекрасный товарищ (“Азарт” Яковлевич) был также ученик Ивана Михайловича. С ним работали такие замечательные люди, как историк Н.А. Гейнике и искусствовед А.В. Бакушинский»⁵⁴. Этот опыт практического исследования экскурсионно-краеведческого потенциала Русского Севера стал весьма важным шагом в реализации одного из трех обозначенных И.М. Гревсом направлений отдела «фактического исследования объектов» и «познания самого экскурсионного материала». Оценивая итоги экспедиции, И.М. Гревс писал, что, поскольку работа отдела в равной мере должна опираться на исследование экскурсионных объектов в «своем собственном центре» (в городе и окрестностях) и на «периодические дальние исследовательские экскурсии-экспедиции» (развивать которые, к сожалению, мешало отсутствие финансирования ПЭИ), то опыт лета 1922 г. «ярко и убедительно показал, как строжайше необходимо постоянное культивирование этой ветви “экскурсионного исследования” для расширения собственного научного и практического горизонта»⁵⁵.

Следствием этой поездки стала разработка гуманитарным отделом в качестве важнейшей темы малого города. Работу в этом направлении намечалось продолжить в 1923–1924 гг. (причем вновь совместно с ЦМЭИ, который, в общем-то, в значительной степени инициировал поездку 1922 г.). Вообще вопрос о маршруте

экспедиции на Север был общим делом всех подразделений ПЭИ с начала 1923 г., этой работе был посвящен специальный доклад члена естественно-исторического отдела Н.И. Прохорова, сделанный на публичном заседании. В докладе предлагалась детальная разработка экскурсий по Мурманскому краю⁵⁶. Была начата подготовка дальних экскурсий в Двинск, Мурманск и Волхов. Этому вопросу было посвящено 10 заседаний гуманитарного отдела⁵⁷.

В целом гуманитарный отдел вел теоретическую, методическую и практическую работу в области таких видов экскурсий, как географические и этнографические (в отношении первых отдел активно сотрудничал с другими отделами ПЭИ), культурно-исторические (по памятникам материального быта, общественного строя, культуры, религии), художественные (по памятникам архитектуры, скульптуры, живописи; эстетического, историко-художественного и культурно-бытового характера; причем, «художественно-экскурсионным» темам отдавалось предпочтение), литературные (новый разрабатываемый тип экскурсий), краеведческие («направляются к ознакомлению с тем, как живет город, край, страна ныне в различных сторонах своего быта с тенденцией к построению синтетической картины всей жизни данного общежития или местности». Отмечая новаторский характер таких экскурсий, И.М. Гревс подчеркивал, что в переживаемый момент «старое исчезает, новое образуется в народной жизни; надобно фиксировать изучением следы старины, подмечать рождение новых форм и течений, выяснить влияние свершившейся перемены на существование масс и групп населения в различных местностях и сферах материальной, социальной и духовной жизни. Это новое экскурсионное направление в сторону современного обществоведения только намечается, но его надлежит детально развивать»⁵⁸.

Если говорить о формах экскурсионной работы Института, то кроме исследований, подготовки научных и методических тем и докладов, публикации материалов, составления библиографии, организации дальних экспедиций и экскурсий по ближним окрестностям, внимание ПЭИ уделялось семинариям. Уже в 1922 г. было организовано 6 семинариев, которые посещало 93 слушателя⁵⁹. В дальнейшем работали семинарии: архитектурный по особнякам (его посещало 35 человек, руководитель Т.М. Черепнина), по изучению Смольного с точки зрения художественной и культурно-исторической (Н.П. Черепнин), по методической проработке экскурсий по городу (Г.Э. Петри), по хрестоматии по Петербургу (Н.П. Анциферов), по Фонтанке (И.М. Гревс), 5 семинариев по музеям (по Эрмитажу «Античное искусство» – О.Ф. Вальдгауэр, по искусству Древнего Востока – Н.Д. Флитнер, по картинной галерее

Эрмитажа – В.А. Головань, по Русскому музею – Е.А. Лютер, по Этнографическому музею – Л.Н. Пескова), а также по общеметодическим вопросам (Т.М. Черепнина)⁶⁰. Были разработаны программы семинариев по изучению Петрограда, по изучению постановки экскурсионного дела для руководителей экскурсий.

Участники семинариев самостоятельно занимались экскурсионной работой, готовили экскурсионные маршруты. К.В. Рубец разработала планы экскурсий по Васильевскому острову, по Меншиковскому и Строгановскому особнякам, З.А. Эдельштейн – по Петропавловской крепости, В.Р. Развитаева – по Петровской галерее Академии наук и экскурсию «Петр и его современники»⁶¹.

Чтобы проиллюстрировать все тематическое многообразие исследовательско-экскурсионной работы ПЭИ, назовем ряд важнейших тем, готовившихся в теоретическом и практическом плане сотрудниками всех отделов. За один только 1922 г. гуманитарным отделом были подготовлены к слушанию темы: «Общая методика историко-культурной экскурсии» (А.Г. Ярошевский), «Синтетические экскурсии по русской исторической живописи» (Б.П. Брюллов), «Язык иконописца» и «Как пишется икона» (Е.А. Лютер), цикл экскурсий по Этнографическому музею «Каменный век жарких стран», «Век металла», «Духовная культура», «Быт народов в связи с условиями жизни» (Л.Н. Пескова), «Летний сад как центр культурной жизни при Петре» (А.В. Карлсон), «Указы о строительстве Петра I» (Н.В. Вейнерт), «Изучение мемуаров и документов XVIII в. и извлечение из них материала для экскурсий по особнякам» и «Смольный при Екатерине II» (Н.П. Черепнин), «Экскурсии по уезду» (А.Г. Ярошевский), «Екатерина Павловна, дочь Павла I (опыт исторической характеристики в связи с экскурсионным изучением имеющегося в Павловске материала)» (Т.В. Сапожникова), «Состояние гуманитарных экскурсий в современной школе второй ступени», «Историко-культурные экскурсии в трудовой школе второй ступени», (А.Ю. Якубовский); а экономико-техническим отделом – «Промышленность как экскурсионный материал» (А.Н. Егоров), «История развития сообщения Петрограда и Петроградской губернии как экскурсионный материал» (М.Е. Зеленцов), «Изучение экскурсионным путем возникновения и развития типов сельского хозяйства» (В.Д. Батюшков) и другое⁶².

Сотрудниками всех отделов проводились консультации для приезжих по вопросам экскурсионного дела. Для популяризации экскурсий и экскурсионного метода петроградские экскурсионисты выступали с публичными докладами. Только в первом полугодии 1922 г. было сделано 9 докладов. Кроме того, ПЭИ проводил пока-

зательные экскурсии, например, общеисторические и по истории первобытной культуры для представителей совпартшкол.

Уже первый год деятельности ПЭИ, несмотря на указанные трудности (в первую очередь, финансовые), и даже вопреки им показал насколько велик его научный и практический потенциал. На 1923 и 1924 гг. намечались исключительно интенсивные исследовательские теоретические и практические работы. Экономико-технический отдел планировал работу в 4 направлениях: научные исследования по выявлению экскурсионного материала; практическая подготовка выявленных объектов для использования в экономико-технических экскурсиях; разработка методики экономико-технических экскурсий и применение экскурсионного метода в различного типа школах в преподавании естественных предметов и экономической географии; практическая работа по организации конференций и семинариев, по установлению связи с различными учреждениями.

Выявление экскурсионного материала предполагало не только широкое знакомство с самыми различными промышленными объектами, но и территориальное расширение исследований. Кроме городских объектов планировалось обследовать Петроградский район, а также начать экскурсионное изучение Мариинской транспортной системы (ее истории и современного состояния) с целью разработки дальних экскурсий. Кроме того, в качестве новой экскурсионной темы рассматривалось благоустройство, в связи с чем было начато выявление соответствующих экскурсионных объектов в Петрограде⁶³.

Естественно-исторический отдел планировал два цикла работ: зимний и летний. В зимний период основной задачей сотрудников отдела становилась теоретическая и методическая работа. В частности, были намечены публичные доклады по экскурсионной методике и по экскурсионным объектам. Издательская программа включала издание второго тома сборника «Естественно-исторические экскурсии по Петрограду» и разработку материалов для третьего тома. Сотрудники отдела разрабатывали план организации естественно-исторического отделения для экскурсионного музея и организовывали экскурсионные семинарии. Летний цикл работ включал изучение экскурсионных объектов и создание экскурсий по ближайшим окрестностям Петрограда⁶⁴.

Не менее обширными были и планы гуманитарного отдела на 1923–1924 гг. В 1924 г. И.М. Гревсом был составлен текущий план работ с продолжением их в следующем 1925 г. (в его личном архиве сохранился документ, датированный 1924 г.: «Гуманитарный отдел Ленинградского Экскурсионного института (его общие задачи и ближайший план)»⁶⁵).

В рамках методической работы особое внимание уделялось работе со школой, намечалось систематизировать экскурсии по ступеням и годам курса общей (трудовой) школы, положив в основу экскурсионной работы два объединенных экскурсионных цикла – культурно-исторический и художественный. Еще одной задачей было выработать основу систематизации экскурсий для организованных внешкольников. Исследовательские работы в этих направлениях намечались в форме семинариев, индивидуальных научных трудов и докладов, публичных выступлений и печатных работ.

Второе направление деятельности отдела предполагало изучение экскурсионного материала Петрограда (Ленинграда) и окрестностей с целью «выявления индивидуальной природы и оригинальных черт «старого Петербурга» отчасти и «нового Ленинграда» ввиду установления полного курса его экскурсионного изучения с целью подготовки методически-описательной книги» с рубриками «Петербург – имперская столица», «Петербург вельможный», «Петербург военный», «Петербург чиновничий», «Петербург купеческий и торговый», «Петербург – порт», «Петербург рабочий», «Петербург революционный», «Большие радиусы или окрестности в Петербурге (Нева, Невский проспект, Фонтанка, Мойка)»⁶⁶.

По этому же плану в рамках работы семинариев намечалось завершить составление экскурсионных планов и методических описаний экскурсионных объектов и художественных памятников по музеям и по городу. Одновременно работа велась в рамках создания цикла «типичных» экскурсий (в соответствии с разделами готовящегося сборника): «Петербург – столица», «Петербург дворцовый и вельможный», «Петербург военный», «Петербург чиновничий», «Петербург – порт», «Петербург купеческий и торговый», «Петербург рабочий». Особый упор делался на разработку больших «синтетических» экскурсий по протяженным радиусам – Невский проспект, р. Нева, р. Фонтанка, р. Мойка.

Ближайшие окрестности Петрограда (Ленинграда) – Петергоф, Царское, Павловск, Гатчина – намечались к изучению для составления «методически-описательных руководств».

Предполагалось начать исследовательские работы в губернии с целью «выявления материала и установки методов “краеведных” экскурсий по современной культуре: уездный город, деревня, усадьба, другие типы оседлости, занятия и быт»⁶⁷.

В плане гуманитарного отдела большое внимание сосредоточивалось на исследовательских экскурсиях-экспедициях. Как продолжение совместной работы с ЦМЭИ планировалась летняя экспедиция по Двинскому пути (Вологда–Тотьма–Великий Устюг–Сольвыче-

годск с продолжением по возможности до Архангельска и Соловецкого монастыря⁶⁸), самостоятельно разрабатывалась экспедиция по Волховскому пути от Старой Руссы через Новгород до Ладоги и по Северо-Волжскому пути (Рыбинск–Ярославль–Ростов–Кострома–Нижний–Владимир–Суздаль с возвращением через Москву)⁶⁹. Кроме того, сотрудники отдела планировали индивидуальные поездки и с целью выявления и изучения нового экскурсионного материала, и для установления связей с экскурсионистами и краеведами в областных центрах.

По-прежнему важной формой работы оставались семинарии, публичные доклады, открытые лекции и показательные экскурсии. Общеинститутским делом должна была стать организация курсов для учителей и всех, кто интересуется экскурсиями⁷⁰.

Столь многосторонняя исследовательская и практическая работа всех подразделений ПЭИ в области разработки экскурсионной теории и методики, внедрения экскурсионного метода в образовательный процесс и просветительскую работу безусловно реально отражала возрастающий интерес к экскурсиям, к их исследовательскому и обучающему потенциалу. Однако, несмотря на значительные успехи Института в развитии экскурсионной теории и практики, судьба его была предreshена. За 3 года на научные нужды из государственного бюджета было отпущено всего около 300 руб.⁷¹ Весной 1924 г. сотрудники института оформляли заявки на сумму в тысячу рублей на научно-исследовательскую работу⁷² (совместная экскурсия-экспедиция с москвичами на Север, по Двинскому пути⁷³; летние экскурсии на Волховстрой (Званка, Гостинополье, Старая Ладога⁷⁴)), но даже в таких средствах Главнаука отказала⁷⁵.

Весной 1924 г. ПЭИ получил уведомление Центральной штатной комиссии об объединении его и еще двух учреждений – Педагогического института и Педагогического музея – в Институт научной педагогики с 1 июня 1924 г.⁷⁶ При этом для ПЭИ в составе нового учреждения выделялось всего 93 оклада на существующие 123 штатные единицы⁷⁷.

В своих записках Н.П. Анциферов свидетельствует: «Экскурсионный институт просуществовал всего 2–3 года, сотрудники его были взяты в Институт научной педагогики. Иван Михайлович отказался “сливаться” и отошел от любимого дела. Он предвидел, что мы в качестве экскурсионной секции будем влачить в новом институте жалкое существование, что и сбылось в полной мере»⁷⁸.

Так же как и московский Центральный музейно-экскурсионный институт (он был ликвидирован как самостоятельное учреждение осенью 1923 г.) Экскурсионный институт в Петрограде, влившись на правах одного из подразделений в научный институт иного про-

филя, потерял свое прежнее значение. Почти одновременная ликвидация двух экскурсионных институтов в Москве и Петрограде означала свертывание широких исследовательских работ в области экскурсионного дела и была началом процесса сужения функций экскурсии и ограничения их жесткими рамками политико-просветительской и культурно-массовой работы. И.М. Гревс по этому поводу писал: «Московский и Ленинградский экскурсионные институты как отдельные самостоятельные центры методических исследований и практических семинариев прекратили существование, педагогические высшие учебные заведения не могут развернуть вопроса должным образом, и разработка экскурсионной теории и практики очень стеснена, предоставленная чаще всего обстоятельствам и кустарному эмпиризму»⁷⁹.

После разгрома краеведческой и экскурсионной работы «золотого десятилетия» отечественная экскурсия, хотя и в несколько ином качестве, не жели в первой трети XX в., все же достигла больших высот, сохранила и значительно расширила свой массовый характер, а экскурсионная теория и методика уже во второй половине XX в. получили мощный импульс развития, тем не менее в научно-исследовательском плане отечественная экскурсия никогда более не поднималась на столь высокий (в том числе и организационный уровень), как в первой половине 1920-х годов.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 2307.

² Исключения составляют отдельные статьи, носящие обзорный характер, учебные пособия, затрагивающие вопросы истории экскурсионного дела в указанный период в числе прочих проблем экскурсионной истории, теории и методики, а также диссертационные исследования, посвященные истории экскурсий в регионах. См., например: *Колокольцова Н.Г.* К истории отечественной экскурсионной школы: Реферативный обзор публикаций второй половины XIX – начала XX в. М., 1992; *Рафиенко Е.Н.* Экскурсионная школа в России // Экскурсии и культурное наследие. Русская экскурсионная школа. Научные труды Государственного центрального музея современной истории России. Музейное дело. Вып. 26. М., 2001; *Калита С.П.* Теория и история экскурсионного дела в России: Учеб. пособие. Тула, 2004; *Муртузова З.Д.* Туризм и экскурсионное дело на Кубани и Черноморье: становление и развитие (1860-е годы – 1917 г.): Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Ставрополь, 2006.

³ Основы экскурсионной методики, разрабатывавшиеся институтами, легли в основу дальнейшего развития отечественной экскурсионно-туристической деятельности. Но сами учреждения надолго выпали из поля зрения исследователей.

- 4 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193.
- 5 Там же. Л. 1–3.
- 6 Там же. Л. 22–55.
- 7 Там же. Л. 14–15 об.
- 8 Там же. Л. 15а.
- 9 Там же. Л. 15б–15а об. (так в документах).
- 10 Там же. Л. 17, 18, 19.
- 11 Документ составлен в 1924 г., после переименования г. Петрограда в г. Ленинград.
- 12 Там же. Л. 122.
- 13 Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.
- 14 *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992.
- 15 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 1.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Цитируемая запись была сделана И.М. Гревсом в 1924 г., когда слово «Петроградский» в названии института уже было заменено на «Ленинградский».
- 19 Человек с открытым сердцем... С. 307–308.
- 20 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 13.
- 21 Там же. Л. 22.
- 22 Там же. Л. 2 об.
- 23 Человек с открытым сердцем... С. 308.
- 24 Там же.
- 25 *Анциферов Н.П.* Указ. соч. С. 399.
- 26 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 24–25, 122.
- 27 Там же. Л. 24.
- 28 Там же. Л. 23–24.
- 29 Там же. Л. 26.
- 30 Там же. Л. 50.
- 31 Там же. Л. 53.
- 32 Там же. Л. 90.
- 33 Там же. Л. 53.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 1–1 об.
- 36 Там же. Л. 41.
- 37 Там же. Л. 1 об.
- 38 Там же. Л. 30–31.
- 39 Там же. Л. 30.
- 40 Там же. Л. 29.
- 41 Там же. Л. 32.
- 42 Человек с открытым сердцем.... С. 308.

43 Там же.

44 Там же. С. 307.

45 *Анциферов Н.П.* Указ. соч. С. 400.

46 Там же.

47 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 45.

48 Там же. Л. 33–34.

49 Там же. Л. 34–35.

50 Там же. Л. 36.

51 *Гревс И.М.* К живым образам истории и культуры русского Севера (экскурсия-экспедиция Московского и Петроградского экскурсионных институтов летом 1922 г.) //Север. Вологда, 1923. Кн. 1. С. 154–179.

52 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 37–38.

53 Там же. Л. 58.

54 *Анциферов Н.П.* Указ. соч. С. 400.

55 Человек с открытым сердцем... С. 309.

56 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 72.

57 Там же. Л. 63.

58 Человек с открытым сердцем... С. 309.

59 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 46.

60 Там же Л. 46–47.

61 Там же. Л. 34.

62 Там же. Л. 2 об.–3.

63 Там же. Л. 14.

64 Там же. Л. 15а.

65 Человек с открытым сердцем... С. 307–310.

66 Там же. С. 310.

67 Там же. С. 310.

68 Там же. С. 304.

69 Там же. С. 310. Можно заметить, что гуманитарным отделом (во многом параллельно или совместно с московскими коллегами) еще в начале 1920-х годов была начата работа по выявлению экскурсионного потенциала и разработке маршрутов будущего «Золотого кольца», к созданию которого приступили лишь в 1960-е годы, и не столь давно вошедшего в практику экскурсионных учреждений «Серебряного кольца».

70 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 156–15а об.

71 Там же. Л. 124.

72 Там же. Л. 123, 124.

73 Там же. Л. 113 об.

74 Там же. Л. 124.

75 Там же.

76 В документах указана именно эта дата (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 110), тогда как в комментарии к запискам Н.П. Анциферова (опирающемся на архив Я.Н. Вейнерта) указывается, что летом 1924 г. разрабатывались проекты

реорганизации Экскурсионного института, уведомление о его закрытии последовало 1 августа, а сама официальная ликвидация была назначена с 1 сентября 1924 г. (См.: *Анциферов Н.П.* Указ. соч. С. 454.).

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 193. Л. 111.

⁷⁸ *Анциферов Н.П.* Указ. соч. С. 401.

⁷⁹ Экскурсии в культуру: Сб. / Под ред. И.М. Гревса. М., 1925. С. 9.

РЕГИОНАЛИСТИКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ
В 1991–2005 гг.:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ*

В статье представлены наиболее значимые интеллектуальные достижения российских историков в области исторического краеведения, региональной и локальной истории за 1991–2005 гг. в условиях коренных преобразований российской исторической науки, ее академических и вузовских структур, столичных и региональных сообществ российских ученых, их научно-коммуникативных связей и взаимодействий с западными историками-регионалистами. Проанализирован понятийный аппарат современной регионалистики, показано значение научных конференций, семинаров, именных чтений, Союза краеведов России, вузовских подразделений в развитии краеведения и регионалистики как научного направления и общественного движения.

Ключевые слова: история, региональная история, локальная история, историография, историческое краеведение, интеллектуальная история, Союз краеведов России.

В статье представлены наиболее значимые интеллектуальные и институциональные достижения российских историков в области региональной (локальной) истории за последние 15 лет. Условия постсоветской действительности коренным образом изменили российскую историческую науку, академические и вузовские структуры, столичные и региональные сообщества российских уче-

© Мохначева М.П., 2012

* Данная статья является докладом на XVIII Международной научной конференции Центра русистики Будапештского университета им. Этвеша Лоранца 27 мая 2006 г. в Будапеште и была впервые опубликована в сборнике: Книги по русистике XVIII / Books for Russian Studies XVIII: Региональные школы русской историографии / Regional Schools of Russian Historiography. Budapest, 2007. С. 56–67.

ных, их научно-коммуникативные связи и взаимодействия с западными коллегами, способствуя тем самым становлению принципиально иной интеллектуальной идентичности корпуса историков.

1991 г. выбран в качестве «отправной» даты не случайно: не только распад СССР, но и своевременное создание на заре перестройки, в мае 1990 г., в Челябинске, на учредительной краеведческой конференции Союза краеведов России (далее – СКР), руководящего и координирующего центра краеведов Российской Федерации, обусловили генеральное направление развития историко-краеведческого движения, появление оригинальных научно-исследовательских и учебно-образовательных программ в области региональной истории и исторического краеведения, создание новых учебно-образовательных центров и кафедр по региональной истории в вузах России.

СКР возглавляет Сигурд Отгович Шмидт, доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (далее – РГУ), академик Российской академии образования. СКР координирует программы и проблематику всероссийских конференций по историческому краеведению и регионалистике, крупные межведомственные программы историко-краеведческого и регионоведческого характера.

После Первой (Полтава, 1987) и Второй (Пенза, 1989) всесоюзных конференций по историческому краеведению состоялись Всесоюзные научные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения В.О. Ключевского (Пенза, 1991), была принята межведомственная программа «Культура российской провинции», в рамках которой проведены тематические всероссийские конференции «Культура российской провинции» (Москва, 1991), «Провинциальный город: культурные традиции. История и современность» (Елец, 1992), «Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни» (Пенза, 1995), «Культура российской провинции: Век XX – XXI веку» (Калуга, 2000). Материалы этих конференций опубликованы, получили отклики в российской и зарубежной прессе. В 2000 г. в Пензе состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Отечественная культура и развитие краеведения», в 2001 г., и снова в Пензе, на родине В.О. Ключевского, состоялся еще один знаковый для истории регионалистики и исторического краеведения в России всероссийский научный форум «В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии». Он был тесно связан с предыдущими, посвященными великому русскому историку и проблемам провинциальной культуры¹. Отметим доклады В.Ю. Афиани «Десять

лет программе «Культура российской провинции»» и В.Ф. Козлова «О роли научно-практических конференций в развитии краеведческого движения в 1990-е годы²».

В рамках доклада невозможно перечислить все конференции регионального, всероссийского, международного масштаба, прошедшие в России за последние пять–десять лет, где в числе прочих шел заинтересованный разговор о языке современной исторической науки, понятийно-категориальном аппарате российских исследований по региональной истории. Отметим наиболее яркие и значимые в этом плане конференции и семинары.

Понятие *региональная история* прочно вошло в язык российской исторической науки в начале 1990-х годов, однако до сих пор это понятие не имеет устойчивого общепризнанного определения предмета и объекта исследования. В качестве примера сошлемся на материалы «круглого стола»: на тему «Проблемы региональной истории и историографии в современном мире», опубликованные в журнале «Регионоведение» (Саранск, 1995, № 3). Участники «круглого стола» выразили свое отношение к проблемам истории в рамках проекта глобалистики и регионалистики, провинциальной историографии и исторического краеведения, местной (локальной) и региональной истории. Тексты их выступлений демонстрируют различные подходы к определению дефиниций *региональная история* и *региональная (провинциальная) историография, историческое краеведение* и *регионоведение, регионоведение, регионоведение и регионалистика*³.

В декабре 1999 г. в Москве состоялась всероссийская конференция «Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России». В выступлении О.Г. Ласунского «Взгляд из провинции (заметки о наболевшем)», посвященном анализу понятийно-категориального аппарата российских регионоведческих и историко-краеведческих исследований, была отмечена характерная для тех лет тенденция: «расширилось смысловое наполнение понятия краеведение», «все чаще и чаще специалисты оперируют другой, как бы параллельной дефиницией – историческая регионоведение (регионалистика)», которая «обозначает новое и, думается, более высокое качество краеведческого знания, обусловленное реалиями современного бытия»⁴. Таким образом, часть российских исследователей довольно быстро, всего за два–три года, выработала общее всем понимание масштаба региональной и локальной истории, близкое истолкованию этих дефиниций западными учеными: П. Губертом, Л. Стоуном, представителями лестерской школы локальной истории во главе с Ч. Фитьян-Адамсом и другими⁵.

В июне 1999 г. в Рязани состоялась первая международная конференция, посвященная региональной истории как направлению

в российской и зарубежной историографии⁶, где также предпринимались попытки выработать единый категориальный формат дефиниций *локальная* и *региональная история*, *регионоведение*, *регионалистика* и *историческое краеведение*. Наконец, в мае 2000 г., в Петербурге, на международном семинаре «Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт» С.О. Шмидт предложил наиболее удачное, наукоемкое определение указанных дефиниций. «В наши дни регионоведение (или регионалистика) утвердилось как междисциплинарная научная и просветительская деятельность на стыке наук гуманитарного и иного профиля <...> Регионоведение – это комплекс более широких (и в то же время менее конкретизированных) знаний, чем краеведение, включающих современное состояние региона и сферу политологии <...> Под краеведением понимают не только науку, изучающую развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и научно-популяризаторскую и просветительскую работу определенной тематики: о прошлом и настоящем какого-либо края (обычно своего родного – “малой родины”) и его памятников. Объектом интереса краеведа может быть местность разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения...». В краеведческой работе «объединяются по интересам люди разного возраста, разного социокультурного статуса, разного уровня специальной (научной) подготовки»⁷.

На семинаре 2000 г. автор данной статьи выступал с докладом «Новые границы русской истории или мысли вслух о проблемах отечествоведения». Дефиниция *отечествоведение* появилась в середине XIX в., и на протяжении второй половины столетия бытовала наряду со словом *родиноведение*, которое обрело статус дефиниции на рубеже XIX–XX вв. Дефиниция *родиноведение* и сегодня активно используется в рабочих учебных планах начальной и средней школы России наряду с дефиницией *обществознание*. Однако родиноведение ближе по взаимодействию и смысловому значению к таким терминам как краеведение (историческое краеведение), местная, локальная история, регионоведение, регионалистика, россиеведение, росика, русистика. Образование и укоренение указанного выше «гнезда» слов в языке российской исторической науки отражает процессы, совершившиеся на протяжении XIX–XX вв. и продолжающиеся в настоящее время. Выбор историком понятийно-категориального аппарата региональных исследований, тех или иных дефиниций (местная или локальная история, регионоведение, регионалистика, регионоведение или провинциальная историография, провинциология, историческое краеведение) в последнее время все чаще ассоциируется с выбором «эмпирического» либо

«теоретического» направления, приверженностью к «старой» либо «новой» методологии истории. Чем-то это напоминает ситуацию, которая сложилась в «петербургской школе» историографии в 1890-х годах между С.Ф. Платоновым и А.С. Лаппо-Данилевским⁸.

Кратко остановимся на научно-исследовательской работе вузов России в области региональных исследований, исторических, источниковедческих, историографических. Наиболее активную, плодотворную научно-исследовательскую работу в этом плане ведут преподаватели, аспиранты, студенты исторического факультета Воронежского государственного университета. Здесь создан Центр духовного возрождения Черноземного края, регулярно проводятся историко-краеведческие конференции, регулярно публикуются тематические выпуски сборников «Из истории Воронежского края» и «Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX в.». В октябре 2000 г. в Воронеже состоялась научная конференция, посвященная 200-летию местного исторического краеведения. Материалы конференции опубликованы в девятом выпуске сборника «Из истории Воронежского края» (2001). Сборник открывает статья С.О. Шмидта «Е.В. Болховитинов и становление науки российской истории».

На базе Тверского государственного университета под эгидой СКР проводятся конференции по городоведению (2000, 2002), материалы этих конференций также опубликованы. Исторический факультет государственного университета в Новгороде Великом специализируется на проведении региональных историко-архивоведческих конференций. В Нижнем Новгороде проводятся региональные конференции по памятниковедению и археологии края. В 1999–2002 гг. Московский педагогический институт провел три региональные конференции под общим названием «Проблемы истории Московского края».

Наряду с университетскими конференциями большой вклад в развитие историографии и источниковедения региональной истории, как справедливо отмечает В.Ф. Козлов, вносят именные чтения. В Москве – Забелинские, Барановские, Елизаветинские, Куракинские; в Петербурге – Анциферовские; в Вятке (Кирове) – Петряевские; в Екатеринбурге – Татищевские; в Котласе – Стефановские, в Липецке – Бартеневские; в Можайске – Макариевские; в Муроме – Уваровские; в Мурманске – Ушаковские; в Мышкине – Опочининские; в Омске – Макушинские; в Перми – Смышляевские; в Рязани – Яхонтовские, в Уссурийске – Арсеньевские, в Челябинске – Бирюковские, в Ярославле – Тихомировские. И это далеко не полный список именных чтений с участием краеведов, деятелей науки и культуры.

Сегодня практически в каждом районном городе России усилиями местных музеев, библиотек, архивов при содействии региональных отделений СКР проводятся историко-краеведческие конференции с публикацией их материалов. Историки-краеведы активно участвуют в ежегодно организуемых Московской Патриархией с 1993 г. Рождественских образовательных чтениях. Ежегодно проводятся также конференции возрожденного Общества изучения русской усадьбы, изданы материалы шести таких форумов. В 1990, 1994, 2001 гг. московские краеведы организовали три конференции по комплексному изучению российского некрополя.

Нельзя не сказать о специальных научно-методических конференциях, которые проводятся в рамках программы «Малые города России: Проблемы истории и возрождения» (1999, 2001, 2002), а также о регулярных научно-практических конференциях, организуемых созданным в 1989 г. научным и культурно-просветительским обществом «Энциклопедия российских деревень».

Об интересе к российским конференциям и форумам, посвященным региональной тематике, свидетельствует международная конференция «Краеведение в России (1890–1990). Истоки. Проблемы. Возрождение». Она проходила в мае 2000 г. в Париже по инициативе проректора Сорбонны IV профессора Ф. Конта с участием представительной российской делегации историков-краеведов во главе с С.О. Шмидтом. Материалы конференции изданы в Париже (на французском языке)⁹.

Материалы конференций, семинаров, именных чтений и других форм научной коммуникации по историческому краеведению, а также литературу по общим вопросам состояния и развития краеведческого движения, теории и практике библиотечного краеведения в России и за рубежом можно найти в выпусках текущего библиографического пособия «Библиотека и краеведение», которые издает Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Уже изданы четыре выпуска этого справочника, содержащие библиографию за 1991–2000 гг., причем вся эта литература описана *de visu*¹⁰. Это несколько тысяч наименований; так, в четвертом выпуске издания зарегистрировано 1510 наименований. В приложении к этому выпуску помещен список краеведческих энциклопедий и справочных изданий 1997–2000 гг., а также статьи сотрудников РНБ об опыте исследовательской и библиографической краеведческой работы, тексты рецензий на наиболее интересные и значительные краеведческие библиографические работы последних лет.

Научный уровень историко-краеведческих исследований в регионах России наглядно демонстрируют свыше полусотни изданных за последние 10–15 лет новейших региональных энциклопедий. Это

замечательные источники, демонстрирующие «масштаб» и «образ» региональных научных и учебно-образовательных школ, местных историографических традиций и научно-издательской политики.

Среди новейших электронных разработок следует отметить электронные региональные энциклопедии, а также специальные сайты по региональной и местной истории Урала, Сибири, Дальнего Востока, в создании и пополнении которых участвуют ученые, студенты, школьники старших классов. В октябре 2003 г. сотрудники РНБ и историки-краеведы из 25 городов России, Украины и Белоруссии приступили к реализации интернет-проекта «Региональные энциклопедии России», предполагающего создание мета-портала, состоящего из отдельных энциклопедических сайтов. Для размещения этого портала уже зарегистрирован домен <http://reg.enc.ru/>.

С проектом интернет-портала «Региональные энциклопедии России» переключается наше предложение: целесообразно подумать о концепции интернет-портала «Историческая журналистика», где будут представлены историко-краеведческие материалы на страницах российской и зарубежной газетной и журнальной периодики¹¹.

Яркими свидетельствами своеобразия историко-краеведческих исследований, которые образуют собою *местографию* (провинциальную историографию), являются историко-краеведческие научные, культурно-просветительские, научно-популярные периодические издания. Это возрожденные в 1991 г. «Московский журнал» (бывший «Архитектура и строительство Москвы»); «Тверская старина», основанная в 1911 г. и целый ряд других изданий. Отметим появившиеся в начале 1990-х годов журнал «Ярославская старина» (основан в 1992 г.); костромские журналы «Губернский дом» и «Костромская старина»; ежегодники «Тульский краеведческий альманах», «Из истории Воронежского края»; пензенский журнал «Краеведение» и научно-популярный сборник «Пензенский временник любителей старины». Среди историко-краеведческих изданий на Урале отметим сборники «Шадринская старина», «Тагильский краевед», «Пермский край». В Екатеринбурге издаются историко-литературный альманах «Уральское краеведение» и сборник-журнал «Уральская старина», продолжающий традиции одноименных сборников, вышедших в 1927 и 1928 гг. Нельзя не сказать о журнале «Эхо Кавказа», который издается с 1992 г. Ассоциацией народов Кавказа, где историко-краеведческая тематика занимает ведущее место. Можно назвать и другие не менее значимые в научном отношении региональные издания.

Несколько слов о недавно созданных учебно-образовательных центрах вузов России, успевших зарекомендовать себя в разработке регионалистики и исторического краеведения.

Это Центр исторического краеведения и москвоведения, созданный в Историко-архивном институте РГГУ в 1997 г., им руководит С.О. Шмидт. В 1997 г. в Историко-архивном институте РГГУ была создана кафедра региональной истории и краеведения (заведующий кафедрой В.Ф. Козлов), ставшая к середине первого десятилетия XXI в. одним из центров современного краеведческого движения. Кафедра и центр организовали ряд долговременных краеведческих программ: регулярные «Встречи на Никольской», Барановские чтения, конференции по вузовскому краеведению и москвоведению. К 2005 г. кафедра и центр стали местом дислокации Союза краеведов России и Московского краеведческого общества.

Следует упомянуть и о Междисциплинарном научном центре историко-психологических исследований, созданный в Краснодаре в 2001 г. на базе Кубанского государственного университета культуры и искусств под руководством С.С. Минц. В этом же университете под руководством А.И. Слущкого успешно действует недавно созданный Научно-исследовательский центр истории книги и книжного дела на Северном Кавказе. Это Учебно-образовательный центр «Новая локальная история», созданный в 2002 г. на базе Ставропольского государственного университета. Этот центр является межвузовским, в его становлении и развитии деятельное участие принимают преподаватели Историко-архивного института РГГУ, институт является соучредителем центра. Вслед за ставропольским центром в Рязанском государственном педагогическом университете был создан Центр исторического регионоведения и краеведения. Этим центром руководит А.А. Севастьянова, создавшая свою научно-педагогическую школу по истории провинциальной историографии в России XVIII–XIX вв. Отметим также Центр «Устная история (Oral History): метод, источник, научная интерпретация», действующий в Барнауле на базе Барнаульского педагогического университета.

Такова картина институционального развития регионалистики и исторического краеведения в России в 1991–2005 гг. А что происходит в интеллектуальном пространстве этого проекта?

В центре внимания российских историков находятся сложнейшие теоретико-методологические проблемы:

1) языки историографии в контексте проблемы «свое»–«чужое» в российской регионалистике или, говоря иначе, осуществление перехода от интуитивного образа к логически выверенным категориям науки, что, в свою очередь, сопряжено с проблемой переводной литературы и спецификой перевода научных исследований;

2) «пороговая несоизмеримость» «старых» и «новых» теоретико-методологических оснований в работах российских историков

и историков-краеведов и задачи преодоления «несовместимости» результатов их исследований;

3) дифференциация предметных полей и дисциплинарных полномочий исторического краеведения и региональной (провинциальной) историографии, регионалистики и регионологии (провинциологии), локальной (новой локальной истории) и местной истории;

4) оценка вклада российских историков-краеведов и региональной (провинциальной) историографии в развитие интеллектуального, институционального, социокультурного пространства российской исторической науки.

Предложенный С.О. Шмидтом историко-культурный подход к изучению истории научной регионоведческой и историко-краеведческой мысли позволяет выявить и осмыслить культурно-цивилизационные ценности и фундаментальные основания российской регионалистики.

Сложность такого подхода сопряжена с проблемой адекватной оценки «уровней» специальной (научной) подготовки участников научного процесса и историографического дискурса, историков-профессионалов и непрофессиональных историков через авторский «текст-источник» или личностный «уровень» и «интер-текст» культуры эпохи, «уровень» ценностно-смыслового единства восприятия и объективации предмета исторического, источниковедческого и историографического исследования региональной истории различными по форме и типу организации сообществами историков.

В *такой* постановке вопроса историческое сознание выходит на первый план как категория, формирующая отношение человека (историка-профессионала и историка-любителя) и общества «разного пространственного масштаба» к прошлому и настоящему, субъекту и объекту историографического процесса.

Пространственный масштаб регионалистики понимается и интерпретируется российскими авторами по-разному, с разных позиций. И как «история места, под которым понимается не территория, а “микросообщество”, совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность». И как история научного «микросообщества» в виде «школы», «направления», «течения» исторической мысли. И наоборот: «история места» (края) как региональная (провинциальная) историография, историческое краеведение как регионалистика. С появлением сети Интернет все чаще ассоциируется с «виртуальным сообществом» исследователей, которое рождается в ходе освоения пользователями Интернет-ресурсов и Интернет-технологий, формирующих новый тип культуры

исторического «письма», новый вид исторического и историографического источника – электронный документ.

Тот или иной *масштаб* и *образ* историографии, совпадающий или нет (полностью или лишь частично), с авторским пониманием указанных выше границ *территории* и *пространства* историографического дискурса – это, пожалуй, самая сложная проблема понимания историографического «текста-источника», связанная с другой, не менее сложной проблемой идентификации себя в историко-культурном контексте «свое»–«чужое» в разработке теории и истории местной историографии, практики исторического «письма» локальной истории.

Сегодня каждый серьезный исследователь ставит перед собой задачу поиска адекватного ответа на принципиальный для всех гуманитариев вопрос о структуре современной гуманитаристики, внутридисциплинарных и межотраслевых отношениях в сфере гуманитарных наук, решая тем самым проблему соотношения макро- и микроистории, уточняя точки пересечения дисциплинарных полей интеллектуальной истории, культурной истории, истории исторической науки, истории исторической мысли, истории исторического знания. Ответ на этот весьма непростой вопрос позволит найти путь к продуктивному освоению культурно-цивилизационных ценностей, фундаментальных основ науки, «старой» и «новой» историографической традиций.

Современный исследователь решает еще одну и, пожалуй, самую сложную проблему понимания историографического «текста-источника», которую философы объясняют как «существование <...> *естественной единичности нашей мысли*, <...> единиц нашего мышления не таких, как мы их представляли себе». И здесь налицо две проблемы. *Первая проблема* связана с пониманием нарратива, авторской и нарраторской коммуникации, и нарратологии, выбора модели и теории повествования и интерпретаций – «повествовательных ситуаций» и точек зрения в «плане оценки», в «плане фразеологии», в «плане пространственно-временных характеристик» или «границ» и, наконец, в «плане психологии». *Вторая проблема* – умение всмотреться в исторический дискурс исследователей, конструкцию и содержание их текстов, мастерские, где «делается» локальная история и тем самым идентифицировать уровни и типы репрезентируемого исторического знания. Естественно, что такие задачи предполагают использование *компаративных подходов*.

Для нас важны не только источники, которые использовал тот или иной историописатель, но и сама историографическая операция – приемы работы с источниками и исторической литературой наряду с анализом конструкций исторических нарративов. Наи-

более приемлемым инструментарием для эффективного анализа историографических операций является компаративный подход. Возможности компаративной историографии следует использовать как в изучении национальных дискурсивных приемов в рамках классической европейской историографической традиции, так и отдельных уровней исторического знания, а также типов исторического письма в национальной историографии. Нельзя забывать, однако, что любое исследование, определяющее историографические направления (*государственный метанарратив, провинциальная / региональная / местная историография, историческое краеведение, регионалистика*) по степени значимости в поддержании коллективной памяти и формировании исторических представлений на региональном уровне, всегда деформировано современностью¹².

Таким образом, обращение внимания на историографические практики, не вписывающиеся в ядро культурного поля историографии, позволит увидеть ее многоуровневость. «*Рассказывание национальной или местной истории* – это одна из форм поиска идентичности. Другая – «*Строительство идентичности в претендующем на научность историческом нарративе*», она отличается от других форм исторического изложения своей последовательностью, логикой, правилами «письма», выработанным культурным полем историографии. Однако любой *исторический нарратив* – это субъективное строительство «идентичности», о чем также нельзя забывать.

Отечественная историческая мысль принадлежит европейской и/или «западной традиции» историописания, и антикварное отношение к истории, присутствовавшее в ее исследовательской практике, нередко проявляется и в современных историко-краеведческих исследованиях.

Провинциальная историография, традиционное историческое краеведение отличаются от нормативной историографии своей тягой к эмпирическому знанию, поскольку базируются на «краелюбии». Это знание побуждает местных исследователей обращать преимущественное внимание на сбор «фактов». Процесс «сбора» как смысл истории – *экстенсивная модель* исследования, в которой присутствует комментирование всего, что есть в нарративных источниках, исторической литературе, легендах, устной истории. Нередко такое историописание связано с некритическим отношением к источникам, произвольным отношением к фактам и мнениям о них, вплоть до построения произвольных исторических фигур. Местные историописатели очень часто наделяли и наделяют практику местной истории «эрудитскими чертами».

Имея свое отношение к периферии нормативной модели и/или культурного поля историографии, «антикварная» и «эрудитская» практики историописания *остаются историей*, но иногда вызывают непонимание, доходящее до неприятия членами профессионального сообщества регионоведов, считающими себя носителями нормативного исторического знания. Не случайно такая практика является для них «другой».

В эрудитской практике историописания, как и в антикварном отношении к истории нет ничего негативного, мы должны рефлексировать о них, называя явления своими именами, помня, что историческое знание не универсально, оно не только многоуровневое, в нем сосуществовали, сосуществуют и будут сосуществовать различные типы и формы исторической памяти и исторического «письма».

Наконец, еще одно немаловажное для научного и учебно-дисциплинарного развития исторического краеведения наблюдение. В России необычайно быстро укореняется появившееся в 1950-х годах с легкой руки У. Айзарда понятие «*региональная наука*». Науковеды уже пересматривают системные и институциональные «настройки» научного знания. *Глобалистика и Регионалистика* – два формата современной «настройки» науки на институциональном и парадигмальном уровнях ее развития, они самоутверждаются в качестве макродисциплин, оказывая заметное воздействие на отраслевую историческую науку, ее институциональную инфраструктуру, «масштаб» и «стандарт» исторического «письма», язык и стиль историописания.

Примечания

- ¹ См.: В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы научной конференции, Пенза, 25–26 июня 2001 г. Кн. 1–2. М., 2005. См. также: Ключевский: Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995.
- ² Козлов В.Ф. О роли научно-практических конференций в активизации краеведческого движения в 1990-е годы // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии.. С. 68–75.
- ³ См. также: Юрченков В.А. Региональная историография: российский опыт // Регионоведение. 1993. № 3; Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г. Региональный фактор в изучении российской истории // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.: Сб. ст. Воронеж, 1995. С. 202–213.
- ⁴ Ласунский О.Г. Взгляд из провинции (заметки о наболевшем) // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 10–11 декабря 1999 г. в Москве / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1999. С. 37.

- ⁵ См.: *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 63–65.
- ⁶ См.: Региональная история в российской и зарубежной историографии. Тезисы докладов международной научной конференции, 1–4 июня 1999 г. Рязань, 1999. Ч. 1–2.
- ⁷ *Шмидт С.О.* Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований: Материалы международного семинара, 19–20 июня 2000 г. СПб., 2000. С. 11–15.
- ⁸ См.: *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в.: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
- ⁹ О конференции см.: *Козлов В.Ф.* Российское краеведение в Сорбонне // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 115–117.
- ¹⁰ См.: Библиотека и краеведение за 1991–1993 гг. СПб., 1995. 159 с.; за 1994–1996 гг. СПб., 1998. 320 с.; за 1997–1998 гг. СПб., 2001. 304 с.; за 1999–2000 гг. СПб., 2003. 376 с.
- ¹¹ См.: *Мохначева М.П.* Интернет-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. // Краеведение в России: История, современное состояние, перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне», Зарайск, 30 января 2004 г. М., 2004. С. 59–68; *Она же.* Историко-краеведческие материалы на страницах газетной периодики XVIII – середины XIX вв. // Археографический ежегодник за 2004 г. М., 2005. С. 245–259.
- ¹² См.: *Мохначева М.П.* Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 37–50; *Маловичко С.И., Мохначева М.П.* Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «несовместимости» // Харьківський історіографічний збірник. Харків, 2006. Вип. 8. С. 23–37.

НА РОДИНЕ БОЛХОВИТИНОВА.
ХРОНИКА НОВЕЙШЕГО
ВОРОНЕЖСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Статья посвящена развитию краеведения в Воронеже после 2000 г., когда было отмечено 200-летие со времени издания книги Е.А. Болховитинова, посвященной местной истории. Анализируются обобщающие коллективные труды, в числе которых «Воронежская энциклопедия» (2008) и «Воронежская историко-культурная энциклопедия» (2006, 2009), сборники научных статей, книги, вышедшие не только в Воронеже, но и в районах области. Подводятся итоги научных конференций, в том числе второго Всероссийского семинара «Любовь к малой родине – основа патриотизма» (2005). Раскрывается деятельность основных издательств на ниве воронежского краеведения. Представлен опыт работы Воронежского историко-культурного общества (существует с 1971 г.), проанализированы крупнейшие краеведческие проекты начала 2000-х годов Воронежского государственного университета, Центра духовного возрождения Черноземного края, местных издательств.

Ключевые слова: история Воронежского края, современное состояние воронежского краеведения, воронежские публикации, основные формы работы воронежских краеведов.

Имя Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767–1837), в монашестве Евгения, знаменитого митрополита Киевского и Галицкого, в последние годы часто соседствует с именем его выдающегося современника Н.М. Карамзина. И это совершенно справедливо: каждый из них внес огромный, неповторимый вклад в становление отечественной исторической науки. Но если автор «Истории государства Российского» задумал и осуществил свой труд, как бы мы сегодня выразились, на федеральном уровне, то Е.А. Болховитинов предпочитал иметь дело с уровнем региональ-

ным: он был по сути первым в стране крупным местнографом, осознавшим провинциальную старину как неотъемлемую часть общенациональной истории.

Уроженец нашего города, Е.А. Болховитинов начал свой творческий путь с создания книги, которую иначе, как колыбельной, не назовешь. Его «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (Воронеж, 1800; часть тиража появилась в 1801 г.) стало прообразом многих других подобного рода исследований, вышедших из-под пера ученого иерарха и посвященных различным российским территориям.

С выхода в свет болховитиновского «Описания» ведут отсчет своей деятельности все поколения воронежских краеведов. В течение минувших двух столетий ими была проделана значительная работа по выявлению, накоплению, осмыслению и введению в научный обиход колоссального массива эмпирических знаний. Опубликовано также немало крупных аналитических монографий, в которых конкретные факты, будучи исходной, сырьевой базой, преобразуются в глубокие, интересные обобщения. Наши коллеги всегда старались быть достойны памяти своего земляка, стоявшего у истоков краеизучения.

Новейший этап в развитии воронежской регионологии открывается в 2000 г., когда была широко отмечена знаменательная юбилейная дата – 200-летие с момента появления в свет болховитиновской книги. В Областной универсальной библиотеке им. И.С. Никитина состоялась тогда научная конференция, на которой подводились итоги двухвековой деятельности исследователей местной старины и намечались перспективы на будущее. Почетным участником конференции стал С.О. Шмидт (Москва). В своем заглавном докладе «Е.А. Болховитинов и становление науки российской истории» он как раз и обосновал знаковую параллель «Болховитинов – Карамзин».

На конференции выступили многие воронежские ученые, представители вузов, архивов, музеев, различных культурно-просветительных учреждений. Они осветили самые разнообразные аспекты краевой истории – от первоначального освоения Придонья до событий Великой Отечественной войны. Материалы конференции появились в очередном ежегоднике «Из истории Воронежского края» (Воронеж, 2001. Вып. 9). Среди его авторов – В.А. Алленова, В.Н. Глазьев, М.Д. Карпачев, Н.А. Комолов, М.А. Кривцова, Т.Н. Литвинова, К.Б. Николаев, П.А. Попов, Г.А. Чесноков и другие.

Вышеозначенный сборник уже давно стал основной печатной трибуной для местных специалистов. К настоящему времени вышло 16 выпусков (издание сборников после долгого перерыва возобно-

лось в 1998 г.). Финансируемый историческим факультетом Воронежского государственного университета, ежегодник охотно представляет свои страницы всем, кто способен сказать новое и разумное слово о прошлом родной земли. В формировании серии заметна существенная тенденция: гораздо больше, чем прежде, внимания уделяется включению в научный оборот основательно забытых или вовсе не известных ранее текстов – мемуаров, дневников, фрагментов из переписки, официальных документов и т. д. Еще одна особенность позднейших сборников – пристальный интерес к «человеческому фактору» в истории: широко представлены материалы о наиболее видных фигурах местного общества, от светских и духовных администраторов до купцов и представителей интеллигентского круга.

Многие краеведы из числа тех, кто выступал на юбилейной конференции 2000 г. и публиковался в университетском сборнике, приняли участие в подготовке книг, посвященных как раз особам, заметным на губернском горизонте – «Воронежские губернаторы и вице-губернаторы» (Воронеж, 2000) и «Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней» (Воронеж, 2003). В этих новаторских по своему характеру работах впервые собраны и проанализированы сведения о людях, чьей волей вершились судьбы вверенных им территорий. Продолжателем этой «персональной» серии стал биографический словарь о местных «первых лицах» из сравнительно недавнего прошлого – «Кто руководил Воронежской областью. 1934–2004» (Воронеж, 2005), подготовленный, к сожалению, на гораздо худшем уровне.

Крупным событием для нашего региона стала подготовка и проведение второго Всероссийского семинара «Любовь к малой родине – основа патриотизма» (2005). Одним из организаторов, наряду с Союзом краеведов России и Российским государственным гуманитарным университетом, явился научно-экспертный совет при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ (присутствовал и выступил с приветственной речью С.М. Мионов). Вступительное слово произнес С.О. Шмидт, высказавший немало принципиально важных суждений об общественном предназначении краеведения во всех его ипостасях. Помимо москвичей и воронежских докладчиков в работе семинара приняли участие гости из других городов (Киев, Петербург, Архангельск, Белгород, Великий Новгород, Владимир, Елабуга, Калининград, Курск, Мышкин, Нижний Новгород, Пенза, Петрозаводск, Тамбов и другие). Никогда еще в Воронеже не собиралось одновременно такого обилия представителей сегодняшнего краеведческого сообщества. Работа семинара продолжилась в Москве, и по его результатам был издан сборник материалов «Краеведение в России. История. Сове-

менное состояние. Перспективы развития» (М., 2006). Значительную часть авторов составили наши земляки.

В книге помещен, в частности, библиографический указатель изданий по истории районов, городов и сел Воронежской области. В нем учтено 80 названий. Из них лишь около десятка относятся к доперестроечной эпохе. Взрыв интереса к отеческим пенатам пришелся на вторую половину 1980-х и 1990-е годы. Именно тогда появилось большинство отмеченных в указателе работ. Однако торопливость, стремление авторов не отстать от других и даже опередить остальных привели к тому, что некоторые труды страдают незавершенностью, поверхностностью, отсутствием опоры на серьезные документальные источники.

В начавшемся столетии деятельность краеведов районного звена продолжает оставаться достаточно интенсивной. Вместе с тем приходит понимание того, что очерковый и публицистический элемент повествования должен быть заменен аналитикой, что необходимо значительно расширить круг использованной информации. На смену скромным брошюрам все чаще приходят фундаментальные труды, посвященные, как правило, крупным населенным пунктам. Назовем в качестве примера отпечатанные в Воронеже книги В.Е. Платонова «Эртиль: грани веков» (2003), А.Я. Морозова «Россошь. Земли родной начало...» (2004, 2007), Д.Ф. Шеншина «Энциклопедия Верхнемамонского района Воронежской области» (2004), А.С. Силина «Тишанка (Таловского района)» (2007), «Богучарский край от А до Я. Краткая краеведческая энциклопедия» (2008; сост. А.Т. Бойков). Д.Ф. Шеншиным подготовлено единственное в нашей области пособие для школьников по истории своего района – «Малая родина» (2006). Отрядный факт: районные руководители стали щедрее финансировать издание подобного рода литературы, следовательно, стали осознавать социальное значение краеведческих проектов, видеть в местных исторических хрониках хорошее средство патриотического и нравственного воспитания молодежи, особенно учащейся, склонной с легкостью покидать взрастившие ее места. Уровень районного краеведения в последние годы заметно повысился. Двигается оно преимущественно усилиями отдельных энтузиастов из числа учителей, журналистов и музейных сотрудников. Вместе с тем необходимо отметить, что треть районов Воронежской области (из 32) практически не имеет краеведческих публикаций, даже на уровне местной периодики.

Что касается областного центра, то здесь функционируют несколько общественных объединений. С 1990 г. существует Воронежский областной совет краеведов (в настоящее время его возглавляет профессор И.М. Чвикалов). Одной из основных форм его

работы является организация научно-практических конференций (проведено более 30), а также именных чтений – Болховитиновских, Костомаровских, Пушкинских и других. В 1990-е годы совет инициировал создание летописей малых городов и сел Воронежской области. В последнее время совет проводит ежегодные массовые конференции, среди участников которых преобладают любители из числа учащейся молодежи. При завидных количественных показателях качественная сторона деятельности областного совета краеведов оставляет желать много лучшего: в целом на ней лежит налет дилетантства.

Старейшим краеведческим содружеством остается Воронежское историко-культурное общество (далее – ВИКО), существующее с 1971 г. и объединившее в своих рядах цвет местных историков-регионалогов. К своему 35-летию (2006) оно подготовило печатный свод справочно-библиографических сведений о собственной деятельности. В нем учтены все многообразные мероприятия научного и просветительного характера, осуществленные под эгидой ВИКО. На сегодня проведено 145 краеведческих чтений, где было оглашено более полутысячи докладов и сообщений. Чтения давно превратились в своеобразную школу краеведческого мастерства, особенно для начинающих исследователей, которые позднее уже сами успели приобрести ученые степени и звания.

Название обществу дано неслучайно. Магистральное направление его деятельности – изучение специфических черт, свойственных умственной и художественной жизни русской провинции. Как известно, ее интеллектуальные и эстетические достижения ассоциируются обычно с судьбами наиболее даровитых местных уроженцев. В связи с этим совершенно естественно представляется постоянный интерес членов ВИКО к биографиям и творческим успехам своих достопримечательных земляков. За три с лишним десятилетия накопился необъятный массив соответствующих знаний. Требовалось свести его воедино, систематизировать, унифицировать и в сжатом виде представить пользователям информации. Оптимальной формой реализации этой цели мог служить энциклопедический жанр. Так возникла идея создать фундаментальный труд, который стал бы логическим завершением многолетних изысканий активистов ВИКО.

И вот в 2006 г. вышла «Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии», которая на следующий год по итогам конкурса, проведенного Ассоциацией книгоиздателей России (Москва), была признана одной из лучших книг в стране. В энциклопедии приведены краткие биографические справки о почти четырех тысячах лиц из мира культуры (в ее широком понимании), которые

своей судьбой так или иначе связаны с нашим краем. В ходе выполнения этого издательского проекта была проделана большая работа по поиску забытых и совершенно неизвестных земляческих фигур. Так что энциклопедия может считаться не только хранилищем рассредоточенных ранее сведений, но и источником новых знаний, которые, в свою очередь, способны послужить мощным импульсом для дальнейших разысканий. Особую ценность, по нашему мнению, справочник представляет для краеведов из районных центров и отдельных сел: ведь они, будучи пленниками традиционной, сформировавшейся еще в советскую пору обоймы имен, теперь имеют возможность заметно расширить круг своих интересов. В 2009 г. вышло второе, переработанное и дополненное издание энциклопедии, куда включено более семисот новых имен.

Большим событием в жизни краеведов явился выход в свет двухтомной универсальной «Воронежской энциклопедии» (2008). Она стала наиболее полным сводом информационных материалов о прошлом и настоящем нашего региона. О таком справочном пособии давно мечтали все «воронежефилы». Команду «энциклопедистов» возглавил известный историк, профессор Воронежского государственного университета М.Д. Карпачев. Двухтомник издан по постановлению и на средства областной администрации; тираж бесплатно распределялся по всем местным библиотекам, невзирая на их ведомственную принадлежность. Над созданием энциклопедии трудились более 330 авторов, среди которых преобладали профессиональные исследователи. В 2009 г. двухтомник стал лауреатом областного смотра-конкурса работ, подготовленных специалистами воронежских вузов.

Осуществление обоих энциклопедических проектов взял на себя Центр духовного возрождения Черноземного края (директор – Л.Ф. Попова). Это небольшое по штату, но чрезвычайно деятельное издательство стало в последние годы главным поставщиком краеведческой продукции на местный книжный рынок. К примеру, в 2007 г. им выпущены богато иллюстрированные книги профессора Воронежского государственного университета (далее – ВГУ) В.Н. Глазьева «Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв.», сотрудницы областного краеведческого музея С.П. Толкачевой «Народный костюм Воронежской губернии конца XIX – начала XX в.», литературоведа О.Г. Ласунского «Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова (1899–1926)», вторая часть коллективной монографии «Воронежские сталинские списки: Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области» и другие. С маркой издательства появились обстоятельные труды по истории театральной жизни в русской провинции,

написанные профессором Воронежской государственной академии искусств З.Я. Анчиполовским. Так, в 2002 г. к читателям пришла его монография «Кольцовский академический», приуроченная к 200-летию возникновения в Воронеже профессионального театра. Нельзя умолчать и о таком полезном издании, как книга В.И. Кононова «Воронеж. История города в памятниках и мемориальных досках» (2005). Автор, инженер по образованию, всю жизнь собирал материалы о том, как общественность боролась за увековечение памяти о людях и событиях, достойных благодарного земляческого внимания. Выясняется, что эта борьба была отнюдь не безуспешной, и при сегодняшнем обилии памятных и особенно мемориальных досок трудно обойтись без официального путеводителя, роль которого и выполняет работа В.И. Кононова.

В 2009 г. Центр духовного возрождения Черноземного края подарил краеведам еще несколько изданных книг. Книга П.А. Попова и Б.А. Фирсова «Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – начала XX в.» посвящена редкой исследовательской проблематике – изучению различных сторон повседневной провинциальной жизни, нравов и обычаев губернского центра. В работе использована вся палитра исторических источников – от давней газетной хроники и архивных документов до хранящихся у частных лиц мемуаров. Авторы данной статьи подготовили значительно расширенное и снабженное иллюстративным рядом переиздание своего сборника историко-генеалогических очерков – «Воронежское дворянство в лицах и судьбах». В книге рассказано о представителях тех семейств, которые оставили заметный след в отечественной истории. В качестве приложения приводится полный свод дворянских фамилий, относящихся к Воронежской губернии. Каталог-альбом «А.В. Кольцов в печати (1835–2001)» вышел в рамках особой программы, разработанной в связи с тем, что 2009 г. был объявлен на территории Воронежской области Годом А.В. Кольцова (поэту-земляку исполнилось 200 лет со дня рождения). Справочно-библиографический труд был отмечен специальной премией Российской государственной библиотеки... Кстати, Кольцовский год запомнился краеведам еще двумя изданиями – сборником статей «А.В. Кольцов вчера, сегодня, завтра» (по итогам проходившей на филологическом факультете ВГУ научной конференции) и однодневной литературной газетой «На родине Кольцова», где помещены материалы о многих забытых и вовсе неизвестных писателях-земляках.

Проявляет интерес к злободневной краеведческой проблематике и издательство «Кварта» (руководитель – Ю.Л. Полевой). Среди предложенных им трудов – книга А.Н. Акиньшина «Храмы Воронежа» (2003), где впервые в постсоветскую эпоху были объедине-

ны под общим переплетом свидетельства многовековой истории о духовно-нравственной жизни в крае. Две капитальные работы выпустил в «Кварте» П.А. Попов. Один из воспитанников нашего историко-культурного общества, он в течение многих лет возглавляет в редакции «Воронежского курьера» особое краеведческое приложение к этой газете – «Воронежский телеграф», на страницах которого помещаются весьма содержательные материалы. Книги П.А. Попова «Воронеж. История города в названиях улиц» (2003) и «Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918» (2006) заполнили соответствующие лакуны в литературе, посвященной областному центру. Последнее детище «Кварты» – фундаментальный по объему сборник «Воронежцы: Знаменитые биографии в истории края» (2007), продолжает традиции местной биографистики. Однако в нем отчетливо видны следы редакторской поспешности и небрежности (редактор-составитель Ю.Л. Полевой).

Еще одно издательство, специализирующееся на краеведческой тематике – творческое объединение «Альбом» (директор – В.Л. Елецких). Оно выпустило, в частности, целый ряд книг о воронежской архитектуре в ее исторической ретроспективе. Сейчас в производстве находится трехтомное исследование профессора Воронежского государственного архитектурно-строительного университета Г.А. Чеснокова об архитектурно-планировочном развитии нашего города на протяжении нескольких столетий. Перспективной инициативой «Альбома» является выпуск целой библиотечки брошюр в сериях «Мемуары» и «Забывтое былое». Мемуарная серия возникла в 2003 г. и уже насчитывает более 10 названий. Воспоминания принадлежат перу самых разных авторов – от сельского учителя и священника до участников Первой и Второй мировых войн. Особо следует подчеркнуть, что рукописи были разысканы в скромных домашних архивах, где им со временем грозила гибель.

В 2009 г. «Альбом» осуществил весьма оригинальный проект. В книге «Воронеж в антикварной открытке. Конец XIX – начало XX вв.» воспроизведен максимально полный свод дореволюционных почтовых открыток с видами губернского Воронежа и его окрестностей. Автором-составителем выступил собиратель-филокартист А.А. Бубнов: его коллекция и представлена в данном издании. Особо следует отметить высокий художественный уровень дизайна и полиграфического исполнения.

В последние годы изданы давно ожидавшиеся своего часа воспоминания З.С. Соколовой – сестры К.С. Станиславского, создательницы крестьянского театра в одном из сел Воронежской губернии – «Наша жизнь в Никольском» (2004), художника Д.Г. Черских «Мое время» (2004), архитектора Н.В. Троицкого «Я – коренной

воронежец» (2005), профессора медицины Т.Я. Ткачева «Мир и войны» (2005). В мемуарах нашла отражение жизнь воронежского края последней четверти XIX – первой половины XX в.

Необходимость в продолжающихся изданиях информационно-краеведческой направленности привела к созданию ежегодников «Воронежский вестник архивиста» (с 2003 г.) и «Воронежский краеведческий вестник» (с 2002 г.; выпускает Областная научная библиотека им. И.С. Никитина).

Итогом многолетней работы коллектива московских искусствоведов и воронежских краеведов стал свод памятников архитектуры, истории и культуры областного центра «Историко-культурное наследие Воронежа» (2000). Архитектурно-планировочное развитие бывших уездных городов и крупных слобод представлено в книге Л.В. Кригер и Г.А. Чеснокова «Архитектура исторических городов Воронежской области» (2002). Оба автора продолжают работу в избранном направлении.

В последние годы в связи с крупными юбилеями изданы книги по истории большинства высших учебных заведений Воронежской области. В большинстве случаев они подготовлены авторскими коллективами по единой схеме: история возникновения и развития вуза и его структурных подразделений, современное состояние, биографические справки о наиболее крупных ученых и педагогах. К таким изданиям принадлежат труды А.К. Юрченко «Очерки по истории Борисоглебского пединститута» (2001), «Первый вуз Центрального Черноземья России: К 90-летию Воронежского государственного аграрного университета имени К.Д. Глинки» (2002), М.Д. Карпачева «Воронежский университет: Вехи истории» (2003), «Воронежская государственная технологическая академия. 75 лет» (2005; автор-составитель А.С. Паневин), «Страницы истории Воронежской государственной лесотехнической академии. 1930–2005 гг.» (2005), «Воронежский государственный педагогический университет: Время, события, люди» (2006; руководитель авторского коллектива Г.П. Иванова), «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет» (2006; руководитель авторского коллектива А.М. Болдырев), «Воронежский государственный технический университет: 50 лет научно-педагогической деятельности» (2006). Появились также книги по истории отдельных факультетов ВГУ: филологического (2001), исторического (2003), химического (2003), геологического (2004), Воронежского государственного педагогического университета: исторического (2005).

Многokrатно возросший спрос на печатную продукцию краеведческого характера отражает общее состояние современного гражданского общества, в котором пробудился искренний интерес

к собственной истории, не замутненной никакими идеологическими догмами. Этот интерес проявляет себя и в организации разнообразных научно-практических конференций межрегионального или всероссийского масштаба. К примеру, в Воронежской государственной академии искусств в октябре 2007 г. прошли первые Болховитиновские чтения, программа которых была обозначена так: «Культурное пространство России: прошлое, настоящее, будущее». Более 70 ученых из Воронежа, Москвы, Петербурга, Ростова-на-Дону, Саратова, Пензы, Белгорода, Астрахани, Нижнего Новгорода, Липецка, Екатеринбурга поделились с коллегами результатами своих историко-культурных исследований. Среди прозвучавших на пленарном заседании были доклады о творческом наследии Е.А. Болховитинова (профессор ВГУ В.В. Варава), межрегиональных земляческих связей как элементе культурного процесса (О.Г. Ласунский), воронежских музыкальных семьях Гамбургов и Ростроповичей (профессор Академии искусств Т.В. Юрова, профессор ВГУ А.Н. Акиншин) и других.

Еще одна примечательная конференция прошла в Воронежской областной универсальной научной библиотеке им. И.С. Никитина в апреле 2008 г. Она была посвящена осмыслению современного состояния и перспектив развития так называемого библиотечного краеведения, под которым понимается сложный комплекс связанных между собой общеисследовательских и сугубо ведомственных вопросов, напрямую касающихся историко-краеведческой сферы. В конференции участвовали специалисты-библиографы из областей Центрального Черноземья, а сотрудница Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) А.Н. Маслова, помимо того, что выступила с докладом о применении классификаций в работе с краеведческими документами, провела мастер-класс «Подготовка и издание библиографических пособий: новые подходы». Конференция продемонстрировала плодотворность тенденций, направленных на дальнейшее укрепление взаимопольного союза между учеными-историками и представителями соответствующих библиотечных служб.

В целом можно с удовлетворением констатировать: краеведческое движение на родине Евфимия Болховитинова, никогда не прекращавшееся прежде, нынче продолжает наращивать свое присутствие среди других творческих процессов, инициирует новые научные, издательские, организационные проекты, усиливает свое влияние на духовную атмосферу в местном социуме. Вместе с тем быстро сменяющие друг друга эпохи с неотвратимостью ставят перед историками очередные исследовательские задачи. Одним словом, краеведы, по счастью, никогда не останутся без работы.

Р.М. Короткевич

ОБ ИСТОЧНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНЫХ ШКОЛ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVIII в.

В статье анализируется процесс развития и материального обеспечения отечественных церковных школ в екатерининскую эпоху. Показан вклад митрополита Платона в коренное улучшение духовного образования и укрепление его материальной базы. Митрополит ввел практику перевода монастырских средств, части доходов Иверской часовни на нужды своих семинарий. На нужды семинарий переводились средства, вырученные с продажи Коломенского архиерейского дома, церковного имущества упраздняемых приходских храмов. Результатом такой благоприятной политики стало цветущее состояние Троицкой лаврской семинарии и других духовных школ, посылавших образованных выпускников в приходы Московской епархии.

Ключевые слова: духовный регламент, митрополит Платон, Троицкая лаврская семинария, бурса, платоновские семинарии, Перервинский монастырь, Иверская часовня, Коломенский архиерейский дом.

Известно, что Духовный регламент Петра I создал оптимальные условия для количественного роста церковных школ¹, история которых началась после 1721 г. и продолжилась в правление Екатерины II, когда под влиянием просветительской идеологии возникают новые педагогические идеи и, что существенно, они проникают в сферу духовного образования. Проблема воспитания рассматривается как дело государственной важности. Ближайшим сановникам Екатерины II, профессорам университетов, ученым Академии наук поручалось разработать проекты новой системы обучения и воспитания. Вскоре после своего вступления на престол – 29 ноября 1762 г. сама императрица Екатерина II в Инструкции, данной Комиссии о церковных имениях, касается круга вопросов,

связанных с конфессиональными школами: предлагает изменить их узкоспециальный характер, расширить круг преподаваемых наук, рассчитывая дать учащимся общее образование. Императрица предлагает воспитать из семинаристов просвещенных пастырей, надеясь, что такая постановка учебного дела не только послужит к возвышению самого духовенства, к уничтожению в его среде «смеха достойных суеверий <...> раздоров, и пребезумных ересей»², но и будет залогом нравственного исправления и умственного развития всего народа³. Комиссия – в состав ее, наряду с такими высшими иерархами как епископы Тверской Гавриил и Псковский Иннокентий, был включен иеромонах Платон, будущий митрополит Московский, – составила проект, осуществление которого должно было принести много пользы в деле развития духовного просвещения, если бы он был утвержден⁴. Но поскольку этого не произошло – в силу того, что данный проект, как и многие другие предложения, разработавшиеся в частных комиссиях, не соответствовал полностью правовым воззрениям правительства и, главным образом, самой Екатерины II⁵, – то архиереям поручалось привести в исполнение хотя бы те требования, которые были высказаны императрицей в Инструкции. И здесь неоценимую помощь правительству оказал глава епархии митрополит Платон: его деятельность вполне определенно вписалась в общую линию правительственной политики, испытал на себе прямое влияние проекта Комиссии о церковных имениях. То, что в период петровских преобразований, несмотря на существование четких указаний в Духовном регламенте, «общечеловеческие начала» европеизма не усваивались, а вводилась «западная рутина», причем принудительными методами, лишь доказывает тот факт, что усилия правительства Екатерины II относительно распространения просвещения в духовенстве и в обществе в целом могли привести к положительным результатам только при условии, если лица, поставленные непосредственно во главе духовных школ, окажут деятельную помощь правительству.

Митрополит Платон действительно совершил крупный переворот в деятельности духовных школ. Тем более что, как выявляет исследование С.К. Смирнова, отношение к академии прежних «московских святителей» не показывает их непосредственного влияния на ее судьбу⁶. Это видно из того, что к моменту вступления Платона в управление Московской академией она абсолютно не соответствовала своей цели, согласно которой должна была доставлять церкви «достойных учителей и просвещенных пастырей». Академия еще при предшественниках Платона постоянно нуждалась в материальных средствах и учебных пособиях; количество воспитанников не соответствовало численности населения Москвы⁷; ощущался

недостаток в хороших наставниках и во многих учебных предметах; главной необходимостью являлось обучение латинскому языку, отечественный и новейшие европейские языки были исключены из списка обязательных дисциплин. «Вообще, стройной и определенной методы учения не было, все зависело от самих лиц и средств»⁸.

Назначение Платона на Московскую кафедру состоялось в 1775 г., следовательно, прошло 12 лет после составления Екатериной II Инструкции, в которой она первой своей обязанностью ставила задачу улучшить состояние духовного образования, и 11 лет – после создания проекта преобразований духовных училищ, предусмотревшего все возможные вопросы по организации процесса обучения. Не исключено, что система получения образования в академии осталась бы на том же уровне надолго и после 1775 г., если бы в том году на Московскую кафедру был назначен вместо Платона любой другой архиерей. Платон же пришел на новую должность со сложившимися взглядами на то, каким должно быть русское духовенство⁹, а его умение эффективно распоряжаться отпускавшейся государством суммой и личными средствами помогли ему поставить академию и семинарии епархии на такую высоту, что они не уступали по своим учебным программам и материальному обеспечению светским очагам просвещения, набиравшим к концу XVIII в. все большую силу.

Все это станет особенно очевидным, если рассмотреть материальное положение духовных училищ во второй половине XVIII в. Напомним, что источники содержания семинарий до правления Екатерины II заключались в доходах с монастырских имений и сборах с белого духовенства. В 1764 г. церковные имения были переданы в казну и учреждены так называемые новые штаты, то есть жалование от казны¹⁰. Вместо прежнего содержания на училища было определено «знатную повсягодно денежную отпускать сумму, которая тогда будет известна, когда учреждение о семинариях в народ объявится»¹¹. Но конкретный указ, которым бы определялась штатная сумма, вероятно, так и не был издан императрицей.

В целом, материальное обеспечение духовных училищ стало гораздо ограниченнее прежнего содержания и в большей степени зависело от распорядительности архиереев, их умения изыскивать дополнительные средства¹². О том, что казенных окладов было недостаточно, свидетельствует то, на какие средства, помимо штатных сумм, содержались духовно-учебные заведения. Известно, что только благодаря личным усилиям митрополита Платона Московская академия, училища Тверской епархии и Троицкая семинария находились, если не в «цветущем», то в довольно благоприятном материальном состоянии, по сравнению с семинариями других

епархий¹³. Кроме того, по его инициативе была создана Вифанская семинария, открыты семинарии в Калуге, Коломне, Перерве, Звенигороде, Дмитрове.

Конечно, следует учитывать тот факт, что Платон был человеком близким ко двору, поэтому ему было легче, чем другим архиереям, исходатайствовать казенный оклад на содержание учреждаемых им училищ. Приведем наглядный пример. В 1763 г. Платон назначается наместником Троице-Сергиева монастыря, параллельно – законоучителем наследника престола и переезжает из Лавры в Зимний дворец, что воспринимается в Троицкой семинарии негативно – как потеря лучшего руководителя. Однако новое назначение неожиданно становится для семинарии даже выгодным. Как известно, после передачи своих имений в казну, Лавра уже не могла на собственный счет содержать семинарию, которая была тем самым обречена на закрытие. Судя по «Реестру бывшим в Комиссии о семинариях рассуждениям», 15 сентября 1764 г. поступило предложение упразднить лаврскую семинарию. Но позже в «Журнале бывшим в Комиссии <...> рассуждениям» было записано, что «не усматривается надобности» в закрытии семинарии. Напротив, планируется создать восемь училищ Первого класса: семь в епархиях и одно – в Лавре¹⁴. Можно с большой долей вероятности утверждать, что во многом благодаря Платону (не только его членству в Духовной Комиссии, но и его влиянию при дворе), семинария сохранила свое существование, получая от правительства постоянное финансирование¹⁵.

Помимо казенных сумм, Платон употреблял свои собственные средства. Именно он впервые ввел в академии для бедных студентов так называемую «бурсу», то есть предоставил возможность более чем ста воспитанникам жить в стенах самой академии, получая здесь одежду и питание. Эти ученики после окончания учебных заведений назывались «Платониками» и прибавляли к своему имени фамилию «Платонов»¹⁶.

Поэтому есть все основания утверждать, что Платону удалось практически претворить положения, зафиксированные в Учреждении духовно-учебных заведений, но не утвержденные Екатериной II. Так, в 11 пункте Учреждения сделано пожелание: «...в рассуждении немало в епархиях числа церквей и пользы церковной <...> в каждой епархии сверх вышеозначенного учеников на казенном коште содержащихся числа [1 806 человек], должно еще быть толикому ж числу на собственном их содержании. Одни будут называться штатными, другие заштатными...»¹⁷. Правда, в Инструкции, данной императрицей Комиссии о церковных имениях, предписано и о том, «чтоб придумать способ к лучшему ученого духовенства содержанию, в отличность тем, которые ничему не обучены...». Платон

находил эти «способы» и, тем самым, шел дальше рекомендаций Комиссии. Учитывая факт низкого материального обеспечения «священнических детей», он сам пытался изыскивать побочные источники содержания учебных заведений своей епархии. Прежде всего, митрополит ввел в практику «перебрасывание» средств из монастырей, приведенных им в благополучное состояние, на нужды своих семинарий. Особые планы в этом смысле он возлагал на Иверскую часовню в Москве. В книге ее расходов за февраль 1801 г. стоит немалая сумма на Троицкую семинарию – 400 руб., на Дмитровскую – 250 и на Звенигородскую – 100 руб.¹⁸ О намерении Платона в отношении к этой часовне как к источнику материального содержания вновь открытой Перервинской семинарии стало ясно уже через год после его назначения на должность главы епархии. В августе 1776 г. на факт смены священника, служившего в Иверской часовне, архиепископ Платон ответил игумену Перервинского монастыря резолюцией: «...к часовне Вам, игумену, определить иеромонаха честного и трезвого»¹⁹. Вскоре это место занял иеромонах Мелхиседек. Этот период совпал со временем сочинения Платоном, по указанию Екатерины II, штатного расписания для Перервинской семинарии. В результате, Платон отдал указание, чтобы впредь игумену ежемесячно в своих рапортах отдельно прописывать прибыльную сумму и издержки монастыря на свечи и масло в Иверской часовне²⁰. Об оправдании надежд на большие доходы с часовни свидетельствуют автографы за 1786 г., которыми митрополит Платон отдает распоряжения игумену Перервинского монастыря²¹. Лично следя за ежемесячными доходами, иерарх не пропускал и случаи для поощрения служителей часовни²².

В целом, если взять приход Перервинского монастыря за 1786 г., то из общей суммы в 10 тыс., более 8 тыс. приходилось на Иверскую часовню. Для сравнения, общий годовой приход от других четырех часовень, расположенных также в Москве и принадлежавших монастырю, составил 342 руб.²³ Возьмем для исследования книгу прихода-расходных сумм за 1801 г. По сравнению с 1786 г. приход вырос в полтора раза и составил 12 146 руб. К этому следует прибавить оставшиеся от 1800 г. 15 649 руб. В итоге, Иверская часовня принесла монастырю в 1801 г. 26 495 руб.²⁴ Можно сделать вывод, что Иверская часовня снабжала не только семинарию, но и сам Перервинский монастырь – что видно из счетных рапортов²⁵. На наш взгляд, именно высокие доходы с Иверской часовни позволили митрополиту Платону ввести в практику расходов монастыря статью «по особливым Его Высокопреосвященства резолюциям и на разные строения». Такие статьи имеются в книгах расходов за все годы правления митрополита Платона²⁶. Таким же образом

митрополит использовал доходы Перервинского монастыря. По «особливым» резолюциям Платона этот монастырь в январе–феврале 1806 г. расходовал на «Саввинскую» семинарию – 100 руб., на Дмитровскую – 250 руб., на Троицкую – 400 руб.²⁷ Такие расходы не являлись разовыми. Те же данные находим в книге расходов Перервинского монастыря за 1807 г.: по резолюциям Платона выделено на «Саввинское училище» – 100 руб., на Дмитровское – 250, а на Перервинскую семинарию – 5014 руб.²⁸

Кроме того, в 1780 г., с упразднением Покровской церкви на улице Покровке в Москве, бывшие в ее владении каменные лавки были переданы по инициативе митрополита в собственность академии и доход с них поступал на содержание «бурсы»²⁹. В 1789 г. Платон положил в Опекунский совет 4 тыс. руб., на проценты с которых содержались пятнадцать воспитанников академии, Троицкой семинарии и Перервинского училища. В 1794 г. митрополит положил в Воспитательный дом 10 тыс. руб., с тем, чтобы процентные деньги употреблять на Вифанию³⁰. Еще в начале своего правления Платон приписал к академии церковь Дмитрия Солунского на улице Ильинке, с находящимися при ней лавками. Деньги за аренду лавок поступали на содержание «бурсы». В 1790 г. этот Дмитровский храм был упразднен и из суммы, полученной от продажи иконостаса и материалов, 1500 руб. было положено в Опекунский совет, с тем, чтобы на получаемые проценты содержать бурсаков. В 1796 г., после продажи материалов и земли Введенской церкви у гостиного двора Китай-города, 350 руб. были присланы в Троицкую семинарию³¹.

В 1807 г. митрополит «пожаловал» в банк Воспитательного дома собственные деньги в размере 40 тыс., 10 тыс. из которых определил на Вифанский монастырь и семинарию³².

По инициативе Платона в 1800 г. были пресечены попытки отдать в светское ведомство загородный дом, подворье и сад с огородом, принадлежавших упраздняемому Коломенскому архиерейскому дому. Смелость и настойчивость Платона объясняется его намерением отдать доход с них «в пользу заводимой семинарии»³³. Войдя в рассмотрение упраздняемых монастырей, Платон представил Синоду свое мнение, считая что предлагаемые им средства послужат к сохранению и дома, и соборов, и монастырей, и к «удовольствию граждан и духовенства», без затрат из казны³⁴. Платон опасался, что в случае размещения в архиерейском доме Голутвина монастыря все придет в расстройство: «...И монастырь Голутвин останется вертеп разбойников, и жители опечалятся, и все соблазняются». В результате в архиерейский дом переводится состоящий в пяти верстах от Коломны мужской второклассный Богоявленский Голутвин монастырь с его штатом. После перевода в архиерейский

дом монастырь был наименован Новоголутвиным, а в прежние «непрочные» помещения митрополит перевел из Пешношского монастыря иеромонаха Самуила, в качестве строителя, с несколькими монахами. Этот монастырь, управлению которого митрополит подчинил Бобренов заштатный монастырь, получил название старого Бобренева-Голутвина. Обращаясь с просьбой об утверждении своего представления, Платон беспокоится промедлением, опасаясь, чтобы в Новоголутвине монастыре и в соборах утварь и ризница остались в целости. Касаясь предложения отдать в светское ведомство загородный дом и подворье, принадлежавшие архиерейскому дому, Платон, ссылаясь на то, что «в указе не предписано», принял их на хранение³⁵. Предварительно, 10 января 1800 г. он отдал распоряжение архимандриту Новоголутвина монастыря: «...немедля, чтоб он взял их в свое смотрение, доколе что об них впредь впоследствии, и все бы сберег»³⁶. О планах Платона на эти здания узнаем позже, из письма, отправленного 19 марта 1800 г., в котором Платон сообщал о возможности получить некоторую сумму денег для семинарии в Коломне от загородного архиерейского дома и подворья³⁷.

Несмотря на то, что представление Платона о коломенском доме было признано полезным, выполнить его на практике полностью оказалось невозможно. Однако он не отступает, представляя свое мнение уже отдельно о соборе с оговоркой: «Кажется, сие Св. Синод сделать может; ибо никакой в положении монастыря перемены не будет»³⁸. Не надеясь на положительное решение вопроса, митрополит писал к архиепископу Амвросию: «Ежели коломенское мною утвержденное распоряжение не будет утверждено, то я уже не знаю, что и делать, и должен оставить все на судьбу. По крайней мере, буду утешаться тем, что и сделал то, что можно и должно было сделать». Следующая фраза, обращенная к викарию, свидетельствует о том, что не каждый человек был способен на подобную смелость: «Впрочем, я думаю, что ежели б ваше утверждение было, то и верховная конфирмация последовала бы»³⁹.

Полученный Платоном указ о коломенском доме не оправдал ожидания митрополита. Не зная, как его «с обстоятельствами согласить», Платон настаивал на необходимости собора со штатом, поскольку «уже и ныне приходит не кому в нем служить: из монахов стар да пьян». Соглашаясь с возможностью учредить в соборе соборян и без жалованья, поскольку при архиерейском доме имелись три бедные приходские церкви, которые он готов был приписать к собору, Платон сомневался в разумности такого решения: «На что будет монастырь? На что дому пустеть? На что в средину города соблазн вводить? Нет времени новые монастыри учреждать; хотя бы старые как-нибудь поддержать». К тому же на просьбы архи-

мандрита Новоголутвина монастыря Варлаама прислать монахов, Платон отвечал отказом: «Но в них и в других монастырях так же нужда». В результате митрополит дает указание временно служить в соборе приходским священникам⁴⁰. Именно с целью сохранить и старый Голутвин монастырь, Платон переводит из Пешношского монастыря иеромонаха Самуила с братией. Однако «дружина Пешношская» не согласилась жить в архиерейском доме, требуя уединенного места, «да чтоб и архимандрита не было». Платон поселил их в старом Голутвине монастыре, который им понравился⁴¹. Однако такое решение митрополит принял самостоятельно, надеясь, что его представление будет утверждено. Поскольку этого не произошло, Платон вновь был поставлен в затруднение и решился «государя утруждать» и представить Синоду свое очередное мнение⁴². В результате усилий Платона было разрешено оставить старый Голутвин монастырь. Во всяком случае, 26 марта 1800 г., на прошении иеромонаха Самуила с сообщением о необходимости поправления церквей и келий Платон поставил резолюцию: «Послать Указ к строителю, и велеть ветхости какие необходимо нужно и есть на то сумма исправить»⁴³. Однако относительно Новоголутвина монастыря митрополиту Платону еще долго приходилось решать неурядицы. Так, 30 июня 1800 г., получив рапорт казначея монастыря о невыдаче положенного на этот второклассный монастырь жалованья, Платон дает резкое объяснение в консисторию: «...сообщить немедленно в Казенную палату, дабы положенное по штату на Голутвин монастырь жалованье было определено выдать. Ибо, что требуется от архимандрита и на соборян, якобы особо; и то им учинено ошибкой. Ибо, хотя указом Св. Синода, по недостатку монашествующих, при бывшем кафедральном соборе, и положено 7 человек, но их велено числить не особо, но в штате Голутвина монастыря...»⁴⁴.

Сохранив коломенские монастыри, Платон обратил силы на их благоустройство: детально руководил всеми перемещениями в новые здания; установил жесткий контроль над расходом заштатной и штатной сумм; предметом особых попечений сделал загородный дом, доход с которого рассчитывал отдать на содержание организуемой им семинарии⁴⁵. 3 сентября 1803 г. он писал к викарию Амвросию об устройстве им в коломенском доме, согласно указу, монастыря, собора с соборянами, духовного правления и семинарии, а также о значительном возобновлении зданий и росписи собора⁴⁶.

К денежным вкладам на содержание лучших учеников митрополит поощрял также благотворителей. Среди них были императоры Екатерина II, Павел I, Мария Федоровна, Александр I⁴⁷, а также граф Г.А. Потемкин, граф К.Г. Разумовский, княгиня

А.Г. Орлова⁴⁸, другие представители высшего светского общества и духовные лица. Так, в 1806 г. княгиня Касаткина внесла на содержание перервинских семинаристов 72 руб. – «на пищу», 75 руб. – «на платье»; от купца Семена Прокофьева семинария получила 50 руб.; от «генеральши» Корсаковой – 25 руб.; по билету коллежского асессора Юшкова – 25 руб.⁴⁹ В 1807 г. Смоленский епископ Серафим «поощрил наградой» студентов богословия, обучающихся в «славных успехами» платоновских семинариях, которые он сам закончил. Епископ назначил 1 тыс. руб. с тем, чтобы приобретать ежегодно лучшие духовные и исторические сочинения и раздавать их студентам, или поощрять лучших студентов материально «за сочинение лучших проповедей»⁵⁰.

Наконец, Платон использовал каждый удобный повод для материального поощрения учителей своих духовных школ. Так, 10 июля 1787 г. наместник Лавры Мельхиседек сообщил в семинарскую контору, что от имени Платона «велено за принесенное его высокопреосвященству с новым саном поздравление выдать из семинарской конторы остаточной суммы денег...». Из приведенного далее реестра следует, что ректору предназначалось 50 руб., префекту – 40, учителям – по 30 руб.⁵¹ Те же методы митрополит практически ежегодно использовал и в Перервенской и Вифанской семинариях⁵².

Одним из широко распространенных способов к содержанию учащихся было зачисление за ними священнослужительских мест. Однако Платон не поощрял тех воспитанников, которые еще до окончания учебного курса подавали прошение о назначении «в священники со взятием невесты», что делалось часто из-за отсутствия средств к обучению. Протоиерей Михайлов рассказывал, как его сосватали с дочерью протоиерея Федорова с целью назначить на должность дьякона. На поданное прошение Платон ответил протоиерею Федорову: «Я твоей дочери не сват!.. И зачем ты сего ученика отвлек от школы? Он учиться может». В ответ семинарист Михайлов, объяснив, что ему «нечем существовать», а в «казенном коште» отказано, попросил митрополита предоставить ему до окончания курса диаконское место «после его родителя». Эта просьба была удовлетворена, что позволило Михайлову закончить семинарию. «Вечная память нашему отцу и архипастырю митрополиту Платону! Пока жизнь моя продолжится, до тех пор <...> сие благодеяние не будет забвенно», – заключает протоиерей Михайлов свои воспоминания⁵³. По этому же поводу Платон заметил в письме к архиепископу Мефодию Смирнову, 17 апреля 1800 г.: «Я сего правила никогда не держался. Таковое сватовство всегда почитал чуждым епископского характера»⁵⁴.

Действенность и силу распоряжениям Платона придавали также особые права, данные ему Синодом⁵⁵, расширение которых можно принять за наивысшую оценку его административно-педагогической деятельности, что лишний раз свидетельствует о масштабе и постепенно возрастающем авторитете его личности. Доказательством служит и состояние Троицкой лаврской семинарии, наряду со Славяно-греко-латинской академией снабжавшей Московскую епархию священнослужителями. Уровень семинарии сам митрополит определял достаточно высоко. В ответ на предложение Синода приписать ее к Московской академии, в 1798 г. он писал к епископу Амвросию: «Для семинарии Троицкой я более всего желаю, чтоб она сохранила порядок и успех <...>; а потому приписанной ей быть <...> почитаю оскорбительным и ненужным...»⁵⁶. Как и академия, своим прочным положением Троицкая семинария обязана митрополиту Платону, который семинарское общество всегда предпочитал академическому. Таким отношениям способствовала, вероятно, особо тесная связь Платона с Троицкой семинарией: после окончания Московской академии именно в лаврской семинарии он начал свою педагогическую карьеру. Позже, в автобиографии он замечал, что «никогда столь спокойно и счастливо не жил, как чрез пять лет своего учительства <...> То время было райское и весна лет Платоновых». Здесь он принял монашество, стал префектом и ректором, затем был назначен заместителем и архимандритом Лавры. Подобные факты биографии иллюстрируют характерную особенность личности Платона, повлиявшую в дальнейшем на все формы его деятельности. Мы имеем в виду то предпочтение, какое он оказывал педагогической деятельности перед административной. В автобиографии Платон прямо указывал, что должность заместителя (между прочим, это означало значительное повышение по службе) он «принял неохотно <...> потому что это <...> отвлекало ректора от приятного для него в школе упражнения»⁵⁷. Укажем и на другой пример. Получив назначение на законоучительскую должность в мае 1763 г., Платон обязанности заместителя снял с себя сразу, в то время как лекции дочитал до конца. Но и после отъезда в Петербург в качестве законоучителя Платон находил время для переписки и даже бесед с прежними сослуживцами. Свидетельством явных приоритетов митрополита является его очередное обращение в Синод с просьбой об увольнении от управления епархией. Ссылаясь при этом на преклонность лет и частые «болезненные припадки», управление лаврскими училищами – на наш взгляд, не менее беспокойное, но с точки зрения интересов Платона «менше отяготительное», – он просит оставить за собой как «вождеденное и приятнейшее для себя упражнение»⁵⁸.

В целом, в решении Платоном всех дел, касавшихся духовных училищ, замечается необыкновенная точность и аккуратность, внимание к мельчайшим подробностям их быта. В академии, например, иерарх снабжал собственноручными правилами не только ректора, учителя, но и столового инспектора, полицмейстера, даже сиделок при больнице. Подобная регламентация была в духе эпохи. Во-первых, Императрица Екатерина II часто распоряжалась посредством инструкций и требовала этого же от подчиненных. При отправлении студентов за границу, например, составление четких указаний являлось обязательным. Поэтому инструкция, составленная 31 мая 1766 г., о содержании и инспекторском надзоре за четырьмя студентами духовной академии, посланными для изучения богословия в Геттинген, является, по всей видимости, характерной для рассматриваемого периода⁵⁹. Во-вторых, такое положение дел совпадало с жестко регламентированной организацией на Западе, где Платон мог брать положительные примеры⁶⁰. Наконец, представители отечественной педагогики при составлении программ для новых учебных заведений придерживались четко отработанной структуры⁶¹. Таким образом, «веяниями времени» можно объяснить ту отличительную черту в деятельности Платона, что он всегда распоряжался посредством инструкций, беспрекословного исполнения которых он требовал от подчиненных. Только в этом случае, считал митрополит Платон, мог установиться порядок, при котором невозможно было бы избежать ответственности. Поэтому инструкция с предписанными в ней обязанностями, по указанию иерарха, должна была быть вывешена на стене в квартире каждого должностного лица. Такая установка, вероятно, была оправдана, учитывая то положение, что в данный период, кроме Духовного регламента, семинарии не имели ни уставов, ни программ и поэтому находились в непосредственном и полном заведовании архиереев. Устройство и содержание, подбор преподавателей, снабжение учебными пособиями, одежда, питание, образ жизни учеников – все это подробно определялось указаниями Платона, которые выявляют и высокий нравственный уровень иерарха, и прогрессивные черты его деятельности.

Учитывая тот факт, что Платон не оставил в законченном виде цельной программы обучения и воспитания в конфессиональных училищах, проект Учреждения и Устава духовно-учебных заведений, подготовленный в 1766 г. при самом деятельном участии иеромонаха Платона, представляет особый интерес как продукт его теоретической мысли. Вопросы, связанные с педагогическим процессом, на практике распределенные Платоном по отдельным инструкциям, в проекте соединены в один документ. Поэтому счи-

таем возможным обращаться к отдельным положениям проекта как официально оформленным идеям Платона⁶². Платон совершал отбор правительственным указанием, претворяя в жизнь те из них, которые он лично считал необходимыми. Тем более что императрица предоставила такую возможность: в 14 пункте Инструкции «все то отдано на благоизобретение Комиссии, что лутчее к пользе народной придумано будет». В результате члены Комиссии, сформулировав свои рекомендации, решение большинства вопросов оставили «на рассмотрение архиерейское». Таким образом, с получением архиерейского сана перед Платоном открылось широкое поле деятельности, которое он, по сути, подготовил себе сам, когда подписывал те пункты проектов, которые в будущем могли обеспечить ему самостоятельность в епархии.

Касаясь Московской епархии, обратим внимание на то, что большую часть московских церковей Платон снабдил образованными священниками – наследниками не только высоких просветительских идей XVIII в., но и художественной материальной культуры. Но другая сторона проблемы состоит в том, что деятельность одного архиерея, хотя бы самая ревностная, не могла быть так успешна, как совместная его деятельность с правительством, которое участвовало в этом деле почти только одной инициативой. Этим можно объяснить то обстоятельство, что даже Платон только к концу правления Екатерины II и только в некоторые села своей епархии мог отправить образованных священников.

Примечания

- ¹ См.: Духовный регламент государя Петра I. М., 1861. С. 45–65.
- ² Там же. С. 46.
- ³ ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Т. XVI. № 11716. Ч. 6–8. С. 120–122. В Инструкции отмечалось: «Хотя учение пользою своею простирается до всякого чина и состояния, но особенным образом, в чине духовном должно оно преимуществовать, ибо их должность состоит, чтоб другим быть наставниками и учителями». См.: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XX вв. СПб., 1910. С. 268.
- ⁴ Проект состоял из трех частей: Учреждения, Штатов и Устава духовно-учебных заведений.
- ⁵ Н.Ю. Титов основную причину невозможности осуществления подобных проектов видит в сословной разграниченности общества, в автономности существования духовного сословия. Неудача была обусловлена переоценкой самодержавием государственных возможностей, а также – недооценкой социальных сословных проблем (см.: Историко-правовые вопросы взаимоотношений

- государства и церкви в истории России. М., 1988. С. 102). Следует добавить к этому и факт сопротивления духовенства, стремившегося сохранить свои привилегии.
- 6 См.: *Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 259.
- 7 До Платона количество учеников в академии простиралось до 300, при Платоне доходило до 1600 человек. См.: *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 261.
- 8 *Снегирев И.М.* Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. I. М., 1890. С. 48–49.
- 9 Свои теоретические взгляды Платон получил возможность оформить уже в 26 лет – в документах, разработанных Комиссией о церковных имениях. См.: Проекты Комиссии о церковных имениях 1763–1772 гг. / Материалы для истории учебных реформ... С. 258–323.
- 10 ПСЗРИ. Т. XXVI. № 12060. С. 552; *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. М., 1990.
- 11 ПСЗРИ. Т. XVI. № 12060. С. 552.
- 12 В отдельных разделах проекта Устава духовно-учебных заведений 1764 г., между прочим, часто встречаются следующие приписки: «расположение будет зависеть от архиерея», «вспомоществовать <...> по рассуждению архиерейскому...», «распоряжение зависит от архиерея». (См.: Материалы для истории учебных реформ... С. 301–323.).
- 13 Например, в 1775 г. – год вступления Платона в управление академией – на ее содержание отпускалось по штатам менее 5 тыс. руб. В результате успешной деятельности Платона, указом императора Павла I от 18 декабря 1797 г. на содержание академии назначалось 12 тыс. руб. Указом императора Александра I в 1807 г. эта сумма была удвоена. См.: ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф. 427. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
- 14 См.: Материалы для истории учебных реформ... С. 260–262.
- 15 См.: РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 2. Д. 230. Л. 1–10; Там же. Д. 295. Л. 1.
- 16 См., например: ЦИАМ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7. Л. 23; Там же. Д. 9. Л. 1, 14, 40.
- 17 См.: Материалы для истории учебных реформ... С. 274.
- 18 ЦИАМ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 78. Л. 15–15 об.
- 19 Там же. Д. 40. Л. 3.
- 20 Там же. Л. 5.
- 21 Там же. Д. 60. Л. 68–69.
- 22 Там же. Л. 92.
- 23 Там же. Л. 101–101 об.
- 24 Там же. Д. 78. Л. 2–3.
- 25 Там же. Д. 58. Л. 27, 28 об; Там же. Д. 60. Л. 102–107.
- 26 Там же. Д. 78. Л. 15, 15 об.
- 27 Там же. Д. 90. Л. 12, 23 об.
- 28 Там же. Д. 92. Л. 10 об., 20.

- 29 *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 271.
- 30 *Снегирев И.М.* Указ. соч. Ч. I. С. 55.
- 31 См. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1935. Л. 1–2.
- 32 Там же. Ч. 1. Д. 2060. Л. 1.
- 33 ЦИАМ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.
- 34 РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 24099. Л. 17; Там же. Д. 24106. Л. 3 об.; Там же. Д. 24099. Л. 11.
- 35 Там же. Л. 4.
- 36 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 760. Д. 4. Л. 1.
- 37 Письма Платона, митрополита Московского, к преосвященным Амвросию и Августину. М., 1879. С. 49; РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 24099. Л. 17.
- 38 Письма Платона, митрополита Московского... С. 46; РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 24099. Л. 11 об., 12.
- 39 Письма Платона, митрополита Московского... С. 47.
- 40 РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 24099. Л. 4.
- 41 Там же. Л. 8 об.
- 42 Письма Платона, митрополита Московского... С. 48–49.
- 43 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 760. Д. 4. Л. 8–8 об.
- 44 Там же. Л. 8 об.
- 45 РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 24099. Л. 16; Там же. Д. 24106. Л. 3 об., 14.
- 46 Письма Платона, митрополита Московского... С. 63.
- 47 Назначенные в 1807 г. «высочайшим Указом» на Вифанскую семинарию 4 тыс. руб. Платон встретил резолюцией: «Слава Богу! Слава царю!» (См.: ЦИАМ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.).
- 48 ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 229. Карт. 4. Б/н.
- 49 См.: ЦИАМ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 90. Л. 2.
- 50 Там же. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7. Л. 20–20 об., 22 об.
- 51 РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1450. Л. 4, 10, 23.
- 52 ЦИАМ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 78. Л. 28 об.; Там же. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7. Л. 32, 72–73 об., 74; Там же. Д. 9. Л. 14.
- 53 Воспоминания протоиерея Михайлова // Душеполезное чтение. 1894. Ч. III. С. 371–372.
- 54 Извлечения из писем митрополита Платона к Псковскому архиепископу Мефодию Смирнову. М., 1877. С. 12.
- 55 См.: *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 263–264.
- 56 Письма Платона, митрополита Московского... М., 1879. С. 38.
- 57 Автобиография или записки о жизни Платона, митрополита Московского // Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. II. С. 343.
- 58 ОР РГБ. Ф. 229. Карт. 4. Б/н.
- 59 См.: РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 216. Л. 1–4.
- 60 *Каменский А.Б.* Сословная политика Екатерины II // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 39.

- ⁶¹ Таков регламент Императорской Академии наук и художеств и проекты Уставов трех университетов в Малороссии, разработанные при активном участии сенатора Г.Н. Теплова; или педагогический трактат Н.И. Новикова «О воспитании и наставлении детей». Особый интерес вызывают планы и уставы закрытых учебных заведений сословного характера, составленные И.И. Бецким. Созданные им проекты отличаются тщательной разработкой всех сторон деятельности новых воспитательных учреждений. (См.: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 202–330; ПСЗРИ. Т. XXVII. С. 965–1065.).
- ⁶² См.: Проект Учреждений и Устава духовно-учебных заведений 1766 г. // Материалы для истории учебных реформ... С. 269–323.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВЫХ МОСКОВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ЖЕНСКИХ УЧИЛИЩ

Статья посвящена истории возникновения в Москве епархиальных женских училищ. Рассмотрена роль митрополита Филарета (Дроздова) в организации первого московского епархиального училища в 1865 г. в Харитоньевском переулке, а также обстоятельства возникновения в 1871 г. второго епархиального женского училища – Мариинского. Дан анализ учебных программ, организации жизни, особенностей этих двух училищ, показана их роль в развитии духовного и шире – женского образования в Москве и России.

Ключевые слова: женское духовное образование, епархиальные женские училища, Филаретовское епархиальное женское училище, Мариинское епархиальное женское училище, митрополит Московский Филарет (Дроздов), церковно-приходские школы при епархиальных училищах.

Период либеральных реформ 1860-х годов серьезно затронул и область образования. В очередной раз российская общественность задается вопросом о назначении женщины в семье, обществе и государстве. К середине XIX в. стало распространяться общественное мнение о необходимости развития женского образования, основанного на религиозно-нравственном воспитании и отвечающего потребностям современной жизни. Женские учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии, куда входили женские гимназии и институты благородных девиц, не имели аналогов в Европе по организации учебно-воспитательного процесса и уровню получаемого образования, но в них могли обучаться преимущественно представительницы высших сословий.

Если в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах Российской империи дочери обеспеченных священнослужителей

и церковнослужителей могли обучаться в вышеназванных казенных учебных заведениях или получать домашнее образование, то в уездных городах и тем более в селах такая возможность практически исключалась. Зачастую неграмотные жены священников по нравам ничем не отличались от крестьянок, и о каком-то просвещении народа со стороны матушек говорить не приходилось. Современники отмечали слишком заметную интеллектуальную разницу между воспитанниками семинарий и их женами, в лучшем случае получившими домашнее образование. Изначально и сами представители духовенства скептически отнеслись к возможности своих дочерей получать какое-либо образование, но вскоре в связи с либеральными процессами в обществе пришло осознание того, «что каждая мать, тем более мать будущих пастырей и учителей народа, должна быть женщиной развитой, образованной в духе православия и русской народности»¹.

Возникновение нового типа учебных заведений – епархиальных женских училищ, произошло по инициативе дочери императора Николая I, великой княжны Ольги Николаевны, ставшей впоследствии королевой Вюртембергской² (после отъезда Ольги Николаевны за рубеж эти духовные женские училища взяла под свое покровительство ее мать императрица Александра Федоровна). 18 августа 1843 г. в Царском Селе открылось первое епархиальное женское училище в России для представительниц духовного сословия, где девицы стали получать соответствующее их классу образование. До выхода императорского Устава 1868 г. первое епархиальное женское училище послужило образцом для всех остальных заведений подобного типа. Святитель Феофан Затворник в одном из своих писем писал, что общие основы вновь создаваемых епархиальных женских училищ должны быть ориентированы на Устав первого Царскосельского духовного женского училища, и что он сам брал его за основу для составления устава Тамбовского епархиального женского училища³.

В конце 1850-х годов стали создаваться комитеты для решения вопросов по открытию епархиальных женских училищ для представительниц духовного сословия. Новые женские духовные учебные заведения ставили перед собой цель – дать образование и воспитание дочерям духовенства, чтобы они могли быть «достойными супругами служителей алтаря Господня и попечительными матерями, которые взращивали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия»⁴.

20 сентября 1868 г. императором Александром II был утвержден Устав епархиальных женских училищ с расширенной программой преподавания общеобразовательных предметов. Цель данного типа

духовных женских училищ – «воспитание девиц в правилах благочестия по учению православной церкви и в русском народном духе, с тем, чтобы воспитанницы могли впоследствии иметь благотворное влияние на окружающую среду строгою нравственную жизнью и деятельным исполнением семейных обязанностей»⁵.

Московские епархиальные женские училища являлись одними из самых крупных заведений подобного рода в России. В среднем в каждом из них обучалось 300–450 учениц. Для сравнения: в 1889 г. в России функционировали 44 епархиальных женских училища с 13 тыс. учащихся, в каждом училище обучалось около 230 воспитанниц. К 1900 г. в России уже действовали 56 епархиальных женских училищ. По внутренней организации учебно-воспитательного процесса московские духовные училища для женщин принадлежали к типу полузакрытых учебных заведений среднего звена. Епархиальные женские училища открывались с разрешения Святейшего Синода и по ходатайству епархиальных архиереев. В Москве первоначально были организованы два епархиальных женских училища, каждое из которых имеет свою историю.

Московские епархиальные женские училища были организованы по инициативе московских митрополитов Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Вениаминова). Находясь в ведении Священного Синода, эти женские учебные заведения подчинялись епархиальному архиерею, местному духовенству и Совету училища⁶. Обратимся к обстоятельствам возникновения каждого из училищ. В 1832 г. в Москве в Армянском переулке (сегодня дом № 11) было открыто Женское воспитательное отделение при Горихвостовском доме призрения бедных из духовного сословия. В Отделении воспитывалось около 50 сирот 7–16 лет, которые обучались чтению, письму, катехизису, Священной истории, русской грамматике, словесности, арифметике, всеобщей истории, географии, церковному пению и рукоделию. В учебно-воспитательном процессе участвовали священник Отделения, учителя из приходского духовенства, надзирательницы и смотритель дома из членов епархиального попечительства. Именно об этом учебном Отделении в 1857 г. писал митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), рассуждая о женском духовном образовании: «воспитание направлено к тому, чтобы дать девицам религиозно-нравственное и хозяйственное образование, но не уклонять их от простоты жизни, свойственной им по рождению и назначению»⁷.

15 ноября 1865 г. Воспитательное отделение для девиц из духовного сословия по инициативе митрополита Филарета было преобразовано в женское духовное училище. В этом же году учебное заведение было переведено в специально выстроенное для него здание в

Малом Харитоньевском переулке, дом 5 (бывшее владение Чудова монастыря). В центральной части главного корпуса была устроена домовая церковь в честь святого праведного Филарета Милостивого. Святитель Филарет изначально задумал организовать из приюта духовную школу и для этого утвердил «Начертание правил для Дома воспитания бедных девиц духовного звания, состоящего под ведением духовного Попечительства». По этому проекту «цель сего учреждения состоит в том, чтобы беднейшие сироты, девицы духовного звания получали соответственное их званию и полу воспитание и образование религиозное, нравственное и хозяйственное...»⁸. Для этого в шести отделениях, а впоследствии в классах училища изучались следующие предметы: чтение, письмо, катехизис, Священная история, учение о богослужении, краткая история Вселенской церкви, краткая русская история, русская и славянская грамматика, арифметика, география, краткая теория словесности, история русской литературы, черчение, рисование узоров для рукоделия и церковное пение. В старших классах преподавались естественная история, понятия о воспитании детей и христианские наставления, впоследствии физика, алгебра, геометрия и космография, а с 1867 г. по определению Святейшего Синода была введена педагогика. Преобразовавшись в училище, Женское воспитательное отделение из низшей ступени женского духовного образования эволюционировало в среднюю.

Экстраординарное собрание, состоящее из членов Попечительского Совета училища и старших представителей московского духовенства, избирало смотрителя, духовника, эконома и главную надзирательницу училища. С выходом «Начертания правил для Дома воспитания бедных духовного звания» в среде духовенства вставал вопрос об организации училища по Уставу женских гимназий для увеличения числа воспитанниц за счет приходящих дочерей священнослужителей и церковнослужителей⁹. Но митрополит Филарет отрицательно высказался по этому вопросу, желая сохранить самобытный дух училищ. Тем не менее, во многом благодаря стараниям протоиерея П.И. Капустина воспитанницы Филаретовского училища стали получать образование, ориентированное на курс женской гимназии по светским предметам.

1 декабря 1875 г. уже при содействии митрополита Московского и Коломенского Иннокентия в Филаретовском училище произошли преобразования, и оно стало ориентироваться на общероссийский Устав епархиальных женских училищ, утвержденный в 1868 г. императором Александром II. В связи с изменениями в Московском Филаретовском епархиальном женском училище была учреждена комиссия в составе протоиерея П.И. Капусти-

на, священника Д.И. Кастальского, Г.П. Смирнова-Платонова, С.С. Владимирского, Р.А. Ржаницина, В.П. Рождественского, А.И. Любимова, Е.М. Лавровского¹⁰.

С расширением учебного заведения усовершенствовались и расширились программы курсов по церковным предметам. Закон Божий был главным предметом и изучался основательно, на него полагалось 25 учебных часов в неделю. В учебную программу входили: Священная история Ветхого Завета и Нового Завета, пространный катехизис, объяснение богослужения, история Вселенской и Русской церквей, чтение новозаветных книг по-славянски (Евангелие в I–III классах, Деяния и Послания апостольские в IV–V классах), с объяснительным переводом на русский язык и практическим ознакомлением с церковно-славянским языком и его грамматикой. Одним из методов обучения было заучивание наизусть и объяснение псалмов, канонов и разных церковных песнопений¹¹.

Из светских предметов изучались: русский язык и русская словесность, арифметика и общая геометрия, всеобщая и русская география, всеобщая и русская гражданская история, общая физика, педагогика и чистописание. По Новому Уставу необязательными предметами были новейшие языки, музыка, рисование. Но несмотря на это, в 1868 г. в программу преподавания Московского Филаретовского епархиального женского училища вошли новые предметы: французский язык и музыка (фортепиано). Во внеклассное время занимались домашним рукоделием, кройкой, шитьем, вязанием и ведением хозяйства¹². Физическое воспитание ограничивалось прогулками и играми на свежем воздухе. О небрежении к этой стороне жизни девиц архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) писал, что физическая сторона в учебно-воспитательном процессе должна быть «как можно полнее, совершеннее, безболезненнее; ибо то будущие матери, от которых рождение детей и питание их потребует свежих, не изношенных книгами сил»¹³. Учебные пособия по предметам утверждались Учебным комитетом Святейшего Синода.

Большое внимание уделялось церковному пению, которое изучалось по 12 учебных часов в неделю. Воспитанницы пели в училищных храмах «по партесным нотам, и по Обиходу, изданному Святейшим Синодом, обыкновенно на два больших хора из избранных голосов...»¹⁴. Самые способные воспитанницы становились регентами в церковно-приходских школах. В 1886 г. Святейший Синод рекомендовал уделять особое внимание церковному пению, так как многие из выпускниц училищ становились сельскими учительницами, которым необходимо умение регентовать. В 1888 г. по распоряжению Святейшего Синода в епархиальных женских училищах

вводится обучение шитью, починке церковных облачений и других «принадлежностей церковной ризницы, каковы: облачения на престол, жертвенник, аналогии, церковные завесы...»¹⁵. В нескольких училищах было введено преподавание иконописи, что также являлось особенностью епархиальных женских училищ.

Постепенно в учебные программы училищ включали занятия по педагогике и дидактике. При училищах открывались церковно-приходские, образцовые и воскресные школы, где воспитанницы проходили практику, после чего могли стать учительницами в церковно-приходских и других школах¹⁶ или воспитательницами в тех же епархиальных училищах, в обязанности которых входило наблюдение за религиозно-нравственным развитием девиц. По Уставу епархиальных женских училищ им отводилась особая роль: «воспитательница должна была внушать воспитанницам глубочайшее благоговение к истинам христианской религии и ко всем уставам и обрядам церкви, <...> всеми нравственными мерами стараться противодействовать распространению между девицами притворного благочестия и ложной набожности»¹⁷.

Филаретовское училище было шестиклассным и так как изначально создавалось для сирот, то продолжало находиться в ведении Московского Попечительства о бедных духовного звания. В 1868 г. здесь обучались безвозмездно 111 девиц из сирот духовного сословия, из них 75 дочерей священников, а остальные были выходцами из других сословий уездов Московской епархии. В училище также обучались 75 приходящих воспитанниц.

Впоследствии состав учащихся Филаретовского епархиального женского училища стал более разнообразным. В 1902–1903 учебном году в училище обучались 631 человек, из них 583 – из духовного сословия; 490 девиц жили в общежитии Училища, 141 – были приходящими ученицами; 183 человека находилось на полном содержании, 272 – на половинном, 35 имели стипендию; из них 78 человек окончили полный курс обучения и получили аттестат об окончании.

Московское Филаретовское епархиальное женское училище регулярно финансировалось Московским Попечительством о бедных духовного звания, храмами Московской епархии¹⁸, епархиальным духовенством¹⁹, монастырями, в частности, Давидовой пустыней (Серпуховский уезд Московской губернии). Столичное и сельское духовенство Московской епархии и представители других сословий вносили плату за обучение своих детей. Хотя большинство учащихся были представительницами духовного сословия Московской епархии, здесь также могли обучаться девочки и из других епархий, как из духовного сословия, так и дворянского, купеческого, мещанского и крестьянского происхождения.

Возникновение другого московского епархиального женского училища – **Мариинского** (выделено автором. – *В. Я*), связано с деятельностью Братства святой равноапостольной Марии Магдалены, учрежденного московским духовенством 11 апреля 1871 г. для оказания помощи в образовании и воспитании представительницам духовного сословия Московской епархии. Братство возглавлял митрополит Московский и Коломенский Иннокентий, в его состав также входили: наместник Чудова монастыря архимандрит Вениамин, священник Ризоположенской церкви В.П. Рождественский, священник В.И. Романовский, ректор Московской духовной семинарии протоиерей Н.В. Благоразумов и многие другие²⁰. Братство сначала организовало стипендии в женской учительской семинарии П.И. Чепелевской для бедных девиц духовного сословия. Но для поступления в семинарию нужно было иметь предварительную подготовку, поэтому по проектам, утвержденным Духовным Ведомством и Министерством народного просвещения, были открыты три подготовительных училища: Юрьевецкое, Ризположенское и Николо-Ваганьковское. В течение 1884–1885 гг. трехклассное Ризположенское училище, располагавшееся в здании бывшей церковно-приходской школы при храме Ризположения на Донской улице, было преобразовано в шестиклассное московское Мариинское епархиальное женское училище с образцовой церковно-приходской школой при нем. В 1885 г. училище переместилось в специально купленное и перестроенное для него здание на улице Большая Ордынка, дом 22. В 1886 г. в помещении третьего этажа училища была устроена и освящена домовая церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Мариинское епархиальное женское училище находилось под покровительством императрицы Марии Федоровны. В 1906–1907 учебном году в училище обучалось 293 воспитанницы, из них 265 человек из духовного сословия, 29 – инославных; 213 жили в общежитии, 81 – были приходящими, 40 – на полном епархиальном содержании, 77 – пользовались пособием, 46 – были стипендиантками; из них 52 – окончили полный курс обучения.

Пансионерки Мариинского епархиального женского училища полностью содержались на средства Попечительства о бедных духовного звания, а также получали стипендии от свечного завода (учрежденного в память пребывания на московской кафедре митрополита Киевского Иоанникия), от московского Алексеевского женского монастыря²¹, а также именные стипендии от училища, других попечительств и частных лиц. На содержание училища вносили добровольные пожертвования обер-прокурор Святейшего Синода, московские митрополиты, управляющие монастырями, церковные

старосты, профессора Московской духовной академии, священнослужители и купцы²².

Преподаватели епархиальных женских училищ утверждались епархиальным архиереем по представлению Училищного Совета. Это были как духовные, так и светские лица, имеющие аттестат о высшем или среднем образовании, учительницы же проходили предварительное испытание на Совете училища. Выпускники духовных академий зачислялись в епархиальные женские училища в счет обязательной службы по духовно-учебному ведомству²³. Как правило, учителей приглашали из местных духовных семинарий или гимназий, так как плата за труд была небольшой, и преподавание только в епархиальных женских училищах не давало никаких служебных льгот и пенсий.

Что касается организации учебно-воспитательного процесса в училищах, то в каждом классе (имеется в виду год обучения) было в среднем 45 человек. В одном учебном классе занимались от 9 до 13 человек. Распорядок дня был следующий: в 7.00 – подъем, 8.00 – утреннее правило в училищной церкви, далее чай, с 8.30 до 13.00 – классные занятия, после каждого двух уроков – перемена до 15 минут. С 13.00 до 14.30 был обед, после которого воспитанницы занимались рукоделием и чтением рекомендованных наставниками книг. Далее следовало внеклассное время: отдых и прогулка в училищном саду, уроки музыки и практические занятия по дидактике для учениц VI класса; с 17.30 до 20.30 – вечерние занятия, после – чай, вечернее правило в церкви и в 21.30 – сон. Таким образом, в среднем 8 часов воспитанницы занимались умственными и физическими занятиями, 6 часов уделялось на молитву, отдых, прогулку, принятие пищи и до 10 часов на сон.

Как и в других духовных учебных заведениях воспитанницы говели, исповедывались и причащались три раза в год: перед праздником Рождества Христова; на первой и последней неделе Великого поста. Посещение всенощных бдений и литургий в воскресные и праздничные дни было обязательным, также как и литургии Преждеосвященных даров по средам и пятницам во время Великого поста, занятия в эти дни не отменялись, а сокращались. Учебный год обычно длился со 2 августа по 15 июня, летние каникулы продолжались всего 6 недель. В июне проходили выпускные экзамены по всем предметам, на которых присутствовал епархиальный архиерей.

Личный состав служащих Филаретовского епархиального женского училища включал председателя Совета училища, четырех его членов, начальницу училища и инспектора классов, входивших в Совет, а также преподавателей, преподавательниц, старших и младших воспитательниц и помощниц воспитательниц.

В московских епархиальных женских училищах преподавали по учебным руководствам, одобренным Учебным комитетом при Святейшем Синоде или Учебным комитетом при Министерстве народного просвещения, а весь учебно-воспитательный процесс был ориентирован и согласован с Уставом епархиальных женских училищ 1868 г., циркулярными разъяснениями по духовно-учебному ведомству и предписаниям к Указу Святейшего Синода от 18 июня 1893 г. за № 2754²⁴. Теоретическое изучение предметов совмещалось с практическими занятиями: «участие в церковном пении и чтении было поставлено в органическую связь с изучением церковного богослужения, чтение житий святых служило средством для укрепления в душах учащихся изучаемых сведений из второй части православного катехизиса, а чтение священного писания Нового Завета по-славянски, производившееся законоучителями, служило средством 1) для ознакомления с церковно-богослужебным языком 2) для основательного ознакомления с евангельской историей и христианским учением»²⁵.

Согласно Указу Святейшего Синода от 18 июня 1893 г. воспитанницы V–VI классов проходили практику в образцовых церковно-приходских школах, созданных при училищах, и изучали методы преподавания предметов в начальных учебных заведениях. Так в 1886 г. Николо-Пыжевская образцовая двухклассная церковно-приходская школа была основана стараниями настоятеля церкви святителя Николая Чудотворца в Пыжах священника К. Орлова и по инициативе Совета Мариинского епархиального женского училища²⁶. Со временем число учащихся в ней возросло от 20 до 120 человек, и при поступлении в школу существовал конкурс – два человека на место. После успешного окончания школы девочки получали свидетельство об окончании курса. Прошедшие полный курс обучения и вышедшие из III отделения школы, поступали в I и II классы Мариинского епархиального женского училища. Данная школа существовала на благотворительные средства.

Образцовая женская одноклассная церковно-приходская школа при Московском Филаретовском епархиальном женском училище была открыта 12 октября 1894 г.; в ней преподавали выпускницы училища. Учащиеся школы делились на три отделения, где обучались дети духовенства, купечества, мещан, крестьян. В образцовых церковно-приходских школах наблюдался высокий уровень преподавания, здесь приобретали практические методы преподавания будущие выпускницы, что давало им возможность получить диплом учительниц начальных церковных школ. Таким образом, низшая и высшая ступени женского духовного образования плодотворно взаимодействовали между собой.

Учительницы, получившие образование в Филаретовском и Мариинском епархиальных женских училищах, будучи преподавателями, получали хорошие отзывы в церковно-приходских школах Московской епархии. В Москве образованные дочери духовенства имели возможность заниматься частными уроками или преподавать в учебных заведениях, для них это часто являлось единственным источником самостоятельного дохода. Также при Филаретовском училище находился приют для 12 девочек – сирот 9–10 лет, основанный и содержащийся С.С. Аксаковой на проценты с пожертвованного ею капитала. Воспитанницы приюта поступали в данное епархиальное женское училище.

Женские духовные школы среднего звена, к которым относились епархиальные женские училища, были созданы для получения представительницами духовного сословия систематического образования, не уступающего по уровню светскому женскому образованию. В целом женские церковные учебные заведения вывели на новый уровень не только женское образование, они расширили сферу деятельности женщины, дали ей возможность получать не просто духовное образование, но и применять его в практической и трудовой деятельности: преподавать в начальных школах и училищах, повышая свой образовательный и профессиональный уровень. Получение образования дочерьми духовенства давало им возможность занять хорошее положение в своем сословии или выйти из него. Можно говорить о формировании в России средней ступени женского духовного образования к концу XIX – началу XX в. Московские епархиальные женские училища заняли достойное место в системе женского духовного образования Российской империи.

Примечания

- ¹ *Сергиевский Н.* Женское духовное образование в России в связи со светским в их прошедшем и настоящем // Чтения Общества любителей духовного просвещения. 1894. № 1. С. 24, 33.
- ² Об училищах девиц духовного звания. М., 1866. С. 3–5.
- ³ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника // Собрание писем. Вып. I–IV. М., 2000. Т. 1. С. 17.
- ⁴ *Семенов Д.* Епархиальные женские училища за первое 50-летие их существования // Русская школа. 1893. № 9–10. С. 31.
- ⁵ Там же. № 11. С. 29.
- ⁶ Устав епархиального женского училища. Пенза, 1880. С. 4.
- ⁷ Об училищах девиц духовного звания. С. 10.

- ⁸ Московское Филаретовское епархиальное женское училище. Историческое изложение его судьбы в пятидесятилетний период 1831–1882 гг. М., 1883. С. 37–38.
- ⁹ *Капустин П., прот.* Несколько слов о Московском Филаретовском училище девиц – сирот духовного звания. М., 1873. С. 7.
- ¹⁰ Устав епархиального женского училища. С. 112.
- ¹¹ Об училищах девиц духовного звания. С. 116.
- ¹² Устав епархиального женского училища. С. 45–46.
- ¹³ *Никольский С.* Взгляд Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, по вопросу о школьном образовании девиц духовного звания // Прибавление к Черниговским епархиальным известиям. 1888. № 8. С. 220.
- ¹⁴ *Семенов Д.* Епархиальные женские училища за первое 50-летие их существования // Русская школа. 1893. № 11. С. 40.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Об училищах девиц духовного звания. С. 119.
- ¹⁷ Устав епархиального женского училища. С. 25.
- ¹⁸ ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф. 203. Оп. 699. Д. 601. Л. 116.
- ¹⁹ Там же. Л. 1а.
- ²⁰ Отчет состоящих под августейшим Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны покровительством братства св. равноапостольной Марии Магдалины и Мариинского епархиального женского училища за 1906–1907 отчетный год. М., 1908. С. 3–4.
- ²¹ ЦИАМ. Ф. 1175. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.
- ²² Там же. Ф. 203. Оп. 701. Д. 398. Л. 2.
- ²³ Устав епархиального женского училища. С. 38.
- ²⁴ Отчет о состоянии Московского Филаретовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1902–1903 учебный год. М., 1904. С. 15.
- ²⁵ Там же. С. 18.
- ²⁶ Николо-Пыжевская двухклассная церковно-приходская школа и устройство для нее нового дома // Московские церковные ведомости. 1892. № 48. С. 732–733.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ
И ИЗДАНИИ ДОКУМЕНТОВ
О СУДЬБАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В 1918–1930-е годы

Фрагментарность современных знаний о масштабах и формах разгрома Церкви в центре и регионах в 1920–1930-е годы препятствует возрождению православия, что предопределяет необходимость выработки исследовательской и издательской программы по выявлению и изучению сохранившейся в государственных архивохранилищах документации. Для решения этой задачи автор предлагает план публикации документов и справочников по архивным материалам: нормативных документов органов власти всех уровней; материалов, отложившихся в результате деятельности учреждений, осуществлявших надзор за деятельностью религиозных организаций; перечня документов всех московских храмов с указанием названий дел, объема, хронологических параметров; протоколов Центральных государственных реставрационных мастерских; многочисленных фотографий закрываемых и сносимых церковных памятников. Реализация такой программы поможет обозначить лакунные стороны процесса уничтожения православной культуры и ее наследия и наметить пути по ее восстановлению.

Ключевые слова: Русская православная Церковь в XX в., уничтожение православных храмов, фотографии снесенных храмов, надзор советской власти над Церковью, Центральные государственные реставрационные мастерские, архивные материалы по истории Церкви.

Прошло более двух десятилетий с возобновления возможности свободного изучения истории Русской православной Церкви, стали доступны многие ранее закрытые источники, издается большое число книг по истории Церкви, немало литературы посвящено жизнеописанию новомучеников XX века. Но, увы, почти нет серьезных обобщающих исследований о массовом разорении и

уничтожении храмов и монастырей в 1920–1930-е годы, о реалиях приходской жизни этого трагического периода Русской православной церкви. До сих пор ни историкам, ни тем более широкой общественности не известны масштабы трагедии православия в первые послереволюционные десятилетия, объем погибшего культурного наследия Русской православной Церкви, смутно и фрагментарно мы представляем механизм уничтожения святынь, мало знаем о роли различных государственных организаций и конкретных личностей в закрытии и разорении храмов, судьбах церковного имущества.

Между тем без этих страниц истории невозможно представить ни картину разгрома Церкви и ее институтов в центре и в регионах, ни наметить пути по подлинному возрождению православия. В отечественных архивохранилищах находятся значительные комплексы источников по этой теме, и нужна большая исследовательская и издательская программа, в которой нашлось бы место и церковным, и светским историкам, а также архитекторам, музейным работникам, архивистам, педагогам, вообще краеведам и всем образованным прихожанам.

Начинать эту масштабную работу следует с региональных (республиканских, областных, епархиальных) программ, стержнем которых будет большая работа по выявлению и изданию исторических источников, составление комплексных справочников с информацией о судьбах всех монастырских, приходских и домовых храмов, часовен.

Следует представлять и особенности сохранившейся документации по теме. Если до революции материалы по истории Церкви откладывались в архивах приходских храмов, духовных консисторий, Св. Синода, то в советскую эпоху вся система документирования была сломана, церковные институты (с архивами) упразднены, советское государство организовало свою, не менее масштабную, модель документирования приходской и вообще церковной жизни. Главными здесь стали государственные учреждения, осуществлявшие надзорные функции за храмами. Эти учреждения можно разделить на памятникоохранительные и административные. К первым относятся различные структуры Наркомата просвещения: Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины с его местными подразделениями, Центральные государственные реставрационные мастерские, краеведческие организации. Главный же надзор за религиозными организациями осуществляли советские административные учреждения, документировавшие все этапы жизни Церкви и ее составных частей: храмов, монастырей, часовен, некрополей и т. д. В 1920–1930-е годы эти учреждения были представлены существовавшими при центральных и местных органах

власти административными отделами, подотделами, церковными столами, комиссиями по делам культов и т. д.

Документация вышеуказанных учреждений и организаций ныне находится в центральных (российских), республиканских (областных) архивах и в целом доступна исследователям. Можно предложить следующий план публикации документов по указанной теме:

1. Для понимания механизма репрессий советского государства против Церкви, мотивов и обстоятельств закрытия и уничтожения храмов крайне важно опубликовать в сборниках *нормативные документы органов власти всех уровней*. Первоначальное решение о ликвидации храма принимали районные, уездные советы, затем их ходатайства рассматривали вышестоящие органы – губернские (областные) и республиканские советы и исполкомы. Наконец, если верующие обжаловали принятое решение – писали жалобы во Всероссийский центральный исполнительный комитет (далее – ВЦИК) – то делом какое-то время занимался этот высший законодательный орган власти и его Президиум выносил окончательный вердикт.

В хранящихся в архивах протоколах заседаний органов власти (от местных до центральных) немало решений и по ликвидации храмов. Публикации выписок из протоколов («слушали», «постановили») по этой теме дают ценный первоначальный материал для дальнейших поисков информации о судьбе конкретного храма. Однако до сих пор некоторые фонды с протоколами заседаний органов власти труднодоступны (например, фонд 150 Моссовета в Центральном архиве города Москвы (далее – ЦАГМ), и в этом случае нужно выявлять копии выписок из заседаний Моссовета, хранящиеся в фондах различных подразделений Моссовета, например, в ЦАГМ – ф. 1215, в Центральном государственном архиве Московской области (далее – ЦГАМО) – ф. 66, 4570, в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) – ф. 5263).

Публикация всех постановлений центральных и местных органов власти по церковным вопросам важна и для понимания масштабов и особенностей ликвидации храмов и динамики этого процесса в разные исторические периоды – первые послереволюционные годы, середина 1920-х годов, конец 1920 – начало 1930-х годов. Важна публикация полных текстов «церковных» постановлений, в которых отражена и фразеология времени, и мотивы, которыми прикрывались власти, ликвидируя храм.

Конечно, главным органом власти в губернии (области) был губернский (областной) совет, куда стекались «ручейки» постановлений райисполкомов, уездных исполкомов, горисполкомов, а

также трудовых коллективов фабрик, заводов, артелей, колхозов и т. д. Поэтому публикация «церковных» протоколов губернских (областных) советов – первоочередная задача. Издание протоколов заседаний Моссовета сразу даст картину механизма и масштабов закрытия многих сотен храмов в Москве и губернии (области).

Общине храма, приговоренного местными властями к закрытию, разрешалось в двухнедельный срок обжаловать постановление во ВЦИКе. Некоторые общины таким правом пользовались и в высший законодательный орган поступало ходатайство от верующих, которое становилось основанием появления целого дела, в котором концентрировались самые разные документы, в том числе и заверенные копии постановлений местных властей. Число таких жалоб с мест, посланных в Москву, с конца 1920-х годов стало столь велико, что в 1929 г. при Президиуме ВЦИКа была образована Постоянная комиссия по вопросам культов. Подобные комиссии («культуркомиссии») были вскоре образованы при республиканских президиумах ЦИКов и президиумах некоторых облсоветов и облисполкомов. Документация этих учреждений, действовавших до второй половины 1930-х годов сегодня хранится в отдельных фондах (ГАРФ, ф. 1235 – материалы Секретариата Председателя ВЦИК, ф. 5263 – Постоянная комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК; ЦГАМО, ф. 4570 – Комиссия по рассмотрению вопросов культа при Президиуме Мособлсполкома и другое). Комиссии предварительно рассматривали жалобы верующих, собирали материалы по вопросу, запрашивали местные власти, давали рекомендации президиумам своих органов власти. Именно заключения Постоянной комиссии по делам культа, как правило, принимались в основу принимаемых Президиумом ВЦИК решений по вопросам ликвидации храмов. Выписки из постановлений Президиума ВЦИК сосредоточены в фонде Постоянной культуркомиссии (ф. 5263) и эти решения являлись окончательными, завершая таким образом долгий бюрократический процесс ликвидации храмов. Публикации постановлений Президиума ВЦИКа дали бы общую хронологическую картину закрытия церквей по стране в целом. Но следует помнить, что ВЦИК и его культуркомиссия занимались делами главным образом тех храмов, общины которых осмелились обращаться в высший законодательный орган.

Показательны по эмоциональности, языку, часто информативности жалобы, ходатайства верующих, посланные во ВЦИК и местные органы власти. Следовало бы опубликовать этот «плач народный» в отдельном сборнике, снабдив необходимыми комментариями.

2. Не менее важной является *публикация материалов, отложившихся в результате деятельности учреждений, осуществляю-*

щих в 1920–1930-е гг. надзор за деятельностью религиозных организаций. Как правило, этими вопросами внутри местных советов занимались административные отделы или церковные отделы (подотделы, церковные столы). Инспекторы этих подразделений контролировали внутреннюю жизнь верующих, которые для регистрации своей общины сдавали требуемую властями документацию: договор о пользовании храмом, инвентарные описи церковного имущества, акты осмотров храма, списки верующих, индивидуальные анкеты служителей культа, переписка общины с органами власти и т. д. В этих, сформированных по конкретным храмам делам, сосредоточены и письма ответственных лиц общины по разным вопросам, касающимся преимущественно церковного имущества. Особый интерес представляют документы дел, касающихся закрытия храмов: копии постановлений местных органов власти, жалобы верующих, акты приема (сдаточные ведомости) церковного имущества (особо выделены акты на прием икон, иконостасов, облачений, лома бронзы и серебра, акты об опечатании храма и передаче ключей общины инспектору административного (церковного) отдела).

По материалам этих дел, сосредоточенных в фондах адмтделов, культкомиссий, можно проследить и историю храма с 1918 г. по год закрытия и, что особенно важно, – мотивы и обстоятельства закрытия, позиция и действия верующих после ликвидации, судьбу церковного имущества. Тщательно составленные описи икон и церковной утвари, передаваемых в музейный фонд, в действующие церкви или даже на утилизацию позволяют не только подсчитать масштабы погибшего культурного наследия, реконструировать убранство храма ко времени его закрытия, но и попытаться выявить и идентифицировать в современных музейных экспозициях и фондах церковное имущество.

Так, например, фонд 1215 из ЦАГМ, фонд 66 (опись 18) из ЦГАМО (различные отделы Моссовета) и фонд 5263 из ГАРФ содержат дела и документальные комплексы, касающиеся истории и судеб более 80 % всех монастырских приходских, домовых храмов Москвы. Некоторые московские храмы имеют в этих фондах даже по 2–3 дела (средний объем – около 100 листов текста). Конечно, опубликовать все – дело будущего. Сейчас важно *издать перечень документов всех московских храмов с указанием* названия дел, объема, хронологических параметров и т. д. Не менее важна и *публикация многотомного справочника* сохранившейся документации о московских храмах, в котором следует помещать справки по истории храма в советскую эпоху, перечень названий всех документов, хранящихся в архивном деле. Эта уникальная справочная информа-

ция объемом по каждой церкви 2–4 страницы будет крайне важна для всех современных приходов и исследователей.

Вывявленные в архивах источники могут послужить базой и для публикации тематических сборников документов по чрезвычайно важным для истории Русской православной Церкви темам: «Вскрытие мощей русских святых. 1918–1921 гг.», «Изъятие церковных ценностей в 1922 г.», «Жалобы верующих в органы власти по поводу закрытия храмов», «Изъятие церковного имущества при ликвидации храмов» и другим. Собранные воедино источники по этим темам позволят представить картину планомерной государственной политики по уничтожению Православной церкви, ее масштабы. В местных и центральных архивах хранятся важные для понимания начального этапа государственного атеизма источники по вскрытию мощей русских святых. Эта инициированная новой властью кощунственная акция (1918–1921) разрабатывалась и фиксировалась государственными структурами (VIII Ликвидационный отдел Наркомата юстиции) и переписка по этой теме находится в ГАРФ в фонде этого Наркомата (ф. 353). Публикация этих материалов также необходима. В региональных государственных архивах сохранились и подробные описи (по каждому храму) изъятых в 1922 г. церковных ценностей в ходе кампании по так называемой «помощи голодающим».

3. В 1920 – 1930-х годах в стране существовали имевшие непосредственное отношение к изучению и охране памятников церковной архитектуры учреждения и организации.

Насущной задачей является и полная *публикация протоколов Центральных государственных реставрационных мастерских* (далее – ЦГРМ). ЦГРМ с 1918 г. по 1934 г. осуществляли ремонт, реставрацию и надзор за состоянием памятников, в том числе и церковных. За пятнадцатилетнюю историю существования, архитектурно-реставрационная секция ЦГРМ провела более 700 заседаний, на которых обсуждались вопросы охраны, ремонтно-реставрационных работ, а также производства обмеров и фотофиксации приговоренных к сносу церковных памятников – монастырей, храмов, часовен, некрополей. Протоколы, хранящиеся в ЦАГМ (ф. Р-1) в 17-ти делах ЦГРМ – уникальный источник, зафиксировавший и отношение местных и центральных органов власти к наследию Русской православной Церкви и позволяющий точно датировать начало и процесс сноса сотен храмов.

Отношение краеведческой общественности к сохранению церковных памятников можно узнать из хранящихся в архивах, музеях и библиотеках материалов краеведческих объединений. На своих заседаниях краеведы регулярно заслушивали доклады и со-

общения по истории и состоянию храмов, монастырей, отдельных церковных памятников своего города, региона. Пример – плодотворная деятельность в советскую эпоху объединения «Старая Москва» (1918–1930), сотни протоколов которого хранятся в ф. 177 в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Издание сборника «церковных» протоколов «Старой Москвы» также будет серьезным вкладом в изучение истории Церкви в 1920-е годы.

4. Полную историю и судьбу храмов в 1920–1930-е годы трудно представить без их иконографии. К сожалению, в послереволюционные годы мало кто фотографировал храмы и монастыри, события церковно-приходской жизни – сказывалось негативное отношение к Церкви власти и официальной культуры. К счастью, фотофиксацией церковных памятников, особенно закрывающихся и сносимых, занимались фотографы упоминаемых ЦГРМ (Москва) и Государственной академии истории материальной культуры (Ленинград). Многочисленные фотографии закрываемых (а зачастую и сносимых в 1920 – 1930-е годы) монастырей, храмов и исторических некрополей попали в фототеку Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева. Кстати, в коллекции этого музея хранятся и сотни фотографий навсегда утраченных храмовых интерьеров. В фототеках ГНИМА им. А.В. Щусева хранятся десятки тысяч фотографий и негативов церковных зданий самых разных городов и сел СССР, в том числе и памятники, погибшие в конце 1920–1930-х годов. Об этих коллекциях почти не известно в регионах страны и публикация фоторафий фототеки позволит ввести в научный оборот значительный массив новых изобразительных источников.

В настоящем обзоре перечислены лишь часть крупнейших комплексов документов, хранящихся в государственных архивохранилищах и имеющих прямое отношение к истории Русской православной церкви и ее наследия в 1920–1930-е годы. Полная или частичная публикация материалов фондов вышеназванных организаций и учреждений и их отделений на местах, создание справочников и указателей по архивным материалам позволят ответить на многие волнующие церковных и светских исследователей вопросы.

Публикация этих источников поможет обозначить грандиозный масштаб тотального уничтожения наследия православной культуры и в Москве, и в провинции, определить роль и степень ответственности лиц в деле ликвидации институтов Церкви, монастырей и храмов, показать реальный механизм осуществления этого уничтожения, связь его с идеологическими и социокультурными реалиями того времени.

Выявленные в ходе подготовки публикаций материалы будут иметь большое значение для производства реставрационных работ, воссоздания храмов и их интерьеров, а, следовательно, и восстановления исторического облика городов и сел России. Наконец, изданный материал, особенно касающийся церковного имущества храмов, будет полезен для краеведов, искусствоведов, музейных работников и, конечно же, историков Русской православной Церкви, для организации современной приходской жизни.

Издание источников о судьбах православных храмов в 1920–1930-е годы требует решения сложных организационных вопросов. Здесь нужна общероссийская финансируемая программа, участниками которой должны стать Агентство по делам архивов, Русская православная Церковь, Агентство по культуре и другие ведомства и организации, в том числе музеи и вузы. Можно начать работу с Москвы, где в государственных и ведомственных архивах хранятся документы высших органов власти, выработывавших после 1917 г. политику в отношении к Русской православной Церкви, едва не приведшую к ее гибели в 1930-х годах.

Реализация обозначенной выше издательской программы объединит не только светские и духовные учреждения и организации, но и позволит привлечь к работе над проектом сотни исследователей, в том числе и активных прихожан во всех субъектах России.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСТВА
В МОСКВЕ В 1920-е годы:
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме развития обновленчества в Москве. На основании документов Московского епархиального управления и материалов обновленческой периодической печати анализируются число обновленческих приходов и их расположение в городе. Данный анализ помог автору проследить динамику изменения топографии распространения обновленческого движения в Москве в 1920-е годы и выявить зависимость изменений количества обновленческих приходов от особенностей формирования положения и статуса реформаторов в городе.

Ключевые слова: московские обновленческие приходы, церковный раскол XX в., религиозное реформаторское движение, топография развития обновленчества, Московское епархиальное управление.

В 1920–1940-е годы в Русской православной Церкви (далее – РПЦ) развивался раскол, направленность которого его современники отчасти отразили в самом названии «обновленчество».

В историографии, касающейся проблематики обновленческого раскола, достаточно полно изучены вопросы каноничности принятия обновленцами церковной власти, проводимых ими реформ¹. Авторы исследований, посвященных обновленческому движению, затрагивают и вопросы политики духовенства по отношению к приходам². Однако масштабы обновленческого движения, его роль в истории РПЦ в основном оцениваются через рассмотрение обновленчества как спланированной государственной властью интриги. Такой подход в большей мере раскрывает пути развития диалога обновленцев с советской властью, нежели способы установления и удержания реформаторами статуса представителей Русской православной Церкви в среде прихожан. Претензии на официальность

статуса обуславливали попытки подчинения всех действующих православных приходов в Москве. Но удачность таких попыток во многом зависела от восприятия обновленцев верующими. Поэтому статистика захвата и утери приходов является и индикатором настоящего положения реформаторов в городе.

Задачи настоящей статьи – проследить динамику топографического распространения обновленчества в Москве в 1920-е годы и выявить зависимость изменений количества обновленческих приходов от особенностей формирования положения реформаторов в городе.

Основной рассуждениям служат дела, сформированные из документов, которые были созданы в процессе деятельности обновленческого Московского Епархиального Управления (далее – МЕУ): сведения о регистрации православных обществ в МЕУ, указы Синода МЕУ, циркуляры Синода МЕУ, протоколы заседаний МЕУ. Эти дела (1914–1937 гг.) сохранились в составе фонда МЕУ Центрального исторического архива Москвы (далее – ЦИАМ). Рассматриваемые документы образованы после перехода МЕУ под начало обновленческого Высшего церковного управления (далее – ВЦУ). После переименования ВЦУ в Священный Синод в 1923 г. МЕУ находилось в подчинении Синода.

Упоминания различных событий из приходской жизни храмов в официальных периодических изданиях обновленцев также помогают восстановить картину развития московского обновленчества (до 1923 г. – это журнал «Живая Церковь», после переименования ВЦУ в 1923 г. – «Вестник Священного Синода»).

Отметим, что обновленческое движение никогда не было единым, внутри оно являлось расколотым. В процессе разногласий весной 1922 г. епископ Антонин образовал группу «Церковное возрождение», к которой примкнули протоиереи А.И. Введенский, А.И. Боярский и Е. Белков. Вскоре первый редактор газеты «Живая церковь», московский священник С.В. Калиновский, объявил о выходе из ВЦУ и стал заниматься атеистической пропагандой. Из «Церковного возрождения» выделился «Союз общин Древлеапостольской Церкви» во главе с А.И. Введенским и А.И. Боярским, а протоиерей Е. Белков основал «Союз религиозных трудовых коммун».

Однако ВЦУ являлось организацией, включающей в свой состав представителей различных обновленческих групп. Так, состав ВЦУ изменялся в конце 1922 г. В него вошли епископ Антонин, протоиереи В.Д. Красницкий и А.И. Введенский как главы отдельных фракций.

Поскольку МЕУ находилось в управлении ВЦУ, вместившем в себе различные направления обновленчества, то изучались при-

ходы, упоминаемые в документации МЕУ. Выбор такого подхода основан на том, что приходы формально подчинялись ВЦУ в лице МЕУ, а не какому-либо конкретному направлению в обновленчестве. Соответственно, приходы, которые возглавлялись церковными реформаторами, не признающими ВЦУ, в настоящей статье не рассмотрены³.

Число обнаруженных в документах МЕУ за 1923 г. названий храмов приближается к 100. Но стоит ли принимать полученную при подсчете названий храмов цифру как достоверную? Видится, что ответ на этот вопрос возможен после прояснения контекста употребления каждого конкретного названия. Поскольку документация МЕУ возникла в процессе управления, то степень достоверности того, действительно ли обновленцам подчинялись все упоминаемые в документах МЕУ приходы, определяется особенностями управленческой политики реформаторов.

С одной стороны, оправданно полагать, что в архиве МЕУ должны храниться только документы, несущие в себе информацию об управлении приходами, уже находившимися в подчинении обновленцев. Но, с другой стороны, содержание некоторых документов заставляет задуматься над тем, все ли приходы, в отношении которых зафиксированы управленческие решения, находились в их власти.

В частности, покорность МЕУ приходов, из которых увольнялись причты, сомнительна. Ни в печати, ни в текущем делопроизводстве МЕУ не называются способы захвата храмов обновленцами, в том числе в силу демонстративности предполагаемой законности и каноничности их власти. Но можно заключить, что до созыва Поместного Собора 1923 г. посредством обмана обновленцам удавалось внедрять «прогрессивно настроенных» священнослужителей в управление приходами, члены которых не могли сразу понять, что из себя представляют церковные реформаторы. Только таким путем они могли достичь быстрого успеха.

Логика организации захватов приходов обновленцами через обман и демонстрацию своей законности исключает возможность уверенно сказать, все ли упоминаемые в документах МЕУ до 1924 г. храмы находились под властью МЕУ, соответствовали ли обновленческой идеологии приходы при них.

Говорить о том, что приходы, которые упоминаются в документах МЕУ, признавали власть этой организации, можно только с 1924 г., потому как к этому времени большинство православных уже осознавало, что обновленцы являются раскольниками, а следовательно, им было известно, кем они руководимы. Несмотря на это существует необходимость изучать топографию всех обновленче-

ских приходов и до 1924 г. Объясняется это тем, что факт фиксации в ходе текущего делопроизводства каждого названия храма, отсутствие знаний о позиции членов приходских общин при обновленческих храмах в 1923 г. есть следствие идентификации этих приходоов самими обновленцами как подчинившихся их власти.

Стратегия распространения обновленчества в пределах города четко выявляется через анализ топографического расположения приходоов. Проанализируем топографию московских обновленческих приходоов по карте хронологически в 1922–1926 гг.⁴

Из называемых в документах МЕУ⁵ и обновленческой печати в 1922–1923 гг.⁶ приходоов в пределах Китай-города, Белого, Земляного городоов находилось больше половины храмоов. Среди них известные храмы: собор Василия Блаженного, храмы Христа Спасителя, Богоявления в Елохове⁷, монастырские храмы (бывшего Донского монастыря, Новодевичьего монастыря, Зачатьевского монастыря). Реформаторам подчинялись приходоы в Измайлове, Преображенском, Лефортове. Многие церкви, бывшие во власти обновленцев, находились в пределах Китай-города и Белого городоа: Георгиевская на Всполье, близ Кудрина, Троицкая в Листах и другие. Кладбищенские храмы были не в центре Москвы, но занимали особое место среди прочих обновленческих приходоов, потому что приносили сравнительно высокий доход. Этот факт влиял на формирование мотивоов к подчинению в первую очередь именно кладбищенских приходоов.

В 1923 г. обновленцы стремились к полному захвату церковной власти, а не только власти над определенными приходоами в какой-либо определенной части городоа. Это был стихийный процесс. Поэтому территориально их приходоы разбросаны по всему городу. Однако только некоторые из храмоов находятся на окраинах: иконы Нечаянной Радости в Марьиной роще, Введенский и Ильинский храмы в Черкизове.

Подчиненность процесса завоевания приходоов задачам формирования системы управления в столице обусловила такую их территориальную разбросанность. Невозможно проследить их сосредоточенность в какой-либо определенной городской черте: реформаторы, по всей очевидности, стремились организовать «точки опоры» в каждой части городоа, предпринималась попытка организации традиционного управления Москвой по сорокам.

По всей видимости, территориальная «рассеянность» обновленческих храмоов в 1923 г. обусловлена и тем, что не все приходоы участвовали в выборах членоов Поместного Собора 1923 г.⁸ и подчинились власти МЕУ и ВЦУ. В «списке депутатов Съезда духовенства и мирян Московской епархии, избранных на Благодичных

собраниях для выборов членов на Поместный Собор 1923 г.», в частности, отсутствовали представители нескольких отделений московских сороков. Были представители Китайского сорока, третьего и четвертого отделений Сретенского сорока, трех отделений Замоскворецкого сорока, первого и третьего отделений Никитского сорока, Пречистенского сорока, второго и четвертого отделений Ивановского сорока, отдельно – храма Христа Спасителя⁹.

Самим обновленцам, очевидно, их деятельность виделась успешной. Представитель обновленческого движения С.В. Троицкий, например, утверждает, что «Даже из московских “сорока сороков” Патриарху остались верны всего 4–5 церквей»¹⁰. Конкретные цифры, приведенные С.В. Троицким, конечно, не вызывают доверия и могут служить лишь как общая характеристика развития движения в 1923 г. Количество названий, которые сохранили документы МЕУ до созыва Поместного собора, не является исчерпывающим числом всех действующих православных московских приходов в 1923 г., что опровергает утверждения самих обновленцев о грандиозном успехе их деятельности ко времени созыва Поместного Собора.

После освобождения Патриарха из-под ареста, состоявшегося через несколько дней после Поместного собора 1923 г., обновленцы теряют большую часть своих приходов. Однако неравномерная, нелогичная картина расположения в Москве обновленческих церквей сохраняется. В документах МЕУ в 1924 г. зафиксированы следующие названия храмов, расположенных в самых различных сороках Москвы¹¹: Петропавловский на Новой Басманной, Христа Спасителя, иконы Нечаянной Радости в Марьиной Роще, Трех святителей у Красных ворот, Трех Радостей на Покровке, Преображенская в Преображенском, Св. Николая в Дербентском, Скорбященская на Серпуховской, Троицкая в Кожевниках, Николаевская в Столпах, церкви Калитниковского, Даниловского, Ваганьковского, Семеновского и Миусского кладбищ. В общей сложности обновленцы управляют в 1924 г. лишь небольшим числом тех приходов, которые находились в их ведении с 1923 г.

Заметим, что картина рассеянности территориального распространения движения по Москве сохраняется с началом 1924 г.: реформаторам удалось сохранить в подчинении те храмы, где наиболее сильны были их позиции. Но наблюдается определенная закономерность в том, что с 1924 г. в числе обновленческих доминируют храмы кладбищенские, а также почитаемые прихожанами в силу пребывания в них чудотворных икон.

То, что многие храмы обновленцы быстро теряют, обусловлено материальной слабостью приходов. Это подтверждается тем, что из завоеванных ими еще в 1923 г. храмов к 1925 г. в подчинении остались

только кладбищенские и наиболее почитаемые москвичами. Таким образом, уже к 1925 г. устоялась тенденция сохранения под властью реформаторов прежде всего доходных приходов вне зависимости от их локального положения¹². Но нужно отметить, что самые отдаленные от центра обновленческие приходы находятся при кладбищах. Причиной этому служит то, что кладбища, в силу их специфики, всегда стремились создавать если не за пределами жилых частей городов, то, по крайней мере, в обособленности от них.

Трудность материального выживания приходов с малочисленными общинами верующих подтверждается переменной топографической картины развития обновленчества в Москве. Со второй половины 1920-х годов в документах нет названий храмов, не упоминаемых с 1923 г. Но устойчивы упоминания тех немногих приходов, которые продолжали подчиняться обновленцам в 1924 г. Причиной такой стабилизации положения обновленцев в Москве является то, что уже в 1924 г. они руководили только приходами, приносящими относительную материальную выгоду. Материальное благополучие священнослужителей зависело от отношения к движению прихожан, отсутствие поддержки которых вело к сокращению числа обновленческих приходов, потому как помимо церковных доходов обновленческие организации (в Москве – Священный Синод, МЕУ, в которых состояли члены разных обновленческих групп) других постоянных источников прибыли не имели¹³.

Как видно из доклада «Обзор церквей г. Москвы синодальной ориентации, за первое полугодие 1926 г.»: «в г. Москве за означенное время в Синодальной ориентации имеется 12 церквей: собор – храм Христа Спасителя, Трех Святителей у Красных ворот, Троицкая на Троицком подворье, Гребневская на Мясницкой ул., Воскресенская на Ваганьковском кладбище, Воскресенская на Семеновском кладбище, Николаевская в Дербентском, у Сухаревской площади¹⁴, Николаевская в Кобыльском церковь у Курского вокзала, Петра и Павла на Новой Басманной, Софийская на Миусском кладбище, Успенская на Малой Дмитровке»¹⁵.

Все приходы, указанные в документе, были «отвоеваны» обновленцами в 1923–1924 гг. После 1926 г. в документации МЕУ не встречается новых названий храмов. Можно сказать, что обновленцы к середине 1920-х годов достигли наибольшей устойчивости среди кладбищенских приходов, действительно завоевав здесь прочные позиции. Принадлежность обновленцам храмов при московских кладбищах не только стабилизирует топографию развития московского обновленчества, но и придает ей определенные черты: наиболее четко и логично территориально прослеживаются во все годы существования обновленчества именно их позиции при

кладбищах. Если принять во внимание только приходы при кладбищах, то местоположение обновленческих приходов по Москве не будет выглядеть рассеянным и беспорядочным, потому как именно здесь они добились надолго того успеха, о каком мечтали в 1923 и в 1924 гг. в отношении всех приходов Москвы.

Однако в целом такой характер топографии сохраняется до конца существования обновленчества. К 1940 г. обновленцы сохраняли за собой лишь 6 приходов, основную часть которых составляли кладбищенские храмы. Только последний обновленческий приход храма св. Пимена Великого в Москве находился не на кладбище и был руководим одним из лидеров обновленчества митрополитом и благовестником А.И. Введенским до его смерти в 1946 г.

Таким образом, можно считать, что топография обновленческого движения в устойчивом ее виде выстроилась к 1926 г. и к этому же моменту, потеряв черты постоянного хаотичного изменения, приобрела свою логику развития.

Внутренние особенности развития московского обновленчества также определяются с формированием постоянной топографической дислокации: в зависимости от топографических изменений менялось и положение московского обновленчества.

Если в 1923 г. обновленцы претендовали на полную власть в православной Церкви, то уже в середине 1920-х годов они могут говорить разве только о полной власти на кладбищах Москвы. Но об этом умалчивается, потому как обновленцы продолжают отстаивать свои права на полноту канонического признания.

Характерно, что если в 1923 г. благодаря широте своего развития, большому количеству храмов в Москве движение выглядит перспективным, то уже к 1926 г. очевиден будущий крах этого движения, так как управление лишь 12 приходами говорит как об упадке самого движения, так и о постепенной утрате поддержки советской власти.

Естественно, что в 1923 г. инициаторам преобразований и тем, кто строил свои карьерные планы в рамках этого движения, требовалось привлекать на свою сторону всех московских священнослужителей, если они собирались подчинить себе все московские приходы. Поэтому в 1923 г. было неясно, при каких храмах как поведут себя разные священники. Необходимо понять, кто из священников стремится к карьерному росту в рамках данного движения. Однако понятно, что на наиболее «прибыльные места» должны были назначаться те, кто придерживался обновленческих идей «не за страх, а за совесть» и свойство это проявил раньше и искреннее, чем другие.

Очевидно, что размер материального дохода определял иерархию приходов с момента возникновения московского обновлен-

чества. Поэтому во всех приходах Москвы первоочередной была проблема управления ими, а в тех, которые постоянно находились в ведении обновленцев, решались иные проблемы, связанные с личным благосостоянием лидеров движения. Поскольку самые именитые, лучшие обновленческие пастыри служили в наиболее прибыльных храмах, то соответственно топографическому развитию московского обновленчества постепенно выстроилась и его иерархия, согласно которой наивысшим «статусом» обладали кладбищенские храмы, потому как именно в церквях при кладбищах служил к середине 1920-х годов «цвет» обновленчества.

Выстроить «иерархию» священнослужителей по местам их служб еще более сложно, чем понять в целом топографию обновленческих храмов в Москве, потому как неточность сведений о количестве и названиях храмов дополняется неполнотой информации о системе занимаемых должностей. В частности, известны имена только нескольких благочинных Москвы, не до конца понятны механизмы карьерного роста в рамках этого движения. Однако можно с уверенностью сказать, что места настоятелей храмов с чудотворными иконами и храмов при кладбищах к середине 1920-х годов занимали священнослужители, оставшиеся верными обновленчеству с 1923 г., среди них зачастую – имена лидеров движения.

Таким образом, уже к середине 1920-х годов с сокращением возможностей движения и его территориальным «сужением» поднимается статус остающихся малочисленных обновленческих приходов. Доступ к власти получает только узкая группа духовенства, заявившая верность принципам обновленчества еще в 1922 г.

Члены Московского комитета группы «Живая церковь» (С.Н. Орлов, Г.И. Добронравов, Н.Г. Попов, Н.К. Виноградов, В.И. Кедров, Г.И. Колоколов, В.О. Воздвиженский, П.В. Богословский, В.В. Доронкин, А.М. Орлов, К.Н. Левкчевский, Н.Н. Сияковский)¹⁶ занимали в 1920-е годы места настоятелей храмов, заведующих часовнями и благочинных московских сороков.

Очевидно, что одновременно с процессом деградации движения меняются и взаимоотношения с мирянами, посещающими обновленческие приходы.

Прихожане, средства которых были источником материального благополучия обновленческих причтов, отказывались посещать храмы, в которых служили реформаторы. Таким образом, обновленческие приходы не выдержали отсутствия источников материального существования. Уже в середине 1920-х годов стала видимой бесперспективность этого движения, которое так и не сумело добиться признания среди верующих и к 1940-м годам, с прекращением поддержки государственной власти, потерпело окончательный крах.

Динамика изменения топографии движения, таким образом, определялась восприятием обновленцев в среде верующих. Уменьшение числа обновленческих храмов можно понимать не только в ракурсе сужения топографических границ движения, но одновременно следует видеть в уменьшении численности таких приходов и окончательное становление понимания в среде верующих, в среде горожан раскольнического статуса реформаторов, который являлся и своеобразной чертой облика обновленческих священнослужителей. 1920-е годы как определенный период развития обновленчества в Москве характеризуются становлением и стабилизацией как отрицательного отношения верующих к движению, так и завершенным оформлением положения обновленцев в городе как раскольников.

Примечания

- ¹ См. например: *Стратонов И.А.* Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 31–172; *Цыпин В., протоиерей.* История Русской православной церкви: Синодальный и новейший периоды. М., 2006; *Троицкий С.В.* Что такое «Живая Церковь»? // Обновленческий раскол. М., 2002. С. 66–129; *Кузнецов А.И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // Там же. С. 130–605.
- ² В частности, этой проблематики касаются в своих работах И.А. Стратонов, В. Цыпин, С.В. Троицкий, А.И. Кузнецов и другие.
- ³ Осенью 1923 г. Антонин Грановский стал противником группы «Живая церковь», отказавшись от титула митрополита, данного ему по инициативе лидеров обновленческой группы «Живая церковь», и возглавил отныне самостоятельный союз «Церковное возрождение», располагавшийся в Заиконоспасском монастыре. Поскольку членами ВЦУ с 1923 г. епископ Антонин обновленцем не признается, то и МЕУ не рассматривало Заиконоспасский монастырь как обновленческий.
- ⁴ Карта Москвы «Сорок сороков» / Общество сохранения литературного наследия. М., 2003.
- ⁵ ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 3–9.
- ⁶ Живая церковь. 1922. № 2–9; Вестник Св. Синода. 1923. № 1.
- ⁷ Принадлежность некоторых приходов обновленчеству ранее была неизвестна и требует доказательства. В частности, с большой степенью уверенности можно утверждать, что храм Богоявления в Елохове находился в управлении МЕУ недолгое время. Летом 1923 г. МЕУ постановило оставить Н.Г. Попова в причте данного храма, несмотря на самовольное «увольнение» этого священника прихожанами (ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 100). В соборе Василия Блаженного в 1923 г. служил Н.П. Сахаров, один из верных обновленчеству священнослужителей в Москве, что делает весьма вероятным то, что этот храм также некоторое время находился в обновленчестве.

- ⁸ Реформаторы пытались сделать все для того, чтобы Поместный собор 1923 г. считался не первым, а вторым после Поместного Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. для того, чтобы вписать себя в летопись событий в жизни православной Церкви. Но в истории Церкви Собор 1923 г. в силу нарушения канонов православия считается первым обновленческим.
- ⁹ ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 7.
- ¹⁰ *Троицкий С.В.* Указ. соч. С. 78.
- ¹¹ Некоторые названия храмов звучат не совсем грамотно. Автор настоящей статьи предпочел оставить названия такими, как они фиксировались в документации МЕУ.
- ¹² В историографии доказано, что в захвате приходов обновленцы пользовались поддержкой советской власти. См. например: *Стратонов И.А.* Указ. соч.; *Цытин В., протоиерей.* Указ. соч.
- ¹³ Бедность организаций не распространялась на материальное положение некоторых обновленческих лидеров. Например, известно, что митрополит А.И. Введенский в 1943 г. слал Красной армии щедрые дары от своего имени, пытаясь как проявить свой патриотический настрой, так и вызвать благосклонность И.В. Сталина.
- ¹⁴ Можно лишь предположить, что имеется в виду церковь Троицы в Листах.
- ¹⁵ Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 113.
- ¹⁶ Там же. Ед. хр. 6. Л. 3.

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.И. Баранова

О ЗАКАЗЧИКАХ ИЗРАЗЦОВОГО ДЕКОРА ЦЕРКВЕЙ В ЗАЯУЗЬЕ XVII в.

Автор исследует изразцовый декор церквей в Заяузье, в том числе и утраченных, впервые представляя уникальный декор приходских церквей в районе московской Гончарной слободы. Его особенности позволяют выявить роль прихожан, для которых особый вид ктиторства – пожертвование изразцов на церковь – был формой обозначения своего статуса и проявления «цехового патриотизма».

Ключевые слова: изразцовый декор, мастер, Гончарная слобода, гончарный горн, изразцовый фриз, стенные изразцы, майоликовое панно, керамическая икона, румпа, ктиторы.

Известно, что изразцовый декор придавал чрезвычайное своеобразие зодчеству середины – второй половины XVII столетия, значительно изменившему облик древнерусского города. Изразцам было отведено первостепенное место в наружном убранстве церковных и гражданских зданий, и именно в нем, как в активнейшем элементе композиции, наиболее ярко проявлялась присущая декору способность быстро реагировать на происходящие изменения в культуре позднесредневековой Руси. По словам Н.В. Султанова «царство изразцов наступает у нас лишь в XVII в. и в особенности в его второй половине»¹. Особенно ярко это проявилось в Москве.

Изразцовым декором были украшены сооружения, имевшие важное общественное и градостроительное значение в жизни столицы: церкви, колокольни, наиболее значимые гражданские постройки. Применение керамики в декоративном убранстве зданий во многом определялось ролью и статусом заказчика (царь, церковь, приближенные) и его финансовыми возможностями, что ставило Москву в преимущественное положение. Масштабы производства

изразцов в Москве были определены крупными царскими, церковными и придворными заказами не только для московских, но и провинциальных сооружений.

Именно «московская стадия» во многом определила становление изразцового производства и в общероссийском масштабе. Московские мастера и заказчики имели прямое отношение к созданию, переработке и копированию изразцового декора на местах, где в силу этого возникали и устойчиво развивались локальные варианты «общемосковского» направления. В результате география распространения московского изразца в сущности совпала с географией Русского государства XVII в. Причина этого – в организационных и финансовых возможностях столицы, в более открытом доступе к европейским технологиям и вкусам, в ее воздействии на формирование «моды» через хорошо известный механизм подражания придворным (и вообще престижным) элементам в оформлении государственного и церковного быта. С полным основанием можно утверждать, что, хотя художественные и технологические приемы были широко востребованы провинцией, изразцы продолжали оставаться явлением московской культуры.

В настоящее время намечен в общих чертах круг памятников Москвы с изразцовым декором, как сохранившихся, так и утраченных, уточнен и обоснован их состав². Памятники рассматриваются как группа, обладающая стилевым единством, представляющая особый этап развития московского зодчества. Но эта работа далека от завершения. Не вызывает сомнений, что в дальнейшем свод этих памятников будет расширен, но, скорее всего, соотношение типов построек (церковные, дворцовые, гражданские) будет отличаться незначительно.

Среди памятников Москвы с изразцовым убранством преобладают церковные здания. И, хотя их количество, конечно, не равно полному корпусу каменных церквей второй половины XVII в., однако по объему значительно. Недаром, по словам И.Е. Забелина, «цветные изразцы, зеленые и ценинные, можно встретить почти на каждой церкви, особенно, которая строена в конце XVII столетия, когда вкус на подобные украшения был распространен более, нежели в какое другое время»³. В полной мере это относится к Москве.

Количественный состав памятников отражает реальную картину развития изразцового декора и его динамику – от единичных объектов в первой половине столетия к резкому количественному росту во второй его половине. Можно говорить о пробуждении интереса к изразцу как элементу декора в 1630–1650-х годах, об активном введении изразца в систему декора в 1670-х годах, о значительном увеличении количества памятников с изразцовым

декором в 1680–1690-е годы и о завершении этого процесса к началу XVIII столетия.

Особая роль, в том числе и изразцового декора, в убранстве памятников архитектуры этого времени обусловила небывалый всплеск производства и использования нового вида изразцов – рельефных полихромных, по определению того времени ценинных⁴, которые с середины столетия утвердились в фасадной облицовке Москвы. Изразцовый декор в том или ином виде нашел применение во всех типах храмов Москвы XVII столетия, как в сооружениях, продолжавших традиции XVI в., так и в храмах новой типологии. Можно считать, что внесение нового керамического строительного материала в архитектурный декор церковных зданий Москвы носило повсеместный характер. Это было вызвано самим ходом развития московской архитектуры, выразившимся в создании декораций, получивших в наиболее ярком выражении название «узорочье». Впервые производство ценинных изразцов было налажено в Иверском Святозерском монастыре по приказу патриарха Никона в 1654–1655 гг. белорусскими мастерами⁵. В монастыре изготовляли изразцы не только для собственных нужд, но и для продажи в другие города, в том числе и в Москву. В дальнейшем, с 1658 г. центр производства перемещается в Новоиерусалимский монастырь – «разсадник изразцового дела», по меткому выражению Н.В. Султанова⁶.

В 1666 г., после многолетнего противостояния патриарха Никона царю Алексею Михайловичу, закончившегося лишением сана и ссылкой патриарха, «были взяты из Воскресенского монастыря в Оружейную палату разных дел мастеровые люди, русские и иноземцы, всего 31 человек мастеровых людей...»⁷, в том числе и мастера-изразечники. Это нужно расценивать не только как последний аккорд ссоры царя и патриарха: видимо, при дворе оценили возможности новоиерусалимской мастерской и решили развернуть в столице новые архитектурные проекты. Такая «мобилизация» мастеров обеспечила среди прочего и строительство грандиозного деревянного дворца в царской резиденции в Коломенском.

Прибывшие мастера-изразечники поступали в распоряжение Приказа Большого Дворца, попадая, таким образом, в привилегированный круг столичных ремесленников, обеспеченных царскими заказами. Дворцовые – «государевы» – мастера были на особом положении: они получали денежное и хлебное жалованье, которое зависело от квалификации, а за некоторые работы и поденный корм. Хорошая работа или выполнение отдельных царских поручений поощрялись «премиями» – например, отрезом сукна на кафтан или жалованьем «в приказе», то есть сверх платы. В одном из до-

кументов (сметная книга) говорится о выдаче жалованья за 1681 г. семи ценных дел «дворцовым мастерам» без упоминания имен⁸. Можно предположить, что это трое бывших мастеров новоиерусалимской мастерской – Самошка Григорьев, Игнат Максимов и Степан Иванов Полубес и четыре «государева мастера», известных по другим документам, – Павел Буткеев, Иван Семенов Денежка, Христофор Иванов и Василий Дорофеев Лучка. Кроме «дворцовых», были и казенные ремесленники, которые также получали денежное и хлебное жалованье и поденный корм. Оплата тех и других была значительно выше заработков простых ремесленников.

Видимо, мастерские государевых мастеров находились на дворах в Гончарной слободе, которая к этому времени была главным центром производства изразцов. Об этом же свидетельствует, например, упоминание в дальнейшем о заказе мастеру Степану Иванову: «в Гончарной слободе только у одного человека дворцовых ценных дел, у мастера у Степана Иванова сына Полубеса»⁹.

Первое летописное сообщение о Гончарной слободе относится к 1547 г. и связано с большим пожаром, когда «...загорелася за Яузой на Болвановие и погореша Гончары и Кожевники...»¹⁰. Однако, по мнению московских археологов, уже во второй половине XV столетия в Заяузье сложилось постоянно развивавшееся керамическое производство¹¹.

Выбранное для гончарного промысла место отвечало всем требованиям: рядом были месторождения глины, а река Яуза была естественной преградой, отделявшей опасное, связанное с огнем производство, от центра города. Не случайно здесь же, на окраине, размещались другие слободы, население которых занималось «огненным» ремеслом: Котельническая, Таганная.

Неоднократные находки гончарных горнов в ходе археологических и строительных работ на территории Яузского холма (с 1946 г. – более трех десятков) служат главным доказательством процветания слободы. В ямах рядом с ними обнаружено большое количество испорченных при обжиге сосудов, изразцов, игрушек и других изделий. Мастер во всех случаях следовал сходному технологическому процессу, пользовался тем же материалом – глиной и одним и тем же керамическим горном. Два горна (из тринадцати, открытых в 1996–1997 гг. при строительстве дома на Гончарной улице) сохранились практически полностью¹².

В слободе изготовляли и первые печные московские изразцы – терракотовые (неполивные), затем муравленные (зеленые, желтые, коричневые, с преобладанием первых), а после перевода в Москву новоиерусалимских мастеров здесь было налажено массовое производство ценных изразцов. Палитра изразцов создавалась с по-

мощью глухих оловянных эмалей четырех цветов: белого, желтого, бирюзово-зеленого и синего, а также прозрачной глазури коричневого цвета, которая на красном черепке изразца давала коричневые оттенки. Обычно для фона употреблялся зеленый, реже белый, еще реже синий цвет, что объяснялось дороговизной соответствующей эмали. Вкрапления синего цвета в московских изделиях, как правило, незначительны, а иногда и отсутствовали вовсе¹³.

Заметим, что и до перевода новоиерусалимских мастеров в Москву знали полихромные изразцы. О бытовании в Москве к середине XVII в. нового вида изразцов, хотя и в крайне ограниченных размерах и, возможно, привозных, свидетельствуют многоцветные изразцы, украшающие церковь Живоначальной Троицы в Никитниках¹⁴. Еще одно подтверждение – находка в 1915 г. в Московском Кремле у собора Двенадцати Апостолов фрагмента ценинного изразца с рельефным изображением даты в буквенном написании¹⁵. Последняя буква-число не сохранилась, но это не мешает установить время изготовления изразца – между 1652 и 1661 гг., то есть за несколько лет до перевода новоиерусалимских мастеров. Известно также, что часть переселившихся «из-за польско-литовского рубежа» мастеров осела в Москве несколько раньше, и привнесенные истринскими мастерами технологические приемы могли быть уже знакомы московским ценинникам.

Производство нового вида изразцов для фасадного убранства зданий бурно строящейся в это время Москвы было сосредоточено в XVII в. главным образом в Гончарной слободе. Во второй половине столетия производство, которое являлось специализированным видом ремесла: с разделением труда, традицией ученичества и передачей «дела» по наследству, достигает максимального уровня. Здесь работают лучшие московские мастера: Степан Иванов Полубес¹⁶, Игнашко Максимов¹⁷, Сенька Буткеев¹⁸.

Между 1670 и 1671 гг. в Москве возникает Мещанская слобода, вскоре также ставшая одним из центров производства изразцов. Изданный в 1671 г. царский указ о переселении мещан из московских слобод в новую слободу способствовал быстрому росту числа переселенцев, значительная часть которых была иностранцами. Населенная иностранцами, переведенными главным образом из-за польско-литовского рубежа, Мещанская слобода находилась в ведении Посольского приказа, который контролировал не только закрепление мещан за слободой, но и дальнейшее их проживание¹⁹. Среди переселенцев были гончары, мастера ценинного дела, проживавшие в большинстве своем ранее в московской Гончарной слободе. Сохранились данные, свидетельствующие о массовом переводе (переходе) из других (в большинстве случаев из Гончарной) слобод

гончаров. Например: «Васильев Филька – гончар Мещанской слободы, уроженец Копыси. Выехал к Москве в 1659–1660 гг., жил в Гончарной слободе. С 1671 г. – в Мещанской слободе»²⁰.

Печники и гончары проживали и в других московских слободах и монастырях: в Семеновской, Кадашевской, Алексеевской, Новоникитской, Хамовничьей слободах; в Новинском, Донском, Чудовом монастырях²¹.

Строительство и перестройки XVII в. не миновали Заяузья. В ее слободах, как и повсюду, возводились и перестраивались приходские церкви. В 1649 г. у начала нынешнего Краснохолмского моста была построена церковь Воскресения Христова в Гончарах (разобрана в 1935 г.), которая стала одной из первых в этом столетии церквей, украшенных изразцами. Зеленые квадратные и круглые изразцы располагались вдоль фриза, в тимпанах кокошников и на шатрах. Квадратные изразцы содержали изображение батальных сцен, круглые – двуглавых орлов²².

Декор соответствовал складывающейся традиции украшения церквей муравлеными изразцами. На шатровых завершениях церкви в Гончарах, церковью Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове (1634–1635), Зосимы и Савватия Соловецких в Троице-Сергиевой Лавре (1635–1637) и других был использован тот же прием, что и в соборе Покрова на Рву (1555–1561) и церкви Сергия на подворье Богоявленского монастыря (1557; разобрана в 1807–1808 гг.). Такая архитектурная реплика XVI в. была характерна для периода возрождения государства после долгих лет строительного затишья. Известно, что одной из основных черт архитектуры после Смутного времени было сходство с памятниками конца XVI в., что отразилось не только в повторении типологии храмов, но и в приемах декорирования, в том числе и поливной керамикой.

Можно было предположить, что с началом широкого производства многоцветных изразцов в Гончарной слободе будут продолжать строить храмы с изразцовым убранством. Однако последовал длительный перерыв, связанный, видимо, в том числе и с громадным количеством заказов, с которыми едва успевали справляться местные мастера. И только на излете «золотого» века московского изразца, к началу XVIII столетия, в слободе вновь возводят храмы с керамическим декором – на этот раз многоцветным. Из них до наших дней уцелели церкви Успения в Гончарах и Николы на Болвановке, стоящие неподалеку друг от друга.

Одним из самых нарядных храмов Заяузья с богатым керамическим убранством была церковь Архидиакона Стефана, снесенная в 1932 г. Во время сноса архитектору-реставратору П.Д. Барановскому удалось перевезти часть изразцов в музей «Коломен-

ское», директором которого он в то время являлся. Темпы сноса и условия передачи были таковы, что изразцы поступили в музей с единственной записью о передаче: «...предметов, полученных от разборки церкви Стефана за Язую. Среди них: Изразцы от фриза поливные рельефные с орнаментом в виде а. цветка, б. вазы и изразцы карнизные профилированные»²³. В дальнейшем это значительно усложнило атрибуцию изразцов.

К настоящему времени в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника (далее – МГОМЗ, в прошлом музей-заповедник «Коломенское») хранится около 300 изразцов из церкви²⁴, которые, наряду с сохранившимися архивными материалами, в первую очередь фотографиями и обмерами, выполненными в ходе разборки памятника, дают возможность составить представление об изразцовом декоре церкви, ранее детально не исследованном²⁵.

В сущности, малоизученным и скупо описанным оказался и сам памятник, который никогда специальному архитектурному изучению не подвергался. В этом смысле церковь Архидиакона Стефана не исключение. Адресованное к более ранним московским памятникам замечание Л.А. Беляева вполне применимо и к XVII в.: «Активность сноса памятников церковной старины в Москве также превосходила “средний уровень”. Особенно по сравнению с малыми древними городами. Поскольку достаточно часто (хотя и не всегда) на месте храма возникало новое здание или узел подземных коммуникаций, памятник погибал целиком, вместе с фундаментом и окружающим слоем. Фиксация и научное наблюдение, хотя и допускались в ряде случаев (также не всегда), не могли охватить весь комплекс, и поневоле ограничивались тем, что было доступнее, – обмером, фотофиксацией, выборкой деталей и находок, ведением дневника и т. д.»²⁶.

Первое сведение о церкви Архидиакона Стефана относится к 1618 г. и связано с упоминанием в Книге расходной ладану о том, что: «7126 г. к церкви к Первомученику Христову Стефану да к Мине Христову мученику что за Язуюю. Взял поп Богдан»²⁷. В 1657 г. церковь значилась деревянной, что подтверждает запись в Строельной книге, где церковь упоминается как «деревянная Архидиакона Стефана»²⁸. Дальнейшие упоминания связаны с этим зданием²⁹.

Про каменное здание известно, что оно было построено в 1701–1713 гг. (антиминс для церкви Стефана был дан 25 июня 1701 г.)³⁰. Колокольня была возведена по некоторым данным в 1713 г. В том же году был выдан антиминс на построенный придел св. Мины.

Здание церкви представляло собой одноглавый храм типа восьмерика на четверике с трапезной, приделом и небольшой двухъ-

ярусной шатровой колокольной³¹. Многоцветными изразцами были украшены все объемы храма, кроме придела св. Мины. Это убранство сохранялось во время ремонтов храма, о чем сообщали в 1897 г. «Московские ведомости»: «Снаружи храм также возобновлен: главы вновь вызолочены, стены оштукатурены, но при этом сохранены древние изразцы, украшавшие этот старинный храм»³².

Четверик храма декорировал узкий изразцовый фриз, шедший по карнизу с раскреповкой по лопаткам. Он состоял из изразцов (26,6×22,7 см) с изображением небольшой вазы с букетом на зеленом фоне. Фриз из аналогичных изразцов шел по карнизу апсиды с раскреповкой над угловыми колонками. В состав фриза на четверике также входило несколько изразцов в фигурной рамке с вазочкой и цветами в ней, очевидно доложенные за нехваткой основной партии.

Под карнизом восьмерика был расположен фриз, раскрепованный по угловым пилястрам, с изразцами (27×25,5 см) с волютообразным, то есть с завивающимся в круг стеблем с листьями, рисунком. Сверху он был обрамлен профильными, составлявшими карнизный пояс, изразцами (10×18 см) с вьющимися симметричными стеблями с цветками. Барабан также завершался фризом из «волютообразных» изразцов, обрамленный сверху карнизным поясом.

Стену трапезной украшал опоясывающий фриз из изразцов с вазой, аналогичных изразцам с четверика церкви, что свидетельствует об одновременном строительстве трапезной и храма.

На колокольне находились довольно крупные прямоугольные (около 35 см высотой) изразцы с каноническим трехступенным изображением Голгофы, включающим в себя восьмиконечный крест – главный элемент композиции, холм – округлая форма у подножия креста, и череп Адама. Они размещались в ширинках яруса звона и столбов первого яруса. Такие изразцы встречаются только на колокольне, что подтверждает ее более позднее строительство.

В нашу задачу не входит исследование архитектурных особенностей объемов церкви, но, судя по изразцовому убранству, первой была декорирована трапезная, затем теми же изразцами четверик церкви, с заменой нехватки другими изразцами и новыми восьмерик и барабан под главкой³³. Это отражает и последовательность строительства, которое требует отдельного изучения. О перестройке оставшегося без изразцов придела может свидетельствовать то, что «28 августа 1713 г. Васильев Иван подрядился разобрать по заказу священника Степана Иванова и причетников алтарь церкви Архидьякона Стефана за Яузой и построить на том же фундаменте новый, а также выбелить саму церковь и трапезную. Вероятнее всего, речь шла о приделе св. Мины мученика – именно в этом году,

21 июля, был запечатан указ о строительстве на старом месте, по сторону, нового придельного храма»³⁴.

В основном изразцовый декор составляли прямоугольные, так называемые «стенные» изразцы. Во всех горизонтальных композициях также использовались угловые изразцы, как стенные, так и профильные.

Все изразцы изготовлены из красной глины и отличаются великолепным качеством обжига, чистотой тонов полив, блеском глазури. Изразцы с вазочкой и с волютообразным стеблем имеют значительную толщину лицевой пластины (до 2,3 см), высокую (около 13 см) мощную румпу с широким (до 2 см) двойным валиком и крупными отверстиями (диаметром 2 см) для креплений. Такая характерная для московских изделий румпа встречается на изразцах многих памятников (колокольни церквей Троицы в Зубове на Пречистенке и Николы Явленного на Арbate, церкви Адриана и Наталии на Первой Мещанской улице и другие). Эти характеристики присущи и карнизным изразцам – высокая (до 16,5 см) румпа с широким венчиком и крупные отверстия в ней.

Как видно, изразцовый декор церкви Архидиакона Стефана создавался с помощью небольшого набора многоцветных изразцов, то есть путем многократного их использования. Такое очевидное стремление к уменьшению числа разновидностей было напрямую связано с уменьшением числа дорогостоящих форм.

Кроме изразца с изображением вазы с цветами, который был, очевидно, выполнен только для этой церкви, так как больше нигде не встречался, все другие имеют аналоги. Изразцы с волютообразным рисунком были широко распространены в Москве. Впервые они встречаются в начале 1680-х годов в составе фриза церквей Теремного дворца, затем в убранстве колокольни церкви Адриана и Наталии на Первой Мещанской улице, а позднее на многих церквях Ярославля. Реже такие изразцы использовались в облицовке печей, например, деревянного дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском. Профильные изразцы из церкви – один из самых распространенных вариантов карнизных поясов, которые применялись как в печах (Михайловская церковь Немецкой слободы, дворец в Коломенском) так и на фасадах зданий (церковь Адриана и Наталии на Первой Мещанской улице).

Изразцовый фриз занимал важную роль в создании линии горизонтального членения венчающей части московских зданий второй половины XVII в. Как отмечал крупнейший исследователь древнерусского изразца Н.В. Султанов: «В церковном зодчестве самым излюбленным местом для помещения изразцовых украшений был конечно фриз под главным карнизом, – причем расположение изразцов было весьма разнообразно»³⁵.

Предпочтение, отданное фризам, было вызвано и спецификой керамики, недостаточная прочность которой на изгибе не позволяет выполнять детали с большим выносом, то есть детали карнизов. Такие детали быстрее подвергались разрушению и требовали особо сложной формы крепления. Поэтому немногочисленные керамические карнизы, как правило, характеризуются незначительным выносом.

При создании фризов, создававшихся из плоских стальных изразцов, для обрамления использовались профильные детали, что придавало завершенность ленте фриза. Подобный прием оформления получил широкое распространение в московской архитектуре (например, Покровский собор в Измайлове, церковь Покрова в Братцеве, церковь Адриана и Наталии на Первой Мещанской улице).

Московские изразцовые фризы различались по компоновке примененных в них изразцов на фризы из отдельных изразцов (вставок) и на сплошные полосы однорядных и многорядных фризов. Наибольшее распространение получил второй – сплошной вид фриза, высота которого достигалась умножением рядов плоских изразцов. Наличие одного или нескольких рядов изразцов во фризе было обусловлено размерами здания. Сплошной однорядный изразцовый фриз был соразмерен небольшой церкви Архидиакона Стефана.

Простота и однообразие приемов введения изразцов в декор церкви была неожиданно скрашена композицией из четырех майоликовых панно с изображением Евангелистов, которая прозвучала в скромном приходском храме мощно и торжественно. На первый взгляд появление их было неожиданным. Как пишет автор специального исследования, посвященного рельефам, Г.М. Анциферова: «Нетрадиционно для монументального древнерусского искусства изображение Евангелистов в полный рост, необычайна попытка портретирования в технике майолики и местоположение Евангелистов не в интерьере храма, а на его стенах снаружи на гранях восьмерика»³⁶. Такому почти ренессансному эффекту способствовала и в полной мере достигнутая, столь необходимая для фасадной майолики крупномасштабность форм рельефов.

Панно находились на восьмигранном барабане храма Архидиакона Стефана: Иоанн на северо-востоке, Лука на северо-западе, Марк на юго-западе, Матфей на юго-востоке³⁷. Аналогичные панно, ныне утраченные, также украшали церкви Успения в Казачьей (1695)³⁸ и Святых Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре (1555, перестроена в 1729–1730)³⁹. В настоящее время рельефы сохранились на надвратной церкви Иоанна Предтечи в Солотчинском монастыре под Рязанью (1695–1698), на приделе Тихо-

на Амафунтского церкви Успения Пресвятой Богородицы (1702)⁴⁰ и фрагмент (верхняя часть) на колокольне церкви Иоанна Воина в Москве (1712). Сведений о первоначальном расположении фигур в церкви Успения в Казачьей и Святых Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре пока не выявлено. Уточнение количества и наименований фигур на том или ином памятнике показало, что во всех случаях мы сталкиваемся с неполным комплектом, даже если речь идет о наборе из четырех рельефов. Законченная композиция была представлена лишь на церкви Архидиакона Стефана, о чем свидетельствуют архивные материалы.

По мнению Г.М. Анциферовой, появление рельефов в прямоугольных вертикальных гранях восьмерика связано с формированием в последнем двадцатилетии XVII в. нового архитектурного типа ярусного храма – восьмерик на четверике, лишившего Евангелистов традиционного места в системе росписи в основании купола⁴¹. Поэтому, «это единственный сюжет интерьерных храмовых росписей, перешедший на фасад и исполненный в изразцовой технике»⁴². Интенсивное строительство этих храмов начинается в середине последнего десятилетия XVII в., когда и строятся два первых здания с изразцовыми Евангелистами – церковь Иоанна Предтечи в Солотчинском монастыре (1695–1698) и церковь Успения в Казачьей (1695).

В настоящее время в собраниях музеев Москвы и на памятниках сохранилось 14 рельефов⁴³. Фигура каждого Евангелиста (средние размеры – 135×40)⁴⁴, изображенного в полный рост, в хитоне и плаще, с Евангелием в левой руке, состоит из трех одинаковых по размеру изразцов. Два нижних изразца одинаковы для всех изображений, верхние разные. Поэтому лики Евангелистов с размещенной на верхнем изразце надписью: «Евангелист Лука, [Марк, Иоанн, Матфей]» отличаются и индивидуальные черты: форма носа, цвет глаз, волосы, что создает некоторое физиогномистическое разнообразие.

Иконография рельефов имеет особенности, не свойственные русскому искусству⁴⁵. Мастера используют стереотипы композиций, которые сложились в европейском рельефе и живописи эпохи Ренессанса и основанные, в принципе, на стремлении к естественным, природным формам. Конечно, московскому мастеру не хватает средств для иллюзии жизнеподобия, его не интересуют проблемы динамики, фигуры застыли в одинаковых позах, их жесты маловыразительны. Индивидуальные черты облика подчеркиваются, но огрубляются. И происходит это не только из-за недостаточно высокого еще уровня техники, не потому, что мастер не справляется с пластическим решением – за этим виден расчет на размещение. Конфигурация рельефов свидетельствует об изначальной предна-

значенности для установки на стенах, на значительной высоте: гипертрофированно большой, лапидарно вылепленный нос Евангелиста при взгляде с земли принимал идеальные пропорции.

Благодаря расстоянию и ракурсу, грубовато-простонародный, примитивно, схематически трактуемый тела и драпировки рельеф неожиданно привлекает хорошо ощущаемой снизу экспрессивной характерностью образа. Схематизм трансформируется в спокойствие и величие, отсутствие реализма – в благородную простоту и идеальность. Строгость, лаконичность придает рельефу необходимую, строго взвешенную меру монументальности, обретая в то же время фольклорную яркость (свойственную, в сущности, и ренессансным майоликам, но особенно привлекательную в небольшом «старомосковском», простонародном архитектурном сооружении).

Неизвестно, для какого храма впервые была заказана композиция Евангелистов. Скорее всего, вначале она предназначалась для одного определенного здания, но как всякое изразцовое изделие, выполненное с помощью форм, затем получила возможность механического дублирования. Это во многом удешевляло и ускоряло производство.

Ответ на этот вопрос позволил бы выявить заказчика, впервые решившего ввести в декор необычные изделия. Возможно, первые рельефы были отправлены в Солотчинский монастырь. На церквях в Заяузье они появились позже.

Приглашая мастера для такого заказа, заказчики и зодчие делали выбор не только в пользу сложившейся репутации, но получали в его лице собственную манеру, более или менее устоявшиеся приемы, которые могли быть им известны и ценимы. В нашем случае это мог быть только хорошо известный мастер.

Не случайно автором рельефов принято считать Степана Иванова Полубеса, мастерской которого принадлежала ведущая роль в изготовлении изразцов для убранства московских сооружений второй половины XVII в. Первая атрибуция принадлежит М.А. Ильину, который ссылается на документ о закупке изразцов у Степана Иванова⁴⁶. Известно, что в 1691 г. архимандрит Солотчинского монастыря Игнатий Шангин пишет письмо стряпчему Тарасу Желябовскому в котором велит ему купить для монастыря «тридцать херувимом и серафимов самого доброго и чистаго мастерства». Желябовский нашел «таких серафим и херувим только у одного человека дворцовых ценинных дел мастера у Степана Иванова сына Полубеса»⁴⁷. Вскоре изразцы украсили монастырскую церковь Святого Духа.

Г.И. Анциферова справедливо замечает, что в этом документе речь идет о поставке в Солотчинский монастырь только «херувимов

и серафимов». По мнению исследователя, «солотчинский документ дает все же возможность предположить, что если херувимы для трапезного храма исполнены в мастерской Полубеса, то и Евангелисты для надвратной церкви этого монастыря тоже созданы им»⁴⁸. В подтверждение авторства Степана Иванова Г.М. Анциферова также приводит доказательства, основанные на сопоставлении рельефов и живописных образов в росписи церкви Святого Духа в Мстиславле (на родине мастера)⁴⁹.

В пользу авторства Степана Иванова или его мастерской совершенно прямо свидетельствует, во-первых, бросающееся в глаза сходство изразцов с изображением Херувимов и Евангелистов. Но для автора данной статьи еще более убедительным представляется сходство особенностей технологии: близкая толщина лицевой пластины – около 2 см; характерная отступающая от краев прямая румпа без валика высотой 7,5–8 см; одинаковая высота рельефа в области нимба – 0,5 см; схожее написание букв.

Почти одновременно в 1702 г. изразцовые Евангелисты украсили приходской храм Гончарной слободы – церковь Успения Пресвятой Богородицы. Это произошло в ходе перестройки возведенной в 1654 г. церкви, когда бесстолпный храм, завершенный пятиглавием, получил трапезную на месте разобранного притвора и придел во имя св. Тихона Амафунтского. На восьмигранном барабане главки придела находятся три изображения: Матфей, Марк, Лука. Отсутствует четвертая фигура на северной грани, загороженная четвериком основного храма. Над Евангелистами в верхней части барабана главы проходит изразцовый фриз.

Рельефы на церкви Успения в Гончарах неоднократно закрашивались. В 1914 г. Е. Шмидт писал «Восьмиугольный барабан украшен четырьмя изразцовыми фигурами святых <...> Изображения сделаны рельефно и теперь покрыты масляной краской. К сожалению, нижняя часть одежды и ноги вырублены, тоже во время перестройки»⁵⁰. В дальнейшем, видимо, закраска продолжалась. «При ремонтных работах летом 1949 г. было обращено внимание на маленькую главу над южным приделом. Тамбур и барабан ее были покрыты двумя слоями масляной краски, из под которой выступали какие-то рельефные изображения. <...> Когда специалисты расчистили масляную краску, то под ней оказался редкостный образец московского “ценинного дела”, процветавшего в Гончарной слободе во времена постройки церкви. В обнаруженной монументальной керамике, наряду с орнаментальными и архитектурными мотивами, имеются изображения человеческих фигур»⁵¹.

Северный фасад трапезной украшен изразцовым фризом. Декоративные детали наложены на стену почти демонстративно, как

ценинный товар. Фриз составлен из пятнадцати четырехчастных и пятичастных панно (со средней величиной около 55,5×45,5), разделенных вертикальными колонками (кроме десятого). Среди панно – излюбленные «птицы с фруктами» и сложные орнаментальные композиции. В правой части наблюдается «случайность» подбора изделий, не объединенных каким-либо композиционным принципом и подобранных, скорее, по размеру. Так, сюда попал фрагмент из панно с изображением двуглавого орла, но лишь с изображением его лапы – очевидно, свидетельство поздних переделок. Здесь же изразцы с херувимами, крестами, звездами, соседствующие с изразцами с растительно-геометрическим орнаментом. В некотором смысле перед нами «ассортимент» изделий мастеров Гончарной слободы. Видимо, еще в начале строительства был решен вопрос о заказе изразцов для убранства церкви Николая Чудотворца у Таганских ворот, строительство которой продолжалась с 1697 по 1712 г. Это одна из последних работ выдающегося русского зодчего Осипа Старцева, решившего приходской храм в традиционных для архитектуры конца XVII в. формах.

По замыслу зодчего Осипа Старцева на каждой грани парапетов яруса звона колокольни в ширинки были вставлены два квадратных изразца с изображениями херувимов и крестов (по одному в каждой). Изразцы находились и в закомарах церкви, ныне пустующих. Еще в 1905 г. осмотр церкви зафиксировал, что «в некоторых из закомар сохранились древние изразчатые украшения»⁵². А в 1906 г. «Московские церковные ведомости», отмечая проведенную реставрацию, писали: «Теперь доставляет удовольствие любоваться стройным рядом восстановленных кокошников (имитация из цемента) изображений херувимов»⁵³. Об этом же свидетельствуют сохранившиеся фотографии – с хорошо различимыми на стенах церкви изразцах с изображениями херувимов⁵⁴. В дальнейшем церковь начали разбирать, вследствие чего она лишилась куполов и завершения колокольни. После восстановления колокольня вновь украсилась изразцами, но ширинки в закомарах до сих пор остаются пустыми.

Стилистический, иконографический анализ декора церковей Заяузья свидетельствуют о почерке государевых мастеров. Изготовление крупных фасадных изразцов представляло особую сложность и требовало не только редкого умения, но и особых условий, которыми обладали в первую очередь дворцовые мастера. Они были создателями изразцового убранства для храмов, строившихся по повелению царей и их ближайшего окружения, а также для крупных монастырей и казенных гражданских построек.

С подобным изразцовым оформлением не мог соперничать убор приходских церковей, за исключением храмов в Гончарной

слободе, где прихожанами и вкладчиками могли быть сами мастера-ценинники. Роль посторонних, «не слободских» ктиторов, к сожалению, трудно оценить, поскольку в большинстве случаев они нам неизвестны (правда, в Солотчинском монастыре им выступал архимандрит, а в церкви Успения в Казачьей – стольник Василий Федорович Полтев). Возможно, заботы о строительстве храма и его украшении в слободе брали на себя видные прихожане, для которых особый вид ктитинства – пожертвование изразцов на церковь – был формой обозначения своего статуса и проявления «цехового патриотизма».

В пути, по которому шли заказчики/строители/мастера как жители и прихожане, сказывалось и желание выделить «свой», назначенный для совместного моления храм среди других. Храмы, украшенные изразцами, стали подлинными центрами приходов, а установленные на них плоды труда прихожан получали освящение (возможно, они служили и как вотивы).

На рубеже XVII–XVIII вв. стилевые тенденции в архитектуре стали вытеснять с фасадов яркое изразцовое убранство, которое перестало быть актуальным для государственных и частных программ строительства. Заказы на фасадные изразцы стали редкостью.

С начала XVIII в. отмечается значительный спад производства фасадных изразцов. На склонах Таганского холма при археологических исследованиях 1946–1992 гг. многократно фиксировались гончарные горны, в том числе заполненные готовой – обожженной, высококачественной, но не выбранной продукцией⁵⁵. К этому времени Заяузье из ремесленной окраины города постепенно превращается в жилой район, а переписные книги показывают преобладание количества населения, не занятого в производстве, над ремесленниками.

Ценинный декор, сыгравший главную роль в архитектурном убранстве приходских церквей в Заяузье, сгладил резкость разрыва со старомосковской традицией, смягчил прорыв с изразцовой Москвой. Его обилие на скромных по размеру посадских храмах – как в большинстве своем построенных на средства горожан – превращало их в подлинную драгоценность.

Этот яркий архитектурный образ в полной мере демонстрирует нам полнокровность культуры московского посада. За полвека изразечники Москвы прошли путь, превративший их в истинных художников. Вставшие в полный рост на станах храмов фигуры Евангелистов завершили традицию развития московского наружного архитектурного декора, резко оборванную преобразованиями Петра.

- ¹ *Султанов Н.В.* Изразцы в древнерусском искусстве // *Материалы по истории русских одежд* / Под ред. А.В. Прохорова. СПб., 1885. С. 12.
- ² Подробнее см.: *Баранова С.И.* Москва изразцовая. М., 2006.
- ³ *Забелин И.Е.* Историческое описание финифтяного и ценинного дела в России // *Записки Русского археологического общества*. СПб., 1853. Т. VI. С. 285.
- ⁴ Мнения по поводу происхождения слова «ценинный» различны. И.Е. Забелин считал, что «ценина» означает изделие, покрытое синей поливой, В.И. Даль – что «слово ценинный есть синоним слова ценный, цененный, которым первоначально наши предки, избегая чужестранных слов фарфор, фаянс, называли вообще всякую хорошую каменную посуду, привозную из-за рубежа, в отличие от своей домашней, простой глиняной». Другая версия (на наш взгляд, – предпочтительная) связывает происхождение слова с немецким Zinn или польским zing – «олово», которое входило в состав многоцветных эмалей в качестве глушителя. В пользу такого происхождения говорит и тот факт, что олово было привозным (как сказано в одном из указов XVI в., «в Московском государстве олово не родится, приходит из немецких сторон»).
- ⁵ Библиография по этому вопросу довольно обширна. См., например: *Акты Иверского Святозерского монастыря (1852–1706)*. СПб., 1878. С. 157, 208; *Сивак С.И.* Изразцовая мастерская Иверского Валдайского монастыря (1655–1690 гг.) // *Материалы научной конференции, посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде*. Л., 1984. С. 239–244; *Кондратьева Е.В.* Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // *Памятники культуры. Ежегодник 1980*. Л., 1981. С. 465–477.
- ⁶ Истории возникновения производства изразцов в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре и созданию изразцового декора Воскресенского собора и Скита патриарха Никона посвящено несколько исследований. См., например: *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1876.
- ⁷ Там же. С. 760.
- ⁸ *Фролов М.В.* Письменные источники о московском изразцовом производстве // *Труды Государственного исторического музея*. Вып. 81. Ч. 2. М., 1992. С. 53.
- ⁹ См.: *Ильин М.А.* Рязань. М., 1954. С. 96. Автор ссылается на документ, в котором упоминается о закупке изразцов у Степана Иванова, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА). (Ф. 1202. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 1.).
- ¹⁰ Полн. собр. рус. летописей. Т. XIII. СПб., 1859. С. 152.
- ¹¹ Возможно, самое раннее производство находилось в районе Кремля. Археологи обнаружили на его территории, у нынешней Оружейной палаты, бракованные поливные изделия, а на Соборной площади, помимо такого же брака – керами-

- ческий горн. Предполагают, что первые московские гончары жили и в Китай-городе, где находилась церковь Никиты на Глиннице, недалеко от которой были найдены остатки гончарного производства и ямы, откуда брали глину. См.: *Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.* Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // Советская археология. 1984. № 21. С. 201–211.
- ¹² Библиография по Гончарной слободе довольно обширна. В первую очередь это труды московских археологов, начавших систематические раскопки на территории слободы с 1946 г. См.: *Рабинович М.Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 12. С. 42–43; *Мальм В.А.* Горны московских гончаров XV–XVII вв. (По материалам раскопок Государственного исторического музея 1946 г.) // Там же; *Розенфельд Р.Л.* Новые находки керамических горнов на Яузской гончарной слободе в Москве // Советская археология. 1959. № 1. С. 279–284; *Рабинович М.Г.* Гончарная слобода в Москве XV–XVIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1947. № 37; *Дзвонковский С.Л.* Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI вв. // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2. М., 1993. С. 195–211; *Бойцов И.А.* Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С. 33–40.
- ¹³ Можно предположить, что обилие синего цвета на изразцах свидетельствовало о возможностях заказчика и подчеркивало его статус. Отсюда широкое использование синего цвета на изразцах Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря и церквей Теремного дворца Московского Кремля.
- ¹⁴ Изразцы из Троицкой церкви аналогичны западным (в большей степени бело-русским) печным изразцам первой половины XVII в. Выполненные из светлой глины, они могли быть привозными.
- ¹⁵ К сожалению, нам не удалось обнаружить фрагмент в собрании Государственного исторического музея (далее – ГИМ), поэтому ссылка дается лишь на публикацию. См.: Отчет Российского исторического музея за 1915 г. М., 1917. С. 5.
- ¹⁶ Полубес Степан (Стенька) Иванов – «государев» мастер-изразечник (печник, ценинник). Родился в г. Мстиславле; был взят на службу князем А.Н. Трубецким и привезен в Москву. Сохранившиеся о нем сведения относятся к 1658–1693 гг. В 1658 г. работал в Новоиерусалимском монастыре: «делает образцы печные и ценинные и зеленые, и печи кладет». Здесь выполнил изразцовую композицию «павлинье око», впервые использованную в Воскресенском соборе Новоиерусалимского монастыря. В 1666 г. с учениками был переведен в Москву, в Приказ Большого дворца. В мастерской Полубеса, находившейся в Гончарной слободе, изготавливались главным образом рельефные, полихромные, так называемые ценинные изразцы для облицовки печей и архитектурных сооружений. Полубес изготовил изразцы для церкви Григория Неокесарийского (1667 г.), для печей в Измайлово (1668 г.), вместе с Игнатом Максимовым – для

- Покровского собора в Измайлове (1673 г.). В связи с возобновлением строительства Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря был направлен туда для изготовления изразцов для иконостасов и убранства фасадов собора (1679–1685 гг.). Делал изразцы для Иосифо-Волоколамского монастыря (конец 1680 – начало 1690-х годов), для Солотчинского монастыря (1691 г.). В 1693 г. «москвитин» Полубес изготовил в Новоиерусалимском монастыре три изразцовые печи. Его мастерской принадлежала ведущая роль в изготовлении изразцов для убранства московских сооружений второй половины XVII в.
- 17 Максимовы – семья мастеров-изразечников (печников, ценинников). Игнат (Игнашка, Игнашко) Максимов, государев мастер, родился в г. Копысь. В 1654 г. был взят из Вязьмы в Валдайский Иверский монастырь, поселен в с. Богородицине, где для изготовления печных изразцов «избу ему с сенми поставили». В 1656 г. «сделал в Иверском монастыре и в вотчинных монастырских селах 9 ценинных печей и 12 зеленых рельефных муравленых и ценинных печей». В 1658 г. переведен в Новоиерусалимский монастырь, где «делает образцы ценинные и зеленые, и печи кладет». В 1666 г. вместе с другими мастерами был переведен в Москву, в Приказ Большого дворца. По росписи 1668 г., «живет своим двором» в Гончарной слободе. В 1668 г. делал с товарищами для царя Алексея Михайловича «на печи образцы и образцовые кафли». В 1673 г. вместе со Степаном Полубесом подрядился сделать «в село Измайлово ценинных образцов к церковному делу в закомары и в поясы и в шеи <...> переделали семь тысяч сто тридцать образцов <...> которую закончили в 1674 г.». Макарко Игнатьев – его сын; родился в 1656 г. в с. Богородицине Иверского монастыря, в 1680 г. – ценинных дел мастер в Гончарной слободе.
- 18 Буткеев (Будкеев) Павел (Панька, Пашка), государев мастер. Родился в г. Копысь. По росписи 1658 г. тяглец Гончарной слободы в Москве. В 1658 г. изготовил ценинные (многоцветные) изразцы для двух печей в церкви Филиппа Апостола. Занимался кладкой печей – в 1675 г. в с. Соколове: «дано за дело печей, за изразцы и за связи 10 руб. 4 алт.». Имел учеников: Кузьку Савельева и Ермола Семенова.
- Буткеев Семен (Сенька) Павлов, тяглец Гончарной слободы в Москве. Сын московского мастера Павла Буткеева. В 1682 и 1683 гг. изготовил изразцы для печей в селах Измайлово и Коломенское. В переписи 1716 г. указаны два его двора в Гончарной слободе.
- 19 Подробнее см.: *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. // Научное наследие. О Москве XVI в. М., 1980. С. 9–170.
- 20 *Фролов М.В.* Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII вв. М., 1991. С. 15.
- 21 *Рабинович М.Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы. С. 104; *Розенфельд Р.Л.* Московское керамическое производство XVI–XVIII вв. М., 1968. С. 44–45.
- 22 Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 291. К сожалению, нам не удалось обнаружить следов изразцов из этого храма,

- кроме одного – круглого изразца с изображением двуглавого орла, переданного в Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (далее – ГНИМА) П.Д. Барановским. См.: ГНИМА. Фонд Барановского П.Д. Временное учетное обозначение дела – Акт 21., прил. 3, папка 6.
- 23 Московский государственный объединенный музей-заповедник (далее – МГОМЗ). См.: Описи актов МГОМЗ за 1929–1935 гг., акт от 26 мая 1932 г.
- 24 Изразцы из церкви Архидиакона Стефана также хранятся в собраниях ГИМ, ГНИМА, Государственного музея керамики и «Усадьбы Кусково XVIII в.», Русского музея.
- 25 Фототека ГНИМА. Кол. 1: № 5252, № 5057 – Вид храма с Востока в процессе разборки; № 5062 – Южный фасад в процессе разборки; № 5070 – Часть восьмерика главного храма с наличником окна, глава с изразчатым изображением апостола; № 5064 – Вид части храма и шеи главы придела во время разборки; № 5066 – Вид с юго-востока во время разборки; № 5068 – Вид восьмерика главного храма; № 5069 – Изразцовый пояс; № 5065 – Общий вид храма с северо-восточной стороны в процессе разборки; кол. V, № 43339, 43341. Фонд обмеров ГНИМА. PV–808\1–5 из собрания ЦГРМ (Центральные государственные реставрационные мастерские) – чертежи 1920-х годов (обмеры С.М. Огуреева): колокольня; южный фасад с обозначением схемы декора, наличники окон, разрез церкви Стефана за Яузой, южный фасад, барабан церкви; евангелисты, пояс из профилированных карнизных изразцов; Архив ГНИМА. Ф. 33. Оп. 4. Д. 57. Церковь Стефана за Яузой (обмеры архитектора Ушакова).
- 26 *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994, С. 23.
- 27 Книга расходная ладону 7126 году // РГАДА. Патриарший приказ. Ед. хр. 397. Л. 55 об., 56.
- 28 Строельная книга церковных земель 7165 г. // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики Московских церквей. Стб. 223.
- 29 Стефана архидиакона, что за Яузою 14 февраля 7171 г. Цит. по: *Невоструев К.* Запись о ставленниках московских церквей 1645–1666 гг. М., 1869. С. 52; Архидьякона Стефана, что у Яузского мосту // Ружная книга 7189. Стб. 406.
- 30 *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. М., 1884. Стб. 818.
- 31 *Найденов Н.А.* Москва. Соборы. Монастыри. Церкви: Альбом. М., 1882–1883. Ч. III. Отд. 1. № 66. «Вид церкви Архидиакона Стефана в Заяузье».
- 32 Московская хроника: Освящение придельного храма // Московские церковные ведомости. 1897. № 41. С. 547.
- 33 Изучение истории строительства более сорока памятников Москвы с изразцовым декором, как сохранившихся, так и утраченных подтвердило, что время создания изразцового убранства в большинстве случаев можно связывать с датой постройки, и это существенный показатель. Даже на уровне перечисления построек, сопоставление их корпуса со сведениями об изразцах позволяет наблюдать неотъемлемость керамического декора от самого сооружения, что, в свою очередь, заставляет

- задуматься о синхронности того и другого. В пользу синхронности кладки стен и их декорирования изразцами свидетельствуют и результаты натуральных исследований системы крепления изразцов. Изразцы крепились при помощи перевязки румп с кладкой раствором (отдельные кирпичи кладки входили в румпы), что создавало довольно прочное и монолитное соединение со стеной. Подробнее см.: Баранова С.И. К вопросу об уточнении датировок фасадной керамики Москвы XVII в. // Кадашевские чтения. Вып. IV. М., 2009. С. 125–136.
- 34 Николаева М.В. Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи. М., 2003. Т. I. С. 286.
- 35 Султанов Н.В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб., 1885. С. 46.
- 36 Анциферова Г.М. Изразцовая композиция «Евангелисты» // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XIII–XIX вв. М., 2000. С. 115.
- 37 Архив ГНИМА. Ф. 33. Оп. 4. Д. 57. Л. 18. Церковь Стефана за Яузой. План расположения изразцов с изображением евангелистов на главе восьмерика.
- 38 См.: Найденов Н.А. Указ. соч. Ч. III. Отд. 2. № 33. «Вид церкви Успения в Казачьей».
- 39 Неясной остается история появления четырех рельефов Евангелистов в храме Святых Отцов Семи Вселенских соборов Данилова монастыря. Могли ли они украшать в свое время старый собор монастыря, сооруженный в середине XVI в. и существовавший, судя по описям 1701, 1725 и 1726 гг., вплоть до конца первой трети XVIII в.? Л.А. Беляевым доказано, что храм был разобран и престол его перенесен во вновь построенную церковь, ставшую новым собором, в конце 1729 г. Этот новый собор, однако, поставили вторым ярусом на двухалтарную наземную церковь Покрова Богородицы и пророка Даниила, которая была построена во второй половине или в конце XVII в.
- Невозможно точно сказать, где они были первоначально: на барабане старого храма или под главками одной из двухпрестольных церквей; так или иначе, они могли оказаться там не ранее конца XVII в., скорее даже – середины 1690-х годов. Рельефы могли попасть на паперть собора даже из церкви Воскресения Словущего в Даниловой слободе (к югу от монастыря за его стеной): при археологических исследованиях здесь обнаружены следы храма 1699–1706 гг., стоявшего до 1840-х годов. См.: Беляев Л.А. Указ. соч. С. 101–151.
- До 1930 г. рельефы Евангелистов находились на паперти собора с внешней стороны. В описании храма Отцов Семи Вселенских соборов Свято-Данилова монастыря конца XIX в. встречается упоминание о том, что «при сем храме кроме закрытых четырех папертей имеется с западной стороны, открытая на четырех каменных столбах, соединенных арками, под коими незащищенные ничем пролеты с трех сторон; в первой же паперти закрытой, с которой соединяется сия, открытая снаружи, вложены вытесанные из камней (курсив мой – С. Б.) изображения святых Евангелистов, в рост, довольно значительной величины и раскрашены масляными красками» См.: Даниловский мужской монастырь третьего класса, Московской епархии в Москве. М., 1898. С. 35.

40 На приделе было лишь три фигуры Евангелистов, так как четвертая грань загорживается четвериком основного храма. Это подтверждается метрикой храма, где сказано: «...под поясом на впадинах шейки изразцовые изображения троих Апостолов». Цит. по: *Анциферова Г.М.* Указ. соч. С. 117.

41 Подробнее см.: Там же. С. 113–120.

42 Там же. С. 113.

43 В настоящее время в собраниях музеев Москвы хранятся следующие рельефы: в МГОМЗ – пять рельефов с изображением Евангелистов: Матфея, Марка, Иоанна и два с изображением Луки, в музее керамики и «Усадьбы Кусково XVIII в.» – рельеф с изображением Евангелиста Марка, переданный из музея «Коломенское», в ГИМ – рельеф с изображением Евангелиста Луки, переданный из музея «Коломенское», в ГНИМА – рельеф с изображением Евангелиста Луки, снятый во время реставрации с церкви Успения в Гончарах. Таким образом, в настоящее время в собраниях музеев и на памятниках сохранилось 14 рельефов: 4 – Солотча, 3 – на церкви Успения в Гончарах (2, 1 – копия), 5 – в музее «Коломенское», 1 – в ГИМ, 1 – в музее «Кусково», 1 – в ГНИМА.

В 1930-е годы в музей «Коломенское» также без акта поступили рельефы из церкви Святых Отцов Семи Вселенских Соборов Данилова монастыря. В 1990-х годах нами был обнаружен акт от 9 октября 1930 г.: П.Д. Барановским были приняты из ЦГРМ для экспозиции «четыре майоликовых фигуры евангелистов, извлеченных из соборного крыльца Данилова монастыря». См.: Государственный архив РФ. Ф. Р–I. Оп. 1. № 28. Л. 53. Таким образом, было подтверждено происхождение четырех из семи, хранившихся до передачи в ГИМ и музей «Кусково» рельефов. Можно предположить, что оставшиеся три происходят из церкви Стефана за Яузой.

К сожалению, в настоящее время мы не можем с уверенностью соотнести тот или иной рельеф с конкретным памятником.

44 Например, размеры хранящихся в собрании МГОМЗ панно: «Евангелист Марк» – 133×40 см., «Евангелист Лука» – 135,3×41,1 см.

45 Среди выявленных нами в настоящее время аналогий нет ни одной абсолютной, что заставляет нас говорить не о прямых заимствованиях, но об общих стилистических источниках. Говоря об истоках тех форм, что послужили образцами для фасадной керамики последней, мы постоянно обращаем внимание не только на значительную роль скульптуры в средневековом синтезе искусств Европы, но, например, и на произведения книжного графического искусства.

К XVII столетию древнерусская традиция знала керамики в Пскове и старицкие и дмитровские рельефные глазурованные керамические иконы XVI в., украшавшие некогда фасады разобранного ещё в XVIII в. Борисоглебского собора в Старице (1558–1561 гг.) и вставленные в кладку Успенского собора в Дмитрове.

Керамические (расписные и рельефные) иконы, использовавшиеся в фасадном и внутреннем убранстве храмов (на стенах и в иконостасах) были с IX–X вв. известны в Византии. Керамические иконы были распространены в средневе-

ковой Болгарии. В IX–X вв. в монастырских мастерских городов Преславля, Тырновграда, Червени создавались крупные, состоящие из отдельных квадратных изразцов, керамические рельефные иконы, предназначенные для фасадного декора.

Что касается западноевропейских влияний, то здесь можно ориентироваться на северонемецкую кирпичную готику, которая включала в свой ареал Польшу и Литовское государство, а также итальянскую терракоту и майолику. В XV в. на фасадах итальянских сооружений появились покрытые цветными эмалями керамические рельефы, изготовленные флорентийским мастером Лукой делла Роббиа (около 1400–1482 гг.), а затем его ученика Андреа делла Роббиа (1435–1528). Они первыми стали применять в рельефе и круглой пластике технику цветной майолики.

Терракотовые и майоликовые рельефы встречались и в средневековой Германии. Наиболее ранним видом из известных в Саксонии майолик был выполненный около 1500 г. на наружной стене церкви в Лейпциге сорокаметровый фриз, состоявший из больших плит (47,8×34,4 см.) с выполненным в высоком рельефе изображением головы Христа в терновом венце, разделенных изразцами с цветочным орнаментом и розетками.

Можно предположить, что и белорусским мастерам был известен прием декорирования храмов большими фигурными изображениями. В литературе встречается упоминание о том, что на фасаде церкви в Кодне «находились вставки из цветных и позолоченных глазурованных изразцов с изображением святых в “византийском стиле”». См.: *Квитницкая Е.Д.* Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV–XVI вв. // *Архитектурное наследство.* М., 1967. С. 9. К сожалению, автор не дает ссылку на источник, из которого почерпнуты эти сведения.

⁴⁶ Первая атрибуция рельефов принадлежит М.А. Ильину, считавшего их автором Степана. См.: Ильин М.А. Указ. соч. С. 96.

⁴⁷ Цит. по: *Анциферова Г.М.* Указ. соч. С. 119.

⁴⁸ Там же. С. 116.

⁴⁹ Подробнее см.: Там же. С. 113–120.

⁵⁰ *Шмидт Е.* Гончарное искусство в древней Руси // *Баян.* № 2. М., 1914. С. 4.

⁵¹ *Харламов П.* На Болгарском подворье // *Журнал Московской Патриархии.* 1950. № 6. С. 44–46.

⁵² *Древности* // *Труды Московского археологического общества.* М., 1907. Т. 1. С. 32.

⁵³ *Московские церковные ведомости.* 1906. № 2.

⁵⁴ Фототека ГНИМА. Кол. I. № 9658 – Южный фасад, № 9659 – Южный фасад; кол. V. № 5115 – Вид с севера. 1900 г.

⁵⁵ *Векслер А.Г.* О некоторых находках рельефных изразцов в Москве // *Коломенское. Материалы и исследования.* Вып. 5. Ч. 2. М., 1993. С. 138–148.

КОНСКИЕ ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ XVII–XVIII вв. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье представлен обзор конских таможенных книг XVII–XVIII вв. – ценных источников по изучению региональной социально-экономической истории: показана степень изученности этих исторических документов, представлены сведения об их количественном, хронологическом и географическом составе, дана характеристика формуляра, приведены примеры отдельных статей из книг разных городов.

Ключевые слова: региональная история, история экономической регионалистики, краеведение, массовые исторические источники, таможенные книги, конская торговля.

Лошади в истории каждого народа занимают особое место. На протяжении многих столетий, вплоть до начала XX в., они являлись основным транспортным средством. Важнейшее значение имели лошади в военном деле. Без них не мыслилось развитие сельского хозяйства. Поэтому во все времена лошади были исключительно важным предметом торговли. Не является исключением и Россия. Однако отечественная конская торговля исследована до настоящего времени в целом весьма слабо, а также крайне неравномерно в хронологическом и географическом отношении. Здесь сказалось, надо полагать, то обстоятельство, что конский торг в силу своей специфики не являлся наиболее привлекательным и показательным объектом для изучения процессов складывания все-российского рынка и развития товарного производства.

Между тем, по истории торговли лошадьми в России в XVII–XVIII вв. имеется целый комплекс разнообразных источников, важнейшее место среди которых занимают конские таможенные книги. Поскольку лошади являлись особым товаром, торговые операции

с ними обычно фиксировались отдельно от остальных предметов торговли. Записи о купле-продаже лошадей составляли в русских таможенных особое делопроизводство.

Точного учета конских таможенных книг (как и таможенных книг в целом) до сих пор не произведено. Наиболее ранние из известных источников этого типа – новгородские конские таможенные книги 1611/1612 и 1613/1614 гг., хранящиеся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме в составе документов так называемого Новгородского оккупационного архива¹. К числу древнейших из дошедших до наших дней памятников конского таможенного делопроизводства относятся «лошадиные книги», находящиеся в составе таможенных книг Курска 1619 г.²

Конские таможенные книги распадаются на две группы. Одну группу образуют книги, являющиеся самостоятельными документами. Во вторую группу входят книги, составляющие отдельные разделы общих таможенных книг. Такие разделы именуются обычно «конскими книгами», «лошадиными книгами» или «книгами лошадиной записки». Так, по Курску и Белгороду самостоятельных конских таможенных книг за XVII в. не имеется. Сведения о торговле лошадьми в этих городах фиксировались в общих таможенных книгах. Особые разделы, в которых представлены данные о взимании пошлин с продавцов и покупателей лошадей, имеются в таможенных книгах Устюга Великого 1630-х годов³. В то же время, например, в вяземских таможенных книгах XVII в. записи о конской торговле отсутствуют, хотя она в этом городе, безусловно, производилась: в вяземской переписной книге 1646 г. сказано: «за Вязьмою рекою за Смоленскими вороты на конской площадке изба, а в ней сидят конюхи, збирают государеву с лошадей пошлину»⁴. Очевидно, в XVII в. в вяземской таможне велось отдельные конские книги, которые до наших дней не сохранились.

Среди городских книг московских приказов в фондах Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) имеются отдельные конские таможенные книги по Белому за 1689–1691 гг. и 1696–1697 гг., Дорогобужу за 1689–1691 гг., 1694–1697 гг. и 1696–1697 гг., Рославлю за 1690–1691 гг., Смоленску за 1686–1687 гг., а также отрывок конской таможенной книги Можайска 1630 г.⁵

Особый интерес представляют две фрагментарно сохранившиеся конские таможенные книги Москвы 1630 и 1634 гг.⁶ Они хранятся в РГАДА в фонде 137 («Боярские и городские книги»). Известно, что таможенных столичных книг за XVII в. практически не сохранилось. От обширного делопроизводственного комплекса московских таможен этого периода уцелели лишь «Книга запис-

ная мелочных товаров» 1694 г. и три книги Московской Большой таможни («Новгородская», «Астраханская» и «Малороссийская») 1693/1694 гг., находящиеся в Государственном историческом музее (далее – ГИМ). В отличие от этих памятников, уже давно опубликованных и детальным образом изученных⁷, конские таможенные книги Москвы 1630-х годов систематическому исследованию пока не подвергались и в научный оборот не введены.

Масштабы конской торговли в Москве, судя по этим документам, были весьма значительны. Так, только за один месяц – май 1630 г. – на столичном конском рынке было продано более 400 лошадей. Для сравнения отметим, что в Смоленске за полный 1673/1674 гг. было зафиксировано 112 сделок с лошадьми, а в 1676/1677 гг. – 71⁸. На рынке Тихвинского посада в XVII в. продавалось от 121 до 399 лошадей в год⁹. В Курске ежегодные объемы продаж лошадей в 1619–1678 гг. колебались от 10 до 209 голов¹⁰.

Круг продавцов и покупателей лошадей на столичном рынке имел свою специфику и в определенной мере отличался от состава торгующих на провинциальных конских площадках. Это обстоятельство придает московским памятникам особую значимость. В записях конских таможенных книг Москвы, наряду с крестьянами, посадскими и служилыми людьми, фигурируют иностранные посланники, представители столичной аристократии и члены привилегированных купеческих корпораций.

Значительное количество самостоятельных конских таможенных книг сохранилось по XVIII столетию. В фондах РГАДА источники данного типа имеются по следующим населенным пунктам Европейской России: Алексин (1749–1752 гг.), Андомский погост (1739 г.), Бежецк (1728, 1729 гг.), с. Богданово Шацкого уезда (1711 г.), с. Бурмакино Ярославского уезда (1768 г.), Венев (1733, 1738, 1740, 1741, 1744 гг.), Верхний Чусовской городок (1737, 1738 гг.), Деделово (1747 г.), Елатьма (1753 г.), с. Ильинское Соликамского уезда (1707, 1711 г.), с. Инжавино Шацкого уезда (1738 г.), с. Истобенск Орловского уезда Вятской провинции (1750–1753, 1755 гг.), Кайгород (1746, 1751–1754 гг.), Козлов (1716 г.), Котельнич (1747–1749, 1753–1755 гг.), Курск (1726 г.), Москва (1749, 1771 гг.), Нижний Новгород (1730 г.), с. Новое Усолье Соликамского уезда (1733, 1734, 1745 гг.), Новосиль (1745, 1749 гг.), с. Нолинское (1755 г.), Орлов (1746, 1748–1750, 1752–1754 гг.), Оштинский погост (1739 г.), Переяславль-Залесский (1731 г.), Переяславль-Рязанский (1735 г.), с. Пертома Пошехонского уезда (1755 г.), Петровск (1760 г.), Петрозаводск (1739 г.), Повенец (1739 г.), Пошехонье (1734 г.), Серпухов (1742, 1743, 1749, 1751, 1753 гг.), Соликамск (1733, 1734, 1736 гг.), Сольвычегодск (1716,

1719, 1735–1737, 1739, 1743, 1745–1749, 1752–1761, 1766, 1767 гг.), с. Спасское Шацкого уезда (1751 г.), Троицкий острог (1718 г.), Трубчевск (1728–1730, 1743 гг.), Тула (1719/1720, 1738, 1754 гг.), Турчасово (1746–1749 гг.), Усть-Мошский погост (1746–1749 гг.), Филипповская слобода Хлыновского уезда (1755 г.), Хлынов (1736, 1738, 1740, 1742, 1744–1746, 1749, 1752, 1753, 1755 гг.), Шестаков (1755 г.), Шунский погост Олонецкого уезда (1739 г.), Ярославль (1715, 1768 гг.). Имеются также конские таможенные книги по Свинской (1721 г.) и Коренной (1742 г.) ярмаркам¹¹.

Примечательно, что после прекращения составления товарных таможенных книг, последовавшего после проведения таможенной реформы 1753 г., ведение конских таможенных книг продолжалось. Известны источники этого типа за вторую половину 1750-х годов, за 1760-е годы и даже за начало 1770-х годов. Наиболее поздней из известных конских таможенных книг является московская 1771 г.¹²

Отдельные статьи конских таможенных книг включают сведения об участниках торговой сделки по продаже лошади (продавец и покупатель), характеристику животного, его стоимость и сумму собранных пошлин. Например, формуляр «книг лошадиной записки» курских таможенных книг XVII в. включает следующие составные элементы: 1) дата регистрации; 2) географическая принадлежность продавца; 3) его социальный статус (национальность или подданство); 4) имя, фамилия (отчество, прозвище); 5) категория лошади (конь¹³, мерин, кобыла и т. д.); 6) ее возраст; 7) масть; 8) порода (в отдельных случаях)¹⁴; 9) особые приметы; 10) наложенные клейма (тавра); 11) имеющиеся дефекты (крива, хрома и прочее); 12) географическая принадлежность покупателя; 13) его социальный статус; 14) имя, фамилия (отчество, прозвище); 15) стоимость лошади; 16) вид и размер взятых пошлин. О крестьянах, являвшихся одними из наиболее заметных участников конского торгова, нередко указывалась также их владельческая принадлежность («крестьянин Троицкого девичьего монастыря», «Иванов крестьянин Умрихина Матвей Василев»). Курские конские таможенные статьи выглядят, например, так: «Апреля 19 дня явил курченин Божедомскаго монастыря крестьянин Алексей Иванов сын Гончяр жеребца шерстью гнед, семи лет, грива налева со отметам, на правой лапатки железница, а продал таго своего жеребца путимскому стрельцу Ивану Денисову, а взял на нем, Денисе, полчетверта рубля. С продавца пошлин взято с полчетверта рубля два алтына пять денег, да с купца взято з шерсти десеть денег»¹⁵. Сходным образом выглядит запись о продаже лошади в таможенной книге Устюга Великого 1635/36 гг.: «Ноября в 29 день устюженин Девятой Килкин продал вологжанину Фирсу Ермолину мерина рыжа, леты сросла¹⁶, лысина во лбе,

грива на обе стороны; цена 4 руб. Продавец платил пошлины по 3 д. с рубля, пятна 4 д., а купец платил по 5 д. с рубля, пятна 4 д.»¹⁷.

Приметы лошадей, поступавших в продажу, таможенники фиксировали с особой тщательностью. В записи московской конской таможенной книги от 27 мая 1630 г. сказано: «Купил Микита Олтуфьев у колужского кормового козака у Федора Иванова кон в гнеде кар, грива налево, ухо [в] стороны порото, на шее прут, на бедре два прута, ниж по ноге вдоль прут же, у задней у левой же ноги усеница бела и копыта полосато, на правой стороне вдоль по шее вихор, шти лет. Дал пят рублей. Порука московской барышник Любимко Матфеев. Пошлин с шерсти алтын, з денег пят алтын, записки две деньги»¹⁸. Особые приметы фактически никак не влияли на цену лошади (в отличие от категории, возраста, масти и дефектов), но имели полицейско-фискальное значение в случае возникновения последующих споров между участниками торговой сделки или при расследовании кражи животного. Занесение в таможенные книги столь подробной информации диктовалось положениями Судебника 1550 г., а позднее Соборного Уложения 1649 г., устанавливавших жесткий контроль над конской торговлей¹⁹. С этим обстоятельством было, по-видимому, связано и то, что в разделах, фиксирующих торговлю лошадьми, социальный статус ее участников указывался гораздо чаще, чем при регистрации явок купцов-оптовиков.

Особенностью таможенных книг ряда городов является указание в них поручителей торговых сделок. Так, в сохранившемся отрывке Можайской конской таможенной книги 1629/1630 гг. содержится, например, такая запись: «138-го апреля в 1 де[нь] купил Василий Хрущов у Якова Степанова кобылу карю, грива налево, семи лет, дал три рубли, порука Гриша Тула, барышники оба. Пошлин с шерсти алтын, з денег пят денег, записки две деньги»²⁰.

Есть основания полагать, что в XVIII в. правила регистрации торговых сделок с лошадьми были ужесточены. Так, в курских конских книгах 1720-х годов поручители стали указываться в обязательном порядке, хотя, по крайней мере, до конца 1670-х годов этого не требовалось. Поручители (или их доверенные лица) были обязаны заверить запись о продаже лошадей рукоприкладством. Одна из записей в курской книге 1726 г. была оформлена следующим образом: «Того ж числа почепской житель черкашинин козак Федосей Григорьев сын Зубов продал лошедь свою мерина бела, грива направо с отметом, на левом стегне пятно лапою, леты сросла, курьченину городовому Мокею Еремееву сыну Бошкиреву, а ценою за оною проданою свою лошедь взял рубль шеснатцать алтын четыре деньги, а порукою по нем, продовцу, в очиски оной лошеди писалси черкашенин того ж города козак Григорей Михалов сын

Белашов. И с той продано ево лошади з денег и с шерсти пошлин по указу взято четыре алтына адин денга. По сей записки Герасим Мельников вместо продавца и порутчика ево и купца по их прошению руку приложил»²¹.

Источники рассматриваемого типа позволяют установить основные показатели, характеризующие состояние конской торговли в том или ином населенном пункте, а именно:

- число проданных или обменных лошадей (общее, по отдельным категориям, возрастам, мастям и, отчасти, породам животных, по местожительству и социальным группам торговцев);
- величину оборота конской торговли в целом, а также по отдельным городам и социальным группам торговцев, в частности;
- географию конской торговли по данным местожительства ее участников;
- цены на лошадей (в том числе их дифференциация по категориям, возрастам, мастям и породам);
- персональный, социальный и, отчасти, национальный состав торговцев и поручителей торговых сделок.

Сходство формуляра записей конских таможенных книг разных лет и разных городов обеспечивает возможность проведения многоаспектного хронологического и межрегионального сопоставительного анализа статистических и фактологических данных, содержащихся в этих ценных исторических источниках.

Конские таможенные книги имеют важное значение для изучения региональной социально-экономической истории России. Они позволяют выявить особенности развития местных конских рынков, проследить динамику объемов конской торговли в разных городах в зависимости от воздействия различных внутренних и внешних экономических, политических и военных факторов. Так, курские конские книги свидетельствуют о том, что в 1619 г. большинство лошадей сбывалось в Курске приезжими торговцами. Это было связано, вероятно, с тем, что в Смуту конское поголовье в курской округе понесло значительный урон и возникла необходимость в пригоне лошадей из других, менее пострадавших в этом отношении районов страны. В 1620-е годы ситуация изменилась. Начиная с 1623/1624 гг. количество лошадей, сбываемых местными жителями, постоянно увеличивалось и к 1628/1629 гг. куряне заняли в конской торговле доминирующее положение. Вероятно, коневодство в Курском уезде на протяжении 1620-х годов сумело оправиться от потерь и продажа лошадей местными жителями, естественно, возросла. В начале 1640-х годов в курской конской торговле вновь происходят существенные перемены. В 1641/1642 гг. куряне прода-

ли почти в девять раз меньше лошадей, чем в 1628/1629 гг. Данный факт следует связывать с татарскими разорениями Курского уезда в начале 1640-х годов. Многие крестьянские хозяйства, откуда во второй половине 1620-х годов поступали на продажу лошади, были разгромлены. Масштабы опустошения были, очевидно, так велики, что местное коневодство в последующий период так и не смогло восстановиться в полном объеме. Во всяком случае количество лошадей, сбываемых курянами в 1650–1670-е годы, было намного ниже, чем во второй половине 1620-х годов. В годы русско-польской войны 1654–1667 годов ситуация на конском рынке Курска отличалась нестабильностью, на что указывают значительные перепады в количестве сбываемых лошадей. На рубеже 1650–1660-х годов курская конская торговля оказалась в упадке, выразившемся в значительном падении объемов продаж. В 1660–1662 гг. отмечен обвальный рост цен на лошадей. Причины этого положения кроются в кризисе денежного обращения в стране и обесценивании медной монеты. Ситуация в конской торговле Курска нормализовалась только после Андрусовского перемирия 1667 г.

Рассматриваемые источники дают возможность определить круг городов и уездов, жители которых посещали местные конские рынки. Эти сведения важны для исторической географии. Так, в конской таможенной книге Москвы 1630 г. среди продавцов и покупателей лошадей зафиксированы жители из 60 городов России и ее тогдашнего ближнего зарубежья (Алатырь, Алексин, Арзамас, Белгород, Белев, Боровск, Брянск, Великие Луки, Вологда, Волоколамск, Воронеж, Галич, Дмитров, Елец, Казань, Калуга, Кашин, Кашира, Козьмодемьянск, Коломна, Кострома, Курск, Лебедянь, Ливны, Лух, Медынь, Мещовск, Михайлов, Можайск, Мценск, Невель, Новгород, Новгород-Северский, Новосиль, Одоев, Орел, Осташков, Переславль-Залесский, Переславль-Рязанский, Псков, Путивль, Ржев, Ржева Пустая, Ростов, Руза, Саратов, Серпейск, Скопин, Смоленск, Стародуб, Суздаль, Тверь, Темников, Торопец, Тула, Углич, Чебоксары, Шацк, Юрьевец-Повольский, Ярославль). Среди торговцев лошадьми в Москве зарегистрирован «немчин Галанской земли», а также крымские посланники. На московской конской площадке действовали жители подмосковных сел и деревень Бахчино, Бурцова, Домодедово, Капятино, Клязьма, Коломенское, Коргошино, Котляково, Крылатское, Микитское, Мотякова, Мячково, Новинки, Озеры, Покровское, Собакина, Тайнинское, Троицкое, Хорошево, Хупавна, Юдино. В памятнике упомянут также целый ряд сельских населенных пунктов других уездов России. Конская таможенная книга Москвы дает представление об исторической топографии столицы. В ней упоминаются различные

части города: слободы Басманная, Гончарная, Дорогомиловская, Екатерининская, Кадашевская, Казенская, Козье Болото, Коломенская, Конюшенная, Лужнецкая, Мясницкая, Новая Алексеевская, Новая Кузнецкая, Новая Троицкая Неглинненская, Рогожская, Савинская, Садовая, Сыромятная, Таганная, Тверская, сотни Дмитровская, Ордынская и Покровская, Кожевницкая полусотня.

Всестороннее изучение конских таможенных книг и публикация этих источников (в традиционной текстуальной форме или в виде регестов) являются одной из перспективных задач современной исторической регионалистики. Работа в этом направлении позволит ввести в научный оборот целый комплекс новых данных, относящихся к социально-экономической истории регионов России, исторической географии, генеалогии и биографике.

Примечания

- ¹ *Sundberg H.* Horse-trading contracts in early seventeenth-century Novgorod: Colour adjectives and other vocabulary in horse description // Scando-Slavica. 1985. Vol. 31. P. 153–167; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 97–99.
- ² РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10. Л. 1–64; № 11. Л. 1–37 об.
- ³ Таможенные книги Московского государства XVII в. / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950. Т. 1. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. С. 130–139, 258–272.
- ⁴ *Виноградов И.П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). Смоленск, 2006. С. 117.
- ⁵ См.: Книги московских приказов в фондах Центрального государственного архива древних актов: Описание: 1495–1718 гг. / Отв. сост. В.Н. Шумилов. М., 1972.
- ⁶ РГАДА. Ф. 137. Конюшенный приказ. Кн. 1-а. Л. 1–224; Оп. 2. Кн. 152. Л. 1–208.
- ⁷ См.: *Сакович С.И.* Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. М., 1956. 148 с. (Труды ГИМ; Вып. 30); *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII в. – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. 126 с.; Книги Московской Большой таможни 1693–1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М., 1961. 119 с. (Труды ГИМ; Вып. 38).
- ⁸ См.: *Митяев К.Г.* Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII в. // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 65.
- ⁹ *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 205.
- ¹⁰ *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII в. (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 242.

- ¹¹ См.: *Раздорский А.И.* Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // *Археографический ежегодник за 2005 г.* М., 2007. С. 394–462.
- ¹² РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Кн. 32854.
- ¹³ Термин «конь» обозначал, как правило, боевую лошадь, предназначенную исключительно для верховой езды (см.: *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1970. С. 88). Кони стоили обычно значительно дороже меринов, кобыл и жеребцов.
- ¹⁴ В указании пород лошадей таможенники не видели особой необходимости, поскольку подавляющее большинство животных, разводимых в русских крестьянских хозяйствах, мало чем отличались друг от друга. Иначе обстояло дело с лошадьми иноземного происхождения, которое особо оговаривалось в записях. Так, в семи курских таможенных книгах первой половины XVII в. такие лошади встречаются неоднократно. Больше всего упомянуто ногайских лошадей (11 кобыл, 6 коней и 2 жеребца), за ними следуют крымские (3 коня), калмыцкие (2 коня), черемисские (2 мерина), татарские (1 кобыла). Во второй половине XVII в. иноземные лошади встречаются в Курске значительно реже. В таможенной книге 1653/1654 гг. один раз упомянут «аргун», в 1657/1658 гг. – ногайская кобыла. Надо полагать, что из-за войны с Польшей перегон таких лошадей в Россию оказался затруднен. В московской конской таможенной книге 1630 г. упоминаются 4 черемисские, по 2 калмыцкие и ногайские и 1 литовская лошадь.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 79. Л. 67 об. См. также: Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982. С. 118.
- ¹⁶ Выражение «леты сросла» («летми сросла», «сросла») обозначает старую лошадь. При этом возрастные границы в разных таможенных понимались по-разному. Так, в курских таможенных книгах под это определение подпадают лошади старше 10 лет, в московских источниках – старше 12 лет.
- ¹⁷ Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 1. С. 261.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 137. Конюшенный приказ. Кн. 1-а. Л. 183.
- ¹⁹ См.: *Российское законодательство X–XX вв.*: В 9 т. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов. С. 238–239.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 137. Можайск. Кн. 1-а. Л. 2 об.
- ²¹ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Кн. 32897. Л. 8 об.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ПОВОЛЖЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

В статье анализируется работа царской администрации по приглашению и организации перевозок из Европы в Россию семей колонистов, выразивших желание заняться на территории России сельскохозяйственным производством. Рассмотрены вопросы их размещения в Поволжье и организации быта. Подчеркнута роль Екатерины II, принимавшей личное участие в написании именных указов, регламентировавших условия проживания немецких колонистов в Поволжье, предоставлявших им льготы и налоговые послабления. В статье прослеживается процесс постепенной интеграции немцев-колонистов в российское общество, который в основном завершается к началу последней трети XIX в. Отмечено, что немцы сохранили свой быт, язык, культуру и религию и приобрели идентичность «русских немцев».

Ключевые слова: иммиграционная политика, немецкие колонисты, русские немцы, саратовские колонии, Канцелярия опекунства иностранных.

В последние три века в мире сложились определенные традиции привлечения рабочей силы из других стран для решения конкретных задач экономического, хозяйственного развития отдельных регионов, отраслей промышленности или сельского хозяйства.

Привлечение рабочей силы требует от приглашающей страны больших материальных затрат и создания специальных иммиграционных служб как в самой стране, так и за ее пределами – в тех странах, где имелся излишек рабочей силы.

Россия начала накапливать опыт массового приглашения рабочей силы из Европы со второй половины XVIII в.

Для России иммиграция рабочей силы – объективный процесс, связанный, во-первых, с тем, что избыточная часть населения, возникавшая с течением времени в крестьянских семьях, должна была искать новые земли для приложения своего труда и, во-вторых, Российское государство постоянно нуждалось в людских ресурсах для освоения необжитых, постоянно расширяющихся территорий.

В условиях России середины XVIII в. приглашение большого числа крестьян и ремесленников из стран Европы, где развитие техники и технологии сельскохозяйственного производства и ремесла было выше российского, способствовало развитию отечественного крестьянского хозяйства и ремесел.

Усилиями правительства России степи к югу от реки Самары стали доступны для массового заселения и хозяйственного освоения с середины XVIII в. Город Саратов постепенно утрачивал значение сторожевой крепости на Волге и усиливал свою роль как административный центр, вокруг которого начинала развиваться рыбная, а затем и соляная промышленность.

До массового прихода колонистов из Европы в саратовские степи для освоения обширных пустующих земель были переселены малороссы из Харьковской и Полтавской губерний.

С 1740 г. саратовскому купечеству было разрешено строить особые дворы для казенного постоя. Купцы, построившие дворы, освобождались от постоев в своих собственных домах и дворах. Эти дворы впоследствии использовались правительством для расселения семей колонистов¹.

По приказу императрицы Елизаветы Петровны правительство подготовило в октябре 1752 г. проект Манифеста с перечнем привилегий и условий, которые позволили бы привлечь сельскохозяйственных рабочих, ремесленников на свободные земли в различных регионах России. Переселенцам разрешалось строительство своих церквей, они на 15 лет освобождались от налогов, им выделялись средства на проезд в Россию, оказывалось содействие в строительстве на новых землях домов и хозяйственных построек. Если же переселенцев не устраивали условия и климат нового места, то они могли вернуться на родину².

Коллегия иностранных дел должна была начать подготовку основного текста Манифеста и затем опубликовать текст в европейских газетах, но началась Семилетняя война, отодвинувшая реализацию проекта на 10 лет.

Большая часть условий проекта Манифеста была реализована Екатериной II при организации немецких поселений на Волге и в других регионах страны. Екатерина II понимала выгоду, которую будет иметь экономика России от привлечения из Европы квали-

фицированной рабочей силы. 14 октября 1762 г. Екатерина II в именном Указе Правительствующему Сенату разрешила иностранцам селиться на пустых землях в России «понеже в России много пустых непоселенных мест, а многие иностранные Нам бьют челом дабы Мы им позволили поселиться на таких пустых местах. Мы надеемся со временем через то умножить славу Божию и благополучие нашей империи»³.

4 декабря 1762 г был издан именной Манифест, в котором содержалось приглашение всем желающим, проживающим на территориях европейских государств, переезжать и селиться в России, «приемлем и всем приходящим на поселение в Россию Наша Монаршия милость и благоволие оказаны будут, поселяясь в России могут пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества»⁴.

Екатерина II приказала генерал-прокурору Сената А.И. Глебову «на всех языках и во всех чужестранных газетах напечатать» Манифест, который был издан на латинском, немецком, французском, польском и турецком языках⁵. Манифест, приглашавший жителей Европы приезжать в Россию, никаких юридических или материальных привилегий им не обещал.

Несмотря на активную деятельность русских дипломатов в Европе и их помощников из местных жителей – «зазывателей», переезжать в Россию на новые земли жители Европы не торопились.

В связи с этим под руководством Екатерины II и при ее личном участии был подготовлен Манифест «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах», который она подписала 22 июля 1763 г.

Манифест уведомлял колонистов, что в губерниях приехавшие в Россию переселенцы могли явиться в представительство Канцелярии опекунства иностранных или администрацию города, где «имеют объявить в чем их намерение состоит: записаться в купечество или в цехи, или быть мещанином, и в котором городе, или поселиться колониями и местечками. Местной администрацией им будет сообщено, где и в каких местах Империи имеются свободные и удобные для поселения земли»⁶.

Манифест гарантировал переселенцам, не имевшим средств для переселения в Россию, возможность их получения «у Министров Резидентов наших, находящихся при иностранных дворах». Переселенцы, которые самостоятельно могли доехать до пограничных российских городов, получали средства для дальнейшего передвижения по России «у губернаторов, а где их не было, то у иных городских начальников»⁷.

Всем прибывшим в Россию на поселение предоставлялось право на свободное вероисповедание по их уставам и обрядам. А тем

общинам, которые пожелали поселиться отдельными колониями и местечками, предоставлялось право строить церкви и колокольни, «иметь необходимое число пасторов и прочих церковнослужителей, исключая одно – построение монастырей»⁸.

Колонисты, поселившиеся на новых местах, освобождались от всяких «налогов и тягостей в течение 30 лет. Осевшие в Санкт-Петербурге, Москве, Финляндии, Эстляндии не платят налогов 5 лет, а в прочих губерниях, провинциальных городах не платят налогов 10 лет»⁹.

Колонистам предлагалось внутреннюю жизнь организовывать в соответствии с их юрисдикцией, традициями и бытом. «Наши начальники, – указывалось в Манифесте, – во внутренних их порядках никакого участия иметь не будут»¹⁰. Во время пребывания в России колонисты освобождались от военной и гражданской службы, несли только земские повинности. «Если кто-то из переселенцев пожелал служить в солдатах, то при направлении в полк он получит 30 руб., кроме тех, которые ему положены по службе»¹¹. На строительство домов, приобретение скота, всякого инструмента, припасов и материалов «выдавать беспроцентные ссуды из казны на 10 лет. По истечении срока долг погашается в три года равными частями»¹². Тем иностранным капиталистам, которые собственным своим иждивением заводили в России фабрики, мануфактуры и заводы, «позволялось покупать надлежащее число крепостных людей и крестьян»¹³. Переселенцам, поселившимся колониями или местечками, «позволяем установить по собственному их благорассуждению торги и ярмарки, без всякого побора и платежа пошлин в казну Нашу»¹⁴. Если кто-то из переселенцев, имевших российское подданство, выразил пожелание выехать из России, то он должен был вернуть в казну «из всего благонажитого, а именно, живущие от 1 года до 5 лет – пятую часть, от пяти лет и далее – десятую часть, а потом отъехать кто куда пожелает, беспрепятственно»¹⁵.

Текст Манифеста также был переведен на европейские языки и опубликован в европейских газетах. Манифест произвел большое впечатление на местное население европейских государств. Российские дипломаты Мусин-Пушкин в Гамбурге, Смолин в Регенсбурге, Воронцов в Лондоне вначале сами набирали переселенцев. Но отсутствие какой-либо организационной структуры, которая контролировала бы переезд переселенцев в Россию, приводило к тому, что набранные переселенцы зачастую оставались дома. Нужно было создать специальный орган, который принимал бы колонистов и отправлял их в Россию. Смолин в Регенсбурге предложил учредить должность особого комиссара, к которому должны были приходиться все желающие колонисты, и который должен был отправлять их морем в Россию. Предложение было утверждено императрицей¹⁶.

Был создан институт «зазывателей» из людей, постоянно проживающих в Германии и других странах Европы. Для заключения договоров «зазыватели» разработали особые формы условий, которые Екатерина утвердила 17 ноября 1764 г.

Но правительство не ограничилось частными «зазывателями» колонистов и в видах большего набора учредило в Швабском и Верхнерейнском округах Германии, в Ульме и Франкфурте-на-Майне казенных комиссаров, которые под надзором резидента Смолина «помогали собирающимся там во множестве выходцам из земледельцев и проезде в Россию советом и делом, и деньгами». Данная резидентам инструкция предписывала: «Отвести им чистую, здоровую квартиру и отправлять их партиями 60–100 человек на двух или трех фурах в Любек к комиссару Шмидту»¹⁷.

Один из колонистов в июне 1765 г. сообщал на родину, что «около Саратова основано 5 колоний. Все обещанное манифестом выполняется свято и даже с избытком, земля несравненно лучше <...>, реки изобилуют рыбой, колонистам строят дома и дают инструменты и материалы. Сюда прибыло уже 1 500 семейств»¹⁸.

К концу 1766 г. завершилась в основном перевозка в Россию колонистов. Само правительство через своих агентов перевезло в Поволжье с 1763 по 1766 г. 6 542 семьи колонистов и «зазыватели» соответственно – около 22 800 душ¹⁹.

Расселить и устроить такую массу людей было задачей сложной и правительство решило прекратить вызов до тех пор, пока «все донныне выехавшие колонисты получают дома, нужные инструменты, скот и все прочие потребности, действительно в работу не вступят и собственного пропитания иметь не будут»²⁰. После 1766 г. прием колонистов значительно сократился и в 1773 г. и вовсе был прекращен²¹.

Понимая складывающуюся ситуацию с передвижением и расселением колонистов, царская администрация при личном участии Екатерины II начала создавать специальную систему государственных учреждений, которым поручались прием, размещение и организация жизни переселенцев. Появилась необходимость создания центрального государственного органа, который бы сконцентрировал в своих руках всю систему управления переселением, дабы колонисты «не могли долговременно быть без определения по их желаниям»²². 22 июля 1763 г. Екатерина II подписала Указ Сенату об учреждении Канцелярии опекунства иностранных. Президентом Канцелярии определялся генерал-адъютант и действительный камергер граф Г.Г. Орлов: «дабы столь полезное для империи нашей учреждение с наилучшим успехом происходило, то мы, ведая к Отечеству Нашему верность и усердие, определяем Вас на оную президентом»²³.

Екатерина II написала инструкцию, в которой были определены основные направления деятельности Канцелярии опекунства иностранных²⁴.

Задачи Канцелярии были кратко сформулированы ее президентом графом Г.Г. Орловым: «наблюдать как интерес Наш, так и собственную колонистов пользу». Основная задача – заботиться о приезжих поселенцах, способствовать своими действиями созданию благоприятного образа России²⁵. Канцелярия составила подробные планы с описанием удобных к поселению свободных земель. На основании этих планов определялись места поселения колонистов. Количество земли, необходимой для образования колоний, определялось по числу семей, пожелавших поселиться на данной территории. Главной заботой Канцелярии было следить за тем, чтобы «все иностранцы при самом начале их прихода в Россию «никакому изнурению или тягости подвергнуты не были»²⁶.

Приехавшим предоставлялось жилище, для чего Канцелярия могла арендовать дома или снимать квартиры. Деньги на текущие расходы Канцелярия получала в Камер-Коллегии до 200 тыс. руб. в год²⁷. Из этих денег Канцелярия могла предоставлять переселенцам ссуды на покупку необходимого инструмента и тягловой силы для ведения сельскохозяйственных работ, строительства подсобных помещений, а для тех, кто решил обосноваться в городе и заняться ремеслом, выдавала деньги на приобретение жилья, инструментов, материалов.

Инструкция отдавала предпочтение Канцелярии перед другими государственными структурами: «Во всех учреждениях своих Канцелярия опекунства вследствие сей инструкции никому отчету дать не должна как нам самим, а токмо о издержанных деньгах в Ревизион-Коллегию. Если у Канцелярии возникает какая-либо необходимость, то она должна обратиться с просьбой в Сенат о скорейшем решении возникшей проблемы»²⁸.

Канцелярией опекунства был разработан «Реестр находящихся в России свободных и удобных к населению земель». Российское правительство предложило переселенцам для освоения земли в Центральной России, Малороссии, Архангельской, Московской и других губерниях, в Сибири. В Реестре указывалось географическое название места и количество свободной земли²⁹.

Возникла необходимость издать закон, в котором прописать все условия, которые будут предоставлены колонистам. Основные положения закона были разработаны в правлении Президиума Канцелярии опекунства иностранных графа Г.Г. Орлова. Предложения были переданы Правительствующему Сенату и 19 марта 1764 г. утверждены Екатериной³⁰.

Местом поселения колонистов был указан луговой берег Волги; колонистам было предложено «водворять округами, занимая округу на подобии циркуля, чтобы окружность оной не менее шестидесяти и не более семидесяти верст простиралась и заключала в себе удобий для надела 1 тыс. семей. По округам можно будет, впредь по умножению поселян, способное сделать всякое потребное по обстоятельствам учреждение, а в рассуждении различных разных вер, поселяя каждой религии людей в особой округе, отвратить через то всякую вражду и ненависть, случающиеся обыкновенно между разноверцами, от излишней ревности к вере»³¹.

Каждой семье выделялось 30 десятин земли, из них – 15 десятин на пашню, 5 – на сенокос, 5 – лесное угодье, 5 – на усадьбу и огород³².

Царская администрация предложила внутреннюю юрисдикцию оставить на волю самих колонистов, однако с тем, чтобы повиноваться общему гражданскому праву. Для временного решения этой проблемы Екатерина II предложила «заблаговременно сочинить несколько различных учреждений и на которые ныне выезжающие согласятся или от них предложения приняты могут быть, то есть, утвердя письменно, учредить всегдашним той колонии законом, а о содержании этого узаконения при вступлении во владение землею обязывать каждого подпиской»³³.

Канцелярия опекунства иностранных не имела постоянного представителя в Поволжье, поэтому делами переселенцев занималась местная воеводская канцелярия. Канцелярия опекунства иностранных предпринимала попытки руководить расселением колонистов через своих представителей. Весной 1764 г. Канцелярия направила в Саратов своего заседателя – комиссара Рейса, который вместе с Саратовской воеводской канцелярией приступил к приготовлениям для приема колонистов³⁴.

Но это не могло кардинально повлиять на складывающуюся в Поволжье ситуацию с расселением и устройством жизни колонистов. Правительство также убедилось, что оставлять колонистов на попечение саратовской воеводской Канцелярии и смотрителей при межевании земель и назначенных на некоторое время опекунами колонистов не представлялось далее возможным. Они не имели инструкций по устройству колонистов и их внутреннего управления.

Поэтому по докладу графа Г.Г. Орлова, утвержденному Екатериной II, 30 апреля 1766 г. была учреждена Саратовская особая Контора опекунства иностранных «с равным преимуществом против прочих коллежских контор, а случившиеся между российскими и чужестранными ссоры и приходящие от них жалобы рассматривать ей обще с тамошней воеводской канцелярией»³⁵. Из

доклада графа Г.Г. Орлова видно, что контора эта назначалась «на то время, пока сие иностранное население вошед во все российские обычаи, сможет уже препоручено быть под общее обыкновенно учрежденных российское управление»³⁶. Контора являлась филиалом Канцелярии опекунства иностранных. Штат Конторы состоял из главного судьи, трех членов, секретаря, бухгалтера, переводчика и канцелярских служителей. Местные смотрители или комиссары были подчинены Конторе.

В 1766 г. президент Канцелярии опекунства иностранных граф Г.Г. Орлов обратился в Сенат с просьбой об увеличении штата Канцелярии и ее аппарата на местах. Это было связано со значительным увеличением количества иммигрантов из Европы, а имеющийся управленческий аппарат на местах не справлялся с приемом, расселением и организацией жизни переселенцев на местах. 28 апреля 1766 г. был Высочайше утвержден доклад Правительствующего Сената, решения которого предусматривали: увеличение числа чиновников и служителей Канцелярии и ее местных служб на то количество служащих, которое потребуется. Созданной в Саратове Конторе опекунства иностранных было указано, что сложные проблемы она должна была разрешать вместе с воеводской канцелярией³⁷. Решения руководства Конторы должны были носить коллегиальный характер. Для упрощения связи Конторы с колонистами была введена должность окружного комиссара, кандидатура которого утверждалась Канцелярией в Санкт-Петербурге. Основная тяжесть управления ложилась на старост колоний, в руках которых находилась административно-полицейская власть. По конфессиональной принадлежности колонисты делились в основном на лютеран, католиков и меннонитов. Лютеране составляли большую часть приехавших, католики были вторыми, реформаты – третьими.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни в Указе об учреждении Саратовской Конторы, ни в последующих законодательных актах не указано никаких определенных, самостоятельных обязанностей Конторы по устройству колонистов и управлению ими. Обо всех возникающих проблемах Контора должна была докладывать Канцелярии и получать оттуда руководящие указания³⁸.

В 60–80-е годы XVIII в. была заложена структура религиозной организации поволжских колоний. Она включала следующие элементы: избираемые церковные старосты, патеры и пасторы – суперiores для католиков. Белорусская епархия возглавляла католиков, Юстиц-коллегия – протестантов. Пастеров и патеров назначала Канцелярия опекунства иностранных и на первых порах оплачивала их работу. Основу церковной структуры в поволжских колониях составляли приходы, ячейками которых были сельские общины во

главе с церковным старостой. К концу XVIII в. в колониях действовали 59 лютеранских, 23 реформатских, 33 католические церкви³⁹.

Создаваемые в Поволжье начальные немецкие школы были конфессиональными. Школы создавались не для получения общего образования, а для подготовки к конфирмации, которую проходили девочки и мальчики в 14 лет. С 7 до 14 лет они должны были посещать школу для усвоения основ религиозного учения. В конце XVIII в. в 102 немецких колониях функционировали 105 школ, занятия в которых велись регулярно⁴⁰.

Общественность России с интересом наблюдала за ходом расселения колонистов, их обустройством, освоением ими новых, неизвестных земель. В «Трудах Вольного экономического общества» в 1767 г. была опубликована статья «Примечания на лежащие около Саратова места, в рассуждении сельскохозяйственного домостроительства». В статье отмечалось, что на черноземных саратовских землях хорошо растут яровая пшеница, ячмень, рожь, гречиха, можно выращивать виноград, табак и другие сельскохозяйственные культуры. Обращалось внимание читателей на то, что использование немецкого плуга при возделывании почвы резко повышает урожайность и увеличивает продолжительность использования земли. Рост урожайности сельскохозяйственных культур значительно возрастает, – указывалось в статье, – с использованием навоза, который местные жители в сельском хозяйстве не использовали. Автор статьи предлагал переселенцам на первое время строить мазанки, которые не уступают в прочности деревянным строениям⁴¹.

Некоторая часть колонистов не смогла приспособиться к сельскохозяйственным работам в российских условиях. У себя на родине они были купцами, фабрикантами, художниками и даже учеными. Однако в России, не имея профессиональных навыков, они должны были заниматься земледелием и поэтому их земли не плодоносили и они разорялись и не могли выплачивать долги государству.

В мае 1775 г. Канцелярия опекунства иностранных совместно с Сенатом подготовили доклад Екатерине II, в котором содержался анализ жизни и трудовой деятельности колонистов. На основании этого доклада был издан Екатериной II именной Указ «О поселении около Саратова колонистов и учинения им ссуды». В Указе Екатерина II отметила, что «неспособным и не получающим одобрение быть хлебопашцам объявить что миновали сроки к платежу казенных долгов, что, заплатя оные, они могут беспрепятственно выехать из России, а в противном случае должны упражняться по городам в разных, по их способностям, работах и получаемыми за то деньгами возвращать казенный долг или вступить в Нашу военную службу», для тех, «кои не желают выехать из России», Ека-

терина II предложила «дать еще пятилетнюю отсрочку в выплате долгов»⁴².

Этим же указом вводилась в 13 округах должность Комиссара, на которого возлагалась обязанность наблюдать за общественным порядком и оказывать колонистам помощь в разрешении возникавших у них проблем⁴³.

Правительство внимательно следило за выполнением переселенцами финансовых обязательств перед государством. За границу выпускали только тех поселенцев, которые погасили долги и имеют об этом свидетельство, выданное Канцелярией опекунства иностранных. Те, кто не погасил финансовой задолженности, получали паспорт, который позволял им иметь заработок в городах или иных местах для погашения имевшегося долга перед государством⁴⁴.

20 апреля 1782 г. по высочайшему Указу были упразднены Канцелярия опекунства иностранных и ее Контора в Саратове. Колонии были переданы в общее с государственными крестьянами управление и «находящиеся в ведомстве Конторы селения со всеми производившимися в них делами стали относиться к ведомству Директора экономии или домоводства тамошнего, по судным делам Нижним и Верхним Расправам, а полицейским – капитану-исправнику, и земским судам»⁴⁵.

Все эти изменения в управлении саратовскими колониями привели к ухудшению финансового и материального положения колонистов. Положение настолько ухудшилось, что колонисты в 1794 г. послали в Петербург «ходоков» с просьбой об облегчении их участи.

Екатерина II поручила Правительствующему Сенату рассмотреть просьбы колонистов Поволжья, Сенат, в свою очередь, предписал Саратовской Казенной палате изыскать средства к удовлетворению просьб колонистов. Решение затягивалось и только с воцарением Павла I проблемы начали решаться.

Именным Указом от 4 марта 1797 г. Павел I подчинил все колонии вновь учрежденной при Сенате «Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства»⁴⁶.

Указ Павла I от 30 июня 1797 г «О бытии в Саратове Конторы опекунства иностранных» возобновлял деятельность Конторы «для ближайшего и успешного попечения над всеми колониями иностранных в Саратовской губернии находящиеся и вновь поселяемые». Саратовская Контора восстанавливалась с «равным преимуществом против прочих Коллежских Контор и, состоя в ведомстве, учрежденном при Сенате Экспедиции государственного хозяйства опекунства иностранных и сельского домоводства». Это было напрямую связано с реформами в системе управления губерниями⁴⁷.

Этим же указом была утверждена «Инструкция Саратовской Конторе опекунства иностранных с приложением штата». В инструкции Павел I приказал Конторе «управлять всеми колониями иностранных в Саратовской губернии, иметь надлежащее по опеке попечение и присмотр и заниматься хозяйственными распоряжениями, к их настоящей пользе и к сельскому домоводству относящиеся». Предлагалось перевести Курскую Межевую Контору в Губернию Саратовскую «для генерального размежевания и, чтоб на каждую душу по последней переписи отмежевано было по 20 десятин»⁴⁸.

Для того, чтобы колонисты были уверены в том, что с них правильно берут налоги и не совершают каких-либо неправомерных действий, со стороны местной администрации было указано, чтобы «все приказы и распоряжения от Конторы им посылаемые» должны писаться на их диалекте⁴⁹.

Штат Конторы опекунства иностранных состоял: из главного судьи с окладом в 1875 руб., двух товарищей с окладом по 600 руб., секретаря переводчика, бухгалтера с окладом по 400 руб., землемера с окладом в 359 руб., архивиста и прочих чинов и служителей канцелярии. Всего на содержание Конторы выделялось 7750 руб. в год⁵⁰.

Экспедиция государственного хозяйства составила «Положение для внутреннего управления в колониях», которое было высочайше утверждено 7 августа 1797 г.

Оно сводилось к следующему:

- «– по неравенству селений соединить их в волости, не более 3 тыс. ревизских душ, каждой волости иметь название по главному в ней селению с учинением в нем волостного правления, в котором быть волостному главе, одному старосте и писарю;
- сверх волостного правления быть во всяком селе или деревне по сельскому выбору старосте, при всяких десяти дворах по одному десятскому;
- волостного голову и писаря выбирать на два года обществами всех сел волости, а сельских старост – погодно из крестьян «добрых поведением, примерных в хозяйстве, дабы собою другим подавали пример;
- волостному голове и сельскому старосте в своих селениях должны обнародовать узаконения, вразумлять и научать поселян добронравию, церковному благочинию;
- волостной голова должен: 1) в маловажных между поселянами ссорах и исках расправу чинить и примирять, в случае их несогласия предоставлять им волю обращаться в суды. 2) иметь над вдовами и сиротами, равномерно над ленивыми и нерадивыми опеку».

Волостной глава вместе с сельскими выборными должен заботиться об исправлении мостов, колодцев, об общественных хлебных магазинах и способствовать пользе селян⁵¹.

Начатая Павлом I реформа управления колониями Поволжья была продолжена Александром I. 17 сентября 1800 г. Александр I ввел в действие новую «Инструкцию внутреннего распорядка и управления в Саратовских колониях». Инструкция определила систему самоуправления колоний, права и обязанности колонистов, взаимоотношения колонистов с местной властью, ограничила возможности начальственного произвола в организации хозяйственной деятельности колонистов.

В инструкции подчеркивались роль Церкви в организации общественной жизни колоний и необходимость активного участия колонистов в церковной жизни. «Главная должность всех поселян повиноваться закону своей Церкви, для чего должно, чтобы каждый из них в воскресные и праздничные, от патеров назначаемые праздничные дни, приходил в храм»⁵².

В правительственных сферах перестали относиться с безграничным доверием к донесениям управляющих колониями чиновников и из Петербурга начали посылать специальных ревизоров для изучения на местах причин ухудшения жизни в колониях.

В 1801 г. Александр I направил в саратовские колонии члена Экспедиции хозяйства, тайного советника К.И. Габлица для выявления имевшихся там злоупотреблений в управлении колониями и подготовки предложений по исправлению существующего положения дел⁵³.

К.И. Габлиц подробно, в течение трех лет, ознакомился с положением дел с выделением земель колонистам для ведения хозяйства и системой местного управления и сделал следующие выводы:

- переселенцы с самого начала были поселены на неудобных землях;
- переселенцы ни к каким промыслам, кроме хлебопашества и скотоводства не склонны;
- местное начальство не вело систематического контроля за работой колонистов и не поощряло их к активной работе⁵⁴.

Министр внутренних дел на основании доклада тайного советника К.И. Габлица подготовил доклад и последовал Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 19 декабря 1802 г. «О правилах наделения поволжских колонистов землей», в котором конкретизировались задачи Министерства внутренних дел, местных органов власти по переустройству жизни колонистов:

- все земли, полученные колонистами от Казенной палаты до проведения отмежевания выключить из obroка, если у кого из

колонистов окажется земли более чем 20 десятин на душу, то эту землю у колониста не отрезать;

- прекратить практику, когда местная администрация выделяла на 3 десятины солончаковой земли одну десятину удобную для хлебопашества и впредь выделять для хлебопашества колонистам только удобную землю, а находящуюся между нею солонцеватую почву отдать колонистам без платежа по-земельных денег;
- леса, которые были выданы колонистам по Манифесту 22 июля 1783 г., были присвоены местной администрацией. Эти леса отдать в совершенное владение колонистов;
- за нерадивость в ведении дел, обман и «ложных переводах на российский язык бумаг, переводчика Конторы Гримма и секретаря Баженова предать суду», остальных работников, в связи с недоказанностью по разным делам их злоупотреблений, но не снятым подозрениям, от должностей освободить⁵⁵.

С 1802 г. создания колоний в Поволжье прекращается на долгое время. С учреждением в 1802 г. Министерства внутренних дел «Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства» вместе с подчиненными ей региональными структурами вошла в его состав и оставалась в нем до 1837 г., когда была включена в состав Министерства государственных имуществ.

С этого времени начинается перестройка управления саратовскими колониями и их постепенное включение в общероссийскую систему государственного управления.

В 1833 г. завершается период создания новых иностранных поселений и запрещается свободный въезд колонистов в Россию⁵⁶. Император Николай I в июле 1833 г. заложил новые принципы управления колониями:

- Саратовская контора сохраняется, но меняет название и становится Саратовской Конторой иностранных поселенцев;
- ее руководитель – главный судья становится управляющим;
- контора сохраняет попечительные функции над колониями и сочетает высшую административную, полицейскую и судебную власть;
- вводится институт смотрителей колоний, которые практически являются посредниками между попечительными органами и поселениями. Во многом их функции совпадали с функциями окружных комиссаров, существовавших до 1782 г. Саратовской Конторе были подчинены колонии, разместившиеся на землях Воронежской губернии. Министерству внутренних дел было рекомендовано подготовить Устав о колониях. Устав, утвержденный Александром II в 1857 г., приближал управление

саратовскими колониями к местному российскому самоуправлению. По новому Уставу непосредственное управление колониями осуществлялось окружными и сельскими приказами.

Все колонии разделили на округа (волости). В каждом округе учреждался окружной приказ во главе с окружным головой и двумя заседателями. Сельский приказ учреждался в каждой колонии и состоял из старосты и двух помощников. От каждых 10 дворов выбирался десятский. Колонисты каждой колонии составляли мирское общество, в котором устанавливался мирской сход, состоявший из колонистов по одному со двора. Окружной голова избирался колонистами на три, а его заседатели на два года от всех колоний округа. Сельский староста и его помощники избирались на два года. Устав не отменял привилегии и льготы, полученные колонистами по Манифесту 22 июля 1763 г.⁵⁷

В июне 1871 г. Александр II подписал Указ «О колониях иностранцев в империи», который определял «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях...». Указ отменял особую систему управления саратовскими поселениями, а колонисты вошли в состав сельских обывателей и причислялись к разряду крестьян-собственников.

Существовавшие округа преобразовывались в волости. Немецкие волости, округа, села переходили в прямое подчинение органов государственной власти тех уездов, губерний и областей, на которых они располагались. Все делопроизводство в немецких селениях переводилось на русский язык. В «примечаниях» к «Правилам об устройстве...» указывалось, что поселяне на ближайшие 10 лет освобождались от военно-постоянной повинности и воинской повинности до издания общего закона о воинской повинности. Тем самым сохранялись некоторые льготы, предоставленные переселенцам по Манифесту 1762 г., вплоть до введения с 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности, по которой немцы-колонисты подлежали призыву в российскую армию.

Освоение Поволжья иммигрантами из Западной Европы, начатое по инициативе и при непосредственном участии Екатерины II, является примером масштабного решения хозяйственных задач с одновременным освоением важного для России региона. Царская администрация стремилась при организации системы управления переселенцами максимально учитывать их интересы.

За более чем столетнее существование на саратовских землях немецкие колонии были постепенно интегрированы в систему государственных учреждений России с учетом их интересов и национальной специфики. При этом немецкие колонисты сохранили свои культуру, язык, религию, образование, что позволило им идентифицировать себя как «русские немцы».

- ¹ Семенов В.Н. От первого воеводы до последнего секретаря // Волга. 1997. № 5–6. С. 4.
- ² История немцев России. М., 2005. С. 27.
- ³ Немцы-колонисты в Век Екатерины II. М., 2004. С. 9.
- ⁴ Там же. С. 10–11.
- ⁵ ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание 1. Т. XXVI. № 11720. С. 126–127.
- ⁶ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 10. Оп. 1. Д. 228. Л. 1.
- ⁷ Барлетт Р.П. Дидро и иностранные колонии Екатерины II // Волга. 1997. № 5–6. С. 51.
- ⁸ Там же. С. 51–52.
- ⁹ История российских немцев в документах. М., 1993. С. 1.
- ¹⁰ Немцы-колонисты в Век Екатерины II. С. 14–19.
- ¹¹ История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 39–40.
- ¹² ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XVII. № 12763. С. 1022–1023.
- ¹³ Там же. Т. XVI. № 11880. С. 313–316.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 3398. Л. 304 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 305–306.
- ¹⁷ ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XVI. № 11880. С. 316.
- ¹⁸ Там же. С. 316–317.
- ¹⁹ Там же. С. 318.
- ²⁰ Там же. № 12793. С. 98.
- ²¹ Немцы Поволжья. Саратов, 2002. С. 14.
- ²² ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XVI. С. 241–242.
- ²³ Немцы-колонисты в Век Екатерины II. С. 25.
- ²⁴ Немцы Поволжья. С. 17–19.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 3398. П. 243 об.
- ²⁶ Немцы-колонисты в Век Екатерины II. С. 26.
- ²⁷ Там же. С. 26–28.
- ²⁸ Немцы Поволжья. С. 17.
- ²⁹ Там же. С. 17–19.
- ³⁰ ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XVII. № 12630. С. 98–100.
- ³¹ Там же. № 12793. С. 1067–1069.
- ³² Там же. С. 1068.
- ³³ Дремова С.В. К истории немцев Поволжья // Культура русских и немцев в Поволжском регионе: Сб. статей. Саратов, 1993. С. 5.
- ³⁴ Там же. С. 5–6.
- ³⁵ Немцы-колонисты в Век Екатерины II. С. 22.
- ³⁶ Там же. С. 29–30.

- 37 Немцы в истории России. 1652–1917. Документы. М., 2006. С. 66–69.
38 Там же.
39 Труды Вольного экономического общества. СПб. Ч. VII. 1767. С. 26–45.
40 ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XX. № 14302. С. 126.
41 Там же.
42 Там же.
43 Там же. № 14432. С. 346–347.
44 Немцы-колонисты в Век Екатерины II. С. 146–148.
45 ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XXIV. № 17865. С. 508.
46 Там же. № 18021. С. 641.
47 Там же. № 18022. С. 642.
48 Там же.
49 Там же. Ч. 2. С. 362.
50 Немцы в истории России. 1652–1917. С. 102–103.
51 Там же. С. 2–4.
52 Там же. С. 4–8.
53 ПСЗРИ. Собрание 2. Отд. 1. Т. 8. № 6298. С. 396–397.
54 Там же.
55 История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 22–36.
56 Немцы в истории России. С. 429–430.
57 Там же. С. 437–457.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТАМБОВСКОЙ, САРАТОВСКОЙ
И ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ
УЧЕНЫМИ АРХИВНЫМИ КОМИССИЯМИ

В статье анализируется деятельность Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий по исследованию и охране археологических памятников в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.; выделены основные направления и этапы; показаны положительные и отрицательные стороны этого процесса. Впервые вводятся архивные материалы об их участии в поиске и изучении археологических памятников, ставших впоследствии предметом исследования ведущих ученых страны. Изучен механизм взаимодействия ученых архивных комиссий с местными органами власти, различными социальными группами, с научными обществами и институтами общероссийского уровня, что ранее не было представлено в научной литературе.

Ключевые слова: российская провинция, губернские ученые архивные комиссии, археология, археологический памятник, Археологический институт, Археологическая комиссия, археологическая карта губернии.

На рубеже XIX–XX вв. инициатива археологических исследований на местах от губернских статистических комитетов постепенно переходит к губернским ученым архивным комиссиям (далее – ГУАК). Последние не ограничивали свою деятельность лишь сбором и изучением письменных источников, но активно включали в круг своих исследований и памятники материальной культуры. Подобный подход к пониманию учеными архивными комиссиями своих задач был обусловлен предписанием Комитета министров 1884 г. об изучении губернскими архивными комиссиями «различных памятников старины» и логически вытекал из того содержания, которое вкладывалось в XIX в. в понятие «археология». В силу расширительной трактовки ее предмета, вклю-

чавшего изучение различных видов исторических источников, как документальных, так и вещественных, ученые архивные комиссии в какой-то степени были обречены на комплексное сочетание в своей деятельности функций историко-архивного и историко-археологического обществ. ГУАК, будучи зачастую единственными в провинции историческими обществами, в полной мере осознавали свою ответственность за сохранность всех категорий памятников.

Условно можно выделить следующие направления археологической деятельности ГУАК: 1. Проведение археологических раскопок; 2. Осуществление археологических разведок («экскурсий»); 3. Составление археологических карт губерний; 4. Публикация результатов археологических исследований; 5. Участие во всероссийских и областных археологических съездах; 6. Формирование археологических коллекций в музеях при комиссиях; 7. Охрана памятников археологии; 8. Педагогическая археология (чтение лекций по археологии края, привлечение к полевым работам учащихся училищ и местного населения).

Археологической деятельностью из трех нами исследованных архивных комиссий первой стала заниматься Тамбовская губернская ученая архивная комиссия (далее – ТУАК). В ее археологической работе, как и в остальных направлениях деятельности, прослеживаются два этапа, содержание которых во многом было обусловлено взглядами двух председателей – И.И. Дубасова и А.Н. Норцова. В первый период своего существования комиссия, не имевшая необходимого опыта в проведении раскопок, а также средств для их организации, пыталась найти выход из положения путем привлечения к археологическим исследованиям местных любителей старины. Подобное, недопустимое с современной точки зрения предложение, стало результатом несколько наивных представлений председателя об археологии как науке. Он, как и многие провинциальные историки, считал ее такой отраслью знаний, которая более других доступна «не одним ученым по профессии и образованным людям, но и людям простым, не ученым, но сочувствующим науке»¹. Эти действия имели неоднозначные результаты: с одной стороны, такой подход обеспечил значительный приток археологических находок в комиссию, с другой – привел к уничтожению археологических объектов вследствие проведения неквалифицированных раскопок.

В отличие от первого председателя А.Н. Норцов делал ставку на развитие археологической деятельности ТУАК на ее собственные силы. По его инициативе акцент в работе комиссии переносился с археологических разведок к собственно раскопкам памятников. С этой целью он подготовил специальную программу археологического исследования края.

Сознавая недостаточность своих знаний в области археологии, члены ТУАК, как и других архивных комиссий, стремились восполнить отсутствие специальной подготовки. Между тем возможности подготовки кадров археологов в провинции на рубеже XIX–XX вв. были ограничены. Повышение квалификации в данной области на местах сводилось к следующим основным направлениям. Во-первых, использовались немногочисленные пособия по методике и технике археологических раскопок, выполнявшие роль инструкций. Другим зарекомендовавшим себя способом являлось привлечение археологов-профессионалов с целью курирования раскопок, производившихся на местах. Так, по предложению И.И. Дубасова общее собрание Тамбовской комиссии постановлением от 9 сентября 1893 г. решило избрать членом ТУАК опытного археолога, сотрудника Рязанской комиссии А.И. Черепнина. Предполагалось, что в дальнейшем он примет на себя обязанности куратора ТУАК в области археологических исследований. Однако возлагавшиеся на него комиссией надежды оказались напрасными – чрезмерная занятость не позволила рязанскому археологу оправдать ожидания тамбовских коллег.

Определенную роль в подготовке местных кадров играли провинциальные археологические курсы, к участию в которых привлекались специалисты из крупнейших университетских центров. Так, большим успехом пользовались курсы, организованные в 1904 г. в г. Твери. На них были приглашены видные ученые из Петербурга и Москвы (профессора С.Ф. Платонов, Н.В. Покровский, академик А.И. Соболевский и другие)². По свидетельству директора Археологического института Н.В. Покровского, успех курсов был блестящим: «Переполнение аудитории, всеобщее оживление, разнообразие слушателей по возрастам, званиям и состояниям – все это давало основания думать, что курсы <...> идут навстречу живой потребности знания»³. Воодушевленная этим опытом, Тамбовская комиссия планировала использовать его для организации археологических курсов в родном городе, однако реализации задуманного воспрепятствовали революционные события 1905–1907 гг.

В целом деятельность ТУАК по изучению края в археологическом отношении сводилась к трем основным направлениям: выявлению археологических объектов путем разведок, посильному участию в проведении раскопок и обобщению сведений о существующих памятниках в виде археологических карт. В целях выявления археологических памятников и последующего их изучения, картографирования и охраны ТУАК практиковала поездное анкетирование. Первый опрос уездных властей был проведен в 1888 г. по анкете, составленной Московским археологическим обществом

(далее – МАО)⁴. В результате ТУАК собрала значительное количество сведений по Елатомскому, Козловскому, Моршанскому, Шацкому, Темниковскому, Тамбовскому и Спасскому уездам, за что получила в свой адрес благодарность от лица председателя общества П.С. Уваровой.

Археологические раскопки ГУАК собственными силами производили очень редко, что было связано, прежде всего, с отсутствием у них средств и квалифицированных кадров, способных вести самостоятельно подобные работы. Как правило, их проводила Археологическая комиссия. Так, в 1892 г. под руководством А.А. Спицына она вела археологические раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях⁵. Однако председатель ТУАК А.Н. Норцов придавал немаловажное значение организации активных самостоятельных раскопок. Как уже говорилось, в 1900 г. им была разработана программа археологического обследования губернии, которая предполагала комплексный осмотр, описание и раскопки археологических объектов, а также сбор фольклорного и этнографического материала и описание памятников церковной археологии. В связи с тем, что по указу Александра III (1889) исключительное право производства и разрешения раскопок на «казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям землях» было передано Археологической комиссии⁶, программа была выслана ей и в Московское археологическое общество (далее – МАО).

Археологическая комиссия поддержала начинание тамбовских историков и выдала «открытый лист» на производство раскопок. Однако позиция МАО была более жесткой. Оно рекомендовало не предпринимать каких-либо практических действий из-за отсутствия у членов комиссии необходимого опыта, а ограничиться визуальным осмотром и описанием памятников, с чем комиссия и согласилась. В результате задуманному А.Н. Норцовым широкомасштабному плану по производству раскопок в пределах губернии не суждено было выйти из стадии теоретической разработки. Деятельность комиссии в данном направлении ограничилась попытками внести посильный вклад в исследование Лядинского и Кошибеевского могильников, проводившееся Археологической комиссией.

Большое значение комиссия придавала обобщению данных об уже открытых археологических памятниках края. Первой попыткой свести их воедино стало предпринятое И.И. Дубасовым поуездное описание курганов, городищ, городков и отдельных находок. Однако это описание отличалось неполнотой и не имело картографического оформления. Поэтому начальным опытом в области археологической топографии Тамбовского края следует считать карту М.Г. Розанова и А.В. Проскурникова (1889)⁷, подготовленную в

связи с началом работ по составлению сводной общероссийской археологической карты. Несмотря на стремление авторов карты к возможно более широкому охвату памятников, ее нельзя было признать исчерпывающей. На это обстоятельство обратил внимание А.Н. Норцов, поставивший задачу подготовить новый вариант карты. При этом он преследовал более широкие цели, чем его предшественники, раскрывая не только археологические, но и исторические особенности края, что нашло отражение в названии новой карты «Историко-археологическая карта Тамбовской губернии»⁸. Ввиду этого, помимо поездного описания археологических объектов, автор включил в текстовую часть сведения из истории городов, сел и деревень губернии, данные о памятниках церковной архитектуры, бытовавшие среди местных жителей предания и легенды. Всего на карту было занесено более 600 объектов – курганов, городищ, могильников, местонахождений монетных кладов, костей и других случайных находок. Кроме того, были описаны остатки оборонных укрепленных линий Русского государства XVI–XVII вв. в Шацком, Спасском, Тамбовском, Лебедянском, Липецком, Козловском и Усманском уездах.

Расцвет археологической деятельности Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) приходится также на начало XX столетия. Она, как и Тамбовская комиссия, стала широко практиковать рассылку сельским учителям, врачам, священникам, мировым судьям, сельским старостам специальных опросных листов, стремясь вовлечь их в поиск археологических памятников. Подобная деятельность СУАК приносила свои плоды. Значительные поступления имели место от частных лиц, так, в 1912 г. один из железнодорожных служащих передал ей коллекцию из 973 золотоордынских монет, собранных на Увек⁹, археологическом памятнике периода Золотой Орды.

Первая попытка создать археологическую карту Саратовской губернии была связана также с СУАК. В марте 1888 г. Саратовский губернатор А.И. Косич предложил составить карту археологических находок губернии. В июне того же года МАО обратилось к губернаторам, к главам местных епархий, земским управам, директорам народных училищ и ГУАК с просьбой разослать подведомственным им учреждениям вопросники, а затем на основе их составить археологические карты губерний¹⁰. Здесь мы наблюдаем редкий случай, когда инициатива центрального и местного учреждений, независимо друг от друга, совпала в едином стремлении, направленном на развитие науки.

Работу по составлению карты возглавил член СУАК В.К. Воронков. Началась она с рассылки по уездам губернии списка во-

просов, составленного МАО. Причем, по мнению членов СУАК, инициатива создания археологических карт по каждой губернии России принадлежала именно им. Делегат Восьмого археологического съезда (1890) от Саратовской комиссии М.В. Готовицкий по возвращении сделал доклад «Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на Восьмом археологическом съезде»¹¹. Главный вывод, к которому он пришел, опираясь на решения съезда, – необходимо составить археологическую карту губернии.

Создание археологической карты – дело нескольких десятков лет, поэтому в 1905 г. СУАК вновь рассылает опросные листы по уездам губернии. Но эта инициатива комиссии из-за революционных событий потерпела провал. Поэтому в 1907–1908 гг., несмотря на финансовые трудности, комиссия вновь рассылает опросные листы и получает на них ответы. Работа по составлению карты была завершена первым саратовским археологом А.А. Кротковым лишь в 1911 г. Основу подготовленной к печати археологической карты составляли три вида источников: 1. Опросные листы МАО; 2. Собственные полевые исследования членов комиссии; 3. Археологические материалы, ранее опубликованные губернским статистическим комитетом и любителями-краеведами.

После составления карты встал серьезный вопрос об ее издании. Комиссия не имела необходимых денежных средств для осуществления этого проекта. Поэтому правление СУАК обратилось к директору Археологического института, который предложил напечатать карту в 23-м выпуске «Вестника археологии и истории»¹². Начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществить эти планы.

Одним из направлений пропагандистской деятельности СУАК было приобщение к археологическим исследованиям учащихся средних учебных заведений города Саратова. По инициативе членов комиссии С.А. Щеглова и Б.В. Зайковского в 1910 г. при Саратовской второй мужской гимназии был организован «Кружок учащихся – любителей изучения местного края»; под их руководством были организованы совместные археологические исследования в Царицынском, Камышинском и других уездах губернии. В результате было собрано и передано в музей СУАК около 2,5 тыс. археологических предметов.

Археологическая деятельность Пензенской ученой архивной комиссии (далее – ПУАК) представлена в гораздо меньшей степени, чем аналогичная работа Тамбовской и Саратовской архивных комиссий. Главным образом в ПУАК поступали археологические находки, случайно найденные местными жителями. Их присылали вместе с протоколами уездных полицейских исправников, где описывались обстоятельства их нахождения. Как правило, комис-

сия направляла их в Археологическую комиссию для определения исторической ценности. Причем, последняя нередко оставляла ценные находки у себя.

О проведении археологических разведок силами ПУАК мы обнаружили материал в заметке В.П. Попова «О двух достопримечательных открытиях, сделанных в 1904 г. Пензенской ученой архивной комиссией», в которой дается недостаточно корректное описание неолитического поселения около Пензы¹³.

По всей видимости, единственные за всю историю ПУАК целенаправленные археологические раскопки производил действительный член комиссии, священник Саранской Казанской церкви А.И. Любимов. 24 июня 1902 г. он писал председателю комиссии В.Х. Хохрякову, что на юге и северо-западе от Саранска есть несколько насыпных курганов и просил ходатайствовать перед Археологической комиссией разрешить раскопки на свои средства. И в мае 1903 г. ему прислали «открытый лист» на право проведения раскопок в пределах Саранского уезда Пензенской губернии. 25 сентября 1903 г. от Любимова была получена докладная записка. В ней он сообщал о результатах проведенных им раскопок и о возможности их продолжения в будущем. Не имея средств производить систематические раскопки из-за дороговизны рабочих рук, он с помощью добровольцев вскрыл наиболее крупный из группы курганов. Сведений о дальнейших археологических исследованиях А.И. Любимова нами не обнаружено. Известно, что 5 августа 1905 г. ПУАК сообщила Археологической комиссии, что «открытый лист» может быть возвращен ей лишь при завершении Любимовым воинской службы¹⁴.

Осуществляла ПУАК и охранную деятельность. Так, 15 марта 1913 г. Археологическая комиссия просила ее организовать надзор за планировочными работами при постройке железнодорожных ветвей от Чембара до станции Башмаково и от Нижнего Ломова до станции Выглядовка¹⁵.

В целом деятельность ГУАК по археологическому обследованию своих губерний значительно уступала размаху работ в области архивного дела. Данное обстоятельство объясняется как недостаточной подготовленностью сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и пониманием ими приоритетности своих задач по изучению и сохранению, прежде всего, письменных памятников. Предпринимавшиеся меры для повышения своей квалификации оказывались слишком непоследовательными для того, чтобы дать ощутимые результаты. Отсутствие специальной подготовки неизбежно сказывалось на объеме и качестве проводившихся комиссиями исследований. Другой причиной

недостаточного развития археологического направления деятельности ГУАК являлась хроническая нехватка денежных средств. Констатируя незначительное число проделанных силами комиссий археологических раскопок, в то же время следует признать их бесспорный вклад в дело накопления и обобщения данных об археологических объектах на территории страны, а также их картографирования, пропаганды и охраны. Причем археологические карты своих губерний были составлены Тамбовской (2 варианта) и Саратовской (1 вариант) комиссиями. ПУАК к подобной работе не приступала.

К сожалению, опыт СУАК в деле привлечения учащихся средних учебных заведений к археологическим исследованиям не получил широкого распространения в России. Археологические находки хранились в музеях при ГУАК, которые и поныне составляют основу археологических коллекций областных краеведческих музеев.

Несмотря на ошибки, допускаемые ГУАК при проведении археологических исследований, в целом они сыграли положительную роль. Для науки были открыты и, что очень важно, сохранены уникальные археологические комплексы.

Примечания

- ¹ ИТУАК (Известия Тамбовской ученой архивной комиссии). Вып. 13. Тамбов, 1887. С. 2.
- ² См.: Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии с 1903 по 1912 г. Тверь, 1915. С. 42.
- ³ *Покровский Н.В.* Губернские ученые архивные комиссии. СПб., 1908. С. 37.
- ⁴ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 178. Оп. 1. Д. 19 Л. 1.
- ⁵ Раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 г. СПб., 1894.
- ⁶ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С. 3.
- ⁷ *Розанов М.Г., Проскурников А.В.* Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // ИТУАК. Вып. 26. Тамбов, 1890.
- ⁸ См.: *Норцов А.Н.* Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Там же. Вып. 50. Тамбов, 1905.
- ⁹ Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 211–213.
- ¹⁰ Предложение Императорского археологического общества о составлении и издании археологической карты // Там же. Т. II. Вып. 1. Саратов, 1889.
- ¹¹ *Готовицкий М.В.* Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на Восьмом археологическом съезде // Там же. Т. III. Вып. 1. Саратов, 1890. С. 271–291.

- ¹² См.: Протокол заседания общего собрания членов комиссии № 166. 25 февраля 1914 г. // Там же. Вып. 32. Саратов, 1915. С. 173.
- ¹³ Труды ПУАК. Пенза, 1904. Кн. 2. С. 219–220.
- ¹⁴ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 85, 87–89, 143–145, 174, 175.
- ¹⁵ Там же. Д. 39. Л. 1–5, 10, 31.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МЕТОД
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГРАФА С.Д. ШЕРЕМЕТЕВА
О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ
КАК НОВЫЙ ПОДХОД
К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМ ЭПОХИ

Цель статьи – изучить примененный С.Д. Шереметевым в исследованиях о Смутном времени метод «вопрошания земли». Последовательно проанализированы работы С.Д. Шереметева, каждая из которых служила ступенью в восхождении к раскрытию судьбы царевича Дмитрия. Отмечено, что именно в поисках «северных следов» участников политической борьбы историк пришел к ключевому концептуальному выводу о зависимости происходивших в Угличе, Москве, Тушине, Рязани, Нижнем Новгороде событий от имущественно-семейных и межличностных отношений. Таким образом, примененное графом «вопрошание земли» стало демонстрацией нового подхода к изучению истории, который в современной терминологии может быть определен как историко-краеведческий.

Ключевые слова: С.Д. Шереметев, царевич Дмитрий, историко-краеведческий метод, Смутное время, монастыри русского севера, исследования С.Д. Шереметева.

Род Шереметевых оставил заметный след в русской истории. Дипломаты и политики, меценаты и полководцы – они составляли цвет русского дворянства.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), занимая высокие должности при Дворе, состоял членом множества научных обществ; как влиятельный человек, оказывая помощь молодым ученым, сам занимался исследовательской работой. В неопубликованной статье «О задачах русского историка» в числе других проблем отечественной истории он считал важной проблемой «уяснение личности Лжедмитрия I и установление его подлинности, так как под наслоением клевет, подтасовок, подлогов скрывается тайна, освещающая весь последующий период нашей истории»¹. В Рос-

сийском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) хранятся неопубликованные работы С.Д. Шереметева: «Угличское событие», «Море Студеное», «Рострига». Эти работы, а также переписка графа с Александром и Николаем Барсуковыми, А.Н. Бестужевым-Рюминым и другими единомышленниками дают возможность попытаться изучить научный метод исследователя.

«Сложное и загадочное Угличское событие, – писал С.Д. Шереметев, – ...побуждает исследование других путей, других “беспристрастных” показаний, вопрошая даже землю, ради некоторого частного освещения отдельных событий Смутного времени»². Подобная формулировка глобальной исследовательской задачи определила всю теоретическую и методологическую основу исторических изысканий графа, посвященных Смутной эпохе.

Подобный подход встретил понимание у современников, в частности, у Н.К. Бестужева-Рюмина, также много занимавшегося проблемами конца XVI – начала XVII в. «Путь, выбранный Вами, – писал он в «Письмах о Смутном времени», – самый надежный. Если до сих пор Смутное время оставалось книгою под семью печатями, то причиной было отсутствие детальной разработки»³.

Интерес графа к сюжетам Смутного времени объясняется во многом и тем, что его предки принимали активное участие в этих событиях. Пётр Никитич Шереметев сражался с войсками самозванца, но не был лишен сомнений в правильности своего выбора. Известны его слова: «Трудно воевать с природным государем». Василий Петрович Шереметев был стольником на свадьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек. Считается, что при его участии был убит Прокопий Ляпунов, а Иван Петрович Шереметев одно время воевал в войске атамана Заруцкого. Фёдор Иванович Шереметев принимал участие в обороне против Самозванца, но, как и многие другие, в мае 1605 г. принес ему присягу. Он поддерживал патриарха Гермогена, считавшего необходимым избрать на царство русского царя, но, как член «семибоярщины», подписал приглашение на русский престол польского королевича Владислава. На всем протяжении «осадного сидения» в Кремле он заведовал Казенным двором. Именно Фёдор Иванович в 1613 г. склонял Земский собор к избранию царем Михаила Романова⁴. В 1618 г. Фёдор Иванович вел переговоры с Польшей о заключении мира. За это он получил награды: шубу соболью с золочеными пуговицами; кубок серебряный золоченый; прибавку к жалованью в размере ста рублей; вотчину с крестьянами и 500 четвертей земли⁵.

Не один год работал граф над интересующей его темой. Слухами о ней полнилось научное сообщество. В июне 1892 г. член Земского собрания Можайской губернии Алексей Варженевский писал свое-

му другу С.Д. Шереметеву: «Как продвигается твое “Угличское событие”? Москва полна о нем слухами. Тебя даже в ереси обвиняют. Но ты не обращай внимания...»⁶. Граф С.Д. Шереметев, к которому обращено письмо, не обращал внимания на слухи, окружающие его многолетний труд по истории Смутного времени в России, но довести его до конца и опубликовать ему так и не привелось.

Спустя почти два десятилетия писатель и историк К. Валишевский заметил: «И может быть решительный шаг [в изучении Смутного времени – *М. К.*] был бы уже сделан, если бы книга графа Шереметева – труд долгих лет – вышла в свет, но вряд ли можно надеяться, что она будет издана в ближайшем будущем...»⁷. Что же увидел Сергей Дмитриевич в тех исторических документах, которые до него видели и изучали многие и многие историки? Какими новыми материалами, позволившими по-другому взглянуть на то далекое время, воспользовался он?

Основными сюжетами исторических исследований графа становятся политическая борьба придворных группировок после смерти Ивана IV, внешние контакты Московского государства и «государевых людей» – как официальные, так и на уровне частных сношений, в период до и после рокового события в Угличе, а также гипотеза о спасении якобы «убиенного» царевича и вывозе его в один из северных монастырей на Двине.

Для решения этих задач необходимо было широкое использование архивных материалов и актов (особенно часто автор использовал Писцовые книги по городам и уездам, а также документы из Московского архива Министерства Юстиции (далее – МАМЮ), и Посольского приказа). Нарботки на их основе по сюжетам Смутного времени привели автора к формированию не только новой оригинальной точки зрения на угличские события, но также и к созданию нового подхода к подбору и исследованию источников в рамках историко-краеведческой разработки той или иной проблемы, «вопрошания земли». Профессиональные историки живо интересовались трудами графа «Вчера посетил нас В.О. Ключевский и сказал нам, что очень желает познакомиться с ходом Ваших исследований по Смутному времени <...> У Ключевского ум пронизательный и бездна познаний по этой части и, сколько мне известно, самый метод Ваш ему весьма по душе»⁸. Это сообщал Сергею Дмитриевичу его близкий друг Николай Платонович Барсуков. Историк по образованию, он переживал успехи Сергея Дмитриевича на историческом поприще. «...Радуюсь, что Вы познакомились с Иконниковым <...> Из всех русских ученых он ближе всех к Вашему воззрению на Расстригу...»⁹. А вот и мнение самого Н.П. Барсукова: «...Стоит только вспомнить, что труды Ваши по Смутному времени

суть творческие, но вместе с тем они есть кропотливое собирание источников, и если бы Вы пожелали, то могли бы издать несколько книг по этому предмету»¹⁰.

Сами непосредственные события в Угличе 15 мая 1591 г. подробно разобраны в работе С.Д. Шереметева «Угличское событие». С.Д. Шереметев, следуя советам К.Н. Бестужева-Рюмина и отчасти призыву В.С. Иконникова пересмотреть все наработанные по этому историческому сюжету данные, предлагает в своем исследовании обратиться к личностям – непосредственным участникам событий, и их действиям «с особой исследовательской тщательностью». В ходе разработки данной проблемы С.Д. Шереметев выдвигает гипотезу о том, что царевич Дмитрий, вопреки официальной версии комиссии Шуйского, не зарезался при игре в «тычку» сам в припадке «падучей», а также не был убит подосланными из Москвы С. Битяговым и О. Волоховым, на чем настаивало подавляющее большинство современных С.Д. Шереметеву исследователей, а был тайно вывезен на север Московского государства, в один из монастырей, а именно в Антониево-Сийскую обитель на Двине, с которой у Углича имелись связи. Тело же в гробу, предьявленное комиссии, принадлежало вовсе не царевичу, а «невинно убиенному мальчику из городского посада, который пал жертвой большой политической игры».

Следственное дело по поводу убийства царевича Дмитрия началось не единожды и многими. Неоднократно указывалось и на спорные моменты в деле, которые, начиная с формы (подчистки, пометки, подписи на обороте листов, отсутствие в деле такого важного документа, как описание тела погибшего царевича), заканчивая содержанием, по-разному говорят о самой смерти царевича: Андрей Нагой утверждает, что его «убили», а патриарх Иов – что «не стало Божьим судом», кормилица – «не уберегла», а слуги – «убили, а кто – не ведают». Не совсем благополучно обстояло дело и с телом убитого царевича – мало кто его видел, слишком быстро перенесли тело в собор и собор закрыли (С.Д. Шереметев говорит о преднамеренности этого поступка со стороны родственников). Участник следственной комиссии, окольный Андрей Луп-Клешнин, «затрепетал, оцепенев, стоял неподвижно, обливаясь слезами» (К.Н. Бестужев-Рюмин посоветовал С.Д. Шереметеву убрать это «ненаучное» свидетельство), увидев, по мнению исследователя, подлог одного ребенка другим... Вскоре после этого, указывает С.Д. Шереметев, окольный удаляется в Пафнутьев Боровской монастырь, а незадолго до смерти принимает схиму с обетом молчания.

Давно известны были исследователям воспоминания иноземцев – очевидцев событий. Скептически относились некоторые из

них к заявлению Жака Маржерета об убийстве «подложного принца»: «Как считают, мать и некоторые другие вельможи, зная об опасности, которой младенец мог подвергнуться, изыскали средство подменить его и подставить другого на его место». С.Д. Шереметев по-новому посмотрел и на сообщение Джерома Горсея о встрече его с Афанасием Нагим в ночь убийства: «...царь и совет отослали меня на время в Ярославль <...> Однажды ночью я поручил свою душу Богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. Вооружившись пистолетами и другим оружием, <...> я и мои 15 слуг подошли к воротам <...> “добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой”. Я увидел Афанасия Нагого <...> “Царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около 6 часов, один из слуг признался на пытке, что его послал Борис, царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя, помоги мне, дай мне какое-нибудь средство! Увы! У меня нет ничего действенного”. Я не отважился открыть ворота, убежал в дом, схватил банку с чистым прованским маслом и коробку венецианского порошка <...> Я отдал все через забор и он ускакал прочь». Связав этот факт с фактом отсутствия в следственном деле показаний Афанасия Нагого, С.Д. Шереметев сделал вывод, что родственника царицы Марии в день снятия показаний действительно не было в Угличе.

С.Д. Шереметев считал Афанасия Нагого «самым необходимым лицом в начале задуманного предприятия», то есть спасения царевича. Не могла остаться чуждой делу и мать, царица Мария Нагая. Без нее и ее согласия нельзя было приступить к делу. Чтобы начать такое сложное и небезопасное предприятие, ей нужен был человек вполне надежный, и таковым был, прежде всего, старший из Нагих, Афанасий Федорович. Он должен был посвятить себя этому делу и исчезнуть. С.Д. Шереметев считал, что он исчез из Углича 15 мая...

По мнению историка, не было в городе и убитого царевича; этот вывод он сделал, проанализировав вклады в крупнейшие монастыри. От царя Фёдора, известного современникам своим благочестием и искренней любовью к младшему брату, не поступило ни одного заупокойного вклада по царевичу Дмитрию; в то же время, были сделаны крупные вклады на помин души Степана Битяговского, одного из главных убийц по официальной версии. И еще одна из тех самых «деталей тщательной разработки», подмеченная С.Д. Шереметевым – могила «убиенного царевича» в Угличе была заброшена настолько, что, когда понадобилось взять тело в Москву, его едва отыскали¹¹. Объяснение этому С.Д. Шереметев видит только в одном – и глава следственной комиссии Василий Шуйский, и Борис Годунов, и царь Фёдор знали, что убит не царевич, а подставное лицо.

Около десяти работ С.Д. Шереметева посвящено Смутному времени. Все они служили ступеньками, по которым он поднимался к заветной цели – написанию подробного исследования о судьбе царевича Дмитрия. Непосредственно об убийстве в Угличе им было опубликовано «По поводу родословия Нагих»¹² и «От Углича к морю Студеному»¹³ (в неопубликованном варианте – «Море Студеное»¹⁴). Основными трудами историка по этой теме стали «Рострига»¹⁵ и «Угличское событие»¹⁶. Они не опубликованы и хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Одна из тетрадей исследования «Угличское событие» находится в личном архиве Е.В. Шереметевой в Москве.

Новизна исследовательского метода, разработанного С.Д. Шереметевым, состоит в том, что, рассматривая причины и следствия событий Смуты, он уделяет основное внимание не политическим хитросплетениям, не движениям армий и ополчений и не мудрости (или глупости) правителей. Все то, что происходило в Угличе и Москве, Тушине, Рязани и Нижнем Новгороде было, по мнению графа, следствием имущественных (главным образом – земельных), а также межличностных отношений.

Вслед за исследователем обратим внимание на эти детали. Царевич Дмитрий по пути в Углич был привезен в Троице-Сергиев монастырь, который был близок роду Нагих. Многие из них были там похоронены, о чем свидетельствуют соответствующие списки похороненных. С.Д. Шереметев пишет: «...состав братии, указывающий на многообразные связи семейные, сосредотачивающиеся в Троицкой обители <...> Близость Нагих к этой обители свидетельствуется документами, вкладами, числом погребенных членов семьи. В среде братии должны быть, конечно, сторонники угличского двора. Связи Нагих с Троице-Сергиевой обителью явны из целого ряда грамот о вкладах их в Лавру...»¹⁷.

Особо отмечают географические и экономические связи монастыря с Угличем: «...Ей принадлежали в Угличском уезде, в Городском стану село Прилуки, к нему деревни Хамино, Ильинское, Семохино, Тестениково, Осенево, Захеино, Ескино, Пряниково, Моисеево, Алатаево, Степаново, Котлышкино, Васильево, Большое Порелино, Малое Порелино, Ворожино, Здвиженское, Костянтиново, Милейцы, Машнино, Родионово, Луговицыно, Ильино, Новое, Внуково, прежних грамот село Красное, к нему деревни Нефетино, Красное, Гребенево, Курьяново, Заручье, Моймеры, пустошь Савинская..., починок Олисеев..., Заболотье, починок Середка, село Климентьево, к нему деревни Добрилево, Якимцово, Ременино, Плоховка, Катунино, Горки, в Елоцком стану Морская, Голодово, Почниково, Климово...»¹⁸.

Так С.Д. Шереметев выходит на поиск того самого «ключа на север», так как надо было найти путь, по которому увозили царевича и верных людей, которые помогали делать это. Он пишет, предвывая свой историко-краеведческий анализ: «Ближайшее изучение этого направления может “осветить изучение северного края” неожиданностями, а искание именно подобного пути определенно указывает на бегство из Углича на север»¹⁹.

Исследованию судьбы царевича на Севере посвящена помимо «Угличского события» работа «Море Студеное»²⁰ (в изданном варианте «От Углича к морю Студеному», 1904)²¹. В ней подробно рассматриваются «северные связи» участников угличских событий. С.Д. Шереметев предлагает не совсем традиционный подход к исследованию, ставя в качестве исследовательской проблемы выяснение ролей нескольких лиц в событиях во время и после 15 мая 1591 г. Поиск на севере людей, оказавшихся там после известных событий, и выяснение роли, сыгранной в них северными монастырями, прежде всего Анонииево-Сийским и Кирилло-Белозерским, заставляет его обратиться к краеведческим и генеалогическим изысканиям.

Поиск «Северных следов» исследователь начинает с двух из непосредственных, по его мнению, участников спасения Дмитрия из Углича – Пашина и Буторина. Во время сыска по делу об убийстве царевича они отвечали, что находились в «таборах» около города и, услышав набат, в город не пошли. У Буториных свое место в угличском посаде, «на земле животворящей Троицы Сергиева монастыря»²². Впоследствии Буторины появляются на Вятке, Антоний Буторин возникает среди братии Коряжемского монастыря в Устюжской провинции (Сольвычегодский уезд). «Северные связи» Буториных обнаруживаются в Немьюге, Пинеге, Мезени, Олеме²³.

Особый интерес с историко-краеведческой точки зрения вызывают у автора северные обители, которые стали тюрьмой для многих деятелей Смуты и сыграли не последнюю роль в их судьбе. В традиционной историографии заточение в монастырь означало «политическую смерть», что мы видим у всех исследователей по отношению к Щелкалову, Мстиславскому, Марии Нагой и другим. Счастливым исключением в этом ряду является, безусловно, Ф.Н. Романов. Известно, что в марте 1605 г. царю Борису было донесение, что старец Филарет живет не по монастырскому чину, «всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак <...> старцев бранит и говорит им: “Увидимся, каков я вперед буду!”»²⁴. С.Д. Шереметев отказывается от такого взгляда и пытается продемонстрировать в своем исследова-

нии степень влияния монастырей на жизнь в окружающих областях, определить их роль на севере и развеять миф о политической «безжизненности» этого края.

Особый интерес историка вызывают прежде всего те обители севера, которые могут быть связаны с интригами вокруг малолетнего царевича и с его спасением – св. Антония Сийского на Северной Двине, св. Артемия на Верколе, Кирилло-Белозерская обитель... Таким образом, исследователь подошел к дальнейшей разработке сюжетов, связанных со спасением Димитрия из Углича, при помощи глубокого краеведческого анализа русского севера, жизни крупнейших монастырей и городских посадов.

Антониево-Сийский монастырь – главная обитель севера после Соловецкой, «сильный монастырь» с обширными владениями и широким влиянием. С.Д. Шереметев отмечает особую роль Сийской обители в политической жизни эпохи Смутного времени, называя ее «в известном смысле даже пунктом стратегическим, и близким прежде всего к сторонникам угличского царевича, тут в 1584 г. заточен П.А. Нагой, а с 1601 г. – Фёдор (Филарет) Романов».

Особое внимание С.Д. Шереметев обращает в своем исследовании на связь этих мест с Угличем и Москвой, и находит ее в знаменитом соколином промысле. Мастера этого дела поставляли птиц к «царской потехе». Граф упоминает стан «Соколиная нова», находившийся в устье Мезени, поселения «кречатных помытчиков», которые находились и под Переяславом, и под Угличем, в Юхоцкой волости князей Мстиславских. Нагие были потомственными ловчими при русских великих князьях (Василии III) и царях – Ф.М. Нагой был в этой придворной должности при Иване Грозном. «Связь с Двинским краем по делам потехи ловчей не прекращалась...»²⁵, – пишет Шереметев, подразумевая еще одну нить, связывающую Угличский двор с севером.

Использование историко-краеведческого метода дает небывалую возможность для расширения исследовательского поля при разработке тех или иных сюжетов Смуты, позволяя С.Д. Шереметеву сделать неожиданные выводы. Приведем пример. Одна из грамот времен Б. Годунова (1600 г.) сообщает о наличии пути морем из Мезени дальше на север в Мангазею и Пустозерск, через Окладникову слободу на том месте, где две реки, Кулой и Мезень почти сходятся устьями. Наличие этого пути, отмеченное также и С.Д. Шереметевым²⁶, позволяет ему сделать вывод о «невольном сближении» Мезени, Обдорского края, Мангазеи и Углича. Этот регион исследователь называет первым русским «окном в Европу», средоточием активной экономической и внешнеполитической жизни.

Обширный краеведческий очерк по русскому северу предполагает у С.Д. Шереметева географические и исторические привязки тех или иных мест к конкретным историческим личностям.

В «Море Студеном» исследование начинается с попытки проследить судьбу отца Марии Нагой, знаменитого «Федца» Нагого, следы которого были им обнаружены неподалеку от места ссылки самой Марии, то есть «недалеко от Вексы, и в Галицких, Отрепьевских пределах». С.Д. Шереметев обращает внимание на судьбу еще одного жителя «галицких пределов» – Пафнутия Обнорского, который «из Обноры²⁷ перешел в Чудов монастырь, когда в числе братии соборных был Замятня Отрепьев, родной дядя того сына боярского Юрия, который, уже приняв с постригом имя Григория, временно прибывал в Чудове, будучи постриженником Трифона Вятского...». Свидетельство об Обноре: «Обнора была на большом пути в Вологду из Ярославля, и в этом монастыре были хоромы для приезжающих. Обнора и Менза в близком друг от друга расстоянии и в пределах Отрепьевских, где угличское событие должно было особенно отразиться. Путь через Обнору и далее к северу, водою, вел на Тотьму Суморинскую и Истоминскую, и оттуда мелким Волоком в Верховажье мимо Леванидовой пустыни и Лукавина <...> Далее Вагой в Двину и через Сийский монастырь, где томился П.А. Нагой, и на Кулой, во владения этого монастыря, доходивших до Студеного моря в пределах Кеврольских и Карьепольской пустыни и селения Долгая Щель, близ впадения Мезени»²⁸. По реке Ваге отмечен кратчайший путь на север, к области реки Двины, что имеет важное значение для гипотезы Шереметева: «Нам дорог этот кратчайший путь на север, из Ярославля в Вологду и так далее. Но он должен быть не только кратчайшим, но и “безопаснейшим”. Места же у Важского волока и доньне глухие...».

Для С.Д. Шереметева практически вся предыстория и история Смутного времени находится в зависимости от семейных, родственных и дружественных связей. Он считал: «Если допустить влияние отдельных лиц на события, вопреки известной теории (имеется в виду спор о роли масс и личности в истории. – М. К.), то и самые события с их последствиями получают более определенное освещение»²⁹.

Для решения данной проблемы граф считал необходимым прежде всего «изучение родственных связей, благодаря коим представилась бы возможность расширить круг “ближних” царевича Дмитрия и его угличской обстановки», а также доскональное выяснение политической ситуации, предшествующей событиям, выявление тех ключевых моментов, которые и привели к великим потрясениям в российском государстве.

Кирилло-Белозерский монастырь издавна считался крупным политическим, экономическим и культурным центром русского Севера. Имел монастырь свое подворье и в Угличе. Известно, что в мае 1591 г. там находились кирилловские дьяки Огурцов и Истомин³⁰. А спустя несколько лет в монастыре появился новый инок, получивший имя Феодосия, и появился он в тот год, когда умерла малолетняя наследница русского престола – царевна Феодосия. Этот инок был не кто иной, как известный государственный деятель царствования Ивана IV Андрей Щелкалов. По мнению графа, в государстве А. Щелкалов занимал исключительное положение. Ему были известны государственные тайны, и «кто лучше его мог быть у источника начинаний и движений и их последствий, направляемых против Бориса Годунова»³¹.

С.Д. Шереметев считал, что появление его в монастыре было обусловлено необходимостью воспитания и образования того, кто по смерти царевны становился наследником престола. Его переводят из Сийского в Кирилло-Белозерский монастырь. Тогда же слухи о некоем таинственном отроке, воспитываемом в монастыре, через купцов-иностранцев, торговавших с Русским Севером, проникают за рубеж.

Граф считал, что без «подробного разбора генеалогических и земельных отношений ничего не добиться в разгадке тайны». Изучая историю Сийского монастыря, он находит в ней имена галичан, связанных родством с Отрепьевыми³².

В России же, по приказу Бориса Годунова, проходит по северным монастырям перепись, фиксирующая «монастырских детенышей»...

Исследования личности Дмитрия захватывают широкий круг лиц, событий и географических названий, которые связаны не только непосредственно со Смутой, но и с более ранним периодом.

Работая с архивными материалами, внимательно изучая их, Сергей Дмитриевич открывает следующее: соседний и ближайший к Кирилло-Белозерскому монастырю – монастырь Кирилла Новоезерского основан жителем Галича Кириллом Белым. Он находился в центре обширного озера у Кобылиной горы, стоял на сваях и был особенно удобен для «сокровенного пребывания». А рядом с поместьем Белых на берегу реки Монзы находилось поместье Отрепьевых, сыну которых Григорию и пришлось сыграть странную, до сих пор до конца не выясненную роль. Семья Отрепьевых имела давние связи с Костромским краем. Их родовое гнездо было на Монзе, и там же находилась вотчина Романовых – село Домнино. Монашеский сан Григорий Отрепьев принял в Железноборском Галицком монастыре.

Исследователь относит Г. Отрепьева к тому самому «детскому элементу» города Углича, на глазах у которого разворачивались кровавые события. Г. Отрепьев, хорошо известный Романовым, по мнению С.Д. Шереметева специально готовился для отводимой ему тайной роли. Вот как пишет о нем историк: «Юрий Отрепьев <...> постриженник Трифона Вятского и тем облегчивший себе доступ в Чудов монастырь. Здесь он не мог не обратить на себя внимание царя Фёдора своим дарованием и искусством как составитель канонов и церковных песнопений <...> занимал достаточно благоприятное место, будучи в Чудовом монастыре и в Кремле, чтобы иметь возможность следить за готовящимся наследством царя Фёдора, дни которого были уже сочтены»³³.

Междуцарствие 1589 г. завершилось полным торжеством Бориса Годунова. Григорию Отрепьеву уже нечего делать в Чудовом монастыре. Он направляется в Угрешский монастырь, затем уходит в «Галичские пределы», откуда рукой подать на Железный Борок. Здесь он соединяется с иноком Леонидом, тем самым таинственным, воспитанным в монастырях отроком. В дальнейшем их пути расходятся. Факт, что «инок Леонид» имел непосредственное отношение к престолу, по мнению С.Д. Шереметева подтверждался и тем, что «...в числе открыто протестовавших против избрания Бориса Годунова была братия Псково-Печерского монастыря <...>, который близок к обители Крыницкой, а в ней пребывал некоторое время инок Леонид...»³⁴.

«Смутным временем» С.Д. Шереметев занимался не одно десятилетие. Он изучал различные аспекты этого периода истории³⁵. В решении же главного вопроса точка поставлена так и не была. Можно только сожалеть о том, что он не успел посетить князя Сангушко в его имении Славута. Князь, трагически погибший во время революции, предоставил в его распоряжение свою библиотеку, где находились неизданные документы и бумаги на латинском и польском языках о Лжедмитрии³⁶.

Приведем эпитафии к одному из томов «Угличского события». Их содержание и последовательность говорят о многом:

Заклан бысть царевич Дмитрий за
его же кровь облилася русская земля...
Лет. (Так в рукописи. – М. К.)

Новый еретик Гришка Отрепьев Рострига лъстиво
назвася всея Руси Царевичем Дмитрием и безстыдно
яко пес на Царский престол Великие России вскочи...
Вивл. (Так в рукописи. – М. К.)

Ведь это ересь – Отец Игумен
– Ересь, святы́й владыко, су́щая ересь...
А.С. Пушкин³⁷

Даже если не все выводы, следующие из концепции С.Д. Шереметева, о том, что исторический путь России был бы иным, не случись переворота в мае 1606 г., кажутся нам бесспорными и сама концепция остается лишь гипотезой – одной из многих, – заслуга графа как историка – в демонстрации в действии нового подхода к исследованию как уже известных проблем, так и к постановке совершенно новых вопросов. Методологическая ценность работ С.Д. Шереметева представляется нам едва ли не превосходящей их концептуальную составляющую, синтез краеведения и истории для формирования нового взгляда на наиболее сложные проблемы русской истории и сейчас не только не потерял своей актуальности, но открывает новые исследовательские горизонты в русской медиевистике, страдающей от очевидного недостатка корпуса «прямых» источников по тем или иным историческим сюжетам.

Эпоха первой «Русской Смуты» нашла свое отражение в трудах многих отечественных и зарубежных историков. Работы С.Д. Шереметева, написанные более чем столетие назад, не затерялись среди них. Нетрадиционный подход к освещению событий и фактов прошлого, основанный на глубоком изучении первоисточников, высокий научный уровень в сочетании с доступностью изложения обуславливают их большую ценность и для современного исследователя.

В 1904 г. императорская Академия наук, отдавая дань заслугам С.Д. Шереметева перед отечественной наукой, избрала его своим почетным членом.

Он был также действительным и почетным членом многих российских и зарубежных исторических обществ. Когда в 1913 г. проходило его чествование в связи с 50-летним юбилеем государственно-общественной и благотворительной деятельности, подчеркивалось, что граф Сергей Дмитриевич в течение минувшего полувека оказал весьма ценные услуги русской исторической науке, культуре и просвещению³⁸.

Примечания

- ¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4230. *Шереметев С.Д.* О задачах русского историка.
- ² *Шереметев С.Д.* От Углича к морю Студеному // Старина и новизна. Кн. 7. СПб., 1904. С. 200.
- ³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* «Письма о Смутном времени». СПб., 1898. С. 8.

- 4 *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. Т. I–VIII. СПб., 1881–1904.
- 5 *Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских.* М., 1850. Кн. 5.
- 6 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.
- 7 *Валишевский К.* Смутное время. 1911. С. 51.
- 8 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 70. Л. 161.
- 9 Там же. Л. 228.
- 10 Там же. Л. 71.
- 11 Там же. Д. 4449. *Шереметев С.Д.* Рострига. Л. 4.
- 12 *Шереметев С.Д.* По поводу родословия Нагих. СПб., 1900.
- 13 *Шереметев С.Д.* От Углича к морю Студеному. СПб., 1900.
- 14 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4466.
- 15 Там же. Д. 4449.
- 16 Там же.
- 17 Личный архив Е.В. Шереметевой (Москва). *Шереметев С.Д.* Угличское событие. Т. I. С. 105.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 110.
- 20 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4466.
- 21 *Шереметев С.Д.* От Углича к морю Студеному. 1904.
- 22 Личный архив Е.В. Шереметевой (Москва). *Шереметев С.Д.* Угличское событие. Т. I. С. 110.
- 23 *Шереметев С.Д.* От Углича к морю Студеному. С. 208.
- 24 *Широкорад А.Б.* Тайны великой смуты. М., 2005. С. 164.
- 25 Цит. по: МАМЮ. Писцовые книги по Архангельску и Двинску. 1585. № 11; *Шереметев С.Д.* От Углича к морю Студеному. С. 223.
- 26 Там же.
- 27 Имеется в виду Обнорский монастырь.
- 28 С. 112.
- 29 *Шереметев С.Д.* Заметка по поводу семибоярщины. СПб., 1906. С. 3.
- 30 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4449. Л. 13.
- 31 Там же. Л. 4.
- 32 *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 62.
- 33 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4449. Л. 86.
- 34 Там же. Л. 48.
- 35 *Костомаров Н.И.* Смутное время в Московском государстве. М., 1994. С. 9.
- 36 *Шереметев С.Д.* Заметки по поводу семибоярщины. С. 3.
- 37 Личный архив И.А. Багратион (Нью-Йорк). *Шереметев С.Д.* Воспоминания.
- 38 *Краско А.В.* Жизненный путь и творческое наследие графа С.Д. Шереметева // Известия русского генеалогического общества. Вып. II. СПб., 1995. С. 15.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОТКРЫТКА: ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ

В статье дается характеристика иллюстрированных открыток как исторического источника и основных методов работы с ним. Открытки рассматриваются не просто как вид почтовой корреспонденции, но как многогранное социокультурное явление. Особое внимание уделено вопросам датировки дореволюционных открыток, что может стать существенным подспорьем в работе самых разных специалистов, прежде всего архитекторов, музейных работников, историков, краеведов. Автор предлагает изучать открытки комплексно, анализируя сведения об издательстве, месте печати, фотографии, тексте письма, тираже и другие. Кратко излагается история открытки, в частности, русской открытки. На примерах деятельности отдельных издательств показано, как крупные социально-политические события – Революция 1905–1906 гг., Первая мировая война – повлияли на содержание, внешний вид, качество открытки.

Ключевые слова: почтовые открытки, иллюстрированные открытые письма, филокартия, датировка почтовых открыток.

Иллюстрированные открытые письма – понятие в определенной степени новое для историков и пока ими не постигнутое в полной мере, хотя на протяжении всего XX столетия открытки являлись одним из любимых видов полиграфической промышленности.

Иллюстрированные открытые письма – многогранное социокультурное явление, появившееся на стыке почтового и издательского дела, сферы искусства и туризма, области человеческого общения и общественных предпочтений. Появление и популярность открыток стали возможными благодаря совершенствованию технологий и целому ряду достижений в этих областях. Об открытых письмах как

явлении в социальной и культурной истории России можно говорить только начиная с конца XIX столетия, когда в большинстве стран мира были проведены почтовые и другие (экономические, городские, в области образования) реформы, построена сеть железных дорог, созданы условия для развития туризма, стали широко доступными возможности фотографирования, тиражирования и другие.

Важнейшими факторами, повлиявшими на появление открыток и их популярность в обществе, явились рост городов, все возрастающая урбанизация населения, с которыми неразрывно связано укрепление массовой культуры на рубеже XIX–XX вв., одним из ярких проявлений которой стало стремительное увеличение массовых изданий для народа. Иллюстрированное открытое письмо, одно из таких изданий, возникло как закономерный результат развития промышленного искусства, вобрав в себя все достижения научно-технического производства (печатные станки и новые способы печати, возможности качественной цветопередачи и т. д.). На рубеже XIX–XX вв. масштабы аудитории, подвластной восприятию искусства, значительно увеличиваются. Огромную роль в этом сыграли иллюстрированные открытки, популяризовавшие ранее не доступные произведения искусства. С другой стороны, к началу XX столетия складывается целая «индустрия культуры», в рамках которой искусство становится одной из доходных статей бизнеса.

В основе феномена открытки лежат принципы общения (открытое письмо – это, прежде всего, разновидность почтовой корреспонденции) и сохранения на память, напоминания о каком-либо объекте или событии (через его визуальное изображение или письменное сообщение). В наши дни открытка как средство связи занимает, на первый взгляд, весьма скромное место; можно сказать, что на фоне современных средств коммуникации открытка выглядит несколько архаично. Но в начале XX столетия, в эпоху, когда телефон был предметом роскоши, у открыток не было равных по оперативности и экономичности.

Иллюстрированные открытки – явление, сложившееся главным образом в рамках городской культуры. Популярность открытых писем в обществе напрямую была связана с распространением грамотности и образования. И хотя воспоминания современников показывают, что не только в крупных городах, но и в каждом маленьком городке можно было купить открытки с местными видами и прислать родным в доказательство своего пребывания там, именно в городской культуре иллюстрированные карточки раскрылись как особый феномен.

Общение посредством открытого письма как форма для краткой, но неизменно вежливой переписки, знак дружеского внимания

и заботы быстро превратилось в традицию. Письменные сообщения, сохранившиеся на открытках, прошедших почту, являются интересной, но пока почти не изученной частью богатого эпистолярного наследия. Тексты носят различный характер, от краткого поздравительного до повествовательного значительных размеров (насколько это позволяло место на бланке). Сколько всего хранят в себе эти небольшие кусочки картона – здесь и радости, и печали, дежурные хлопоты и переживания, а порой и трагические сюжеты, здесь сокрыты почти все реалии повседневной жизни страны на рубеже веков. Особенно обращает на себя внимание то, что открытки помогали поддерживать удивительное единение различных человеческих судеб, городов, нередко весьма удаленных друг от друга, всей страны, даже в условиях военного времени. Переписка на открытых письмах заслуживает отдельного самостоятельного исследования.

Однако работа с этим интересным источником не так проста, как может показаться на первый взгляд. Так, коллекционеры, обладая многолетним опытом работы с этим источником, могут сравнительно легко определить дату выпуска открытки, предположить имя издателя и художника. В отличие от своих зарубежных коллег, в чьем распоряжении уже существует основательный корпус справочных изданий и других современных информационных ресурсов, многие отечественные исследователи и новички в сфере филокартии, не имеющие ни печатного подспорья, ни особого знания «на кончиках пальцев», оказываются, прямо сказать, безоружными.

За время своей сравнительно краткой истории открытка постоянно развивалась. Неизменной до наших дней осталась только рамка для почтовой марки в верхнем правом углу на адресной стороне открытки. Те видоизменения, которые претерпело открытое письмо на протяжении всего XX столетия, в свою очередь помогают проводить атрибуцию открыток. Сосредоточив свое внимание на сравнительно небольшом, но очень ёмком дореволюционном периоде, мы познакомимся с основополагающими принципами, которые могут быть применены и к последующим эпохам: особенности оформления сторон почтового бланка, почтовые штампы и знаки почтовой оплаты, анализ изображений, помещенных на лицевой стороне открытого письма и другое.

Выделение дореволюционных открыток из общего ряда не представляется трудным: размер 9×14 см, принятый еще в 1878 г. на Всемирном почтовом конгрессе в Париже, указывает на это прямо. Открытки первых лет советской власти, имевшие тот же формат, отличаются, прежде всего, орфографией и, как правило, более полными выходными данными. Переход на новый, бóльший формат 10,5×14,8 см состоялся в 1925 г.

Из различных аспектов атрибуции данного вида почтовой корреспонденции и печатного произведения главное внимание в данной статье будет обращено на датировку. Определение даты издания, безусловно, относится к числу наиболее трудоемких, но очень важных этапов в работе пытливого исследователя. Далеко не всегда на практике удается «попасть в десятку», чаще есть возможность только сузить предполагаемые хронологические рамки. Выделим наиболее важные даты для каждой открытки: время создания изображения, издания и дату ее использования. При этом первая и последняя могут быть названы «пограничными» по отношению к дате издания, так как устанавливают верхнюю и нижнюю границы выпуска из печати.

Не будем подробно останавливаться на тех немногих случаях, когда дата издания указана непосредственно издателем. Подробные выходные данные являются своеобразной нормой для большинства советских открыток и крайне редко встречаются на дореволюционных образцах. Хотя, нужно отдать должное таким издателям и печатникам как «Шерер, Набогольц и К», А.А. Горожанкин, М. Кампель и другие, которые часто указывали дату на почтовых бланках. В ряде случаев даты ставились на издательских знаках.

Наиболее точным указанием на дату выпуска изданий является дата цензурного разрешения к печати, но она встречается далеко не на всех почтовых открытках. Даты печатались на многих ранних открытках, например, на карточках с видами Москвы издания «Торгового Дома Закс и Яррес» 1895 г., почти на всех изданиях «Общины св. Евгении». Отсутствие даты цензурного разрешения на значительной доле открытых писем отчасти связано с изменением механизма контроля за печатью в начале XX в. Манифест о свободах провозгласил наряду с другими гражданскими правами свободу печати. В этот период изменилась работа цензурных комитетов: так, согласно указу от 20 апреля 1906 г. Московский цензурный комитет был переименован в Московский комитет по делам печати, утратив при этом свои цензурные функции. С этого момента контроль за печатными изданиями и преследование за нарушения осуществлялись уже после их выхода в свет. Подъем общественного движения также способствовал бурному развитию издательского дела. Именно после 1907 г., когда были уже позади события Русско-японской войны и революционных волнений 1905–1907 гг., в стране начинался подъем и подлинный расцвет открытых писем. Возобновились ссылки на разрешение уже военной цензуры с началом Первой мировой войны.

Для начала рассмотрим вариант, когда открытка прошла почту и на ней проставлены специальные почтовые отметки (датирующий

штемпель отправки, получения). Цифры, указанные в штемпелях или тексте почтового сообщения, могут оказать существенную помощь в датировке издания. Нужно отметить, что, как правило, на использованных почтовых карточках и на открытках, прошедших почту, в начале или конце сообщения содержится дата. Это не случайно, так как проставление числа, наряду с указанием адреса, титула адресата и некоторых прочих элементов, составляло эпистолярный этикет, распространенный в обществе. Но важно помнить, что существует определенный временной разрыв между временем выпуска открытки, ее продажей и датой отправки письма. Тем не менее, эти данные являются надежным ориентиром в определении верхней хронологической границы, не позднее которой была выпущена карточка. Как правило, этот временной разрыв не очень велик.

К сожалению, очень часто цифры на штемпелях пропечатывались недостаточно четко, почерк бывает крайне неразборчив, встречаются открытки, которые использовались корреспондентами спустя целые десятилетия. Крайне мало могут дать для датировки почтовые марки. Стоимость марки не дает точного указания на дату, так как размер оплаты оставался неизменным на протяжении всех лет до 1917 г. Таким образом, эти стороны почтового дела оказываются лишь вспомогательными в арсенале историка и коллекционера. Если добавить к этому то, что в собраниях, как правило, преобладают образцы и вовсе не прошедшие почту, то, не сбрасывая со счетов элементы прохождения почты, стоит искать другие ориентиры для атрибуции.

При работе с открытками нужно помнить, что, прежде всего, они являлись разновидностью почтовой корреспонденции. С этой социальной функцией связан ряд особенностей источника, выраженных в наличии своеобразного почтового формуляра: две стороны (адресная и иллюстративная), наличие «рамки» для почтовой марки и специальных «подсказов» для написания адреса, разделительной вертикальной полосы, отметок разрешения цензора о печати и издательского знака и т. д. В связи с этим полезными оказываются знания по истории почты и развития почтовой службы в России. Способ датировки, опирающийся на внешние особенности оформления адресной стороны открытки (наличие вертикальной разделительной полосы, различные названия, определяющие вид корреспонденции, размер) является одним из самых надежных. Таким образом, исходя из эволюции почтового бланка, основными «рубежными» датами у дореволюционных открыток являются: 1894, 1904, 1909 и 1914 гг. Необходимо признать, что датировку в пределах пятилетий осуществить сравнительно легко, но дальнейшая атрибуция с точностью до года представляется крайне трудной, а порой и вовсе невозможной.

В ноябре 1894 г. Министерство внутренних дел разрешило выпуск бланков открытых писем частным издателям. Ранние открытки существенно отличались от более поздних и тем более современных образцов: одна сторона целиком отводилась для написания адреса, а на другой помещалась художественная репродукция. О строгих правилах того времени напоминает соответствующая надпись на первых открытках: «на этой стороне пишется только адрес». Места для написания текста оставалось совсем немного. Однако, приходится констатировать, что до 1898 г. иллюстрированных открыток в России было издано сравнительно немного. Их массовый выпуск начался немного позже.

Циркуляром начальника Главного управления почт и телеграфов от 16 февраля 1904 г. в России был снят строгий запрет писать что-либо кроме адреса на лицевой стороне бланка. К этому моменту в стране уже имели хождение открытки с разделительной полосой. В декабре 1903 г. в России вышел почтовый циркуляр «О получаемых из-за границы иллюстрированных открытых письмах с письменными сообщениями на лицевой стороне». В циркуляре сообщалось, что в ответ на ходатайства некоторых иностранных почтовых управлений в России разрешается пересылка открыток с необычной адресной стороной (разделенной на две части), отправленных из-за границы. Таким образом, февральский циркуляр 1904 г. вводил новое оформление адресной стороны: левая часть стала предназначаться для письма, а правая – для адреса, марки и почтовых штемпелей. Как правило, в левой части адресной стороны печатался и издательский знак.

Открытки без разделительной полосы оставались в обращении в течение нескольких последующих лет, пока не были распроданы все находившиеся в наличии отпечатанные открытки. С определенной точностью можно сказать, что до середины лета 1904 г. большинство издателей продолжало использовать открытки с неразделенной стороной. В связи с этим показательны адресные стороны открыток Русско-японской войны, среди которых встречаются адресные стороны как с вертикальной чертой, так и без нее. Изданные П.П. Павловым и К.А. Фишером серии, посвященные урагану, пронесшемуся по Москве 16 июня 1904 г., не имеют разделительной стороны. Поразительно, но даже такая известная в России фирма как «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» (Санкт-Петербург) не смогла перестроиться быстро: художественная открытка с пасхальным сюжетом, цензурное разрешение к выпуску которой было получено 23 марта 1905 г., имеет не разделенный вертикальной чертой оборот. Таким образом, мы видим, что по документам рубежной датой является февраль 1904 г., а в действительности изменения

наступили немного позднее. При этом необходимо помнить, что в случае с почтовыми бланками, выпущенными в других странах, дата введения разделительной черты будет отличаться. Это связано с тем, что нововведение не было принято всеми членами Всемирного Почтового союза одновременно, что послужило еще одним сдерживающим фактором в распространении нового типа открыток. Фактически, своеобразное «двоевластие сторон» в мире продолжалось до 1907 г., когда разделенные оборотные стороны были всемирно признаны, и стали широко использоваться по всему миру. Впереди всех была Великобритания (1902), в 1904 г. нововведение приняли Россия и Франция, в 1905 г. – Германия, позже всех – США (1907). Сохранились интересные свидетельства, относящиеся ко времени «междударствия»: это открытки, разделительную черту на которых проводили чернилами сами корреспонденты.

В дальнейшие годы принципиальных изменений в оформлении бланка не произошло, но были внесены некоторые уточнения, знания о которых оказываются не бесполезными в работе с открытками. Так, циркуляр почтового ведомства от 7 сентября 1908 г. признал за частными издателями право не воспроизводить надпись «Открытое письмо» при печати открыток. Обязательными элементами признавались разделительная полоса и несколько линий для написания адреса. Год спустя, в 1909 г. согласно новым «Постановлениям по почтовой части» надпись «открытое письмо» была заменена словами «почтовая карточка», которые более соответствовали своим зарубежным аналогам («carte postale», «postkarte», «post card» и другие.); интересно, что именно этот термин утвердился и сохранился до наших дней. Надпись «почтовая карточка» помогает выделить открытки, выпущенные начиная с 1909 г. Интересно, что в последующие годы постепенно стали исчезать уточняющие слова «для письма», «для адреса».

Почтовым циркулярам не удалось полностью упорядочить оформление открыток; похоже, определенная толерантность почтовых властей к частным издателям внесла дополнительные сложности. Необходимо заметить, что датировка через надписи не всегда успешна по отношению к открыткам середины 1910-х годов, когда на бланках сосуществовали оба варианта – «открытое письмо» и «почтовая карточка», а нередко надписи и вовсе отсутствовали. Принципиально важно уметь отличать открытые письма 1900-х и 1910-х годов. В этом случае помогают помещенные изображения и следующие детали: отсутствие указаний «для письма», «для адреса», несколько большее поле для письма, чем для адреса, которые говорят в пользу открыток 1910-х годов. Так, открытки работ русских художников-футуристов, отпечатанные в типо-литографии В. Рихтера в

1912 г., имеют надпись «открытое письмо». Несмотря на сосуществование двух надписей, определяющих вид корреспонденции, использование характерных особенностей почтового формуляра является одним из важных этапов определения даты выпуска открытки.

Еще один способ датировки заключается в работе с владельческими штемпелями и другими отметками о регистрации, свидетельствующими о времени поступления открытого письма в то или иное собрание. Известна подобная практика у некоторых частных коллекционеров (Н.С. Тагрин, Н.А. Прытков) и в ряде государственных собраний. Этот способ имеет ряд ограничений: такая практика распространена не очень широко, временной разрыв между временем издания и поступления в собрание иногда может быть очень большим и т. д. Тем не менее, датированный штемпель дает возможность определения верхней границы издания открытки. Например, серия, изданная фототипией К.А. Фишера и посвященная городским попечительствам о бедных, не имеет указания на время издания. В свою очередь штамп поступления в Московский публичный Румянцевский музей позволяет определить, что открытки были изданы не позднее начала 1914 г. Это предположение подкрепляется историей фототипии известного немецкого фотографа, деятельность которой почти приостановилась с началом Первой мировой войны и вызванными ей антинемецкими настроениями, неоднократно коснувшимися фотографа К.А. Фишера.

Исторически сложилось, что 1914 г. стал по-настоящему рубежной датой: с началом Первой мировой войны многое изменилось не только во всем мире, но и в издании открытых писем. Во-первых, снова была введена цензура; во-вторых, возможности издателей и фотографов были существенно сокращены как дефицитом специальной бумаги, поставлявшейся прежде из Германии, так и свободой фотографирования. Деятельность множества частных издателей, работавших ранее в условиях мирного времени, рассчитанных на путешествующих и отдыхающих, туристов, остановилась сама собой. Тяготы военного времени диктовали другие задачи. В этот период особое развитие получает благотворительная открытка, открытка-плакат; видовые и художественные сюжеты существенно сокращаются. О времени издания 1915–1917 гг. говорит качество использованного картона, бумаги, четкость изображения. Почти все открытки этого времени были отпечатаны на рыхлом картоне сероватого оттенка. Другая особенность, четко определяющая это время, – это узкая белая рамка вокруг репродукции. Во многих зарубежных странах этот прием получил такое широкое распространение, что даже дал название этапу 1915–1930-х годов в периодизации иностранных открыток.

Следующим аспектом, дающим определенные подсказки для атрибуции, может быть само изображение, помещенное на открытке. Исследование рисованных и фотографических сюжетов помогает провести более точную датировку издания открытых писем. Карточки, изданные до 1904 г., легко угадываются по характеру и месторасположению изображения. Как правило, чем раньше была выпущена открытка, тем меньше иллюстрация: приблизительно до 1900 г. репродукция занимала не более двух третей стороны, в последующие годы она постепенно росла, оставив к 1903–1904 гг. лишь небольшое поле снизу изображения для краткого письма. Недостаток пространства для сообщения или порой его полное отсутствие вынуждало писать по «небу», «облакам», а порой и по самому изображению. Наиболее ранние открытки, как правило, имели художественное оформление в стиле «gruss aus...» с добавлением к основному рисунку (тяготевшему часто к левому верхнему углу) различных виньеток, картушей, цветов и т. п. Ярким примером могут послужить открытые письма, изданные в 1899 г. к 100-летию юбилею А.С. Пушкина. После введения разделительной полосы в 1904 г. процент открыток с белым полем под иллюстрацией резко сократился.

В случае с видовыми открытками существенными оказываются знания по истории архитектуры и региональной истории. Например, первоначально, исходя из особенностей оформления фотооткрыток издания «Хромов и Бахрах», их можно датировать «после 1909 г.» (на оборотной стороне бланка отпечатана надпись «Почтовая карточка»). Последующий анализ сюжетов, помещенных на лицевой стороне карточек, позволяет говорить о времени выпуска (не ранее 1912 г.), так как памятники императору Александру III и генералу М.Д. Скобелеву в Москве были открыты только летом 1912 г. В некоторой степени это легче сделать в случае с историко-событийными сюжетами, когда запечатлено определенное событие, такое как коронация или наводнение. Представляется, что репортажные сюжеты сохраняли актуальность и интерес со стороны покупателей прежде всего сразу после события и какое-то время после него.

Значительная часть изображений, помещенных на видовых открытках, относится к зданиям и памятникам, сооруженным задолго до начала выпуска иллюстрированных открытых писем, и может быть условно названа «нейтральной», не способствующей проведению датировки. Таковы, например, собор Василия Блаженного и памятник Минину и Пожарскому на Красной площади, Царь-Пушка и Царь-Колокол в Москве. И есть небольшое число сооружений, возведенных на рубеже XIX–XX вв., которые помогают датировать изобразительный источник. Многие новые здания

незамедлительно после своего появления влились в сложившийся ансамбль города и стали его своеобразными «визитными карточками». В случае с Москвой это, прежде всего, памятники императору Александру II в Кремле (1898), первопечатнику Ивану Федорову, писателю Н.В. Гоголю и доктору Гаазу, открытые в 1909 г., и другие.

Вехи биографий деятелей литературы и искусства, политики помогают датировать открытки с портретами. Несколько труднее это сделать по отношению к художественным открыткам и репродукциям картин, созданным задолго до «золотого века открытки». Тем не менее, доскональное знание творчества художника (артиста, писателя и т. д.) также помогает датировать открытки.

К сожалению, снова приходится сделать несколько оговорок. Знания о создании фотографического клише или рисунка, послуживших оригиналом для публикуемого изображения, дают надежную нижнюю границу. Иногда дата издания самой открытки может существенно отличаться от времени создания фотографии или сюжета. При печати издатели могли использовать старые негативы – 10–20-летней давности. Исследователя могут подстергать и другие «подводные камни» – нередко случались опечатки в названиях запечатленных объектов, публиковались перевернутые изображения и прочее. В таких случаях помогает эрудиция.

Определенную информацию для размышления может дать использованная при печати техника. На раннем этапе чаще применялась техника хромолитографии, с годами стала набирать силу фототипия. Безусловно, ранние открытки, созданные на основе фотографий, не были цветными, чаще всего они были тонированными или раскрашенными вручную. Выпуск цветных открыток начался позднее. Известно, что крупная фирма «Шерер, Набгольц и К», применявшая в своем производстве самые передовые достижения, стала выпускать цветные открытки примерно с 1904 г.

Несколько труднее работать с оригинальными фотооткрытками. С одной стороны, они получили широкое распространение в начале XX в. и встречаются довольно часто. Но в то же время они редко проходили почту, чаще сохранялись в первозданном виде в семейных фотоальбомах и архивах. К тому же обратная сторона, как правило, имеет минимум элементов традиционного почтового формуляра. Это связано с процессом изготовления фотооткрыток. Известно, что выпуск фотокамер № 3А Folding Pocket фирма Кодак начала в 1903 г. Негативы, полученные с помощью этой камеры, соответствовали формату открытки и позволяли широкой публике печатать фотографии непосредственно на специально подготовленные «обороты» открытых писем. Со временем появилось еще несколько видов камер, которые обеспечили успех и массовое

производство фотооткрыток: эти образцы, как правило, отличаются особой четкостью, так как благодаря новым камерам фотографу не приходилось подгонять изображение под размер открытки, теряя при этом в качестве.

С началом Первой мировой войны активная фотографическая жизнь в Москве, так же как и в других городах, затихает. Так, вышедшее 20 июля 1914 г. постановление запрещало производить фотографические съемки на территории Москвы и ее пригородов. Все выданные ранее разрешения на фотографические работы считались недействительными. А спустя сутки вышло распоряжение Московского губернатора, запрещавшее все фотографические и кинематографические съемки вне ателье в пределах Московской губернии. Безусловно, это не означает, что в 1914–1917 гг. не было издано ни одной фотооткрытки. Фотографам удавалось испрашивать разрешения на фотографирование, но это было сопряжено с большими трудностями. Как правило, издатели помещали на открытках изображения, сделанные в более ранние годы. Напомним, что карточки 1916–1917 гг. также узнаваемы по более рыхлому сероватому картону. Запрет на фотографирование в Москве был снят 25 марта 1917 г. Комиссариатом Московского градоначальства. Но, как оказалось, совсем ненадолго. 3 июля 1917 г. в Москве было введено военное положение, и вновь появился запрет на производство фотографических съемок.

При датировке открытых писем иногда существенное значение может иметь текст письма, анализ упоминаемых в тексте событий, особенно в тех случаях, когда открытка пересылалась в конверте, и на ней не проставлялись почтовые штемпели. Исследование вопросов, связанных с авторством, также имеет большое значение при проведении атрибуции издания. Это направление представляется особенно перспективным для дальнейших исследований. Сведения об издательстве, месте печати, заказчике, о фотографe, художнике и т. п. помогают не только в датировке, но и при определении ценности источника. Особенно важным является изучение археографических особенностей источников – истории публикации фотосюжета, фотоизображения, подписей, номер в изданной серии, тираж и его объемы, выбранная издателями техника.

Очевидно, что открытку необходимо рассматривать буквально со всех сторон. Только в совокупности элементов почтового и художественного оформления бланка, анализа изображения и авторства можно атрибутировать открытку. Но основной вывод, который напрашивается сам собой, заключается в том, что знаний и эрудиции порой оказывается недостаточно для работы с открытками, и тогда выручают интуиция и то самое «чутье на кончиках пальцев».

ТОРЖЕСТВА В РОССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 200-ЛЕТИЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Данное исследование посвящено истории подготовки и проведения в России в 1909 г. грандиозных торжеств, посвященных 200-летию Полтавского сражения. Впервые, на основании архивных документов и материалов периодической печати показано, как Россия готовилась и отмечала это великое событие. Торжества приобрели характер всероссийского праздника, и подготовка его велась на всех уровнях – начиная с личного распоряжения императора Николая II и заканчивая церковными молебнами. Особое внимание уделено тому, как проходили торжества в Полтаве и на самом поле Полтавской битвы.

Ключевые слова: Полтавская битва, 200-летний юбилей, Петр I, Николай II, парады, молебны, памятники.

В 2009 г. в России отмечали 300-летие Полтавской битвы. К сожалению, настоящего праздника не получилось. Не было общего руководства и официально принятой программы торжеств в России. Прошли отдельные мероприятия, выставки и конференции. И так уж исторически сложилось, что этот юбилей два государства – Россия и Украина, отмечали совершенно по-разному. И на этом противоречивом фоне еще интереснее обратиться к событиям вековой давности, к 1909 г., и посмотреть, как же 200-летний юбилей Полтавской битвы праздновала Российская империя. Мы постараемся восстановить эту картину на основании сохранившихся архивных документов, а также материалов периодических изданий.

13 августа 1908 г. император Николай II установил торжественное празднование 200-летия Полтавской битвы 27 июня 1909 г. В связи с этим была создана Межведомственная комиссия по подготовке празднования под председательством члена военного

Совета, генерала от кавалерии барона Александра Александровича Бильдерлинга. В состав комиссии также входили начальник Киевского военного округа генерал-лейтенант Алексеев, начальник штаба 10 армейского корпуса генерал-майор Клембовский, Полтавский губернатор граф Муравьев. Комиссия должна была разработать полную программу проведения торжественного празднования и объединить действия различных министерств. Как отмечали современники, «программа по своей пышной помпезности вполне соответствует великому событию, юбилей которого собирается праздновать вся Россия. Поэтому празднование 200-летия Полтавской победы это то же, что празднование 200-летия русской славы, русского самодержавия».

На подготовку торжеств правительство ассигновало около 240 тыс. руб., из них Министерству внутренних дел – 125 тыс., Военному министерству – 74 тыс., ведомству православного исповедания – 31 тыс., Министерству финансов – 10 тыс. руб.¹

Порядок торжественного празднования 200-летия Полтавской битвы был определен для Санкт-Петербурга и Полтавы, утвержден императором Николаем II и опубликован.

Большую роль в разработке программы и ее реализации сыграло Императорское Русское военно-историческое общество в Петербурге и его региональные отделения в Москве, Киеве и Одессе. Многие предложения общества затем были включены в программу официальных мероприятий. Отмечая важность этого события для России, Общество подчеркивало, что «победа Петра над талантливым и грозным противником имеет значение в трех отношениях: общегосударственном, военном и чисто-историческом, так как Полтавская битва явилась достопамятным событием в истории, полезным уроком для позднейших поколений».

Роль государства общество видело в том, чтобы «официальные лица, государственные, городские и земские, приняли участие в празднествах, парадах и церемониях, приуроченных к этому дню», а также «в установлении богослужений, совершаемых как 27 июня, так и накануне во всех русских храмах, причем литургии и благодарственные молебствия в самый день 27 июня приурочиваются к парадам местных гарнизонов». «Чем шире будет организовано празднество, чем больше примут в нем участие высшие государственные установления и высшие чины Империи, тем ближе подойдет это празднование к обычаям Петровского царствования и к мыслям Петра, конечно никогда не забывавшего отметить день Полтавы особым торжеством»².

Совет Императорского русского военно-исторического общества объявил конкурс на издание для нижних чинов и народа особой бро-

шюры, посвященной 200-летию Полтавской битвы. Как отмечалось в опубликованном положении о конкурсе, «издание должно отличаться популярным характером изложения, но вполне литературным языком и общедоступным по содержанию, должно в яркой, рельефной форме воскресить в памяти русского народа великий подвиг Петра и его армии отличаться не только строгою историческою правдой описываемых фактов, но и быть полезным с точки зрения патриотического воспитания»³. Брошюра была издана пятисоттысячным тиражом для бесплатной раздачи в войсках и народе, из них 150 тыс. было передано в ведение Министерства народного просвещения, и около 120 тыс. Главному Управлению по военному министерству, 97 тыс. – Министерству внутренних дел, а также Морскому Штабу, Министерству двора и Министерству юстиции⁴.

Также Совет Общества подготовил отдельный сборник, полностью посвященный новым документам и исследованиям, относящимся к периоду Северной войны со второй половины 1708 до конца 1709 г., и обратился с запросами в различные архивы и библиотеки о подборе материалов. «Празднование должно было быть повсеместное, всероссийское, сосредоточением торжеств в Полтаве, в самом месте “преславной виктории”». Поэтому не случайно, что центром всех праздничных мероприятий стала губернская столица. Там ждали и самого главного гостя – императора Николая II, а также председателя Совета министров П.А. Столыпина, Председателя Государственной думы, членов императорской фамилии, Государственной думы, Святейшего Синода, генералов и свиты императора. Первыми 26 июня в Полтаву прибыли командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант Иванов, Великий Князь Константин Константинович с сыновьями Олегом и Игорем, герцоги Георгий Георгиевич и Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелецкие.

Для подготовки города к торжествам было создано несколько специальных комиссий: Комиссия по устройству водопровода на Шведскую могилу, где должны были проходить главные торжества, парад и располагаться Царская Ставка, Комиссия по устройству народных гуляний и по устройству продовольствия для народа. Комиссия по реставрации старых и сооружению новых памятников занималась установкой памятника коменданту Полтавы в 1709 г. Келлину, памятника погибшим шведским воинам и реставрацией памятника «Слава» в саду Кадетского корпуса. Памятник коменданту Келлину изготовили в Санкт-Петербурге из финского гранита, высотой 8,5 аршин и установили в сквере напротив Первой полицейской части Полтавы. Сквер также планировали переименовать в Келлиновский. При этом горожане на страницах местных газет в

течение нескольких месяцев активно обсуждали место, где может быть установлен памятник, подчеркивая, что он должен занять почетное место, и на задворках города его ставить нельзя.

Что касается реставрации памятника «Славы» в корпусном саду, то на его реставрацию было выделено 2500 руб. для восстановления надписей, которые были утрачены еще в 80-е годы XIX в., восстановление позолоты на орле и лавровом венке. Памятник, установленный на средства малороссийского генерал-губернатора Алексея Борисовича Куракина, к началу XX в. пришел в ветхость, и на полные реставрационные работы требовалось около 25–30 тыс. руб., которых Комиссия не имела. К сожалению, о плачевном состоянии памятника вспомнили слишком поздно и ограничились небольшими реставрационными работами.

Активно готовились к торжествам и в самом городе. Полтавский губернатор обратился к домовладельцам с просьбой привести в порядок фасады домов, расположенных на центральных улицах, замостить тротуары, а обочины засыпать и утрамбовать, подрезать на бульварах деревья. Также обсуждалась необходимость сноса пивных и павильона синематографа в саду Кадетского корпуса и приведения сада в порядок. На комиссии также обсуждался вопрос о проведении народных гуляний в юбилейные дни 26–27 июня, и проблемы освещения города и дороги к Шведской могиле.

На полях Полтавского сражения было установлено 11 обелисков в местах наиболее ярких эпизодов битвы, один из них – в месте переправы русской армии через реку Воркслу, и у села Петровки. Обелиски были бетонные и облицованы искусственным мрамором, высотой в 4 аршина. Увенчаны они были чугунными орлами и памятными надписями. За установку обелисков отвечал командир 10-го корпуса генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский⁵.

К двадцатым числам июня 1909 г. в Полтаву прибыло более 50 тыс. гостей, из них значительную часть составляли войска, а также члены многочисленных делегаций разных губерний, учебных заведений, обществ. Сельское население было представлено делегацией в 5 тыс. человек. К приему гостей были готовы 30 городских гостиниц и гостевых комнат, и еще более 650 комнат предоставили в аренду жители Полтавы. Этими вопросами занималась особая комиссия «по встрече гостей и приисканию для них помещений». Для размещения земских депутатов и волостных старшин губернская земская управа предоставляла помещения реального училища, школы садоводства и фельдшерской школы. В городе было устроено 28 дешевых столовых. На вокзалах дежурили члены особой комиссии по приему гостей. Освещали торжества более 50 журналистов столичных, провинциальных и зарубежных изданий, для удобства

которых при телеграфной конторе и канцелярии Министерства Императорского Двора было открыто бюро информации.

По инициативе Архиепископа Полтавского и Переяславского Иоанна были проведены реставрационные работы в Сампсониевском храме на Полтавском поле. Храм значительно расширили, изготовили новый мраморный иконостас. Роспись храма выполнил художник Соколовский. Построенный к юбилею Петропавловский храм также был расписан и на его стенах укреплены мраморные доски с именами тех полков, которые сражались на Полтавском поле и чьи солдаты были захоронены в могилах рядом с храмом. Для Спасской церкви по заказу Святейшего Синода был изготовлен и доставлен шестидесятитрехпудовый колокол. Для торжественной службы и молебнов на московской фирме Голосова были пошиты новые церковные парадные облачения из золотой парчи в стиле новгородского орнамента для 3 митрополитов, 15 архиепископов и епископов, 100 протоиереев и священников⁶.

На Шведской могиле, рядом с Сампсониевским храмом, к юбилею, по проекту архитектора Носова, было построено новое здание для музея. Оно было заложено 10 апреля 1909 г. в присутствии преосвященного Иоанна, архиепископа Полтавского⁷. Музей Полтавской битвы находился в ведении церковно-археологического комитета, учрежденного при полтавской архиерейской кафедре. Музей сначала представлял из себя небольшую пристройку к храму на Шведской могиле, разрешенную Святейшим Синодом. С 1907 г. по инициативе действительного члена Императорского русского военно-исторического общества Ивана Францевича Павловского и при поддержке архиепископа Иоанна начался сбор материалов для музея. Были собраны разнообразные реликвии Полтавской баталии как подлинные, так и (большей частью) в копиях, литографические портреты Петра I и других русских военачальников.

Как известно, уже к 100-летию юбилею мало что напоминало о реальном ландшафте Полтавского поля и городских укреплений, которые были уничтожены по распоряжению администрации города в период с 1802 до 1817 г., когда город посетил император Александр I. А само поле Полтавской битвы находилось в частных владениях и в 1909 г. уже даже было распахано и приготовлено к посеву, так что накануне юбилейных торжеств около 60 десятин земли вблизи Шведской могилы пришлось трамбовать накатом для размещения войск на торжества⁸.

Император Николай II находился в Полтаве 2 дня: 26 и 27 июня. И день его был расписан буквально по минутам. Утром 26-го, сразу по приезде, в течение получаса он принимал делегации от города Полтавы, Полтавского уездного земства, Полтавского купеческого

общества, от обществ казаков и крестьян Полтавской губернии. Всего для встречи с императором было отобрано 4 тыс. представителей земского населения, по 15 человек от каждой волости Российской империи, в сопровождении 130 старшин и 39 земских начальников. Вот хроника торжеств 26 июня 1909 г.

В 10.00 – панихида на Братской могиле и посещение новой Петропавловской церкви. Представители духовенства в новом облачении выстроились вдоль дороги к новой церкви.

В 11.00 – объезд войск. К часу дня Николай уже вернулся в Полтаву и посетил сначала кафедральный собор, а потом церковь Спаса Нерукотворного. В этой церкви Петр молился перед битвой, и в канун юбилея она была передана в ведение военного ведомства.

С 2.45 до 3.30 – церемония открытия памятника полтавскому коменданту полковнику Келлину и парад войск полтавского гарнизона, кадетского корпуса, с участием батареи Девятой артиллерийской бригады и сотни Шестнадцатого Донского казачьего полка. В 17.00 император отбыл в Царскую Ставку – павильон, построенный недалеко от Полтавского поля, куда специально была проложена железнодорожная ветка.

18.15 – посещение памятника шведским воинам. Этот памятник, неправильной формы гранитный обелиск, был установлен на одном из холмов, где по преданию были похоронены шведские воины. Единственным украшением его стала надпись на русском и шведском – «Швеция своим сыновьям, здесь павшим. 1709–1909». Памятник был установлен частично на средства, собранные шведскими подданными, после того, как шведский посланник в Санкт-Петербурге обратился к соотечественникам с призывом, чтобы Швеция не забыла «преданных своих сыновей, которые далеко от отечества и без надежды опять видеть его, не колеблясь, за его славу и благополучие искали и находили геройскую смерть»⁹.

18.30 – посещение музея и инвалидного дома на Братской могиле, а затем участие во Всенощной в храме св. Сампсония.

Торжественный день 27 июня начался с Литургии в Сампсониевском храме и молебне на поле перед войсками. Кульминацией торжеств стал парад. Церемониальным маршем, перед императором и гостями, находившимися на специальной трибуне на Братской могиле, прошли батальоны Преображенского и Семеновского гвардейских полков, пехотный Ингерманландский полк в полном составе, Первая батарея лейб-гвардейской первой артиллерийской бригады, знаменные роты пехотных полков и штандартные эскадроны кавалерийских, в том числе гвардейских Конного и Кирасирского, Первого Уланского Санкт-Петербургского, Владимирского, Кексгольмского, Московский и Нижегородский драгунские полки и многие другие.

К 11 часам император выехал в Царскую ставку, откуда к 1.30 отправился в Полтаву. Затем состоялось посещение памятника «Слава» в кадетском саду и завтрак в Кадетском корпусе в сопровождении многочисленной свиты, а после Николай принял парад кадетов на кадетском плацу. И уже в 17 часов он отбыл из Полтавы.

Такой напряженный график передвижения царя сопровождался повышенными мерами безопасности. Из многих губерний, в том числе Санкт-Петербургской и Московской, в Полтаву были присланы дополнительные городские полицейские, конные стражники и конно-жандармский дивизион. Пройти на все торжественные мероприятия в Высочайшем присутствии можно было только по специальным билетам разного цвета. Всего было 16 категорий билетов и 4 варианта пропусков для экипажей с точным указанием маршрута следования и времени в пути. Были специальные билеты для военных чинов, духовенства и причта.

В Петербурге к юбилейным торжествам под руководством епархиального архитектора А.П. Аплаксина был отреставрирован Сампсониевский собор на Выборгской стороне, построенный по указу Петра в честь победы на Полтавском поле. По указу Святейшего Синода церковь получила статус собора¹⁰. Министр внутренних дел и председатель Совета министров П.А. Столыпин обратился к императору Николаю II и Синоду с просьбой выделить средства на реставрацию Сампсониевского собора. Она обошлась более чем в 100 тыс. руб., причем большую часть этой суммы оплатила государственная казна. На южном и северном фасадах колокольни были установлены 3 чугунные доски с текстами речей, обращенных Петром к войскам до и после Полтавского сражения. Перед храмом установили памятник Петру I, работы скульптора Марка Антокольского. Установка памятника осуществлялась на средства братьев Шереметевых – потомков участника Полтавского сражения, графа Бориса Петровича Шереметева.

26 июня в Петропавловском соборе прошла заупокойная литургия, а после нее панихида по императору Петру I и всем воинам. На могилу Петра Великого были возложены специально отчеканенные в честь юбилея золотая и бронзовая медали. В этот же день состоялась торжественная закладка моста через Неву на Охту, названного мостом Петра I, а также закладка училищного дома имени Петра Великого, устраиваемого на средства города.

В Санкт-Петербургском конногвардейском манеже 27 июня были организованы специальные публичные чтения о славном подвиге русских войск под Полтавой¹¹. В этот же день в помещении Собрания армии и флота состоялось торжественное заседание Императорского русского военно-исторического общества с чтени-

ем докладов академиком Котляревским «Похвальное слово Петру Великому», полковником генерального штаба Юнаковым «Осада Полтавы и Полтавское сражение» и профессором Михневичем «Значение Полтавского сражения и заключение о Петре Великом».

28 июня Николай II прибыл в Киев. В Киево-Печерской Лавре была отслужена торжественная панихида по Петру I и его сподвижникам. Крестный ход прошел от Никольского военного собора до Лавры. Возложили венки от Киевского гарнизона на могилы Искры и Кочубея. На Печерском плацу прошел парад с участием кадетов, юнкеров и частей киевского военного округа, учащихся средних и начальных учебных заведений. В зале киевского Русского купеческого собрания состоялось торжественное заседание Киевского отделения Императорского русского военно-исторического общества под председательством генерала от кавалерии Трепова, на котором присутствовали все высшие гражданские и военные чины¹². По инициативе Общества были учреждены полковые музеи в тех полках Киевского военного округа, которые принимали участие в Полтавской битве: пехотных – Костромском, Азовском, Тираспольском, кавалерийских – Казанском, Киевском, Новгородском, Ингерманландском, Рижском, Изюмском, Стародубском, Белгородском и Ахтырском. Также было принято решение о создании особого зала Музея при Обществе «Отдел Полтавской битвы», где предполагалось собрать все, что относилось к сражению, а также празднованию 200-летнего юбилея¹³. Киевская городская Дума постановила присвоить имя Петра Великого бульвару, проложенному через Царский сад, а также мужскому и женскому училищам¹⁴.

Особая комиссия по подготовке празднования 200-летнего юбилея Полтавской битвы была сформирована и в Одессе, под председательством генерал-лейтенанта Путяты. 26 июня в 6 часов вечера прошло Всенощное бдение во всех городских церквах. А сам праздничный день начался с пушечных выстрелов. В 10 утра прошла Божественная литургия в Одесском кафедральном соборе. По улицам города прошло торжественное шествие, которое открывали цеховые мастера со значками, гласные Городской думы, священники, архиереи и протодиаконы, почетные граждане города, командующий войсками Одесского военного округа, музыканты Восьмого Донского казачьего полка. Прошли крестные ходы к кафедральному собору из всех окрестных церквей. Командующий, под марш Преображенского полка, объехал строй войск и произнес краткое слово в честь Петра Великого. Затем перед жителями города церемониальным маршем прошли кадеты, юнкера, запасные и отставные Георгиевские кавалеры, части Одесского военного округа. В летних военных лагерях прошел торжественный обед, а затем спектакль

для нижних чинов. 27 июня закончилось вечерней иллюминацией и фейерверком¹⁵.

Прихожане Богодуховского собора Харьковской губернии, где хранилась икона Божией матери Каплуновской, которой по легенде Петр I напутствовал войска перед битвой, приурочили закладку нового храма к юбилейным торжествам. Старый храм пришел к этому времени в ветхость¹⁶.

Воронежский губернатор также организовал комиссию по разработке общей программы местного празднования, которая включала в себя раздачу народу и учащимся юбилейных брошюр, издание Воронежской архивной комиссией популярного очерка об эпохе Петра I и устройство к юбилейным дням особой исторической выставки, состоящей из картин, гравюр, портретов и бытовых вещей, документов петровского времени, уцелевших в Воронежской губернии.

Многие города решили приурочить важные культурные события к юбилейным торжествам. Так, в городе Валуйки Воронежской губернии, где Петр I останавливался во время поездки в Азов, уездное земское собрание постановили учредить публичную библиотеку с бесплатной читальней «Петровская» и выделить на ее содержание в 1909 г. 500 руб., а также на первоначальное обзаведение еще 250 руб.¹⁷

В память Полтавской победы были учреждены настольные золотые и бронзовые медали. На вечное хранение они были переданы в Императорский Эрмитаж, Московскую Оружейную палату и Российский Исторический музей. Эти медали вручались только непосредственным участникам торжеств в Полтаве, а также лицам, которые принимали участие в подготовке празднеств. Медали членам Междуведомственной комиссии и чинам Министерства императорского Двора выдавались только на основании особых списков, представленных на Высочайшее имя¹⁸. Чиновники, принимавшие участие в подготовке праздничных торжеств получили из Кабинета Его Императорского Величества и другие подарки за верную службу: 57 подарков в виде золотых часов, перстней, запонок, серебряных портсигаров получили чины Полтавской губернской и столичных московской и петербургской полиции¹⁹.

В память юбилея Полтавской победы 17 июня 1709 г. повелением Николая II была учреждена медаль «В память 200-летия Полтавской битвы». Ею награждались: а) генералы, штаб- и обер-офицеры, гражданские чиновники военного ведомства и нижние чины войсковых частей, участвовавших в Полтавском бою и сохранивших ко дню юбилея то название, которое они имели в 1709 г., а также генералы, штаб- и обер-офицеры, когда-либо служившие в этих частях офицерами (приобретали за свой счет); б) генералы, штаб- и обер-офицеры, гражданские чиновники военного ведомства, ниж-

ние чины и кадеты, принимавшие участие в параде в г. Полтаве в день празднования юбилея; в) военные и гражданские лица, бывшие официальными представителями в г. Полтаве на праздновании юбилея; г) все лица, принимавшие видное участие в разработке вопросов по устройству юбилейных торжеств; д) все прямые потомки мужского пола генералов и командиров отдельных частей, участвовавших в Полтавском бою. Награжденным выдавали свидетельства на право ношения медалей. Ходатайства и представления на награждение медалями принимали до 1 января 1914 г. Медаль чеканилась из светлой бронзы и носилась на Андреевской ленте²⁰.

И еще несколько лет спустя, в служебной переписке разных министерств, встречаются ходатайства перед начальством о награждении юбилейной медалью, в честь 200-летия Полтавской битвы служащих, имевших отношение к организации торжеств.

Примечания

- 1 Полтавский голос. 1909. № 554. 6 мая.
- 2 Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11. Оп. 1. Д. 40. Л. 3–5.
- 3 Там же. Оп. 95/1. Д. 22. Л. 1.
- 4 Там же. Д. 47. Л. 120.
- 5 Полтавский голос. 1909. № 545. 25 апреля.
- 6 Полтавский вестник. 1909. № 1846. 14 января.
- 7 Полтавский голос. 1909. № 532. 10 апреля.
- 8 Там же. № 544. 24 апреля.
- 9 Русский инвалид. 1909. № 8. 11 января.
- 10 Сампсониевский собор. 300-летию Полтавской победы посвящается. СПб., 2008. С. 27–29.
- 11 Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11. Оп. 1. Д. 40. Л. 44.
- 12 Колокол. 1909. № 994. 2 июля.
- 13 Полтавские ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 390. 5 мая.
- 14 Полтавский голос. 1909. № 544. 24 апреля.
- 15 Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11. Оп. 1. Д. 47. Л. 83–85.
- 16 Полтавский вестник. 1909. № 1929. 26 апреля.
- 17 Полтавский голос. 1909. № 546. 26 апреля.
- 18 Государственный архив РФ. Ф. 1021. Оп. 1909. Д. 418. Т. 1. Л. 2.
- 19 Там же. Л. 227, 229.
- 20 Совершенная Виктория. К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 263.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
НАУЧНОГО ГОРОДА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.
(НА ПРИМЕРЕ ЗЕЛЕНОГРАДА)

Цель исследования состоит в изучении социокультурного пространства Зеленограда как научного города (наукограда). Процесс исследования Зеленограда показал, что при изучении современного города необходимо привлечение широкого круга материалов из государственных архивохранилищ, архивов действующих учреждений, мемуаров, интервью, периодической печати. Их совокупность позволяет всесторонне проанализировать вопросы городской общественно-культурной среды на разных этапах ее развития. Изучение общественно-культурной среды современного города является важным аспектом в краеведческой работе и может применяться в создании наиболее оптимальных программ развития города.

Ключевые слова: социокультурная среда, общественно-культурная среда, наукоград, Зеленоград, источники.

В последние годы общество все более начинает понимать важность сохранения не только памятников материальной культуры, но и культурно-исторической среды, в которой запечатлена социокультурная история.

Город как особая организация структурных компонентов представляет собой сложное социокультурное пространство, формирующее мировосприятие, задающее модели поведения проживающих в нем людей. В современных условиях социальных трансформаций изучение города является необходимым моментом познания переходных периодов развития социума. Изучение социокультурного пространства современного научного города представляет значительный исследовательский интерес, так как позволяет в целом рассмотреть особенности социальной среды таких городов, их общественно-культурные и социальные процессы.

Середина XX в. характеризуется созданием новых городов науки и высоких технологий – наукоградов, что основывалось на государственных решениях, которые были вызваны потребностями в развитии специфических направлений исследований и создании для этого особых условий. Таким образом, отношение к наукоградам и в бывшем СССР, и ныне в Российской Федерации можно рассматривать также как проявление селективной политики к науке для данных объектов, имеющее свою историю. Это положение подтверждается и узаконенным ныне статусом наукоградов. Понятие «наукоград» появилось задолго до его официального подтверждения¹. Наукоград определяется как муниципальное образование с градообразующим научно-производственным комплексом, который представляет совокупность организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров в соответствии с государственными приоритетами развития науки и техники.

В настоящее время около 70 городов, поселков городского типа и отдельно расположенных частей городов с общей численностью населения более 3 млн человек могут претендовать на наименование наукоградов и, по существу, являются таковыми. По концентрации учреждений фундаментальной и прикладной науки Московская область не имеет аналогов в России. На ее территории насчитывается 29 городов, претендующих на статус наукоградов, либо официально получивших этот статус. В их числе: Дубна, Дзержинский, Долгопрудный, Железнодорожный, Жуковский, Королев, Климовск, Лыткарино, Протвино, Пущино, Реутов, Троицк, Фрязино, Зеленоград (административно являющийся частью Москвы, но расположенный на территории области) и другие, а также муниципальные образования – поселки Черноголовка, Менделеево Солнечногорского района, Оболенск Серпуховского района и другие. Для ряда наукоградов разработаны и продвигаются в жизнь программы создания Технополисов, Технопарков (Троицк, Дубна, Фрязино, Оболенск). Так, на сегодня в Зеленограде создана свободная экономическая зона научно-производственного типа².

Актуальным является вопрос изучения культуры города, которая как научная проблема связана с выявлением общей культурной ситуации и факторов, влияющих на ее развитие, соотношения профессиональной и традиционной культуры в городской среде. Так, формированию неповторимого социально-психологического климата в наукоградах способствовали высокий образовательный уровень жителей, интеллигентная атмосфера, особые жизненные установки, сплочение научно-инженерной общественности. Такой город не только становился самодостаточным для проживания и

работы, но и превращался в высокоразвитый культурный и научный центр.

Направления и динамика развития социокультурной среды определяют степень «органичности» развития города и его населения, сохранения их индивидуального лица. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо разобраться в истоках, содержании, характере и особенностях, связанных с изменением социокультурной среды в ходе ее исторической эволюции. Необходимо также отметить особенность исторического измерения – пронизывание им всех сторон социокультурной жизни, так как все они имеют собственную историю.

Между тем, историческое сознание людей и социальная история города пока остаются за пределами внимания организаций и лиц, принимающих федеральные и региональные программы по развитию городов.

Само понятие **«социокультурная среда»** (выделено автором. – А. А.), несмотря на частое его использование в исследованиях, не имеет точного определения. Например, одни исследователи рассматривают культурную среду как устойчивую совокупность вещественного и личностного элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект (личность, группа, класс, общество), при этом названные элементы оказывают влияние на деятельность данного субъекта по созданию и освоению духовных ценностей и благ³. Наиболее полным является определение социокультурной среды как особого, социально организованного феномена, в котором социальные и культурный процессы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, развиваются в рамках общей идеи и оказывают влияние на деятельность социальных субъектов по созданию и освоению духовных ценностей и общественных ориентиров⁴.

Цель исследования состоит в анализе специфики социокультурного пространства и выявлении особенностей социально- и культурно-исторического развития города Зеленограда. Среди задач, которые следует реализовать для достижения цели раскрытие предпосылок возникновения первого и единственного города-спутника Москвы (Зеленограда); выявление особенностей социоэкономического развития Зеленограда, функциональной направленности города, особенностей городской пространственной организации, развития городской культурной политики; характеристика общественно-культурной среды и ее инфраструктуры в динамике.

На сегодняшний день существует немало исследований, посвященных развитию различных городов и их социокультурной динамике. Для новейшей историографии характерен постоянно повышающийся интерес теоретического осмысления проблемы

города, как на общероссийском, так и на региональном уровнях⁵. В работах современных исследователей сложился новый подход к его изучению, который учитывает полифункциональность города, постоянные сочетания в нем функций экономических с административными и культурными⁶. В последние годы внимание уделяется изучению города и процессов урбанизации как особым феноменам культуры, что началось сравнительно недавно, поэтому многое в этом отношении остается открытым, теоретически неустоявшимся.

Вместе с тем, исследований по социокультурной среде современных городов немного. Кроме того, анализ современных изданий о городах «научного типа» дает основание сделать выводы о том, что попытки разработки методики изучения социокультурной среды как таковой в них не проводились⁷. Однако подобная литература позволяет найти схожие черты в развитии неофициального «научнограда» Зеленограда с другими подмосковными городами, учитывая при этом его особенности как одного из районов (административных округов) столицы и, вместе с тем, допуская возможность сравнения его по некоторым параметрам и с другими административными округами Москвы.

Процесс исследования Зеленограда показал, что при изучении современного города необходимым является привлечение широкого круга материалов из архивных и музейных собраний, а также из архивов действующих учреждений и организаций города. Их совокупность позволяет всесторонне проанализировать вопросы городской общественно-культурной среды на разных этапах ее развития. При этом необходимо учитывать, что такие современные материалы не проверены временем, в определенной мере носят субъективный, неточный характер, поэтому, для получения более конкретного и объективного представления о социокультурных процессах в городе необходимо проведение сравнительного анализа данных источников. К примеру, для исследования социокультурных процессов Зеленограда были изучены материалы нескольких фондов Центрального архива общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ) (Зеленоградского райкома ВЛКСМ⁸, Зеленоградского райкома КПСС⁹, Зеленоградского Горсовета и Исполкома¹⁰); Центрального архива г. Москвы (далее – ЦАГМ) (Районного отдела народного образования г. Зеленограда¹¹, Московского института электронной техники¹², Отдела по культуре и досугу исполкома Зеленоградского горсовета¹³, Управления культуры и досуга Зеленоградского административного округа¹⁴), а также широкий круг материалов из собрания Государственного Зеленоградского историко-краеведческого музея (далее – ГЗИКМ). Фонды указанных архивов и музея содержат разнообразную отчетную документацию, протоколы заседаний, докла-

ды и решения партийных и комсомольских съездов, конференций, пленумов и собраний, планы работ, делопроизводственную и актовую документацию, воспоминания местных жителей, статистические сведения. Широко использованные в исследовании материалы из архивов действующих учреждений и организаций Зеленоградского автономного округа, учреждений культуры и дополнительного образования округа, зеленоградских творческих объединений дают пространное представление о деятельности и особенностях данных учреждений и представлены годовыми отчетами, планами, учредительной, уставной и делопроизводственной документацией, историческими справками, текстами докладов руководителей управлений и объединений, протоколами заседаний организаций и обществ. Анализ данных документов показал, что в них представлены необходимые сведения по широкому кругу вопросов социокультурной среды Зеленограда, однако в ряде случаев информация, приведенная в них, недостаточно полная, имеют место искажения показателей, характерные для большинства подобных источников, кроме того, они датированы 1960–2000 гг., поэтому в определенной мере носят субъективный характер, не прошли проверку временем. Изучение источников иллюстративного характера из фондов ГЗИКМ также позволяет проанализировать городскую общественно-культурную среду на разных этапах ее развития.

Немаловажным моментом является привлечение к использованию материалов устной истории (интервью с жителями, сыгравшими определенную роль в формировании общественно-культурной среды города), а также опубликованных воспоминаний горожан. Этот вид источников представляет интерес как свидетельство современников об особенностях становления городской социокультурной среды, позволяет проследить изменения, происходившие в общественном сознании. При работе с этой информацией учитывался факт субъективности оценки и восприятия горожанами тех или иных событий и явлений, что требует особенно тщательной выверки и анализа. Кроме того, проследить развитие современного города, его социальную структуру, культурные потребности населения, взаимодействие жителей с органами местной администрации и прочее помогают материалы городских периодических изданий, которые не могут служить основным видом источников для исследования, нуждаются в дополнении из других источников и проверке достоверности¹⁵. Специфическим источником следует назвать литературные произведения местных авторов о городе¹⁶. При работе с перечисленными видами источников учитывалось наличие значительной доли художественного вымысла, тем не менее, эти материалы дают возможность заглянуть «в глубь» обществен-

ных явлений и процессов, отражают психологические стороны восприятия города его жителями.

Зеленоград возник в 1958 г. как город-спутник столицы в 27 км от ее северо-западных границ (40 км от центра) в юго-восточной части Солнечногорского района Московской области¹⁷. Первый (и единственный) город-спутник Москвы созданный «в целях расщедоточения населения», первоначально задумывался, как «спальный район» с наличием сети предприятий легкой промышленности, однако в середине 1960-х годов он приобрел функции «наукограда» в связи с выходом в 1962 г. постановления о создании в нем центра микроэлектроники. Такое направление города определило его дальнейшее существование как научно-исследовательского экспериментального и производственного центра микроэлектроники, результатом чего явились пересмотр генплана и увеличение расчетной численности населения. В довольно короткие сроки в городе были созданы условия для размещения предприятий электронной промышленности. Соответственно с интенсивностью темпов развития Зеленограда шло активное формирование состава его населения, основная часть которого сложилась в связи с комплектованием коллективов заводов и лабораторий, а также открытием в Зеленограде в 1965 г. Московского института электронной техники¹⁸. Таким образом, сложился определенный состав населения, в основном «техническая интеллигенция». По возрастным показателям Зеленоград был «молодым» городом, в 1960–1970-е годы средний возраст жителей составлял 27 лет, то есть преобладало население трудоспособного и дотрудоспособного возрастов, что выгодно отличало Зеленоград от других районов Москвы и, в то же время, соответствовало другим городам «научного» типа¹⁹. В связи с особым статусом Зеленограда темпы роста его населения являлись самыми высокими среди городов Московской агломерации²⁰.

Несмотря на то, что Зеленоград всегда являлся частью Москвы, для него характерна отличающаяся от столицы планировка, оригинальный тип застройки, которые в советское время были характерны для «закрытых» городов. Архитектурный облик города отличался индивидуальностью и гармоничным разнообразием, что являлось фактором положительного восприятия образа Зеленограда его жителями и приезжими. Задача создания «принципиально нового» города, поставленная архитекторами, была выполнена. При этом недостатком явился тот факт, что некоторые архитектурные объекты, в основном социально-бытового назначения, спроектированные в 1960–1970-е годы, не удалось воплотить в жизнь. Социальная инфраструктура города, как и в большинстве городов «научного» типа, в 1960–1980-е годы преимущественно подчиня-

лась производственно-отраслевым ведомственным интересам и, как следствие, оказывалась вторичной, финансируемой по «остаточному» принципу, однако была достаточно развитой. В Зеленограде сложилась сеть учреждений здравоохранения, позволявшая широко охватить население медицинским обслуживанием; в городской системе общего и внешкольного образования внедрялись «экспериментальные» направления работы.

Предприятия электронной промышленности Зеленограда оказали огромное влияние на все социально-экономические и демографические тенденции, происходящие в нем. Любой наукоград, в том числе Зеленоград, явление уникальное в социально-психологическом плане. Большинство жителей этих городов связывают свое будущее с интеллектуальной сферой, профессиональной научной и инженерной деятельностью. Для них главным стимулом и смыслом жизни является творческое начало. Это определяет яркое проявление таких качеств, как преданность коллективу, упорство в отстаивании профессиональных интересов наукоградов как центров науки и, в конечном счете, особую устойчивость таких городов к различным негативным воздействиям. Влияние на культурную жизнь Зеленограда оказали и его территориальные особенности, и высокий интеллектуальный уровень населения. Это послужило толчком к возникновению в городе, помимо повсеместно распространенных учреждений культуры (библиотеки, кинотеатры), разного рода клубов и объединений, удовлетворяющих широкие потребности населения в самореализации и творческой свободе. То, что Зеленоград, являлся эксклавом и, наряду с этим, местом концентрации предприятий, способствовало возникновению условий для более тесного контакта людей, имеющих общие интересы, в том числе и творческой направленности.

Если сравнивать Зеленоград с другими наукоградами, можно отметить сходные черты в формировании их социокультурной среды. В первую очередь это касается состава населения и определяющего влияния промышленных предприятий на экономические, социальные и культурные процессы. Зеленоград, как и все наукограды, находился на полном государственном обеспечении. Из госбюджета и других централизованных источников финансировалось не только проведение научных исследований, но и содержание объектов социальной инфраструктуры, находящейся на балансе научно-технических организаций. Все решения по развитию наукоградов, имевших, по сути, ведомственную подчиненность, принимались руководителями научных организаций и учреждений соответствующих министерств. Такая директивная схема развития наукоградов, обусловившая быстрое развитие градообразующих

объектов, привела в рыночных условиях к негативным последствиям в жизнедеятельности этих городов.

Процессы конца 1980 – начала 1990-х годов, изменившие экономическую и социально-политическую обстановку в стране, повлекли за собой трансформацию городской социокультурной среды, сложившейся в советское время. Данные процессы оказали негативное воздействие на работу предприятий электронной промышленности и, как следствие, на уровень жизни горожан (большое значение приобрели проблемы занятости и безработицы, которая существенно превысила общемосковские показатели). В настоящее время Зеленограду частично удалось преодолеть наметившуюся в предыдущие годы тенденцию снижения темпов роста городской промышленности и, как следствие, снизился и относительно стабилизировался уровень безработицы. Можно отметить следующие последствия социоэкономических трансформаций для Зеленограда: дробление больших комплексов производств на малые, способные решать локальные задачи в соответствии со спецификой электронных технологий; отделение собственно производственных проблем от социальных; поиск ниш на мировом рынке; диверсификация «градообразующей» базы; целое поколение зеленоградцев практически потеряно для микроэлектроники (бывшей градообразующей отрасли), так как молодежь свободно выбирает иные профессии и места работы. Сейчас наблюдается тенденция «возрождения Зеленограда», но одновременно, когда город «ищет себя заново», происходит всасывание Зеленограда в орбиту мегаполиса (средоразвитие вновь финансируется, но уже не из союзного, а из столичного бюджета). Другим недостатком является то, что местную инициативу во многом тормозит периферийное положение Зеленоградского административного округа в экономической системе Москвы.

В последние десятилетия в Зеленограде внедряются новые территориальные формы научно-производственной деятельности (открытие технопарка на базе Московского Государственного института электронной техники, создание Свободной экономической зоны, целью которой является удержание научных кадров, создание им благоприятной среды для творческой работы). В целом, наукограды с их сосредоточением науки, технологий, с высокой культурой, в демографическом плане выгодно отличающиеся от других муниципальных образований, являются малыми плацдармами, на которых прорастает и развивается наука будущего, формируется новый технологический уклад страны. Такой город становился самодостаточным не только для проживания и работы, но и превращался в высокоразвитый культурный и научный центр.

Изучение общественно-культурной среды современного города является важным аспектом в краеведческой работе и может применяться в создании наиболее оптимальных программ развития города, прогноза проблем, связанных с ростом города, а также в экскурсионной и научно-просветительской деятельности музеев.

Примечания

- ¹ Федеральный закон № 70–ФЗ «О статусе наукограда РФ» от 7 апреля 1999 г. // Официальный сайт президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/1999/04/81871.shtml> (дата обращения: 17.05.2011).
- ² Доклад члена правительства Москвы, префекта Зеленоградского административного округа А.Н. Смирнова // Сорок один. 2003. 21 февраля. С. 5.
- ³ См.: *Коган Л.Н.* Быть горожанином. М., 1990.
- ⁴ *Артеменкова Т.А.* Социокультурная среда научного города (на материалах Новосибирского Академгородка): дис. ... канд. культурологии. М., 1996. С. 12.
- ⁵ См., например: *Русский город* // Под ред. В.Л. Янина. Вып. 1–10. М., 1976–1990; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; *Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А.* Пространство советского города (1920–1950-е годы): теоретические представления, региональные, социокультурные и историко-культурные характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004. 292 с.
- ⁶ *Кошман Л.В.* Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX в. М., 1998. Т. 1; *Шевырев А.П.* Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Там же; *Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Там же.
- ⁷ См., например: *Жидкова Л.Ф.* История Дубны. 1956–1986. Дубна, 2006. 168 с.; *Обнинск. История города и края с древнейших времен до наших дней* / Под ред. Т.М. Лариной. Обнинск, 2001. 296 с.; *Химки и окрестности. Очерки из истории. К 60-летию города Химки и Химкинского района.* Химки, 2000.
- ⁸ ЦАОПИМ. Ф. 4028. Оп. 1.
- ⁹ Там же. Ф. 2553. Оп. 1.
- ¹⁰ Там же. Ф. 4929. Оп. 1.
- ¹¹ ЦАГМ. Ф. 908. Оп. 1.
- ¹² Там же. Ф. 845. Оп. 1.
- ¹³ Там же. Ф. 2937. Оп. 1.
- ¹⁴ Там же. Ф. 3368. Оп. 1. Д. 1–18.
- ¹⁵ См., например: *Альфаея.* 1999–2005; *Вечерний Зеленоград.* 2003–2005; *Горожане.* 1991–1992; *Зеленоград сегодня.* 1995–2005; *Зеленоградская газета.* 1990–1993; *Зеленоградский обозреватель.* 1999; *Зеленоградский обыватель.* 1992–1993; *Зеленый град.* 2001–2004; *Крюковские ведомости.* 2000–2005;

- Сорок один. 1990–2005; Спортивный Зеленоград. 2003–2005; Палитра. 2004–2005; Панфиловский проспект. 1998–2005; Панфиловский район. 2003–2005; Центральный проспект. 1997–2005.
- ¹⁶ См., например: Литературный Зеленоград: Альманах. Вып. 1–8. М.; Зеленоград, 1997–2005.
- ¹⁷ Научный архив ГЗИКМ: Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1958 г. № 248 «О строительстве нового города в пригородной зоне Москвы...». Копия; *Беляева В.Н.* Документы о рождении Зеленограда // Очерки истории края. Зеленограду 40 лет: Сб. трудов Государственного Зеленоградского историко-краеведческого музея. Вып. 3 / Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М., 1997. С. 37–38.
- ¹⁸ ЦАГМ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2; ГЗИКМ. НВ 457/16. Копия.
- ¹⁹ ГЗИКМ. НВ 444; ЦАОПИМ. Ф. 2553. Оп. 1. Д. 130. Л. 224; Генеральный план развития г. Зеленограда на период до 2010 г. Анализ исходных данных. Пояснительная записка. Кн. 1. Научно-исследовательский и проектный институт генерального плана г. Москвы, 1997. С. 96.
- ²⁰ *Сенявский А.С.* Российский город в 1960–1980-е годы. М., 1995. С. 46.

А.В. Мельников

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ П.Н. САВИЦКОГО «РУССКОЕ НАУЧНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ» НАЧАЛА 1930-х годов

Статья известного историка, философа-евразийца П.Н. Савицкого, изданная при жизни автора на французском (в 1932 г.) и в расширенном варианте на польском (в 1934 г.) языках, впервые публикуется на русском языке по авторизованной машинописи из личного архивного фонда ученого в Государственном архиве Российской Федерации. Автор рассматривает краеведение как яркое явление культуры и общественного сознания, как комплексное научное знание. В статье сформулировано определение краеведения, дан обзор его истории XVIII – начала XX в. Особое внимание уделено краеведению в СССР, развитию его организационной структуры и деятельности важнейших краеведческих объединений в 1920-е годы, полно и объективно показано, как политические процессы 1929–1931 годов негативно сказались на сущности и содержании краеведения.

Ключевые слова: краеведение, русское научное краеведение, история краеведения, всесоюзные конференции по краеведению 1920-х годов, «общественное» и «ведомственное» краеведение, П.Н. Савицкий, историческая наука в Русском Зарубежье.

Научное и литературное наследие Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) в последние годы активно разрабатывается и отечественными, и зарубежными исследователями. Впервые публикуются и переиздаются труды¹ и эпистолярное наследие ученого², изучается его биография. Показательно и количество защищенных в России диссертационных исследований о П.Н. Савицком³. Во многом это связано с необычайным ростом интереса к евразийству как оригинальному интеллектуальному течению российской эмиграции и даже в какой-то мере современной политической доктрине.

Безусловно, в научном и общественном сознании имя П.Н. Савицкого неразрывно связано с евразийством, а ученый предстает как «евразиец номер один», творец идеологии и автор программных документов движения, каковым он в действительности и был. Мыслитель необычайно широкого интеллектуального диапазона – философ, историк и географ, экономист, публицист и поэт П.Н. Савицкий внес весомый вклад в научное наследие российской эмиграции, в отечественную и мировую культуру. Фундаментальная библиография трудов П.Н. Савицкого за 1913–2005 гг., составленная современным его биографом, Мартином Байссвенгером, охватывает свыше 300 наименований⁴. В их числе – и труды по истории российского краеведения.

Интерес к краеведению как методу научно-культурного познания края, в котором живет и действует человек, был органически присущ всей творческой деятельности ученого. И изучение истории России, ее географии, «месторазвития» промышленности, проблем взаимосвязей природы и человека необходимо обращали внимание исследователя и на наследие российского краеведения, причем и как отрасли науки и культуры в ее достижениях, и как общественного движения. Показательно и то, что первый печатный труд П.Н. Савицкого 1913 г. собственно историко-краеведческой проблематики – о памятниках архитектуры Черниговского края, малой родины ученого⁵.

П.Н. Савицкий пристально следил за развитием общественно-политических, идеологических, экономических, культурных процессов в СССР. Во второй половине 1920 – в 1930-е годы активно знакомил с историей и наследием российских краеведов европейскую научную общественность. Будучи осведомлен в новейшей литературе по краеведению – и с обобщающего характера трудами, и с периодическими изданиями, он помещал в крупнейших научных международных славистических журналах аналитические обзоры такой литературы⁶. Выступил и с публичной лекцией «Современное русское краеведение» на Семинаре по общим вопросам естествознания при Русском народном университете в Праге (3 июня 1930 г.)⁷.

В личном архивном фонде ученого, в Государственном архиве Российской Федерации, сохранились рукописные материалы краеведческой проблематики. Несомненный интерес представляет статья «Русское научное краеведение». Она известна в двух вариантах. Ныне печатаемая подготовлена, по-видимому, не ранее второй половины 1931 г. и опубликована в 1932 г. в июньском номере журнала «Le Monde Slave»⁸. На первом листе авторизованной машинописи собственноручная помета автора: «Французский перевод опубликован (за полной моей подписью) в “Монд Слав”, 1932, июнь»⁹.

Другой, расширенный вариант¹⁰, под названием «Краеведение и проблемы районирования РСФСР», хотя и был издан в 1934 г., является исходным относительно предназначенного для французского перевода, так как имеющиеся в нем рукописные вставки учтены в машинописном тексте, опубликованном в «Le Monde Slave». На первом листе рукописи имеется авторская помета: «Статья написана для польского (двухтомного) издания по теории и истории краеведения, в котором и появилась в польском переводе. Середина 1930-х гг.»¹¹. Издание, о котором упоминает П.Н. Савицкий, это сборник статей по проблемам региональной истории в Европе, изданный по инициативе и под редакцией выдающегося польского краеведа Александра Патковского¹². В монументальном сборнике статей представлены обзоры региональных исследований большинства европейских стран. Статья П.Н. Савицкого обобщала российский опыт краеведческих исследований.

Краеведение П.Н. Савицкий рассматривал и как яркое явление культуры и общественного сознания, и как комплексное научное знание. Статья «Русское научное краеведение» открывается фразой: «Еще недавно русское краеведческое движение составляло значительную отрасль русской культуры. Его история насыщена богатым и разносторонним содержанием». Раскрытию этого явления в историческом и современном аспектах и посвящена публикуемая работа.

Краеведение как сфера деятельности для П.Н. Савицкого определяется симбиозом нужд государства и общественной инициативы; выявление «элемента общественного» принципиально важно для автора. Обозначая вслед за монографией А.М. Большакова «Введение в краеведение» основные этапы его развития: XVIII столетие; 1830–1840 гг.; рубеж XIX–XX вв.; период после первой революции, 1917–1929 гг., автор охарактеризовал каждый из этих периодов, обозначив «традицию систематической многолетней работы» российских краеведов.

Гибель краеведения в СССР П.Н. Савицкий напрямую связал с «годом великого перелома», с началом уничтожения трудового крестьянства: «Коренные перемены в русском краеведении произошли в конце 1929 г. и в начале 1930 г. В эти месяцы руководителем политической жизни всего Советского Союза – И.В. Сталиным – был провозглашен, как известно, лозунг “ликвидации кулачества как класса”. Одновременно происходила “сплошная коллективизация” областей и районов. В сфере краеведения эти события отозвались призывами к “очищению рядов краеведов от чуждого элемента”». Аресты краеведов, уничтожение местных музеев и краеведческих обществ как очагов культуры, насильственное переориентирование

краеведческой деятельности и сведение ее только к удовлетворению хозяйственно-промышленных нужд страны, все это наносило непоправимый урон науке и культуре, краеведению в его специфической сущности, тому, что объединяет «область местной истории, местной археологии, местного искусства, местной этнографии, местного фольклора и т. д. и представляет собою *исключительный* удел краеведения. Если краеведы не занимаются названными отраслями, то никто ими не занимается». И для П.Н. Савицкого совершенно очевидно, что метод широкомасштабных походов «Общества пролетарских экскурсий и туризма» «как небо от земли – отличается от того пристального и систематического изучения небольшой территории, которое обязательно для краеведения».

Напомним, что в 1937 г. в Берлине, в издательстве евразийцев, П.Н. Савицкий опубликовал две брошюры – «Разрушающие свою Родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР)»¹³ и «Гибель и воссоздание неопценимых сокровищ: (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления)», со страниц которых протестовал против целенаправленного уничтожения властью памятников истории и архитектуры, распродажи музейных экспонатов. Статья «Русское научное краеведение» имеет с указанными работами одну неоспоримую связь – уничтожение научно-культурного краеведения в год «великого перелома» и массовая гибель отечественного культурного наследия для П.Н. Савицкого – звенья одной цепи.

Как и многие другие работы, труды ученого, посвященные истории краеведения и значению его в развитии российского общественного сознания, науки и культуры на долгие годы остались практически неизвестны отечественному читателю. Мы не встречаем упоминания о них и в общеизвестных обобщающего плана исследованиях, специально посвященных истории и историографии российского краеведения¹⁴, и, что также показательное, в специальных работах о П.Н. Савицком как историке не находится места оценке его трудов такой проблематики¹⁵. Кроме того, журнал «Le Monde Slave» не имеется в комплекте в российских научных библиотеках. В советские годы он передавался в спецхраны, где подвергался и целенаправленному уничтожению, как например, в Библиотеке Академии наук¹⁶. Номера журнала со статьей П.Н. Савицкого нам не удалось выявить нигде кроме ИНИОН РАН, где он ныне, к сожалению, недоступен для исследователей¹⁷.

Аналитический обзор П.Н. Савицкого существенно важен и для историографии отечественного историко-культурного краеведения, и для истории науки российской эмиграции. Эта работа – безусловный показатель интереса к достижениям российского краеведения

не только лично П.Н. Савицкого, но и среды российской научной эмиграции и европейской науки. В ней ясным, строгим языком приведена сводка основных данных о российском научном краеведении, поэтому статья может быть полезна и в плане преподавания краеведения в высшей школе. Основные выводы автора представляются свежими и не утратившими своего значения. Публикуя впервые на родном языке статью выдающегося российского ученого, надеемся на пробуждение интереса и к этой области его научного наследия.

Текст печатается согласно современным нормам правописания, цифрой отмечены примечания публикатора, звездочкой – подстрочные примечания П.Н. Савицкого.

Примечания

- ¹ См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- ² См., к примеру: Петр Савицкий и Петр Сувчинский – переписка, судьба евразийцев / Публ. подгот. Ю.Б. Мелих // Русская история. 2008. № 1/2. С. 102–115.
- ³ *Синякин С.В.* Развитие общественно-политической мысли в трудах П.Н. Савицкого: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2002; *Быстрыков В.Ю.* Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920–1938): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003; *Полухин А.Н.* Историческая концепция П.Н. Савицкого: Теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007; *Матвеева А.М.* Геополитическая концепция исторического развития России первой трети XX в. П.Н. Савицкого: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Соколов Д.Е.* Геополитическая теория П.Н. Савицкого: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
- ⁴ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ / Сост. и автор введения М. Байссвенгер. Прага, 2008 (Bibliografie Slovenské knihovny; № 72). 111 с.
- ⁵ Это статья «Каменное строительство на Украине от времен Богдана Хмельницкого до времен Разумовского». См.: Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ. С. 49.
- ⁶ См.: *Savickij P.* Wissenschaftliche Landeskunde in RSFSR // *Slawische Rundschau*. 1931. № 3. S. 505–512. В «Le Monde Slave» П.Н. Савицкий помещал критические обзоры научных исторических исследований в СССР.
- ⁷ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ. С. 36.
- ⁸ *Savickij P.* L'étude scientifique des régions en Russie // *Le Monde Slave*. 1932. № 6. P. 367–396.
- ⁹ ГАРФ. Р-5783. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

- ¹⁰ Там же. Д. 142. Л. 1–65.
- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² *Savickij P.* Rosyiske krajoznawstwo naukowe i problemy podziału regionalnego R.S.F.S.R. // Ruch regionalistyczny w Europie. Książka zbiorowa. Warszawa, 1934. Vol. 2. P. 142–204.
- ¹³ Эта статья с небольшими сокращениями переиздана: *Савицкий П.Н.* Разрушающие свою Родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР) / Послесл. И.П. Савицкого // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1992. Вып. 3. С. 134–167.
- ¹⁴ См., например: *Филимонов С.Б.* Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929). М., 1991; *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; и другие.
- ¹⁵ См., например: *Дурновцев С.С.* Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 704–713. О связи краеведения и научной концепции П.Н. Савицкого см. у И.П. Савицкого (Отечество: Краеведческий альманах. М., 1992. Вып. 3. С. 166–167); *Полухин А.Н.* Историческая концепция П.Н. Савицкого: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.
- ¹⁶ См.: *Лютова К.В.* Спецхран Библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов. СПб., 1999. Гл. 6. Примеч. 24.
- ¹⁷ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность А.В. Топычанову за предоставление ксерокопии статьи П.Н. Савицкого.

РУССКОЕ НАУЧНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Еще недавно русское краеведческое движение составляло значительную отрасль русской культуры.

Его история насыщена богатым и разносторонним содержанием.

Как можно определить краеведение в русских условиях? Это изучение отдельных, сравнительно небольших географических районов, не превышающих прежнего губернского, а нынешнего областного или «краевого» масштаба*. Однако такое определение краеведения недостаточно, так как оно не отграничивает его от других видов научного изучения, обращенных к тем же территориям. Краеведная работа ведется непременно при участии *местных людей*, т[о] е[сть] лиц, проживающих в данной местности и тесно связанных с нею. В этом – ее отличие от экспедиций, посылаемых из центра, и проводимых в той или иной местности, силами, так сказать, «пришельцев». В определении пореволюционного русского краеведения существенно подчеркнуть и то, что вся сеть местных краеведческих ячеек возглавляется *особыми* учреждениями, отличными как от центральных научных учреждений страны (напр[имер], Академии наук или научно-исследовательских институтов по отдельным отраслям), так и от высших учебных заведений. Итак, что же собственно изучается в краеведении? Изучается «местный край», но в особом повороте: в других поворотах его изучают и некраеведческие деятели и учреждения. Этот поворот заключается во *всестороннем* и *синтетическом* изучении края. Он понимается и изучается «как некий своеобразно-цельный комплекс известных явлений», «в жизни которого находит достаточно полное отражение совокупность и связь условий самого разнообразного порядка (физико-географические условия, социально-экономические, культурно-исторические)». Задачей краеведения является «открыть тот своеобразный организм, который мы обычно называем “местным краем” – на путях трактовки его “как особой, неповторяемой во времени и пространстве, индивидуальности”».

Здесь мы прикасаемся к некоторой стороне краеведения, *которая выходит за пределы собственно научного изучения*. Так проведенное изучение местного края естественно приводит к стремлению, чтобы он составил также и самостоятельную административную единицу: именно единство власти может увенчать научно познан-

* Современная область или «край» отвечает по размерам нескольким губерниям старого административного деления.

ную целостность края. Исходя из существующих административных границ краеведческая работа может приводить и приводит к требованию изменить их в определенном направлении. И, что еще важнее: она рождает волю к укреплению и развитию *местных особенностей*, хотя бы только и чисто культурных. Однако в советской стране, управляемой на началах «пролетарского централизма», большого простора таким стремлениям не дается. Они признаются законными – да и то лишь в известных пределах – в тех случаях, когда связываются с *национальным вопросом*: когда «местный край» населяет и особая народность. Это наблюдается в ряде случаев в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР), да и в других союзных республиках. В таких случаях народность эта выделяется в особую административную единицу («автономную» республику или область). Но и та культура, развитие которой допускается в пределах такой республики или области, будучи «национальной по форме», должна быть, как известно, «коммунистической по содержанию».

Руководители современного русского краеведения подчеркивают, что краеведение есть «общественное движение» и притом массовое, т[о] е[сть] по заданию своему охватывающее широкую рабоче-крестьянскую среду. Особое ударение делается на той стороне вопроса, что движение это должно быть не только краеизучением, но и «краеделанием»¹, т[о] е[сть] должно быть направлено на повышение хозяйственного и культурного уровня края. В последнее время коммунистическая власть делает попытку все более исключительно сосредоточить краеведение на изучении *хозяйственных* производительных сил, поставить ему чисто *утилитарные* задачи. Такой подход имеет свои законные основания. Но, став *единственным*, он подрывает синтетический характер краеведения. Благодаря ему многие отрасли изучения «местного края» переходят в состояние запустения и заброса.

На пространстве русской истории отдельные перечисленные выше моменты последовательно привступали в общее русло краеведной работы.

Элемент краеведческих изучений можно прощупать уже и в древнем русском летописании, поскольку оно дифференцировалось по отдельным местным центрам (летописи новгородские, тверские, суздальские, волынские и т. д.). Наряду со сведениями, относящимися к местной истории, в них вносились и замечания, касающиеся местной *природы*. Так, напр[имер], Новгородская летопись заключает в себе ряд указаний о случаях обратного течения р. Волхова (в 1525 г. река шла вверх в течение 9 дней), Ростовская (Ростова Великого) летопись сообщает об интересных звуковых явлениях,

наблюдавшихся на озере Ростовском (или Неро), по-видимому, в связи с ледоставом, и т. д.

Собирание сведений и научная работа местных людей значительно интенсифицировались в XVIII веке, в особенности во второй половине его. Как и в эпоху русского летописания, так и в этот период формы краеведческой работы в Великороссии и на Украине близки друг к другу.

Уже в 1760-х годах были сделаны две попытки организовать в широких масштабах собирание научных сведений при помощи местных людей. Первая из них исходила от знаменитого русского ученого и поэта М.В. Ломоносова², заведовавшего в то время Географическим департаментом Академии наук в С.-Петербурге. Он выработал своего рода краеведческую программу в виде анкеты из 30 вопросов, сведения по которой должны были собираться через местных людей и дать в результате полную географическую, статистическую, промышленную и историческую картину каждого города и провинции. На краеведческих же (по современной терминологии) началах хотел Ломоносов организовать и изучение естественно-промышленных, минералогических богатств страны. Местное духовенство он желал привлечь к получению сведений *исторического* характера. Ломоносов вскоре умер, и усилия его не принесли значительных результатов. Но по схеме они предвосхищают многое в позднейшем русском краеведении, вплоть до создания особого органа, возглавляющего краеведную работу (каковым в тот момент являлся Географический департамент) и привлечения к собиранию сведений работников из широких народных масс (Ломоносов предполагал коллекционировать минералогические образцы при помощи крестьянских ребятишек, инструктируемых сотскими).

Другую попытку этого рода произвело Вольное экономическое общество, учрежденное в 1765 г. (старейшее сельскохозяйственное и экономическое общество России). В самый год своего основания оно обратилось к населению страны с 65 вопросами под заголовком «Экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций». Такое обращение по вновь составленной программе было повторено в 1790 г. В результате Обществом было издано описание нескольких губерний. В работе Общества был ясно выражен практический, утилитарный момент. Труды его были направлены «к поощрению в России земледелия и домостроительства». Собирание Обществом сведений краеведческого характера, в некоторых случаях – анкетным путем, продолжалось и в XIX веке.

1760-е годы были вообще эпохой оживления на том фронте, который отвечает позднейшему «краеведению». Именно в эти годы

по инициативе «архангелогородского гражданина» В.В. Крестинина³ в Архангельске создан научный кружок, который являлся как бы историческим обществом по изучению местного края и был первым провинциальным краеведческим объединением в Велико-россии. Тогда же был издан ряд трудов краеведческого характера, напр[имер], П.И. Рычкова⁴ по географии и истории Заволжского края) и т. д.

Дальнейшее развитие работ этого рода не соответствовало темпам их, которые, казалось, были усвоены в 1760-х годах. Впрочем, не только в центре, но и на местах продолжали появляться описания отдельных областей (напр[имер], «Черниговского наместничества топографическое описание» А. Шафонского⁵, Чернигов, 1786), в 1786–1787 гг. в Ярославле издавался первый русский краеведческий журнал «Уединенный пошехонец»⁶, с начала XIX века открыл свои страницы для краеведческих материалов ряд столичных журналов (напр[имер], «Гений времен»⁷, СПб. 1807–1809, «Соревнователь просвещения и благотворения»⁸, СПб. 1818–1825) и т. д.*

В общем, работа была лишена устойчивых и организованных форм. Положение несколько изменилось только в 1830-х годах. Правда, и на этот раз, как и 60 лет назад (во времена Ломоносова), попытка Академии наук создать сеть научных корреспондентов на местах оказалась эфемерной. Но во многих губерниях появился, хотя бы и очень скромный, местный центр краеведческих изучений в виде основанных в 1838 г. в разных губерниях «Губернских ведомостей» (всего издавались в 80 губерниях и областях). Это в огромном большинстве случаев были сухие официальные органы. Но научная энергия местных людей воспользовалась и ими. Появилось место, где можно было печатать свои работы. За долгие десятилетия своего существования «Губернские ведомости» различных губерний опубликовали множество ценнейших краеведческих материалов самого разнообразного характера. С 1860–1870-х годов к ним присоединились «Епархиальные известия» и «Епархиальные ведомости» различных епархий, в которых печаталось много данных по фольклору, а также по истории местной церковной архитектуры и т. д. («Епархиальные ведомости» имелись в 60 епархиях).

Еще раньше, в 1845 г., было основано Русское географическое общество, которое вскоре в лице своих отделений приобрело крупное значение для развития русского краеведения. Особенно много

* Из числа журналов, издававшихся в более позднее время, очень большое количество краеведных материалов поместил «Маяк», «журнал современного просвещения, в духе народности русской», выходивший в 1842–1845 гг.⁹

сделали в этом отношении сибирские и дальневосточные его отделы. Попытка организовать при помощи «Юго-Западного» отдела общества краеведческую работу на Украине, относящаяся к 1870-м годам, закончилась неудачей ввиду закрытия отдела властями. «В центральной России Географическое общество в своей работе совершенно не опиралось на местных деятелей»¹⁰.

Во второй половине XIX века большое значение имела краеведная работа Губернских статистических комитетов, а в конце этого века и в начале нынешнего – труды Губернских ученых архивных комиссий. Все это были учреждения бюрократические; но и в них проникали тенденции и веянья, которые мы в настоящее время окрестили бы именем регионализма. «Справочные» и «памятные» книжки, а также разного рода календари, которые выпускались Губернскими статистическими комитетами, и наряду с ними издания Архивных комиссий являются настоящим кладом сведений о местном крае. Вплоть до последних предреволюционных лет некоторые краеведческие сведения собирались по распоряжению губернаторов, учебных округов и т. д.

Уже начиная с 1860-х годов была частично в ходу и терминология, близкая к современной. Так, напр[имер], в 1866 г. в большой киевской газете «Киевлянин»¹¹ была помещена серия статей И. Новицкого¹²: «О местном изучении края»¹³.

Мы только что указывали, что регионалистические мотивы, стремление утвердить и возвести на высшую ступень местные особенности сказывались и в том краеведении, которое было организовано в порядке официальном, правительственном, бюрократическом. В еще большей степени относится это к краеведению *земскому*, т[о] е[сть] тому, организатором которого являлись местные самоуправления – земства*. Многие из них имели большие заслуги в этом направлении. Так, напр[имер], материалы и сводки по местному фольклору, напечатанные в «Земском сборнике Черниговской губернии»¹⁴ в конце XIX и начале XX века, остаются и до сих пор основоположными произведениями этой отрасли. Но еще гораздо больше сделали земства по *экономическому* изучению края. «Земская статистика» стала особою категорией русской культуры. С огромным вниманием, особыми методами, которые впоследствии частично нашли доступ и в мировую статистическую практику, изучала земская статистика крестьянское хозяйство. Задачи этих исследований были *практические*: определить пути улучшения крестьянского хозяйства, обеспечить справедливое распределение налогов. Но они приводили и к большим *теоретическим* выводам.

* Земское самоуправление было введено в 34 губерниях России в 1864 г.

Значительное развитие земская статистика получила с 1860–1870-х годов. После революционных событий 1905 г. замечается увеличение числа объединений, организуемых уже отнюдь не в бюрократическом, а в общественном порядке, и ставящих своей целью изучение местного края. Таковы: Общество изучения Сибири и улучшения ее быта¹⁵, Архангельское общество изучения Русского Севера¹⁶, Костромское научное общество по изучению местного края¹⁷ и т. д. Некоторые из этих обществ работали в пределах нынешней Украины, напр[имер], Общество исследования Вольни в Житомире¹⁸. Почти все проявляли свою деятельность в выпуском изданий*.

К 1917 г. на территории позднейшего СССР существовало всего лишь несколько сот объединений краеведческого характера (обществ, кружков, музеев, исследовательских учреждений и заповедников). В России вовсе не было бюро и ассоциаций, которые объединяли бы в сколько-либо широких масштабах русскую краеведческую работу. В этом смысле замысел такого объединения, выдвинутый М.В. Ломоносовым в 1760-х годах, оставался не реализованным и в начале XX в.

Мы видели, что элемент «общественного движения», спонтанной социальной дельности был свойствен русскому краеведению с относительно ранних пор. Элемент этот представлен, напр[имер], деятельностью в краеведческом направлении Вольного экономического общества, организацией кружков, некоторых журналов и т. д. Но далеко не всегда он являлся преобладающим. Большие научные заслуги принадлежат в России *ведомственному* краеведению, организованному правительственной властью. Но, конечно, и оно не являлось, в собственном смысле слова, краеведением «по приказу». В него шли люди, которые имели склонность заниматься вопросами регионализма.

В послеоктябрьский период число краеведческих объединений увеличилось в огромной степени; появились и специальные организации, возглавляющие краеведческое движение. Но нельзя сказать, чтобы русское краеведение послереволюционного периода приняло уже какие-либо определенные и устойчивые формы. Здесь все в течении. Очень многие общества, просуществовавшие несколько лет и развившие за это время ценнейшую научную деятельность, подвергаются закрытию по открытому или скрытому приказу правящей партии. Основываются другие. Несколько раз коренным образом изменяется общее направление краеведней работы. Столь же

* Некоторые из этих обществ были основаны и ранее 1905 г. – напр[имер], Общество любителей изучения Кубанского края, начавшее свою работу в 1897 г.¹⁹

разнообразна и пестра судьба отдельных краеведческих органов. Во многих появлялись и появляются очень ценные труды краеведов. Но ни об одном нельзя сказать с точностью, не будет ли он закрыт на следующем номере. Старому русскому краеведению были свойственны многие недостатки: малое число объединений, отсутствие систематических усилий по привлечению работников из широких рабоче-крестьянских масс, отсутствие центральной направляющей организации. Но во второй половине XIX-го и в начале XX-го века одно достоинство было несомненно ему свойственно, несмотря на эпизодически возникавшее, особенно на окраинах, гонение со стороны властей на организации краеведческого типа: устойчивость организационных форм, существование научных органов с большою традицией. Это открывало возможность систематической многолетней работы и давало уверенность в том, что результаты ее будут опубликованы. И то, и другое условие в значительной мере отсутствуют в современном русском краеведении.

По количеству привлеченных работников и сил оно превосходит, конечно, свои начатки, которые наблюдались в конце XVIII – начале XIX-го века. Но по изменчивости форм, по своей *не*-устойчивости оно сближается с ними, напоминая проявления краеведческой работы до эпохи 1830–1840-х годов. В этом отношении русское краеведение завершило к настоящему времени некоторый исторический цикл.

II

В связи с социальной революцией, происшедшей в России в 1917–1918 гг., значительное количество культурных сил, работавших до того времени в других отраслях (управление, хозяйство), перенесло свое внимание в область краеведения.

Основание новых краеведческих обществ, кружков, музеев и исследовательских учреждений не прекращалось и в смутный период 1917–1921 гг. По неполным данным, за это время возникло 391 объединение краеведческого характера. Однако главная масса приходилась в их среде в этот период на музеи, и только сравнительно небольшая часть – на «общества и кружки». Путем организации музеев местные люди пытались спасти в обстановке революционной бури те или иные культурные ценности прошлого. Создание новых ячеек собственно исследовательской работы их в эти годы сравнительно мало интересовало. За пять лет (1917–1921) были организованы 271 новый музей и только 83 «общества и кружка»*.

* Вновь возникших объединений иных, кроме названных, наименований было зарегистрировано 37.

В дальнейшие пять лет (1922–1926) пропорция изменилась: за этот промежуток времени всего возникло 958 объединений, из них 722 «общества и кружка» и всего лишь 132 новых музея. Деятельность по организации музеев достигла своего максимума в 1920 г. (основано за год 84 учреждения этого рода); по области создания «обществ и кружков» кульминационный пункт был перейден в 1925 г. (за год возникло 230 объединений). В 1927 г. грюндерская деятельность и одного, и другого типа была на ущербе: 132 новых «общества и кружка», 19 музеев.

Статистика, повторяем, не полная. В особенности много пропущено в ней объединений, распавшихся вскоре после своего основания. Но другой статистики нет. Неполон и итог, характеризующий число краеведческих организаций, существовавших в СССР на 1 декабря 1927 г. Их было зарегистрировано 1761 – величина значительная, по сравнению с дореволюционным временем. «Обществ и кружков» было в том числе 1008, музеев – 568. Истинное значение этих цифр может быть определено только путем более детального рассмотрения.

Сведения о числе своих членов дали 599 организаций. В них состояло на 1.XII.1927 г. 37 430 членов. Нужно думать, что сведения представили, по преимуществу, объединения со сравнительно *большим* количеством членов. Следует к тому же заметить, что большая категория краеведческих организаций, музеев, имеет, собственно говоря, не «членов», а хранителей. Приняв это во внимание, приходим к выводу, что число членов во всех краеведческих организациях СССР едва ли многим превышало в 1927 г. 50 тысяч человек. Эту величину нельзя признать значительной для страны со 150-миллионным населением, каковой являлся в то время СССР*. Деятелям советского краеведения приходилось признавать даже относительно самых передовых по постановке краеведения районов, (напр[имер], бывшей Костромской губ.), что «задача внедрения краеведения в широкие массы едва начата». «Если в СССР краеведение и стало массовым общественным движением, то оно, захватывая в свои недра массовика, пока еще не захватывает этого массовика в таком количестве, какое было бы к лицу стране с населением в 150 млн. человек» (А.М. Большаков²⁰).

Весьма существенным данным, характеризующим состояние краеведческого дела в СССР, является размер бюджетов краеведческих обществ. Рассмотрение их показывает, что за большим количеством объединений стояла сравнительно малая возмож-

* В настоящее время население СССР превышает, как известно, 160 миллионов.

ность работы. При обследовании 1927 г. сведения о своем бюджете доставили 644 краеведных учреждения. Из них 169 организаций вообще не имели бюджета, а 173 учреждения довольствовались бюджетом, не достигавшим и 500 рублей в год. Таким образом, только *меньшая* часть объединений (302 учреждения) располагала годовым бюджетом, превышавшим эту, более чем скромную, сумму. И только Южно-Уссурийский отдел Русского географического общества имел, «в виде исключения», годовую смету свыше 100 000 рублей.

Первый шаг к созданию центрального, руководящего органа краеведческого движения был сделан в 1921 г., когда Академическим центром Народного комиссариата просвещения РСФСР была созвана в Москве (в декабре месяце) «1-я всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края». Согласно ее решению, для согласования и общего направления краеведческой работы Российской академией наук было создано Центральное бюро краеведения (далее – ЦБК) в составе Петроградского и Московского отделений, из представителей местного краеведения и Академии. В таком виде Бюро это просуществовало до 2-й конференции по краеведению, которая была уже всесоюзной и состоялась в декабре 1924 г. На ней было решено превращение ЦБК в «самостоятельный орган», находящийся в ведении Главного управления научными учреждениями (Главнаука). Это означало, что Центральное бюро в более действительной степени, чем раньше, бралось под контроль коммунистического ведомства просвещения. Отныне бюро это должно было состоять «из авторитетных деятелей науки и просвещения, уполномоченных от главнейших областных объединений, организаций учащихся, представителей советской общественности и советской государственности».

3-я, на этот раз снова всероссийская, конференция по краеведению состоялась в декабре 1927 г.

На первой конференции, кроме представителей РСФСР, принимали участие представители Белоруссии. Впоследствии белорусское краеведение эмансипировалось от российского. В 1922 г. в Минске было образовано Временное бюро краеведения, а в 1923 г., при Институте белорусской культуры, было создано и постоянное «Центральное бюро краеведения». По словам советских авторов, белорусские краеведческие организации в первую очередь заняты изучением белорусской народности (язык, история, культура). Это вполне понятно: угнетенная в течение долгого периода народность прежде всего желает знать – откуда она, и что собой представляет. Приблизительно то же самое наблюдается «по всему краеведческому фронту национальных меньшинств».

Эмансипация украинского краеведения произошла в 1923 г., когда для руководства им была организована Краеведческая комиссия при Украинской академии наук. Собравшаяся в 1925 г. в Харькове Конференция производительных сил постановила учредить при Украинском народном комиссариате просвещения Всеукраинский краеведческий комитет. К нему и перешли в том же году функции академической комиссии. Таким образом мы видим, что украинское краеведение повторило, с некоторым запозданием, организационные изменения, происшедшие в краеведении российском.

Уже в 1921 г. делались попытки ограничить краеведение изучением только экономических вопросов. Тогдашний народный комиссар просвещения РСФСР А.В. Луначарский²¹ в заключительном слове на 1-й краеведческой конференции так определял задачи работы: «В первую голову придется обратить внимание на те вопросы краеведения, которые тесно связаны с хозяйством <...> Все остальное отступает на задний план»²². Но многообразный в своих проявлениях культурный подъем, развернувшийся в России в эпоху НЭП'а, не дал ходу этим попыткам. Русское краеведение 1920-х годов двинулось вперед не на одном каком-либо, но на многих фронтах. Сложившееся в эту эпоху более широкое отношение к задачам краеведения было подытожено на 3-й конференции по краеведению (декабрь 1927 г.). Тогдашний начальник Главнауки Ф.Н. Петров²³ говорил: «В научно-исследовательской работе краеведческих организаций имеет равноправное место исследование края со всех сторон, а не только однобокое изучение, хотя бы, скажем, и изучение производительных сил края»²⁴.

Однако *такое* понимание краеведения продержалось недолго. Бури «нового революционного периода», начавшегося в 1928 г., снова обрушились на только что пустившийся в плавание корабль советского краеведения.

III

Прежде чем перейти к рассказу о судьбах русского краеведения в «новом революционном периоде», следует оглянуться на те научные результаты, которые им реализованы в течение 1920-х годов.

Прежде всего, некоторые числовые итоги. Они восходят к данным, собранным Центральным бюро краеведения перед Третьей конференцией по краеведению (декабрь 1927 г.). Только 55 % краеведческих учреждений ответило на анкету. Но по этим, далеко не исчерпывающим данным, организаций, выпускавших свои печатные труды, значилось 240. Из них 226 приходилось на долю РСФСР,

14 – на долю советских республик*. Число печатных изданий равнялось 544, из которых 40 выходило в свет в пределах союзных республик (остальные – в РСФСР). *Периодических* краеведческих органов числилось 31 название; прочие были непериодическими. Экспедиций за один лишь 1925/26 год краеведческими объединениями было проведено 740. Об их распределении по категориям дает представление следующая таблица:

Промышленных – 19	Этнографических – 112
Экономических – 21	Художественных – 6
Естественно-исторических – 264	Гидрологических – 10
Культурно-исторических – 256	Общих – 52

Несмотря на ограниченность средств и числа членов, научные результаты, достигнутые русским краеведением в течение 1920-х годов, нужно признать значительными. Краеведческие кадры оказались на высоте и, работая при незначительных материальных средствах, проявили большую долю научного самоотвержения. Будучи научной, работа их часто имела и чисто *практическую* ориентацию.

Приведем несколько примеров из краеведческой работы в РСФСР, отнюдь не претендуя дать какой бы то ни было *исчерпывающий* список.

На севере интенсивно работало Вологодское общество краеведения²⁵. Его орган – «Север» – выходивший в форме «толстого» журнала – одно из лучших русских краеведческих изданий. В нем заключается множество ценных сведений, как по истории, так и экономике края. 7/8-ая книжка этого журнала появилась в свет в 1928 г.²⁶ Филиалы Вологодского общества сосредоточивали свое внимание на изучении вод и лугов края, занимающих по своему значению первое место в экономике. В 1928 г. в Вологде выходил регулярно «Фенологический бюллетень»²⁷ краеведческого общества.

Северо-Двинское общество изучения местного края с центром в Великом Устюге выпускало «Записки», каковых появилось 5 книжек²⁸.

В Западном крае выдающееся место принадлежало Обществу естествоиспытателей и врачей при Смоленском государственном университете²⁹. Оригинальная сторона Смоленского краеведческого центра состоит в его специальном зоогеографическом уклоне³⁰. Наиболее выдающимся его представителем можно признать ор-

* Эта последняя величина, несомненно, преуменьшена в чрезвычайной степени.

нитолога В.В. Станчинского³¹. Но и помимо него большая плеяда смоленских исследователей изучает как птиц, так и насекомых, млекопитающих и других. «Труды» Общества – серьезнейший, по преимуществу зоогеографический, орган.

Брянское краеведение в связи с близостью Брянска к массивам так наз[ываемых] «Брянских лесов» носило по преимуществу лесоведный и лесоводный оттенок³². III-й выпуск его органа («Брянский край») появился в 1928 г.

Большой круг работ и изданий развернуло «Общество изучения Московской губернии»³³. Особенно насыщенными являлись в этом отношении годы 1926–1928. Журнал «Московский краевед»³⁴ дошел в 1928 г. до 5-го выпуска. Следуя склонности к гидрографии и лимнологии, свойственной многим объединениям русского краеведения, Общество издало превосходные работы А.А. Борзова³⁵ и И.А. Здановского³⁶, касающиеся этой стороны познания Московского края. Вышедший в свет в 1928 г. под редакцией известного русского историка С.В. Бахрушина³⁷ сборник «Московский край: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков»³⁸ представлял собою первоклассный образец *историко-экономического* изучения края.

Весьма разнообразна работа Общества исследователей Рязанского края. К 1928 г. оно довело свои «Труды» до XXXIII выпуска, начав эту серию в половине 1920-х годов³⁹. Социальная история, этнография, естествоведение в равной степени затронуты этой работой.

В Калуге проявляло большую деятельность Общество истории и древностей⁴⁰. Оно прекратило свое существование в 1929 г.

Важнейший центр *исторического* краеведения в Иваново-Вознесенской области (лежащей к востоку от Москвы) – это Владимирский государственный областной музей. Издаваемые им «Материалы по изучению Владимирской губернии»⁴¹, археологического, искусствоведческого, а частью и экономического содержания, заслуживают самого большого внимания. Памятникам исторического прошлого и материальной культуры посвящены 12 выпусков «Трудов» Переславльского (б[ывшей] Владимирской губ.) музея (1927–1929). Издание их прекратилось вместе с вынужденным уходом из музея директора его – М.И. Смирнова⁴². Научно-просветительное общество Переславля-Залесского, выпустившее 17 тетрадок своих «Докладов»⁴³, концентрировало свое внимание на поднятии урожайности и на изучении рыбных промыслов Плещеева озера.

Ярославское краеведение исходным пунктом имело естественно-историческое изучение края. Затем, в течение 1920-х годов, оно расширило свои рамки⁴⁴. Орган его – сборники «Ярославский край».

С большой свежестью написана археологическая брошюра Н.М. Коробкова⁴⁵ «Прозоровские могильники», изданная в 1928 г. Мологским краеведческим обществом⁴⁶ (Молога – уездный город б[ывшей] Ярославской губ.).

На высоком научном уровне стоят «Труды» Иваново-Вознесенского общества краеведения (к началу 1930 г. вышло 7 выпусков)⁴⁷.

Весьма обширна серия изданий Нижегородской ассоциации по изучению производительных сил. В 1929 г. печатались уже выпуски 12, 13 и 14 его органа⁴⁸. Кроме того, были начаты изданием: «Труды экспедиции по исследованию почв Нижегородской губернии»⁴⁹, «Труды антропологической комплексной экспедиции»⁵⁰ и «Труды Нижегородской геоботанической экспедиции» (руководитель проф. В.В. Алешкин⁵¹).

В Вятке нужно отметить работы Научно-исследовательского института краеведения, существовавшего с 1922 г.⁵²

В Центрально-Черноземной области назовем Курское общество краеведения с его «Известиями», выходившими вплоть до 1929 г.⁵³ «Работа общества больше ощущается в области культурно-исторических вопросов (изучение прошлого г. Курска, составление археологической карты, археологические раскопки и др[угое]»⁵⁴.

Урал был один из первых районов, где были уничтожены губернии и введено областное деление. Уже в 1927 г. здесь существовало «Областное бюро краеведения»⁵⁵. Результаты его работы запечатлены в сборниках «Уральское краеведение»⁵⁶.

Значительным местным центром краеведения в пределах Уральской области является Пермь. Ряд монографий по вопросам местного искусствоведения выпустил Пермский областной музей⁵⁷ (последняя значительная принадлежит 1928 г.⁵⁸). Более широкий охват имеют «Материалы по изучению Камского Приуралья», издаваемые Пермским обществом краеведения⁵⁹ (второй выпуск вышел в 1930 г.). Неблагоприятные отзывы о пермских краеведах, появившиеся в центральной коммунистической прессе, делают маловероятным, чтобы это издание было продолжено.

Крупнейший центр краеведения на средней Волге – Казань – с разветвленной системой краеведческих обществ и изданий, главным образом, по изучению Татарстана⁶⁰. Как и повсюду в других местах в СССР, они неоднократно меняли названия, но работа оставалась значительной, в продолжение всех «двадцатых» годов. Еще и 1930-й год мог похвастать здесь таким монументальным трудом по этнографическому краеведению, как книга Н.И. Воробьева⁶¹ «Материальная культура казанских татар» (Труды Дома татарской культуры)⁶².

В нижнем Поволжье такое же значение имел Саратов. Центральное место занимают здесь издания Нижне-Волжского института краеведения имени М. Горького⁶³. В Саратове создалась и действовала целая школа археологов во главе с П.С. Рыковым⁶⁴ и школа историков-экономистов во главе с П.Г. Любомировым⁶⁵.

Средоточием северо-кавказского краеведения является Ростов-на-Дону. Из его краеведческих объединений особо выделим Общество археологии, истории и этнографии⁶⁶. «Записки» его, которые выходили до 1929 г. включительно, имеют значение первоисточника для каждого, занимающегося археологией евразийской степи.

Не меньшего внимания заслуживают «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии» (в 1929 г. вышел в свет том 3-й новой серии, являющийся 60-м со времени основания Общества⁶⁷). Крым вообще занимает исключительное место как центр археологического и исторического краеведения. В Бахчисарае действует ряд татарских ученых, из числа которых выделились эпиграфист О. Акчокраклы⁶⁸ и искусствовед У. Боданинский⁶⁹.

Наиболее впечатляющим памятником сибирского краеведения 1920-х годов выглядит серия «Первый Сибирский Краевой научно-исследовательский съезд», в составе пяти увесистых томов (Новосибирск 1927 и 1928)⁷⁰.

Мы ограничились немногими данными. Но и их достаточно, чтобы создать *общее впечатление* о русской краеведческой работе 1920-х годов. К нынешнему моменту намеченная картина принадлежит более прошлому, чем настоящему.

IV

Коренные перемены в русском краеведении произошли в конце 1929 г. и в начале 1930-го. В эти месяцы руководителем политической жизни всего Советского Союза – И.В. Сталиным⁷¹ – был провозглашен, как известно, лозунг «ликвидации кулачества как класса»*. Одновременно происходила «сплошная коллективизация» областей и районов. В сфере краеведения эти события отозвались призывами к «очищению рядов краеведов от чуждого элемента».

Один из проводников новой политики в краеведении – С.П. Толстов⁷² в брошюре, изданной в начале 1930 г., так характеризовал существовавшее дотоле краеведение: «Антимарксистские – славянофильские, национал-шовинистские, идеалистические, поповские труды богатым дождем сыплются в изданиях краеведческих обществ. Краеведческие организации сплошь да рядом засорены явно

* См. «Монд Слав», 1930, март.⁷³

чуждыми нашей общественности и враждебными советской власти элементами. Например – “профессор” Введенский⁷⁴ в Воронеже, поповские “симпатии” которого были вскрыты 1-й краеведческой конференцией Центрально-Черноземной области; долгое время возглавлявший краеведческие организации в Перми проф. Богословский⁷⁵; проф. Новомбергский⁷⁶, бывший колчаковский министр, в Новосибирске и им подобные профессора. На периферии – достаточное количество попов, б[ывших] земских начальников и им подобных засело в краеведческих организациях, и только последнее время – начинают изгоняться. К этой коллекции нужно добавить и “советских” краеведов с большим именем, вроде “исследователя колхозов”, автора “Современной деревни”, Феноменова⁷⁷, на недавней краеведческой конференции в Серпухове выступившего с явно кулацким освещением колхозного движения⁷⁸. Последний год выбросил из рядов краеведения немало подобных типов, но работы по их выявлению и освобождению от них рядов советского краеведения осталось немало»⁷⁹.

Эта выдержка дает представление о той атмосфере, которая создалась в русском краеведении к описываемому моменту. «Ликвидация кулачества как класса» и «сплошная коллективизация» наиболее высокими темпами шли в течение января и февраля 1930 г. Собиравшиеся в эти месяцы краеведческие конференции и съезды признавали под давлением власть имущих работу то одного, то другого краеведческого общества, нередко делавшего огромную научную работу*, «не отвечающей принципам массовости в краеведении» и постановляли «упразднить» эти общества.

Темпы коллективизации понизились в марте 1930 г., после опубликования известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов».

В марте же 1930 г. состоялась IV Всероссийская конференция по краеведению. И хотя тон ее не был особенно боевым, стало ясно, что тем формам русского краеведения, которые сложились в течение 1920-х годов, пришел конец.

Руководящими были на ней речи тогдашнего председателя Государственной плановой комиссии Г.М. Кржижановского⁸⁰ и председателя Центрального бюро краеведения П.Г. Смидовича⁸¹. Первый из них говорил: «Краеведческая программа не может существовать сама по себе. Она должна быть связана со всей нашей работой над осуществлением пятилетнего плана»⁸². П.Г. Смидович конкретно описывал ту обстановку, в которой отныне должна протекать краеведческая работа: «Мы видим картину быстрого перехода одной из

* Как, напр[имер], Ленинградское общество изучения местного края⁸³.

самых важных отраслей хозяйства, – сельскохозяйственного производства, – из рамок частного сектора в рамки сектора социалистического. Отношения людей в процессе производства перестраиваются, передвигается из одного сектора в другой живой и мертвый инвентарь, перераспределяется земля. Мы приближаемся огромными шагами к тому моменту, когда всё хозяйство будет планомерно организовано на одних и тех же началах»⁸⁴. Способствовать скорейшему наступлению этого момента и является, по мнению руководителей нынешнего русского краеведения, основной его задачей.

Краеведческой деятельности в том виде, как она протекала в течение 1920-х годов, вменялось в вину «далеко не достаточное внимание работе в области экономики (промышленности, колхозов и т. д.)»⁸⁵. От краеведов требовалось, чтобы отныне они поставили во главу угла монографическое изучение фабрик, заводов и колхозов. П.Г. Смидович формулировал программу в еще более общей форме. Первыми задачами краеведения он считал: «реконструкцию, реорганизацию промышленности» и затем «процесс коллективизации, механизации, рационализации сельского хозяйства»⁸⁶.

Как оценить с *научной* точки зрения эту новую программу краеведения? Нет сомнения, что монографическое изучение фабрик, заводов и колхозов может дать многое. *Это совершенно необходимая работа*. С одной стороны, она сохраняет для истории конкретный облик социальных процессов, ныне происходящих в России; с другой – она способствует постановке новой отрасли: исторического изучения отдельных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, которая до сих пор была совершенно недостаточно представлена в русской культуре.

Что же касается «реконструкции промышленности» и «процесса коллективизации», то как бы ни оценивать эти явления, приходится признать, что роль в них краеведения не может не быть второстепенной: здесь приведены в движение гораздо большие силы, которыми и определится судьба только что названных процессов. И нужно понимать те следствия, которые имеет расширение обращенных в эту сторону отраслей краеведческой работы, поскольку оно происходит *за счет* других ее отраслей (собственно исторической, археологической, этнографической и прочих). Для изучения промышленности, колхозного строительства и прочего] в СССР существуют *особые* учреждения, располагающие большими средствами, чем краеведческая сеть. Работа последней не значительна в сравнении с работой иных учреждений. Между тем, область местной истории, местной археологии, местного искусства, местной этнографии, местного фольклора и т. д. представляет собою *исключительный* удел краеведения. Если краеведы не занимаются названными отраслями,

то никто ими не занимается. Это обстоятельство нужно иметь в виду, читая относящиеся к последним годам известия о том, что в краеведении «изучение промышленности, колхозного строительства, происходящих сдвигов в быте города и деревни» «постепенно начинают заслонять все прочие вопросы, которые до сего времени занимали основную часть производившейся работы».

Как для познания сущности краеведения, так и для характеристики определенного момента в его истории на русской почве, весьма показательным определением этого понятия, данное IV конференцией: «Краеведение является совокупностью работ, ведущихся общественными силами по всестороннему (комплексному) научному изучению данной территории. Советские условия выдвигают на эту работу широкие массы трудящихся города и деревни (советская общественность) и тем самым превращают советское краеведение в одну из форм содействия социалистическому строительству. Субъектом советского краеведения оказываются те же силы, которые строят советскую государственность и советское хозяйство»⁸⁷.

V

Как раз ко времени IV конференции по краеведению было закончено новое административное деление СССР. Были уничтожены губернии, уезды и волости. Страна была разделена на области, округа и районы*.

Краеведческие организации СССР не принимали сколько-либо заметного участия в работе по административному районированию: она прошла как бы помимо них. Но когда районирование осуществлялось, краеведческая сеть должна была посчитаться с изменившейся обстановкой.

П.Г. Смидович говорил на IV конференции по краеведению (март 1930 г.): «Советское краеведение тесно связано с другими сторонами советской жизни, со всем советским хозяйством и оно при изменении административных границ неизбежно и немедленно перестраивается в соответствии с ними»⁸⁸.

По словам того же оратора, «перестройка краеведческих организаций от уездных и губернских к окружным и областным территориям заняла довольно много времени. В некоторых местах в связи с этим произошла довольно значительная ломка»⁸⁹.

В перспективах работы на будущее, IV конференция по краеведению остановила свое внимание на окружных краеведческих организациях как на важнейшей составной части всей системы. Сравни-

* Округ – больше прежнего уезда, но меньше губернии. Район – больше волости, но меньше уезда.

вая краеведческую сеть с растением, П.Г. Смидович выражался так: «Окружной центр является главным звеном всей нашей краеведной работы. Сюда зеленые ячейки и образуемые ими листья (районы) гонят полученный материал, здесь материал перерабатывается для дела социалистического планового строительства»⁹⁰. В этой связи подчеркивалось, что «округ у нас при советском строительстве является основным звеном всей оперативной работы. Центр и область вырабатывают планы, распределяют задания и т. д., но проводят, строят эту работу по заданиям, по планам, выработанным вышестоящими органами, округа. В конце концов, областные центры используют материалы, которые представляются округами, непосредственно ведущими наибольшую часть всей работы. Краеведческие организации в советских условиях идут по тем же путям строительства, по которым идут организации советов. Следовательно, окружные краеведные организации будут иметь громадное значение во всей оперативной краеведной работе. Организационное оформление окружных организаций и методическое оформление их работы – главная задача дня»⁹¹.

Программа работы окружных объединений намечалась на IV конференции в следующих чертах: «Оформленные в том или другом виде окружные краеведные организации отвечают за полный охват всей территории округа краеведной работой, отвечают за правильную установку всей работы, за плановость этой работы, за надлежащую увязанность ее с работой окружных советских органов и общественных организаций, за надлежащее использование ее в деле социалистического строительства, за подготовку нужных кадров, за вовлечение актива рабоче-крестьянских масс, за связь своей работы с широкими массами строителей социализма. В каждом округе необходим краеведный музей как база краеведной работы, как орудие развертывания ее, необходимы научно-исследовательские и подсобные предприятия, необходима библиотека»⁹².

Все изложенное в предыдущих строках можно резюмировать в том положении, что организацию и развертывание окружного краеведческого объединения IV конференция поставила в центр всей работы. Это, по сказанному, произошло в марте 1930 г. А в июне–июле того же года XVI съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), постановил окружные деления на всем пространстве Союза вообще *упразднить*, сведя административное районирование к областям и районам. И к концу 1930 г. это решение было проведено в жизнь.

Таким образом, историю русского краеведения в последние годы можно свести к следующим моментам: в течение 1920-х годов краеведческая сеть сложилась в форме губернских и уездных объеди-

нений. В конце 1920-х годов много труда и усилий было положено на то, чтобы перевести ее в областные и окружные формы. В марте 1930 г. было постановлено все силы сосредоточить именно на работе в округах. Через три месяца после этого было приказано округа вообще уничтожить. Трудно представить себе большее расстройство, чем то, которое проистекло из названного ряда мероприятий. Не нужно еще забывать, что с этими организационными изменениями совпало по времени «очищение рядов краеведов от чуждого элемента». Как следствие – краеведение лишилось значительной части своих наиболее квалифицированных работников. Одновременно многие виды краеведения (археологического, этнографического) были объявлены ненужными в обстановке «социалистического строительства».

Результаты не замедлили сказаться. Их описывает в сборнике «Навстречу второй пятилетке», относящемся ко второй половине 1931 г., виднейший член Общества краеведов-марксистов, созданного при Коммунистической академии, В.Ф. Карпыч⁹³: «Краеведение в организационном отношении совершенно дезориентировано». «Отраслевые общества и кружки, как археологические, географические, этнографические и пр[очие] прекратили свое существование»⁹⁴.

Достаточно проглядеть хотя бы данный нами кратчайший обзор научной деятельности русского краеведения (главка III), чтобы понять, какой удар по научной работе нанесен уничтожением этих обществ. Некоторые из них существовали десятилетия, и количество трудов, ими выпущенных, считалось сотнями.

Но создано ли что-либо взамен уничтоженных обществ? Если и создано, то очень немногое. В.Ф. Карпыч так определяет положение: «Краеведные общества, возникшие кое-где, продолжают еще существовать в некоторых областях и районах, но в связи с новым районированием и решениями IV Всероссийской конференции по краеведению эти общества, как правило, ликвидированы. Взамен должны были быть созданы областные и краевые бюро. Но они еще не везде созданы»⁹⁵.

Состояние краеведческой сети таково, что оно побуждает к своеобразному протесту против постановлений власти даже лояльнейшего из лояльных коммунистов – В.Ф. Карпыча: «В районах начали создаваться районные бюро, но они, по совершенно непонятому и противоречащему существующей линии на укрепление районных органов работы настоянию Наркомпроса (оформлено в постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР по краеведению), должны быть упразднены»⁹⁶.

Одним словом, «ликвидации», уничтожения и «упразднения» – по всей линии. Положение ко второй половине 1931 г. было близко

к тому, что вместе с краеведческими организациями «упразднено» и само краеведение.

То постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мероприятиях по развитию краеведного дела», о котором говорит В.Ф. Карпыч, датировано 30 марта 1930 г. Оно устанавливает «следующую систему построения краеведных организаций в РСФСР: а) краеведные ячейки на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах и учреждениях; б) республиканские (автономные республики), краевые (областные) бюро краеведения при органах народного образования; в) Центральное бюро краеведения при Наркомпросе с участием представителей государственных, профессиональных и общественных организаций»⁹⁷.

Ту политику в области краеведения, которая намечена в этом постановлении, можно назвать политикой «распыления»: бюрократические учреждения в центрах областей («при органах народного образования») и затем только низовые ячейки (заводские, колхозные и т. д.). Эти условия созданы как бы нарочно для того, чтобы исключить возможность появления значительных местных средоточий работы.

В каком же состоянии находятся низовые ячейки? На этот вопрос дает ответ тот же В.Ф. Карпыч: «Местные ячейки при заводах, совхозах и колхозах созданы еще единицами и совершенно не укреплены и не нагружены практической работой»⁹⁸.

Общее заключение этого автора таково: «подобное положение на фронте краеведения вызвало ликвидаторские настроения среди части даже партийных работников-краеведов. Стали появляться теории о ненужности краеведения в условиях данного этапа социалистического строительства»⁹⁹.

И живы только некоторые остатки *прежнего* краеведения: «Краеведная работа по-прежнему теплится только вокруг местных музеев, привлекая только любителей и друзей музея»¹⁰⁰.

Весьма характерен тот проект преобразования краеведения, который выдвигает В.Ф. Карпыч. По его мнению, «теоретическим и методологическим центром краеведной работы» должно стать Общество краеведов-марксистов при Коммунистической академии, то есть он сам со своими ближайшими сотрудниками. Это предложение преподносится в окружении лозунгов о том, что «воинствующий марксизм-ленинизм – единственная методологическая основа краеведения». Степень пронизанности краеведения «большевистской партийностью» признается совершенно недостаточной также и после того, как краеведные организации очистились «от значительной части антисоветских чуждых элементов». «Надо вооружить советское краеведение марксистско-ленинской методологией, насытить

его воинствующей большевистской партийностью и под знаменем этой партийности разгромить остатки буржуазных теорий, еще тяготеющих над многими организациями краеведения»¹⁰¹.

В.Ф. Карпыч признает желательным создание научно-исследовательских институтов краеведения во всех областных и краевых центрах. «Единым же и единственным массовым обществом по краеведению с ячейками на местах – на предприятиях, в совхозах и колхозах – должно являться “Общество пролетарского туризма, экскурсий и краеведения”. База этого общества и прообраз его уже имеется в лице мощной организации пролетарского туризма и экскурсий, насчитывающей к настоящему времени около 600 тысяч членов»¹⁰².

Это предложение до крайности показательно в понимании судеб русского краеведения. Нельзя отрицать, что «Общество пролетарского туризма и экскурсий» проявило большую жизненность, включив в себя большое количество туристических элементов страны. Число его членов перевалило через полмиллиона, в то время как даже в эпоху наибольшей многолюдности краеведческих организаций (до начала потрясений 1929–1930 гг.), в них состояло максимально около 100 тысяч членов. Но стиль, род и вид работы этого Общества существенно отличается от краеведения. Это стиль поверхностного обозрения местности, в наиболее ярких случаях – род авантюрного поиска, вид экспедиции в труднодоступные местности. Он – как небо от земли – отличается от того пристального и систематического изучения небольшой территории, которое обязательно для краеведения. Общество пролетарского туризма и экскурсий имеет заслуги. Оно пытается насаждать в России альпинизм – отрасль, здесь отсутствовавшую доселе. Оно прививает молодежи вкус к путешествиям в самые труднодоступные дебри Главного Кавказского хребта, Урала, Алтая, Тянь-Шаня.

«Одной из замечательнейших исследовательских экспедиций пролетарских туристов была лыжная экспедиция через кавказские горные хребты зимой, в феврале 1931 г. Эта экспедиция, организованная Центральным советом Общества пролетарского туризма и экскурсий, перешла на лыжах Главный Кавказский и Сванетский хребты, считавшиеся до сих пор непроходимыми зимой. Достижения этой экспедиции открыли новые перспективы в отношении связи и передвижения в высокогорных районах и имеют огромное значение в деле обороны страны»¹⁰³.

Вполне возможно, что этот успех реален. Но с краеведением он имеет мало общего. Это московские и ленинградские энтузиасты туризма делают географические открытия, а не местные люди изучают свой край.

Коммунистическая власть уничтожила прежнее краеведение, в том виде, как оно существовало в 1920-х годах. Но она до сих пор не нашла новых кадров, которые можно было бы поставить на место устранившихся.

И, судя по всему, в 1931 г. еще не настал час возрождения русского научного краеведения. В этом году еще продолжались в коммунистической прессе усиленные нападки на ученых учреждения и научных работников краеведения.

Русскому географическому обществу вменяется в вину тот факт, что оно существует не год и не два, а более 80 лет, и выпускает в свет не первый и не второй, а 62-й том своих «Известий».

Виднейший переславльский (бывшей) Владимирской губ.) краевед М.И. Смирнов подвергается ожесточенной атаке за то, что он осмелился публично высказать свое предпочтение старой песне перед современной частушкой «да бульварным городским романсом». «Как еще ярче можно выразить свою тоску по исчезнувшему прошлому? – спрашивает коммунистический автор – как можно еще откровеннее призывать к реставрации дооктябрьской России?»¹⁰⁴. Этот выпад можно было бы признать комическим анекдотом, если бы он не имел трагических для М.И. Смирнова последствий.

Объявляется поход против всех вообще работников музеев, расположенных в бывших монастырях и храмах, которые якобы «полностью попадают в плен реакционнейших методов работы, созданных в этих музеях поповско-дворянскими, эсеров-народническими и прочими отбросами старого мира, в большом числе проникшими в эти музеи под маской различных ученых специалистов по части реставрации икон и иконостасов, оценщиков художественного значения паникадил, церковных вышивок и пр[очих], и пр[очих]»¹⁰⁵.

Несколько большую терпимость проявляют коммунистические авторы к изучению искусства нерусских народностей. Они даже гордятся тем, что «маленькая Осетия на Кавказе» собрала за советский период «до 150 печатных листов материала по народной словесности» и что в Киргизстане записано «1000 киргизских мелодий» и т. д. Они не видят в этом призыва к восстановлению дооктябрьских порядков. Но множатся признаки, что и этой работе приходит конец. Член Общества краеведов-марксистов А.А. Тахо-Годи¹⁰⁶ в своей статье в упомянутом выше сборнике «Навстречу второй пятилетке» высказывает следующие мысли: «Интенсивное, почти исключительное внимание, которое краеведение на первых порах национального строительства уделяло вопросу национальной культуры – ныне этап уже пройденный. Вопросы национальной культуры сейчас занимают в плане национального краеведения лишь столько места, сколько требует этого план социалистическо-

го строительства». И потому национальное краеведение «вовремя ударило по рукам тех, кто из изучения культуры формирующихся национальностей хотел делать не национальное, а националистическое дело, кто пытался и пытается вложить в национальную по форме культуру не пролетарское, а буржуазное содержание»¹⁰⁷. Как мы упоминали выше, содержание культуры, национальной по форме, должно быть, по мнению нынешних руководителей СССР, *только коммунистическим*.

VI

О «всестороннем (комплексном) научном изучении данной территории» – хотя бы в том смысле, как об этом говорила IV Всероссийская конференция по краеведению в марте 1930 г., в настоящее время в руководящих актах нет речи. Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 марта 1931 г. определяет следующим образом цели краеведения: «изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны, изучение в частности вопросов поднятия урожайности, внедрения новых культур, выявления новых предметов экспорта и прочих – эти задачи должны быть положены в основу работы краеведных организаций»¹⁰⁸.

Делается попытка претворить в жизнь мысль М.В. Ломоносова, высказанную еще в XVIII в., о собирании минералогических образцов при помощи крестьянских ребятишек (см. главку I). Теперь органом исследований этого рода должны явиться пролетарские туристы. В 1931 г. был объявлен «всесоюзный исследовательский поход пролетарских туристов». «Объектами научно-исследовательской работы туристов – участников этого похода – являются главным образом: цветные металлы, железо, уголь, нефть, строительные материалы, различные минералы, необходимые для социалистической промышленности и сельского хозяйства; природные газовые источники, растения технические и в первую очередь каучуконосные, дубильные, жиромасляничные, волокнистые, лекарственные и др[угие]. Кроме того, будут подвергнуты изучению состояние проселочных и шоссежных дорог, изыскания дорог, исследования рек, озер, ледников, лесов, лугов, будут сделаны метеорологические наблюдения и пр[очее]».

По утверждению краеведа-марксиста Ю.М. Боровинского¹⁰⁹, «огромное количество объектов разведочно-исследовательской работы не представляет собой ничего трудного для пролетарских туристов, так как они имеют в своих рядах сотни тысяч молодых ра-

бочих, преимущественно комсомольцев, с исключительным энтузиазмом отдающихся этому большому и чрезвычайно интересующему их делу»¹¹⁰.

Среди всех объектов разведочной работы на исключительное место поставлены цветные металлы и каучуконосы. В СССР чувствуется недостаток в разведанных месторождениях медных и свинцово-цинковых руд, вовсе не известны в Союзе серьезные залежи руд оловянных. Нет у советской промышленности и собственного каучука. Руководители ее надеются получить каучук в промышленных количествах из растений местной флоры. Поиски во всех названных направлениях ведутся центральными научными учреждениями. Но и в тех изданиях последних месяцев, в которых речь идет о краеведении, инструкции по отысканию каучуконосов и руд цветных металлов занимают видное место.

Руководители Общества пролетарского туризма убедятся, конечно, в скором времени, что вести разведочно-исследовательскую работу при помощи людей, не имеющих к тому специальной подготовки, вовсе не так легко, как это им кажется на первый взгляд. Но все-таки можно думать, что некоторые из «пролетарских туристов» окажутся способными к такого рода работе и что те или иные открытия будут ими сделаны. В настоящее время для поднятия духа участников похода сообщается, что такие открытия *уже* сделаны: «Поступили сообщения из Урала о ряде сделанных уральскими туристами ценных открытий, так, напр[имер], туристская ячейка Айлинского колхоза Саткинского района на горе Уван открыла месторождение магнетита, на горе Чулковке – золотые россыпи, на горе Суна – богатейшие месторождения свинца. В Кушвинском районе на р. Максимовке туристами открыты мощные залежи каменного угля, в большом количестве выступающего наружу»¹¹¹.

В связи с широким промышленным строительством 1930 и 1931 гг. в официальных кругах СССР в 1930 и 1931 гг. очень много говорилось о рудах, металлах и минералах. Одна из оригинальных черт этой эпохи – упомянутый «поход» пролетарских туристов. Но к краеведению, в его специфической сущности, он имеет только частичное отношение. Наибольшая вероятность открытий и каучуконосов, и новых, неизвестных доселе месторождений цветных металлов приходится на долю южных и восточных окраин Союза, имеющих в большинстве случаев нерусское население. И смысл провозглашенного в настоящее время «похода» заключается главным образом в том, чтобы русская рабочая молодежь искала экономические ценности на этнографически нерусских территориях. Это вовсе не то сочетание, которое подразумевается краеведением.

В собственно краеведческой области, на развалинах *общественного* краеведения 1920-х годов вырастает краеведение *ведомственное*. Краеведческая работа возвращается к формам, которые в России были ей, по преимуществу, свойственны до событий 1905 г. «Совет Народных Комиссаров СССР своим постановлением от 26 апреля 1931 г. обязал все союзные правительства в трехмесячный срок обеспечить составление экономических справочников районов СССР. Государственная плановая комиссия СССР в силу того же постановления разработала единую для всего СССР форму такого экономического справочника. По этой единой форме плановые органы всех районов должны в ближайшее время приступить к работе по выпуску таких справочников. Краевые и областные планово-статистические органы на основании районных справочников составят сводный справочник по краю или области»¹¹². «Справочные» и «памятные» книжки различных губерний, выпускавшиеся в старое доброе время Губернскими статистическими комитетами, – в измененном виде воскресают в наши дни. И нужно думать, что новые справочники будут не менее серьезны, чем старые, хотя и менее разносторонни, чем они (теперь ведь дело идет только об экономических вопросах).

Ведомственное краеведение твердо стоит на ногах в СССР, ибо оно нужно власти.

VII

Что касается основных источников по ознакомлению с русской краеведческой работой, то применительно к дореволюционному времени они вкратце указаны в главке I этой статьи.

Для ознакомления с русским краеведением 1920-х годов кроме изданий, перечисленных в виде примера в главке III, имеют значение следующие журналы: 1) «Краеведение», вышедший с марта 1923 г. в Петрограде, под редакцией С.Ф. Ольденбурга¹¹³ и Н.Я. Марра¹¹⁴; 2) «Известия Центрального бюро краеведения», основанные в июне 1925 г. в Ленинграде и перенесенные в январе 1928 г. в Москву. Оба журнала перестали существовать в самом конце 1920-х годов.

Для ознакомления с современным направлением краеведения существен журнал «Советское краеведение», издаваемый совместно Центральным бюро краеведения и краеведческой секцией Коммунистической академии¹¹⁵. Кроме того, назовем здесь следующие работы: а) А.М. Большаков. Введение в краеведение. Предисловие академика С.Ф. Ольденбурга. Из[дательств] во «Прибой». Ленинград, 1929. Книжка включает в себе попытку определения краеведения и, кроме того, краткую общую историю

краеведческой работы в России; б) сборник: Краеведная работа в РСФСР. Краткие обзоры по областям (краям) и автономным советским социалистическим республикам. Издание Центрального бюро краеведения. Москва, 1930. Серьезнейшее пособие для изучения русской краеведческой работы, до развала ее в последние годы; в) П.Г. Смидович и Г.М. Кржижановский. Социалистическое строительство и краеведение. Из[дательств]во «Работник просвещения». Москва, 1930. Доклады на IV Всероссийской конференции по краеведению; г) С.П. Толстов. Студенчество и краеведение. Издание Центрального бюро краеведения. Москва, 1930; д) Навстречу второй пятилетке. Краеведение – на службу социалистического строительства. Сборник статей и материалов под редакцией К.И. Гидлевского¹¹⁶ и В.Ф. Карпыча. [М.; Л.:] Государственное социально-экономическое издательство. 1931.

*ГАРФ. Ф. Р–5783 (П.Н. Савицкий). Оп. 1. Д. 141. Л. 1–48. Авто-
ризованная машинопись.*

Примечания

- ¹ А.М. Большаков пишет о «краеостроительстве» См.: *Большаков А.М.* Введение в краеведение. Л., 1929. С. 14.
- ² Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – ученый естествоиспытатель, историк, филолог, поэт, академик Императорской Петербургской академии наук (1742).
- ³ Крестинин Василий Васильевич (1729–1795) – историк, краевед, член-корреспондент Императорской Петербургской академии наук (1786), автор трудов по истории Архангельска, Двинской земли.
- ⁴ Рычков Петр Иванович (1712–1777) – историк, экономист, этнограф, географ, краевед, первым удостоенный звания члена-корреспондента Императорской Петербургской академии наук (1759), автор трудов по этнографии, географии и истории Поволжья, Урала, Прикаспия.
- ⁵ Шафонский Афанасий Филимонович (1740–1811) – действительный статский советник, врач, советник Уголовного суда в Черниговском наместничестве (1781–1789). В 1784–1786 гг. составил «Черниговского наместничества топографическое описание», рукопись которого была опубликована в 1851 г. См.: «Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малья России, из частей коей оно наместничество составлено, сочиненное действительным статским советником и кавалером Афанасием Шафонским. С четырьмя географическими картами. В Чернигове, 1786 г.». Издал М. Судзенко, председатель Временной комиссии, учрежденной при Киевском военном, подольском и волыньском генерал-губер-

наторе (Киев, 1851. [В 2 ч.]). Подробнее см.: *Бережков М.А. Ф. Шафонский и его труд «Черниговского наместничества топографическое описание (Заметки к истории Черниговской губернии и Малороссии вообще)»*. Нежин, 1910.

6 «Уединенный пошехонец: Ежемесячное сочинение на 1786 г., содержащее в себе разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными людьми к общественной пользе; разные духовные, философические, нравоучительные, исторические до нашего отечества и до иных государств относящиеся, также до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие сочинения» – первый в России провинциальный журнал, издавался в Ярославле. В 1786 г. вышло двенадцать номеров в двух частях. В 1787 г. выходил под названием «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле на 1787 г.». Издатели Н.Ф. Уваров, А.Н. Хомутов, Н.И. Коковцев. О журнале «Уединенный пошехонец» как первом краеведческом издании, см.: *Коплан Б. Первый краеведческий провинциальный журнал // Краеведение. 1924. № 4. С. 401–404; Кадек М.Е. Еще о первом краеведном журнале // Краеведение. 1924. № 8.*

7 «Гений времен: Исторический и политический журнал, издаваемый Федором Шредером и Иваном Делакура». Издавался в Санкт-Петербурге в 1807–1809 гг., всего вышло 239 номеров.

8 «Соревнователь просвещения и благотворения: Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности» – научный журнал, издавался ежемесячно в Санкт-Петербурге в 1818–1825 гг.

9 «Маяк современного просвещения и образованности: Труды ученых и литераторов русских и иностранных», с 1842 г. – «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской» – ежемесячный литературно-политический журнал. Издавался в Санкт-Петербурге в 1840–1845 гг. Редакторы – П.А. Корсаков, С.А. Бурачек, с 1842 г. – С.А. Бурачек. См.: Указатель статей, помещенных в «Маяке», и фамилий гг. сотрудников «Маяка» за пять лет, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844. СПб., 1844.

10 *Большаков А.М.* Указ. соч. С. 124.

11 «Киевлянин» – одна из крупнейших южно-российских общественно-политических газет монархического направления. Издавалась в Киеве в 1864–1919 гг. Основатель историк В.Я. Шульгин. Редакторы: В.Я. Шульгин (1864–1879), Д.И. Пихно (1879–1913), В.В. Шульгин (с 1913).

12 Новицкий Иван Петрович (1844–1890) – историк, этнограф, археограф.

13 См.: *Новицкий И.П.* О местном изучении края // *Киевлянин*. 1866. 15 сент. № 109. С. 431–432; 17 сент. № 110. С. 437–738; 24 сент. № 113. С. 450; 29 окт. № 128. С. 510–511.

14 «Земский сборник Черниговской губернии» – ежемесячный журнал Черниговской губернской земской управы. Издавался в Чернигове в 1870–1916 гг. Охватывал все вопросы земского строительства в крае, в том числе истории, культуры, этнографии и фольклористики.

Из наиболее объемных и значительных материалов по фольклору за период рубежа веков можно перечислить статьи и изданные отдельными приложениями к ряду номеров журнала публикации: *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседней с нею губерниях. Вып. 1 (1895. № 1–3); *Он же.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседней с нею губерниях. Вып. 2 (1896. № 6); *Он же.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседней с нею губерниях. Вып. 3 (1898. № 11–12); *Руссов А.* Описание Черниговской губернии (1896. № 6; 1897. № 7, 8–9; 1898. № 6, 8; 1899. № 4, 6, 10, 11); Доклад о сохранении памятников народного творчества (1899. № 2); *О.Б.* Женщины в малорусских песнях и сказаниях (1899. № 11); *Хижняков В.* Черниговская старина (1765–1810) (1899. № 11); *Гринченко Б.Д.* Из уст народа. Этнографические материалы (1900. № 2); Литература украинского фольклора. 1771–1900 / Сост. Б.Д. Гринченко (1901. № 5); Сборник материалов по малороссийскому фольклору / Собрал А.Н. Малинка (1902. № 1); Программа для собирания сведений археологических, исторических и этнографических по Черниговской губ. [разработанная] Черниговской губернской ученой архивной комиссией (1903. № 1); и другое. См.: Указатель статей, помещенных в «Земском сборнике Черниговской губернии» с 1869 по 1903 г. / Сост. И.Е. Коновал. Чернигов, 1904.

Внимание к деятельности земств и особенно близкое знакомство именно с изданиями Черниговского земства связано и с местом рождения П.Н. Савицкого и, безусловно, с тем, что отец его, Николай Павлович Савицкий (1867–1941), возглавлял в 1906–1913 гг. Черниговскую земскую губернскую управу.

15 «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта» (Санкт-Петербург). Было основано в 1908 г., преследовало цель «изучения Сибири в экономическом, культурном и правовом отношении, а также содействие подготовлению и проведению в жизнь насущных для Сибири преобразований». В 1909–1913 гг. издало 4 тома «Трудов», выпускало отдельные издания. См.: *Попов Д.И.* Общество изучения Сибири и краеведческое движение в России в начале XX в. // Вестник Омского университета. 2004. № 3. С. 108–111.

16 «Архангельское общество изучения Русского Севера» (Архангельск). Было в создано 1908 г., при основании провозглашало цель «кроме изучения Русского Севера в историческом, географическом, бытовом, культурном и экономическом отношениях, также еще привлечение к нуждам и особенностям Севера правительственного и общественного внимания». В 1909–1919 гг. издавало «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера: Ежемесячный журнал Северного края». В 1920-е годы выпускало отдельные тематические сборники.

17 «Костромское научное общество по изучению местного края» (Кострома). Было основано в 1912 г., занималось изучением истории, археологии, этнографии, природы местного края. С 1914 по 1929 гг. издало 43 выпуска «Трудов». Членом-учредителем Общества, его секретарем (1912–1920) и бессменным председателем (1921–1929) был один из самых крупных методистов россий-

- ского историко-культурного краеведения и музейного дела, археолог и этнограф Василий Иванович Смирнов (1882–1941).
- 18 Правильно – «Общество исследователей Волыни» (Житомир). Было основано в 1900 г., преследовало цель «...разностороннего изучения Волыни и вопросов, с таковым соприкасающихся, а также с ознакомлением с кремлем, его прошлым, его условиями жизни, нуждами и прочее, почему изучению подлежит не только территория нынешней Волынской губернии, но и вообще местности старой Волыни и Волынского княжества». В 1902–1915 гг. Общество выпустило 15 томов «Трудов», в которых помещены статьи и материалы по этнографии, истории, краеведению, геологии, почвоведению, о месторождениях природных ископаемых края, метеорологии.
- 19 «Общество любителей изучения Кубанской области (Кубанского края)» Екатеринодар (Краснодар) издало в 1899–1925 гг. девять выпусков «Известий».
- 20 Большаков Антон Михайлович (1887–1941) – историк, краевед, педагог. Автор трудов по истории деревни, учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, книги «Введение в краеведение» (Л., 1929). Репрессирован, расстрелян.
- 21 Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – государственный и политический деятель, нарком просвещения РСФСР (1917–1929), академик Академии наук СССР (1930), автор трудов в области общественных наук, писатель.
- 22 *Большаков А.М.* Указ. соч. С. 132.
- 23 Петров Федор Николаевич (1876–1973) – государственный и партийный деятель, начальник Главнауки (Главного управления научными, художественными, музейными, театральными и литературными учреждениями и организациями Наркомпроса РСФСР) в 1923–1927 гг.
- 24 *Большаков А.М.* Указ. соч. С. 132; Подробный обзор деятельности I–III научных краеведческих конференций РСФСР и СССР см.: *Филимонов С.Б.* Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.) / Под ред. и с предисл. С.О. Шмидта. М., 1989.
- 25 Вологодское общество изучения Северного края (Вологодское общество краеведения). Основано в 1909 г. Имело отделения в Сухоне, Вельске, Кадникове, Каргополе и других городах.
- 26 «Север: Орган научного Северного краеведения» (Вологда) – научный краеведческий журнал. Издавался в 1923, 1924, 1927–1928 гг. Всего было издано 6 книг.
- 27 «Фенологический бюллетень: Календарь природы: Орган Вологодского общества краеведения» – научный журнал, издавался в Вологде в 1928–1929 гг. Всего было издано 15 номеров.
- 28 «Северо-Двинское общество изучения местного края» (Великий Устюг). Было основано в 1923 г. В 1925–1929 гг. издало 6 выпусков «Записок Северо-Двинского общества изучения местного края».
- 29 «Смоленское общество естествоиспытателей и врачей» при Смоленском государственном университете было основано в 1922 г. Занималось изуче-

- нием природы, производительных сил и заболеваний в крае. Выпустило в 1926–1930 гг. четыре тома «Трудов», первых три были изданы под редакцией В.В. Станчинского.
- ³⁰ С 1908 г. в Смоленске также действовало «Общество изучения природы Смоленского края», издававшее орнитологические и природоведческие «Труды».
- ³¹ Станчинский Владимир Владимирович (1882–1942) – зоолог, орнитолог, эколог, профессор Смоленского государственного университета (1920–1929), председатель Смоленского общества испытателей и врачей (1922–1929) в 1929–1933 – профессор Харьковского университета. Репрессирован, умер в вологодской тюрьме.
- ³² В 1922 г. в Брянске было основано «Брянское общество естествоиспытателей и лесоведов» (действовавшее до 1926 г., в 1927 г. возобновило свою работу под названием «Общество изучения Брянского края»). Общество ориентировалось на задачи изучения природы и местной истории. В 1926–1929 гг. издало три выпуска сборника «Брянский край».
- ³³ «Общество изучения Московской губернии (области)». Создано в 1925 г. с целью объединения научно-краеведческой работы всех краеведов губернии (области). Включало отделения (секции): естественно-историческое, общественно-экономическое, музейное, издательскую комиссию, комиссию «Старая Москва», «Новая Москва» и другие. В 1930 г. реорганизовано в Московское областное бюро краеведения. О деятельности Общества подробно см.: *Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы фонда «Общества изучения Московской губернии (области)»: К методике изучения истории советского исторического краеведения. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. и с предисл. С.О. Шмидта. М., 1980; *Он же.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / Под ред. и с предисл. С.О. Шмидта. М., 1989.
- ³⁴ «Московский краевед» – историко-краеведческий научно-методический журнал, орган Общества изучения Московской губернии (области). Издавался в Москве в 1926–1930 гг. Всего вышло 13 номеров.
- ³⁵ Борзов Александр Александрович (1874–1939) – физикогеограф, геоморфолог, москвовед, сотрудник Румянцевской библиотеки (1900–1935), преподаватель, с 1918 г. – профессор, с 1927 г. – заведующий кафедрой физической географии, с 1928 г. – директор Научно-исследовательского института географии, в 1932–1936 гг. – декан почвенно-географического факультета МГУ. Автор трудов по рельефу Русской равнины, Москвы, Подмосковья, путеводителей географических экскурсий по Москве и Подмосковью. Под грифом Естественно-исторического отдела Общества изучения Московской губернии опубликовано: *Борзов А.А.* Краткая программа для описания рек и речных долин Московской губернии. М., 1926.
- ³⁶ Здановский Игнатий Адольфович (1889–1933) – метеоролог. Под грифом Естественно-исторического отдела Общества изучения Московской губернии опубликовано: *Здановский И.А.* Каталог рек и озер Московской губернии.

- С прил. географической карты Московской губернии в масштабе 6 верст в дюйме (на 6 л.). М., 1926.
- 37 Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – историк, москвовед, член-корреспондент Академии наук СССР (1939), академик Академии педагогических наук РСФСР (1945).
- 38 Московский край в его прошлом: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX вв. / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1928. Ч. 1; М., 1930. Ч. 2.
- 39 Общество было основано в 1920 г. Имело отделения в Касимове, Елатье, Раненбурге, Михайлове (Скопинского уезда), Спасске, Ижевском (Спасского уезда). В 1924–1929 гг. издало 25 выпусков «Трудов».
- 40 Калужское общество истории и древностей действовало в 1923–1929 гг. Основано в 1918 г. путем слияния бывшей Калужской губернской ученой архивной комиссии (созданной в 1891 г.) и Общества охраны местных памятников художественной старины. До 1923 г. – Общество древностей и охраны художественных произведений. Выпустило около 10 отдельных изданий по истории местного края.
- 41 Владимирский государственный областной музей (основан в 1854 г.) в 1920-е годы издал 3 тома трудов: См.: Труды Владимирского государственного областного музея. Владимир, 1925. Вып. 1: *Иванов А.И.* Пустошенский могильник; Владимир, 1926. Вып. 2: Материалы по изучению Владимирской губернии; Владимир, 1928. Вып. 3: Материалы по изучению Владимирской губернии.
- 42 Смирнов Михаил Иванович (1868–1949) – историк, краевед, организатор и руководитель (1918–1929) Государственного Переславль-Залесского историко-художественного музея. Брат В.И. Смирнова. Репрессирован. См. о нем: *Филимонов С.Б.* Обзор архива М.И. Смирнова // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 318–324.
- 43 «Переславль-Залесское научно-просветительское общество» (ПЕЗНАПРОБ) также, как и Музей, основано в 1918 г. Преимущественное внимание уделяло изучению природной среды и экологии местного края. В 1920–1929 гг. издало 17 выпусков «Докладов».
- 44 В те годы в Ярославле действовало «Ярославское естественно-историческое и краеведческое общество», которое вело свою историю от организованного в 1864 г. «Общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении». В 1928–1929 гг. в серии «Труды секции краеведения Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества» было издано 2 выпуска сборника «Ярославский край».
- 45 Коробков Николай Михайлович (1894 – не ранее 1940-х годов) – археолог, краевед, военный историк. Профессор Московского археологического института по кафедре египтологии. В 1922 г. арестовывался в Москве ОГПУ в связи с подготовкой высылки за рубеж интеллигенции; из-за болезни высылка была отменена. Вновь арестовывался в 1924 г. Решением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 29 января 1926 г. приговорен к высылке в г. Мологу сроком

- на три года. Автор трудов по археологии Москвы, Ярославского края, биографий русских военных деятелей. Речь идет о книге: *Коробков Н.М.* Прозоровские могильники (Мологский уезд Ярославской губернии). [Молога]: Мологское краеведческое общество, 1928. Вып. 1.
- 46 «Мологское общество изучения родного края» (Молога Ярославской губ.) Было основано в 1920 г.
- 47 Общество было основано в 1923 г. В 1924–1929 гг. издало 7 выпусков «Трудов». См.: Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1924. Вып. 1: Материалы по истории края; Иваново-Вознесенск, 1924. Вып. 2; Иваново-Вознесенск, 1925. Вып. 3: Итоги краеведной работы в докладах Первой губернской краеведческой конференции; Иваново-Вознесенск, 1926. Вып. 4: Историко-революционный сборник; Иваново-Вознесенск, 1928. Вып. 5: Исторический сборник; Иваново-Вознесенск, 1929. Вып. 6: Ботанический сборник; Иваново-Вознесенск, 1929. Вып. 7: Геологический сборник.
- 48 Имеется в виду издание «Производительные силы Нижегородской губернии. Орган Губернского отдела Ассоциации по изучению производительных сил Центральной промышленной области при нижегородской плановой комиссии», выходившее в Нижнем Новгороде в 1925–1930 гг. Издано было 15 выпусков.
- 49 См.: Труды экспедиции по исследованию почв Нижегородской губернии, организованной Нижгубисполкомом и исполненной под руководством В.П. Серебрякова, профессора Нижегородского государственного университета. Нижний Новгород, 1929. Вып. 1: *Серебряков В.П.* Почвы Нижегородской губернии; Нижний Новгород, 1927. Вып. 2: *Серебряков В.П., Федянцева П.Н.* Почвы Ветлужского уезда; Нижний Новгород, 1929. Вып. 3: *Серебряков В.П., Горшунов С.А.* Почвы Краснобаковского уезда.
- 50 «Антропологическая комплексная экспедиция по Центрально-Промышленной области», организованная Антропологическим институтом Московского государственного университета (под руководством археолога и антрополога Б.С. Жукова), работала в 1926–1930 гг. Занималась систематическими археологическими и антропологическими исследованиями в Нижегородской, Владимирской, Ярославской губерниях, Ивановской промышленной области.
- 51 Правильно – Алехин; Алехин Василий Васильевич (1882–1946) – геоботаник, основатель и заведующий кафедрой геоботаники (1929–1946) биологического факультета МГУ, профессор (с 1918 г.). В 1925–1928 гг. возглавлял Нижегородскую геоботаническую экспедицию. См. опубликованную без подписи заметку П.Н. Савицкого об этой экспедиции: Die geobotanische Expedition in Nižnij Novgorod // Slawische Rundschau. 1929. Bd. 1. № 10. S. 869.
- 52 «Вятский Научно-исследовательский институт краеведения» – крупнейший научно-методический центр по изучению природы, экономики, культуры местного края. Основан в 1922 г., ликвидирован в 1941 г., выступил инициатором проведения областного краеведческого съезда в 1923 г., издавал «Труды»

- (1925–1941), журнал «Вятская жизнь» (1923–1924), отдельные издания. Организатором и первым директором института (1922–1923) был крупный филолог-славист, член-корреспондент Академии наук Николай Михайлович Каринский (1873–1935).
- ⁵³ «Курское общество краеведения» (Курск) было основано в 1923 г., окончательно ликвидировано в 1932 г., имело 5 филиалов, издавало «Известия».
- ⁵⁴ Краеведная работа в РСФСР. Краткие обзоры по областям (краям) и автономным советским социалистическим республикам. М., 1930.
- ⁵⁵ «Уральское областное бюро краеведения» (Свердловск) было основано в 1924 г. по итогам II Уральского областной краеведческой конференции как руководящий орган всей краеведческой работы в уральском регионе.
- ⁵⁶ «Уральское краеведение: Орган краеведческой и научно-исследовательской работы Урала. Издание Уральского областного бюро краеведения» – научный краеведческий сборник, издававшийся в Свердловске в 1927–1928 гг. Всего вышло 2 выпуска.
- ⁵⁷ Вероятно, имеются в виду небольшие по объему отдельные издания Музея. См., к примеру: *Сыропятов А.К.* Отражения чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермь, 1924; *Серебренников Н.Н.* Краткое описание коллекций Художественного областного музея. Пермь, 1926; *Он же.* Уральский фарфор и фаянс. Пермь, 1926; *Он же.* Художественно-исторические памятники г. Перми. Пермь, 1926.
- ⁵⁸ Речь идет о фундаментальной работе «Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись. С картой и 60 иллюстрациями» (Пермь, 1928) пермского историка искусства, музейного и общественного деятеля, краеведа Николая Николаевича Серебренникова (1900–1966), с 1923 г. – научного сотрудника Пермского музея и Художественной галереи.
- ⁵⁹ «Пермское общество краеведения» было основано в 1925 г., ликвидировано в 1931 г. Издало два сборника «Материалов по изучению Камского Приуралья» (Пермь, 1928. Вып. 1; Пермь, 1930. Вып. 2) – преимущественно естественноисторического и экономического содержания.
- ⁶⁰ В Казани в те годы действовали: Бюро краеведения при Академическом центре Татарской Республики; Научное общество татароведения (основанное в 1922 г., председатель профессор Н.Н. Фирсов); старейшие научные общества при Казанском государственном университете – Общество археологии, истории и этнографии (основано в 1878 г., председатель – Н.Н. Фирсов) и Общество естествоиспытателей (основано в 1869 г.). Разнообразную и широкую программу краеведческих исследований осуществлял Центральный музей Татарской ССР, существовавший с 1895 г.
- ⁶¹ Воробьев Николай Иосифович (1894–1967) – этнограф, антрополог, директор Центрального музея Татарской АССР.
- ⁶² См.: *Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар (Опыт этнографического исследования). Казань, 1930. (Труды Дома татарской культуры. Т. 2). Первый том «Трудов» Дома татарской культуры составили «Очерки по

- изучению местного края / Под ред. проф. С.П. Сингалевича и Р.Ш. Тагирова» (Казань, 1930).
- ⁶³ «Нижеволжский институт краеведения им. М. Горького» при Саратовском университете был основан в середине 1920-х годов, в 1929–1936 гг. издал семь выпусков «Известий». Институт был ликвидирован в 1936 г., а многие сотрудники его были репрессированы.
- ⁶⁴ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942) – археолог, краевед, музейный работник, профессор (с 1922 г.), заместитель ректора Саратовского государственного университета, директор (с 1923 г.) Саратовского областного краеведческого музея и с 1924 г. – Краеведческого института изучения Южно-Волжской области, в 1931–1937 гг. – профессор Саратовского педагогического института. Создатель научной археологической школы. Репрессирован в 1937 г. и был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, скончался в лагере. Автор трудов по археологии Нижнего Поволжья.
- ⁶⁵ Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935) – историк-экономист, архивист, археограф, краевед, профессор Саратовского университета (1920–1930). Подвергался репрессиям по «Академическому делу». Автор трудов по социально-политической истории, истории экономики, общественной мысли России XVII–XIX вв.
- ⁶⁶ «Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии» (Ростов-на-Дону), основанное в 1925 г., было правопреемником «Ростовского-на-Дону общества истории, древностей, естествознания», существовавшего с 1909 г. В 1912–1929 гг. Общество издало 5 томов «Записок».
- ⁶⁷ «Таврическое общество истории, археологии и этнографии» (Симферополь) – крупнейшая научная историческая и краеведческая организация в Крыму, существовало в 1887–1931 гг. (до 1923 г. – «Таврическая ученая архивная комиссия»), издавало «Известия...» В 1887–1920 гг. – опубликовано 57 выпусков «Известий Таврической ученой архивной комиссии», в 1927–1931 гг. – 4 выпуска «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». О деятельности Общества см.: *Филимонов С.Б.* Хранители памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории и этнографии (1878–1931). 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь, 2004.
- ⁶⁸ Акчокраклы Осман Нури Асан-оглу (Осман Асанович) (1879–1938) – крымско-татарский востоковед, эпиграфист, палеограф. Репрессирован, расстрелян. См. о нем: Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003.
- ⁶⁹ Боданинский Уссейн Абдредиевич (1877–1938) – крымско-татарский художник, искусствовед, этнограф, заведующий Бахчисарайским дворцом и музеем тюрко-татарской культуры (с 1917 г.). Репрессирован, расстрелян. См. о нем: Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003; *Мусаева У.К.* У.А. Боданинский – организатор работы по изучению и охране памятников

истории и культуры крымских татар // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. С. 37–61.

- 70 Первый Сибирский Краевой научно-исследовательский съезд состоялся в Новосибирске в 1926 г. Труды его изданы под грифом «Общества изучения Сибири и ее производительных сил». См.: Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / Под общ. ред. А.А. Ансона, Н.К. Ауэрбах, В.Г. Болдырева и другие. Отв. ред. Г.И. Черемных. Новосибирск, 1927 Т. 1: Протоколы и резолюции; Новосибирск, 1927. Т. 2: Доклады секции «Недра»; Новосибирск, 1927. Т. 3: Доклады секции «Поверхность»; Новосибирск, 1927. Т. 4: Доклады секции «Связь»; Новосибирск, 1928. Т. 5: Доклады пленума: секций «Человек» и «Музейно-архивной». Также см.: Организационно-методические материалы, изданные к моменту проведения съезда: Материалы к докладам секций. Новосибирск, 1926; Дополнительные материалы к докладам Секции. Новосибирск, 1926; Материалы к докладам пленума. Новосибирск, 1926.
- 71 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – государственный и партийный деятель.
- 72 Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – историк, этнограф, археолог, востоковед, краевед, член-корреспондент Академии наук СССР (1953). В 1930-е годы – член Президиума Центрального бюро краеведения, председатель студенческой секции и заместитель председателя музейной секции Центрального бюро краеведения. Автор трудов по археологии, истории, культуре народов Средней Азии, древнего Хорезма, этнографии и этногенезу, по краеведению, в том числе книги «Введение в советское краеведение» (М.; Л., 1932).
- 73 Статью в «Le Monde Slave» установить не удалось.
- 74 Введенский Сергей Николаевич (1867–1940) – воронежский историк, краевед, археолог. Организатор краеведческого движения в Воронежском крае в 1920-е годы, доцент по кафедре истории факультета общественных наук (1919–1929), заведующий библиотекой Воронежского государственного университета. Председатель Воронежского краеведческого общества (1924–1929), редактор «Воронежского краеведческого сборника» (1924–1925), «Известий Воронежского краеведческого общества» (1925–1926), ответственный секретарь областного бюро краеведения Центрально-черноземной области (1929–1930). Автор работ по истории тамбовского края, Воронежа и Воронежской епархии. Репрессирован в 1930 г. по «делу краеведов Центрально-черноземной области». В 1931–1934 гг. находился в Свирском исправительно-трудовом лагере. На прошедшем в январе 1930 г. Съезде краеведов ЦЧО С.Н. Введенский в числе других воронежских краеведов был подвергнут публичной травле, которая началась еще ранее – в 1929 г. и предвляла масштабные репрессии в среде местных историков и краеведов. См. подробнее: Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. «Дело краеведов» Центрального Черноземья // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 56–66; Сергей Николаевич Введенский (1867–1940): Биобиблиографический указатель / Сост. А.Н. Акиншин, Н.М. Федосова. Воронеж, 1997.

- ⁷⁵ Богословский Павел Степанович (1890–1966) – историк, фольклорист, этнограф, краевед, архивист. Преподаватель (с 1916 г.), приват-доцент (с 1920 г.), профессор Пермского государственного университета (до 1932 г. и в 1946–1948 гг.), заведующий Пермским губернским архивом (в 1922 г.), председатель (с 1923 г.) Кружка по изучению Северного края при Пермском государственном университете (инициатор и редактор, издававшегося при кружке «Пермского краеведческого сборника» – издано четыре выпуска; организатор Музея русского Севера), директор Пермского областного музея (1924–1932). Автор трудов по истории, народной культуре Пермского края.
- ⁷⁶ Новомбергский Николай Яковлевич (1871–1949) – юрист, историк, археограф, экономист, врач. Приват-доцент (1906), и. д. профессора (с 1908 г.) по кафедре полицейского права, секретарь (1909–1910, 1915, с 1917 г. – декан) юридического факультета Томского университета. Товарищ министра туземных дел во Временном Сибирском правительстве, Временном Всероссийском правительстве и товарищ министра внутренних дел в Российском правительстве А.В. Колчака (до 22 февраля 1919 г.). В 1920 г. привлекался к суду бывших колчаковских министров в Омске и приговорен «к лишению свободы с применением принудительных работ на время Гражданской войны». С 1921 г. – сотрудник экономического отдела Сибирского революционного комитета, в 1922–1923 гг. – член президиума Сибирской плановой комиссии, консультант Сибирского КСОС и Сибирского областного бюро ВСНХ, участвовал в разработке генерального плана развития Сибири на 15 лет. Состоял в должности заместителя председателя Сибирского отделения научно-исследовательского института по изучению сельского хозяйства. В 1929 г. подвергался в печати обвинениям в призыве в своих трудах к реставрации капитализма в СССР, укреплению единоличных хозяйств на селе. С 1929 г. – в Ленинграде (по другим данным 23 июня 1930 г. приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, в 1932 г. выслан на оставшийся срок в Северный край, в 1934 г. освобожден). С 1943 г. – профессор Архангельского педагогического института. Автор трудов и публикаций исторических источников по истории государственных учреждений, истории медицины XVI–XVIII вв., политического суда и следствия XVII в., истории рудного дела в России, статистических исследований по переселенческому делу в Сибири, трудов по вопросам социальной гигиены, экономико-плановых исследований. См.: Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1996. Вып. 1; Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003.
- ⁷⁷ Феноменов Михаил Яковлевич (1883 г. – не ранее 1940-х годов) – историк-краевед, социолог, этнограф. Секретарь «Общества изучения Московской губернии (области)». Автор трудов по истории России XVII–XVIII вв. и Москвы, проблемам историко-краеведческого изучения современной деревни, методике школьного краеведения. С.П. Толстов имеет в виду книгу: *Феноменов М.Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни

- (Деревня Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии). М.; Л., 1925. Ч. 1 Производительные силы деревни; Ч. 2. Старый и новый быт (Социальные навыки).
- 78 Краеведческие труды М.Я. Феноменова по изучению села объявлялись «кондратьевщиной» в краеведческой литературе, то есть связывалось с фальсифицированным процессом так называемой Крестьянской трудовой партии. См.: *Карпич В.Ф.* Состояние советского краеведения и задачи краеведов-марксистов С. 20.
- 79 Не совсем точная цитата из книги: *Толстов С.П.* Студенчество и краеведение. С. 13–14.
- 80 Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – партийный и государственный деятель, председатель Госплана (1921–1930), академик (1929), вице-президент Академии наук СССР (1929–1939).
- 81 Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) – партийный и государственный деятель, член Президиума ВЦИК и ВСНХ. Председатель Центрального бюро краеведения (1927–1932).
- 82 *Кржижановский Г.М.* Социалистическое строительство и краеведение // Социалистическое строительство и краеведение: Доклады П.Г. Смидовича и Г.М. Кржижановского по краеведению 22 марта 1930 г. М., 1930. С. 26.
- 83 «Ленинградское общество изучения местного края» – краеведческая организация. Общество было основано в начале 1920-х годов. Имело отделения в Гатчине, Лодейном Поле, секцию молодых краеведов на ст. Озерки Ленинградской области. Ориентировалось на естественнонаучную, историко-краеведческую и этнографическую проблематику. Издало в 1927 г. два тома «Трудов». В работе Общества принимали участие И.М. Гревс, Д.А. Золотарев, Н.С. Розов и другие. Ликвидировано в декабре 1929 г.
- 84 *Смидович П.Г.* Краеведение на путях социалистического строительства // Социалистическое строительство и краеведение... С. 3–4.
- 85 *Смидович П.Г.* Указ. соч. С. 8–9; Также см.: Резолюция по докладу П.Г. Смидовича «Роль краеведения на путях социалистического строительства», принятая IV Всероссийской краеведческой конференцией // Социалистическое строительство и краеведение... С. 38.
- 86 *Смидович П.Г.* Указ. соч. С. 12; Также см.: Резолюция по докладу П.Г. Смидовича «Роль краеведения на путях социалистического строительства», принятая IV Всероссийской краеведческой конференцией // Социалистическое строительство и краеведение... С. 39.
- 87 Резолюция по докладу П.Г. Смидовича «Роль краеведения на путях социалистического строительства», принятая IV Всероссийской краеведческой конференцией // Социалистическое строительство и краеведение... С. 36.
- 88 *Смидович П.Г.* Указ. соч. С. 10.
- 89 Там же.
- 90 Там же. С. 15.
- 91 Там же. С.15–16.

- ⁹² Там же. С. 17–18.
- ⁹³ Карпыч Василий Федорович (1900–?) – историк, сотрудник Института народов Востока, член Коммунистической академии ЦИК СССР, член-учредитель Общества краеведов-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР и ученый секретарь организационного бюро Общества (1931–1932).
- ⁹⁴ *Карпыч В.Ф.* Состояние советского краеведения и задачи краеведов-марксистов (К партийному совещанию при ЦК ВКП (б) по вопросам краеведения) // Навстречу второй пятилетке. Краеведение – на службу социалистического строительства. Сборник статей и материалов под редакцией К.И. Гидлевского и В.Ф. Карпыча. М.; Л., 1931. С. 13.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Постановление СНК РСФСР № 396 от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведного дела» // Навстречу второй пятилетке... С. 139.
- ⁹⁸ *Карпыч В.Ф.* Указ. соч. С. 13.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 18.
- ¹⁰² Там же. С. 29.
- ¹⁰³ *Боровенский Ю.М.* Разведочно-исследовательская работа пролетарских туристов // Навстречу второй пятилетке. С. 68.
- ¹⁰⁴ *Карпыч В.Ф.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 25.
- ¹⁰⁶ Тахо-Годи Алибек Алибекович (1892–1937) – государственный и партийный деятель, председатель Ассоциации горских краеведческих организаций Северного Кавказа, в 1922–1929 нарком просвещения, заместитель председателя СНК Дагестанской АССР. Член-учредитель Общества краеведов-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР. Председатель национальной секции Центрального бюро краеведения. Репрессирован, расстрелян.
- ¹⁰⁷ *Тахо-Годи А.А.* Краеведение в национальных республиках и областях РСФСР // Навстречу второй пятилетке... С. 115.
- ¹⁰⁸ Постановление СНК РСФСР № 396 от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведного дела» // Навстречу второй пятилетке. С. 139.
- ¹⁰⁹ Боровинский (Боровенский) Ю.М. – историк, краевед.
- ¹¹⁰ *Боровенский Ю.М.* Указ. соч. С. 60.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² *Карпыч В.Ф.* Навстречу второй пятилетке // Навстречу второй пятилетке... С. 44.
- ¹¹³ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – культуролог, востоковед, буддолог, академик (1900), непреходящий секретарь Академии наук (1908–1929), председатель Центрального бюро краеведения (1922–1927).
- ¹¹⁴ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – востоковед, лингвист, академик (1909), вице-президент (1930–1934) Академии наук СССР, заместитель председателя Центрального бюро краеведения.

- ¹¹⁵ «Советское краеведение: Орган Центрального бюро краеведения и краеведческой секции Коммунистической академии» – ежемесячный журнал, издававшийся в 1930–1936 гг. вместо закрытых «Известий Центрального бюро краеведения».
- ¹¹⁶ Гидлевский Кенсорин Иосифович (1889–1936) – историк, экономист, политический деятель, член ВКП (б) с 1916 г., автор трудов по истории революционного движения в Сибири. Член-учредитель и заместитель по организационным вопросам и кадрам председателя Общества краеведов-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР. Заместитель ученого секретаря Президиума Коммунистической академии ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян.

Abstracts

A.N. Akinshin, O.G. Lasunsky

IN BOLHOVITINOV'S MOTHERLAND. CHRONICLE OF THE LATEST VORONEZH LOCAL STUDIES

The article is about the development of local history studies in Voronezh after the 2000 year, when the 200th anniversary of E.A. Bolkhovitinov's book on local history was celebrated.

The authors analyze several comprehensive collective works including Voronezh Encyclopedia (2008) and Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia (2006, 2009), collected articles and books published in Voronezh and other parts of the region. The proceedings of scientific conferences including the Second All-Russian Seminar "Love to Homeland is the Basis of Patriotism" (2005) have been reviewed. The work of the major publishing houses in the field of Voronezh local history has been revealed as well as the work of Voronezh Historical and Cultural Society, which was established in 1971. The largest local historical projects of Voronezh State University, Center for Spiritual Revival of Black Earth Region, local publishers have been analyzed.

Keywords: Voronezh local history, current state of Voronezh local history studies, publications, basic ways of work of local historians activity in Voronezh.

A.M. Alfyorova

THE SOURCES ON THE STUDY OF SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT OF SCIENTIFIC CITY IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF ZELENOGRAD)

The purpose of the article is to study social and cultural space of Zelenograd as a scientific city. The investigation process of Zelenograd has shown that the research of a modern city requires a wide range of materials from government archives, archives of active organizations, memoirs, interviews, periodicals. This complex let us comprehensively analyze issues of urban social and cultural environment at the different stages of its development. The study of the social and cultural environment of a modern city is an important part of local history work and it can be used to create the most optimal programs of the city development.

Keywords: scientific city, social and cultural space, Zelenograd, sources for the study of scientific city.

S.I. Baranova

ABOUT THE CUSTOMERS OF CERAMIC TILE DECORATION FOR THE CHURCHES IN ZAYAUZ'E IN XVII CENTURY

The author researches the ceramic tile decoration of the churches in Zayauz'e including some destroyed architectural monuments, for the first time presenting the unique decoration of parish churches in the area of Moscow's Goncharnaya Sloboda. The analysis of features of the decoration makes it possible to identify the specific role of congregants who occasionally donated ceramic tiles to their church. This form of donation was the way to define their social status which also can be regarded as the manifestation of their "guild spirit".

Keywords: ceramic tile decoration, ceramist, ceramic tile craftsman, Goncharnaya Sloboda, pottery hearth, ceramic tile frieze, ceramic tile icon, majolica panel, donators.

E.L. Chernova

PROLIFERATION OF «OBNOVLENCHESTVO» IN MOSCOW IN 1920s: TOPOGRAPHICAL ASPECT

The article deals with the development of "obnovlenchestvo" in Moscow. The article analyzes the number of parishes and their location in the city on the basis of the documents of Moscow diocesan administration and periodicals of the movement. This analysis helped the author to trace the dynamics of relocation of the church movement in Moscow during 1920s and to find out changes in the number of their parishes that depends on the characteristics of position and status of the reformers in the city.

Keywords: Moscow parishes, church schism of the XX century, the religious reform movement, the topography of obnovlenchestvo, the Moscow diocesan administration.

M.N. Gromov

THEORETICAL PRINCIPLES OF STRUCTURING OF RUSSIAN LOCAL STUDIES

The author characterizes and analyzes the cognitive nature of regional studies in terms of three levels: empirical, theoretical and philosophical. In regard to theoretical understanding of empirical material there exist seven principles of local history: multidirection,

comprehensiveness, contextuality, the primacy of the authentic source, genetic approach, the continuity of evolution and openness. Giving examples from philosophical history and from local history practice the author analyzes each of these fundamental principles of local history.

Keywords: fundamental principles of local history, the scientific regional studies, historical and cultural heritage, regional interpretation of cultural and historical process.

V.B. Kior

TSAR ADMINISTRATION IN THE VOLGA REGION AND ITS IMMIGRATION POLICY (LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES)

The article analyses the Tsar administration efforts to invite families of settlers wishing to get engaged in agricultural production in Russia, and its efforts to manage the logistics details of their settling in the Empire. The article specifically considers the Volga region and the process of organizing the settlers' everyday life there. Particular emphasis is made on Catherine II's activity who personally wrote imperial orders regulating conditions of settlers' life in the Volga region, giving them privileges and certain tax exemptions. The article also traces gradual process of integrating the German settlers into the Russian society; the integration almost completes in the late XIX century, with the Germans preserving their everyday life style, language, culture, religion, and acquiring the "Russian German" identity.

Keywords: immigration policy, the German colonists, the Russian Germans, Saratov Colony, Guardianship Office of Foreign.

R.M. Korotkevich

THE SOURCES ON MATERIAL SUPPORT FOR RELIGIOUS SCHOOLS OF MOSCOW DIOCESE AT THE END OF XVIII CENTURY

The article analyzes the process of development and material support for local church schools during Catherine's age. It shows the contribution of Metropolitan Platon into the radical improvement of theological education and strengthening of its material base. Metropolitan instituted the practice of donating of parts of Ivor Chapel's incomes for the needs of his seminaries. Proceedings from the sale of Kolomna bishop's house and the church property of the abolished parish churches

were directed to support the seminaries for their needs. The result of this favorable policy was a flourishing state of Trinity Lavra seminary and other religious schools, which sent the educated graduates to parishes of the Moscow diocese.

Keywords: spiritual laws, Metropolitan Platon, Trinity Lavra seminary, seminary, Platon's seminary, Perervinsky monastery, Iver chapel, Kolomna bishop's house.

M.D. Kovaleva

LOCAL HISTORICAL METHOD IN RESEARCHES OF COUNT S.D. SHEREMETEV OF THE TIME OF TROUBLES AS A NEW APPROACH TO DECIDE THE PROBLEMS OF THE AGE

The purpose of the article is to study the method of “questioning of earth” that is applied by S.D. Sheremetev in his research of the Time of Troubles. The works of S.D. Sheremetev were consistently analyzed, each served as a stage in the ascent to the disclosure of the fate of Tsarevich Dmitry. The author notes that the search of “north traces” helped the count most to come to the main conceptual conclusion that the events occurred in Uglich, Moscow, Tushino, Ryazan, Nizhny Novgorod had depended on material, family and interpersonal relationships. So, the “questioning of earth” has become a demonstration of a new approach to the study of history, which can be defined as a local history in the brackets of modern terminology.

Keywords: S.D. Sheremetev, Tsarevich Dmitry, local history method, Time of Troubles, the monasteries of the Russian north, studies, S.D. Sheremetev.

V.F. Kozlov

STUDIES AND PUBLICATION OF DOCUMENTS ON THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH CULTURAL HERITAGE AND ITS DESTINY IN 1918–1930

Incompleteness of temporary knowledge about the scales and forms of Church destruction in the center and regions prevents the revival of Orthodoxy which makes it necessary to workout researching and publishing programs to identify and explore archival documents of the 1918–1930 years. So the author proposes a plan to publish documents and guides on archival materials: legal documents of authorities at all levels; materials deposited as a result of state control over the activities of religious organizations; a list of documents of all Moscow churches with

the names of documents, sizes and chronological parameters; protocols of the Central State Restoration Workrooms; images of the closed and demolished church monuments. Realization of the program would help identify the gaps in the story of the Orthodox culture destruction and find the ways of its recovery.

Keywords: Russian Orthodox Church in the XX century, the demolition of Orthodox churches, images of demolished churches, control of Soviet power over the Church, Central State Restoration Workrooms, archival materials on the history of the Church.

A.N. Larina

AN ILLUSTRATED POSTCARD: TERMS OF INVESTIGATION

The author reveals postcards as a historic resource and gives main methods of their research. Postcards are considered not just a kind of post correspondence, but also a multi-sided cultural phenomenon. Special attention is given to dating of pre-Revolutionary postcards what could help a wide range of experts.

Keywords: postcards, deltiology, dating, the turn of XIX–XX centuries.

A.V. Melnikov

THE LITTLE KNOWN ARTICLE OF P.N. SAVITSKY «RUSSIAN SCIENTIFIC REGIONAL STUDIES» OF EARLY 1930s

The article of famous eurasist – expat P.N. Savitsky was published in French in 1932 year and in 1934 year was released an enhanced version of that work in Polish. In this collection of articles it is first published in Russian in accordance with an authorized typing from personal archival collection of the scientist stored in the State Archive of Russian Federation. The author explores local history both as a vivid cultural, social phenomenon and as a complex scientific knowledge. The article gives the definition of local history and the overview of its history of XVIII – early XX centuries. Special attention is paid to local history in the USSR as well as the evolution of its organizational structure and activities of significant associations of local history in the 1920s. P.N. Savitsky fully and objectively shows the negative influence of political processes on the nature and content of local historical studies in 1929–1930 years.

Keywords: local history, the Russian scientific local history, history of local historical studies, all-union conferences on regional studies

in 1920-s, “public” and “departmental” local history, P.N. Savitsky, historical science of Russian from abroad.

M.P. Mokhnacheva

REGIONAL AND LOCAL HISTORY IN RUSSIA IN 1991–2005:
SOME CONCLUSIONS AND FUTURE PROSPECTS

The report presents most significant intellectual achievements of the Russian historians in the field of local history for 1991–2005 at the time of radical reconstruction of the Russian historical science, its academic and high school structures, capital and regional communities of the Russian scientists, their scientific interactions with the western historians-regionalists.

Keywords: history, local history, historiography, historical study of local lore, intellectual history, cultural science.

A.M. Pashkov

THE LOCAL HISTORY AT THE END OF XVIII –
THE BEGINNING OF XX CENTURIES AS SOCIAL,
CULTURAL AND HISTORIOGRAPHICAL PHENOMENON
(BY THE EXAMPLE OF KARELIA)

The article takes Russian Karelia as an example to show the development of the local historiography in pre-1917 Russia. The author distinguishes six directions and defines six groups of local historians (state officials, orthodox clergy, teachers, mining engineers, political exiles and ethnic Karelians).

Keywords: Local History, provincial culture, intellectuals, Russian Karelia, historical consciousness.

V.V. Pavlenko

CELEBRATIONS DEDICATED TO 200-YEAR
ANNIVERSARY OF THE POLTAVA BATTLE IN RUSSIA

The present work deals with the grandiose celebrations dedicated to the 200-year anniversary of the Poltava battle, the way they were prepared and held in Russia in 1909. This is the first research that shows on the basis of archives documents and press materials the preparation and the celebration of this remarkable event. The celebrations assumed a national character, with preparations conducted at all levels including

the personal instruction of Emperor Nicholas II and church services. Special attention is paid to the way celebrations in Poltava and on the Poltava battlefield were held.

Keywords: the Poltava Battle, 200-year anniversary, Peter I, Nicholas II, parades, church services, monuments.

V.I. Pervushkin

ARCHEOLOGICAL RESEARCHES OF THE TAMBOV, SARATOV AND PENZA PROVINCES BY SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSIONS

The article deals with the work of Tambov, Saratov and Penza provincial scientific archival commissions on protection of archeological memorials in Russian province in the second half of the XIXth century and the early XXth century. The basic directions and stages are allocated. It shows the positive and negative facts of this process and for the first time presents archival materials on their participation in the search and investigation of the archeological monuments becoming subsequently an object to research of leading scientists of the country. The mechanism of interaction of the scientific archival commissions with local authorities is investigated as well as various social groups, with scientific organizations and institutes of the all-Russian level, that was not submitted in the scientific literature earlier.

Keywords: the Russian province, the provincial scientific archival commissions, the archeology, the archeological monument, the Archeological institute, the Archeological commission, the archeological map of province.

A.I. Razdorsky

HORSE CUSTOMS BOOKS OF XVII–XVIII CENTURIES AS A SOURCE ON STUDYING OF REGIONAL, SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

The article presents the review of horse customs books of XVII–XVIII centuries. Those books are valuable sources on studying of regional social and economic history. This article also shows the level of scrutiny of these historical documents, data on their quantitative, chronological and geographical structure. It gives the data card characteristic and examples of separate articles from books of different cities.

Keywords: regional history, regional economy history, local history, multiple historical sources, customs books, horse trade.

S.O. Schmidt

OPENING SPEECH AT THE FIRST ALL-RUSSIAN
CONGRESS OF REGIONAL HISTORIANS
IN SAINT-PETERSBURG (11–14 SEPTEMBER 2007)

The speech of S.O. Schmidt deals with contemporary problems of the theory and the methodology of historical regional studies and local studies, the state and the vectors of local history movement. Special attention is paid to the study and teaching of local history in the universities, to the definition and the boundaries of “local history” and “regional history”.

Keywords: historical and cultural local studies, regional studies, regional history, local history conferences, the Union of Russian Local Historians.

A.G. Smirnova

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SCHOOL
OF EXCURSION: PETROGRAD INSTITUTE
OF EXCURSIONS (1921–1924)

In the early 1920s years the experience of creating an excursion institute with research character was undertaken (1921–1924) in Petrograd (Leningrad). It was determined by the relevance of excursions both as educational, research method and as a form of educational work in line with general vectors of the development of local history in the “golden decade”. The most outstanding members of Petrograd Institute of excursions I.M. Grevs, B.E. Raikov, N.P. Antsiferov, G.E. Petrie and the others took part in creation and in work of the Institute. The Institute made a significant contribution into the development of theory and methodology of Russian excursions, research and promotion of sightseeing method, cultural and sightseeing potential of Petrograd and its surrounding area, other Russian territories. This work was based on the previous experience of development of Russian excursion school and the activity of this Institute also reckoned with new forms and methods of excursions.

Keywords: Russian school of excursions, doing of excursions, excursion, theme of excursions, technique of excursion, excursion method, the Petrograd Institute of excursions, local history, school excursion, historical and cultural excursion, seminars, I.M. Grevs, N.P. Antsiferov, G.E. Petri, B.E. Raikov.

V.V. Yakimenko

FROM THE HISTORY OF THE BEGINNING OF THE FIRST MOSCOW EPARCHIAL WOMEN'S SCHOOLS

The article is about the history of Moscow diocesan women's colleges. It studies the participation of Moscow Metropolitan Filaret (Drozdov) in organizing of the first eparchial school in 1865 in Haritonevskiy lane as well as the circumstances of the nascence of the second diocesan women's school named the Mariinsky in 1871 year. It gives the analysis of the educational programmes, organization of life, special characteristics of these two schools. It also shows their role in the development of spiritual education which can be described as women's education in Moscow and in Russia.

Keywords: women's religious education, diocesan women's college, Philaret's diocesan women's college, Mariinsky Diocesan Women's College, Moscow Metropolitan Filaret (Drozdov).

N.Yu. Yudina

LOCAL HISTORY IN FINLAND. HISTORICAL AND CULTURAL OVERVIEW

The article provides an overview of the development of regional studies in Finland from XVII to the present. Regarding the historical and cultural context the scientific regional studies founder R. Boldt's activity is described as well as the others and the main associations of regional studies in Finland.

The article is addressed not only to specialists, but to everybody interested in regional studies in Finland.

Keywords: Finnish local history, Robert Boldt, the Finnish local history associations, Finnish local historians, Henrik Gabriel Portan.

Сведения об авторах

Акиншин Александр Николаевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, akinshin55@mail.ru.

Алфёрова Александра Михайловна – главный хранитель Государственного Зеленоградского историко-краеведческого музея, mooglein@yandex.ru.

Баранова Светлана Измаиловна – кандидат искусствоведения, завсектором керамики Московского государственного объединенного музея-заповедника, svetlanbaranova@yandex.ru.

Громов Михаил Николаевич – доктор философских наук, первый проректор Государственной академии славянской культуры, завсектором истории русской философии Института философии Российской академии наук, dr_gromov@mail.ru.

Киор Виктор Борисович – доцент кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета.

Ковалева Марина Дмитриевна – доцент кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, krik-iai@mail.ru.

Козлов Владимир Фотиевич – кандидат исторических наук, профессор, завкафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, председатель Союза краеведов России, krik-iai@mail.ru.

Короткевич Радмила Михайловна – ведущий методист Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова, melikhovo@mail.ru.

Ларина Анна Николаевна – кандидат исторических наук, заместитель заведующего отделом изоизданий Российской государственной библиотеки, anya_larina@mail.ru.

Ласунский Олег Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент, председатель Воронежского историко-культурного общества, член Союза российских писателей, akinshin55@mail.ru.

Мельников Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археографической комиссии Российской академии наук, avserbor@rochta.ru.

Мохначева Марина Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры средневековья и раннего нового времени Российского государственного гуманитарного университета, maridina@yandex.ru.

- Павленко Виктория Викторовна* – заведующая экспозиционно-выставочным отделом Музеев Московского Кремля, pavlenko@kremlin.museum.ru.
- Пашков Александр Михайлович* – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета, pashkov@psu.karelia.ru.
- Первушкин Владимир Иванович* – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, pervishkin@sura.ru.
- Раздорский Алексей Игоревич* – заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, razdor@nlr.ru.
- Смирнова Александра Геннадьевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры москвоведения Российского государственного гуманитарного университета, заместитель председателя Союза краеведов России, aleks-146@mail.ru.
- Чернова Елизавета Леонидовна* – аспирант кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, kraevist@rambler.ru.
- Шмидт Сигурд Оттович* – заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета, академик Российской академии образования, завкафедрой москвоведения Российского государственного гуманитарного университета, советник Российской академии наук, почётный председатель Союза краеведов России, sosch@mail.ru.
- Юдина Наталья Юрьевна* – старший преподаватель факультета дополнительного образования Государственной академии славянской культуры, lonta@list.ru.
- Якименко Вера Владимировна* – преподаватель кафедры теологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, yakimenkovera@mail.ru.

General data about the authors

Akinshin Alexander N. – Ph.D. (in history), professor of the Russian History Department of Voronezh State University, akinshin55@mail.ru.

Alfyorova Alexandra M. – principal custodian of the State Zelenograd Museum of Local History, moorlein@yandex.ru.

Baranova Svetlana I. – Ph.D. (in art history), chief of the Ceramics Department of the Moscow State United Museum-Reserve, svetlanbaranova@yandex.ru.

Chernova Elizaveta L. – postgraduate student of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, kraevist@rambler.ru.

Gromov Mikhail N. – doctor of philosophy, the first prorektor of State Academy of Slavic Culture, head of the Department of Russian Philosophy History of Russian Philosophy Institute of Russian Academy of Sciences, dr_gromov@mail.ru.

Kior Victor B. – associate professor of the Department of World Politics and International Relations of Russian State University for the Humanities.

Kovaleva Marina D. – associate professor of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, krik-iai@mail.ru.

Kozlov Vladimir F. – Ph.D. (in history), chief of the Regional and Local History Department of Russian State University for the Humanities, chief of the Union of Russian Local Historians, krik-iai@mail.ru.

Korotkevich Radmila M. – lead methodist of the State Literary and Memorial Museum-Reserve of A.P. Chekhov, melikhovo@mail.ru.

Larina Anna N. – Ph.D. (in history), assistant of head of the Graphic's Department of the Russian State Library, anya_larina@mail.ru.

Lasunsky Oleg G. – Ph.D. (in philology), associate professor, chief of Voronezh Historical and Cultural Society, member of Union of Russian Writers, akinshin55@mail.ru.

Melnikov Andrey V. – Ph.D. (in history), senior research assistant of the Archeographic Commission of Russian Academy of Sciences, avserbor@pochta.ru.

Mokhnacheva Marina P. – doctor of history, professor of the Middle Ages and Early Modern History Department of Russian State University for the Humanities, maridina@yandex.ru.

Pashkov Alexander M. – Ph.D. (in history), associate professor, head of the Department of the pre-1917 Russian History of Petrozavodsk State University, pashkov@psu.karelia.ru.

- Pavlenko Victoria V.* – head of the Exhibitions Department of the Moscow Kremlin Museums, pavlenko@kremlin.museum.ru.
- Pervushkin Vladimir I.* – the doctor of history, professor of the Department of Russian Contemporary History and of Local History of Penza State Pedagogical University of V.G. Belinskiy, pervushkin@sura.ru.
- Razdorsky Alexey I.* – grouphead of the Historical Bibliography of the Russian National Library, razdor@nlr.ru.
- Schmidt Sigurd O.* – merited professor of Russian State University for the Humanities, academician of Russian Academy of Education, chief of the Moscow History Department of Russian State University for the Humanities, adviser of Russian Academy of Sciences, honorable chief of the Union of Russian Local Historians, sosch@mail.ru.
- Smirnova Alexandra G.* – PhD. (in history), associate professor of the Moscow History Department of Russian State University for the Humanities, assistant of the head of the Union of Russian Local Historians, aleks-146@mail.ru.
- Yakimenko Vera V.* – lecturer of the Theology Department of Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, yakimenkovera@mail.ru.
- Yudina Natalya Yu.* – senior lecturer of the Additional Education Department of State Academy of Slavic Culture, lonta@list.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 44

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru